8974

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

633(0)4(2Ук-4Кр)
И-90

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Сборник научных трудов

8974

СИМФЕРОПОЛЬ
«ТАВРИЯ»
1993

ББК 63.3(0)4(2Ук—4Крм)
И 907

Выпущено по заказу
Бахчисарайского государственного
историко-культурного заповедника

Редактор-составитель Ю. М. Могаричев

История и археология Юго-Западного Крыма: Сб. науч. трудов Бахчисарайского гос. ист.-культ. зап. (Ред. — сост. Ю. М. Могаричев. — Симферополь: Таврия, 1993. — 402 с.; ил. 102.
ISBN 5-7780-0670-5

И $\frac{0503020302—046}{M216(04)—93}$ Заказ.

ББК 6373(04)(2Ук—4Крм)

ISBN 5-7780-0670-5

© Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник, 1993

И.Н.Храпунов

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема, обозначенная в названии статьи, давно обсуждается археологами. Первое осмысление недавно открытых памятников кизил-кобинской культуры привело Г.А.Бонч-Осмоловского к мысли о ее принадлежности таврам (Бонч-Осмоловский 1926, с.93). Позднее эта идея нашла поддержку у многих исследователей, оперировавших гораздо более значительным археологическим материалом. Однако уже в 1930-е гг. В.Н.Дьяков, отметив противоречия между данными археологии и сведениями письменных источников, предположил, что кизил-кобинская культура таврам не принадлежала (Дьяков 1939, с.80). Эта точка зрения также имеет сторонников, предложивших в ее поддержку новые аргументы. Дискуссия об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры подробно освещалась в печати (Лесков 1965, с.10, 12; Крис 1981, с.6-7; Колотухин 1985, с.34-35; 1987, с.6-7, 1990, с.93-94), поэтому ограничимся лишь конспективным изложением аргументов сторонников обеих гипотез. Авторы, признающие кизил-кобинскую культуру таврской, обычно опираются на следующие факты. 1. Безусловно таврские могильники из каменных ящиков, расположенные на Главной гряде Крымских гор и на Южном берегу Крыма, датируются VI-V вв. до н.э., кизил-кобинские памятники в предгорьях - IX-III вв. до н.э. Следовательно, хронологически культура, представленная каменными ящиками, соответствует одному из этапов кизил-кобинской культуры. 2. В нарративных и эпиграфических источниках, относящихся ко времени более раннему, чем II в. до н.э., не содержится упоминания об ином, кроме тавров, народе, населяющем Крымские горы и предгорья. 3. Практически все типы вещей, обнаруженные в таврских каменных ящиках, найдены также при раскопках кизил-кобинских поселений и могильников.

Те исследователи, которые считают, что кизил-кобинская культура оставлена неким народом, этноним которого не сох-

ранился в письменных источниках, обычно приводят следующие аргументы. I. Данные археологии, согласно которым кизил-кобинцы были земледельцами и скотоводами, не соответствуют свидетельствам письменных источников, где тавры представлены как грабители и пираты. 2. Безусловно, существуют отличия в конструкции погребальных сооружений и в погребальном обряде населения предгорий с одной стороны и населения Главной гряды Крымских гор и Южного берега Крыма с другой. Материалы из раскопок кизил-кобинских поселений сравнить практически не с чем, так как исследовано только одно всеми признанное таврское поселение - на горе Кошка в Симеизе (Шульц 1957). 3. В таврских могильниках отсутствует самый яркий признак кизил-кобинской культуры - лощеная керамика с врезным орнаментом.

Заметим сразу, что последний аргумент можно не принимать во внимание, т.к. керамика с врезным орнаментом обнаружена вокруг таврских каменных ящиков, представляя собой, вероятно, остатки тризны (Колотухин 1985, с.43). Ее отсутствие в могилах объясняется, очевидно, какими-то локальными нормами погребального обряда.

Предложены "компромиссные" решения обозначенной выше проблемы. В частности, генезис кизил-кобинской культуры связывается с таврами и еще одним этническим компонентом, идентифицировать который не удается (Ольховский 1982, с.76).

Аргументы сторонников обеих гипотез об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры кажутся основательными и обосновываются твердо установленными фактами. Однако факты эти на первый взгляд противоречат друг другу, и потому выводы делаются прямо противоположные.

Безусловно, тенденция считать кизил-кобинскую культуру таврской сейчас господствует в науке. Однако тем, кто придерживается этой точки зрения, нельзя игнорировать различия между горными и предгорными памятниками. Они проявляются в конструкциях каменных ящиков, в меньшем количестве погребенных в одной могиле и в наличии индивидуальных погребений в предгорьях, в более разнообразном ассортименте погребального инвентаря в этом регионе, а также в почти полном отсутствии долговременных поселений на Главной гряде, в то время как в пределах Внешней и Внутренней гряд Крымских гор их открыты десятки.

В данной работе предпринята попытка согласовать все имеющиеся данные в рамках одной гипотезы. Для этого требуется обратиться к дефиниции "хозяйственно-культурный тип", широко используемой в этнографии и, отчасти, в археологии[I]. Под хозяйственно-культурным типом понимают обычно определенный комплекс особенностей хозяйства и культуры вне связи с этническими особенностями создателей этого комплекса (Левин, Чебоксаров 1955, с.4,7).

Формирование различных хозяйственно-культурных типов зависит, главным образом, от природно-географических условий обитания и уровня социально-экономического развития этносов. Отмечены многочисленные примеры, когда в зоне расселения одного этноса складываются разные хозяйственно-культурные типы, и, как следствие, особенности материальной культуры (Арутюнов 1989, с.42-43). При этом сохраняются социальные и кровнородственные связи, потестарная организация, общность этнического самосознания, закрепленная в этнониме.

Археологически обычно улавливаются особенности материальной культуры, все остальные не менее важные для жизни этноса факторы, как правило, не фиксируются. Поэтому многие исследователи считают принципиально невозможным отождествлять понятия этнос и археологическая культура. Во всяком случае, такое совпадение является достаточно редким исключением (Арутюнов, Хазанов 1979, с.85).

Даже целый культурный комплекс редко соответствует этническим границам, тем более это верно по отношению к отдельным элементам археологической культуры вроде погребального обряда или керамики (Арутюнов, Хазанов 1979[б], с.142). Напротив, хозяйственно-культурный тип, по определению, неотделим от культуры населения того или иного региона. Поэтому археологические памятники, представляющие собой совокупность остатков древней культуры, часто позволяют реконструировать хозяйственно-культурный тип оставившего их населения.

Все эти теоретические рассуждения можно попробовать применить к конкретному археологическому материалу.

Племена - носители кизил-кобинской культуры занимались,

[I] См. удачный образец использования достижений этнологии применительно к археологическому материалу. (Мошкова 1983).

по всей вероятности, мотыжным земледелием и пастушеским скотоводством. С таким заключением согласны все исследователи (Шульц I959, с.264; Лесков I965, с.I69-I70). При этом они основываются на топографии кизил-кобинских поселений, наличии на каждом поселении зерновых ям и вкладышей для серпов, множестве остеологических и некоторых палеоботанических находок. В вопросе хозяйственной деятельности людей, оставивших в Крымских горах могильники из каменных ящиков, ясности гораздо меньше. Обычно, учитывая замечания Псевдо-Скимна о том, что: "Тавры... любят кочевую жизнь в горах" (*Ps.-Scymn.*, 831-832), и природные условия Главной гряды Крымских гор и Южного берега Крыма, где занятие земледелием крайне затруднено, а также почти полное отсутствие долговременных поселений, исследователи полагают, что тавры занимались, главным образом, отгонным скотоводством (Лесков I965, с.I67-I68; Шульц I959, с.265). Если привлечь данные письменных источников (*Her.*, IУ,I03; *Strabo*, УП,4,2), то придется признать, что какую-то (но какую именно не известно) роль в хозяйстве играло пиратство. (Брашинский I973, с.I29).

Суммируя сказанное выше, можно прийти к следующему заключению. Тавры - этнос, сформировавшийся путем консолидации части племен, населявших Крым в эпоху поздней бронзы (Колотухин I990, с.I08), - поначалу концентрировались в предгорном Крыму, занимаясь земледелием и пастушеским скотоводством. В УI в. до н.э. некоторые таврские племена переселились в горы и на Южный берег Крыма, где в их среде сформировался хозяйственно-культурный тип, связанный с отгонно-пастбищным скотоводством и, возможно, пиратством. Различия в хозяйственной деятельности и некоторая территориальная обособленность привели к формированию особенностей в материальной и духовной культуре. Таким образом, в УI-У вв. до н.э. тавры были разделены на две субэтнические группы, соответствующие двум хозяйственно-культурным типам.

В IУ в. до н.э. произошел обратный отток населения в предгорья и новая консолидация таврских племен на базе оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства. Это заключение основано на том обстоятельстве, что в горах и на Южном берегу Крыма нет погребений, относящихся ко времени более позднему,

чем У в. до н.э. В предгорьях многие поселения продолжают существовать в IУ-Ш вв. до н.э.

На границе степей и предгорий, а также на Керченском полуострове в УI-IУ вв. до н.э., вероятно,шел процесс метисации тавров - носителей кизил-кобинской культуры и скифов, что нашло отражение в ряде погребений, сочетающих скифские и таврские черты поминально-погребальной обрядности (Ольховский I982, с.72-73; Ольховский I990, с.34-36). Помимо памятников, названных В.С.Ольховским, к их числу можно отнести впускные погребения в курганах на некрополе Тиритаки (Безсонова I972) и у с.Гришино в Центральном Крыму (Вдовиченко, Колтухов I986). При этом следует отметить, что цепочка скифо-кизил-кобинских погребений протянулась вдоль всей зоны контактов скифов и тавров от Керченского полуострова до Западного побережья Крыма, довольно точно совпадая с северной границей расселения тавров, намеченной Геродотом (*Her.*, IУ, 99). Судя по результатам раскопок Ак-Ташского могильника, на Керченском полуострове этот процесс завершился ассимиляцией скифами некоторых групп тавров (Бессонова и др. I988, с.I0I-I04; Покас и др. I988, с.I34-I44).

Небольшая часть тавров попала в число жителей античных городов, особенно в начальный период существования полисов, где ассимилировалась греками (Щеглов I98I, с.2II; Кутайсов I987, с.37; Колотухин I988, с.I7).

Таврами (и никак иначе) греки называли жителей Крымских гор и предгорий. Неоднократно исследователи обращали внимание на упоминание Геродотом "царей тавров" (*Her.*, IУ,I02) и замечание Аммиана Марцеллина: "... Разделенные на различные царства тавры, между которыми особенно страшны своей чрезмерной грубостью Арихи, Синхи, и Напеи" (ХХП,8,33).

На этом основании делался вывод об этнической неоднородности тавров, о том, что они были, по всей вероятности, разделены на различные племена (Шульц I959, с.236-237,265). В целом такое заключение не вызывает возражений. Однако в этой связи следует подчеркнуть, что этнографы для всего племенного мира фиксируют "этническую текучесть", слабую дискретность племен по многим важнейшим этническим показателям, легкость перехода родов и других групп людей из одного племени

в другое. (Арутюнов, Хазанов 1979а, с.83). Культурные процессы (тем более в материальной культуре) гораздо менее динамичны, чем этнические. Можно даже сказать, что общность культуры создает возможность для безболезненных этнических трасформаций (Арутюнов 1989, с.44). Не следует забывать и о том, что деление на племена отнюдь не универсально для первобытности. Возможно, племенная структура возникает только в результате контактов первобытной периферии с классовыми обществами (Хазанов 1975, с.124; Арутюнов 1989, с.43-44). Поэтому вряд ли перспективны попытки локализовать таврские племена археологическими методами.

Исходя из уровня нынешний знаний, правильно будет называть население Горного и предгорного Крыма IX-III вв. до н.э. так, как их называли древние греки - таврами.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. -М.: Наука, 1989.

Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ.-1979а.-№ 6.

Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблемы соотношения // Проблемы типологии в этнографии.-М.: Наука, 1979б.

Безсонова С.С. Таврське поховання з некрополю ТІрІтаки // АрхеологІчнІ дослІдження на УкраІнІ.-КиІв: Наукова Думка, 1972.- Вип.IУ.

Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в восточном Крыму.- Киев: Наукова Думка, 1988.

Бонч-Осмоловский Г.А. Доисторические культуры Крыма // Крым.- 1926.- № 2.

Брашинский И.Б. Понтийское пиратство // ВДИ.- 1973.- № 3.

Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Курган скифского времени в северном Крыму // СА.- 1986.- № 2.

Дьяков В.Н. Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ.- 1939.- № 3.

Колотухин В.А. К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре // СА.- 1985.- № 2.

Колотухин В.А. Население предгорного и горного Крыма в УП-У вв. до н.э. // Материалы к этнической истории Крыма.- Киев: Наукова Думка, 1987.

Колотухин В.А. Население предгорного и горного Крыма в конце П - первой половине I тысячелетия до нашей эры. Автореф. дисс...канд. ист.наук.- Киев, 1988.

Колотухин В.А. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования // СА.-1990.- № 3.

Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ.- 1981.- Вып. Д I-7.

Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма.- Киев: Наукова Думка, 1987.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ.- 1955.- № 4.

Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. - Киев: Наукова Думка, 1965.

Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов.- Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983.

Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982.- № 4.

Ольховский В.С. До етнІчноІ ІсторІІ давнього Криму // АрхеологІя.- 1990.- № I.

Покас П.М., Назарова Т.А., Дьяченко В.Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в восточном Крыму.- Киев: Наукова Думка, 1988.

Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество.- М.: Наука, 1975.

Шульц П.Н. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму // КСИА АН УССР.- 1957.- Вып.7.

Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории тавров // Пробле-

мы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.- М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Щеглов А.Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации.- Тбилиси: Мецниереба, 1981.

А.Н.Щеглов

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ АНТИЧНОЙ МЕЖЕВОЙ СИСТЕМЫ НА МАЯЧНОМ ПОЛУОСТРОВЕ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

Памяти Н.М.Печенкина
и акад. М.И.Ростовцева

I. Общие замечания

Маячный (он же Херсонесский) полуостров находится в северо-западной части Гераклейского полуострова в Юго-Западном Крыму. Его западная оконечность - мыс Херсонес является крайней юго-западной точкой Крыма. По совпадающим свидетельствам Страбона (УП,4,2), Мелы (П,I), Плиния (IУ,25,86) и Птолемея (Ш,6,2) этот мыс в древности носил название Парфений. Значительно позднее он получил название Фанари, вероятно, по возведенному на нем маяку, руины которого сохранялись еще в конце ХУШ в. и были описаны Палласом.

Маячный полуостров (рис.I) отделен от остальной части Гераклейского полуострова глубоко врезанной в берег с севера узкой Казачьей бухтой. Между ее вершиной и морем образован перешеек шириной всего 760 м. Перед перешейком лежит глубокая балочная лощина, а сам он имеет возвышенный характер, приподнятый над уровнем моря до 20-30 м, и господствует не только над всей территорией Маячного полуострова, но и над прилегающей частью Гераклейского. Со стороны моря перешеек неприступен, так как здесь он ограничен совершенно отвесным скалистым обрывом тридцатиметровой высоты.

Выгодное стратегическое положение перешейка очевидно. Оно

и было использовано в древности. Поперек перешейка были возведены две крепостные стены с башнями, которые образовали укрепление, обращенное фронтом на юго-восток и восток - в сторону постепенно повышающегося в том же направлении полого-волнистого плато Гераклейского полуострова. С наиболее высокой точки укрепления, расположенной в его южной части, просматривалось значительное пространство, вплоть до окраин полуострова - Каранских высот и Сапун-горы; в это поле попадал и город Херсонес, отстоявший на 8,5 км по прямой к северо-востоку.

Древнее укрепление на перешейке Маячного полуострова достаточно определенно отождествляется с пунктом, который у Страбона (УП,4,2) назван "древним" (или "старым") Херсонесом, лежащим в развалинах, или, по другому переводу (Штерн I908, с.3I-32; Жебелев I935, с.40), - разрушенном до основания. Предполагается, что эта часть описания Страбона восходит к периплу Артемидора Эфесского (Ростовцев I9I4, с.374). Вместе с тем, другой пассаж античного географа (УП,4,7), почерпнутый из иного источника, скорее всего местного происхождения, не позволяет исключать вполне допустимую локализацию где-то в данном районе гавани Ктенунт, которая находилась в I5 стадиях от некоего "укрепления херсонесцев". Разумеется, в использованном Страбоном рассказе, который относится к митридатовскому времени, речь могла идти и о другой приморской херсонесской крепости у одной из бухт северного побережья Гераклейского полуострова. Но следов другого более или менее крупного прибрежного укрепления, построенного в домитридатовский период, в указанном районе не обнаружено.

Укрепление на перешейке Маячного полуострова было возведено, очевидно, не позднее конца первой - начала второй четверти IУ в. до н.э. (Щеглов I986, с.I57). Оно полностью запирало доступ на полуостров с его плодородной, но каменистой землей. Вся территория полуострова была поделена на земельные участки. Крепость, изолированная ею межевая система и остатки сельских домов, разбросанные по полуострову, образуют единую археологическую структуру, редчайшую по своей информативности.

В предлагаемой работе рассматривается только одна часть

этой структуры - межевая система. При этом ставится задача выделить ее главные начальные (каркасные) элементы, т.е. установить основной принцип межевания.

На особое значение комплекса памятников Маячного полуострова для изучения аграрного устройства не только античного Херсонеса, но и других греческих образований как собственно в Греции, так и во всем средиземноморско-черноморском ареале расселения греков, первым обратил внимание М.И.Ростовцев. Это было связано с разведками и раскопками Н.М.Печенкина, начатыми на полуострове в 1910 (Печенкин 1911) и продолженными в 1911 г., результаты которых Ростовцев сразу определил как крупное научное открытие.

В своем дневнике Печенкин отметил, что 24 августа 1911 г. Маячный полуостров посетили М.И.Ростовцев и Р.Х.Лепер для осмотра раскопок и заключения на местности. Далее он записал: "По мнению М.И. наше поселение представляет выдающийся памятник, изучение которого открывает новые горизонты, освещающие гражданскую сельскохозяйственную жизнь древних греков. Перед нами настоящая, не искаженная поздними изменениями древнегреческая клерухия Херсонеса, существовавшая с 4 по 2 в. до Р.Х. Представляется возможность выяснить размеры земельных наделов, не говоря о возможности уяснить жизненную обстановку греков" (Архив ИИМК, ф.27, д.5, л.30).

Высокая оценка, данная Ростовцевым работам Печенкина, нашла отражение как в научной печати (подробнее см.: Стржелецкий 1961, с.18; *Minns* 1913, p.495-496), так и в нескольких газетных статьях, в частности, в "Правительственном вестнике". Но и само открытие, и сформулированная Ростовцевым научная программа надолго опередили свое время. Исследования Печенкина не получили развития. Сначала не было денег (этот артиллерийский подполковник раскопки и разведки вел за свой счет). Результаты незавершенных работ 1911 г. остались неопубликованными. Два с половиной года спустя началась первая мировая война. И хотя Печенкин не оставлял мысли о продолжении изучения всей системы памятников на полуострове еще и в 1916 г., вернуться к исследованиям ему так и не удалось.

Долгое время территория Маячного полуострова, находившаяся в ведении военного ведомства, была закрытой зоной, недоступной для археологических изысканий. Поэтому С.Ф.Стржелецкий, проводя натурные обмеры остатков древнего межевания в северной части Гераклейского полуострова в 1950-1956 гг., не смог на нее попасть. В своей классической работе о земледельческой округе Херсонеса на Гераклейском полуострове он, рассматривая организацию пространства на Маячном полуострове, вынужден был опираться только на статью и архивные материалы Печенкина (Стржелецкий 1961, с.29-43). И хотя некоторые важные архивные документы (чертежи и фотографии) им не были обнаружены, он очень продуктивно использовал весьма точные наблюдения и выводы своего предшественника.

Только с 1960 г. открылась возможность возобновить на Маячном полуострове начатую Печенкиным натурную фиксацию остатков древнего землеустройства. Последующее привлечение материалов аэрофотосъемки значительно расширило информационную базу для выявления и анализа античной пространственно-планировочной структуры на полуострове даже на тех участках, где она оказалась разрушенной, или была недоступна для обмеров и топосъемки.

Надо сказать, что в то время, когда Печенкин приступил к изучению древностей на Маячном полуострове, т.е. более 80 лет назад, остатки древнегреческого землеустройства по своей сохранности были уникальны для всего средиземноморско-черноморского греческого мира (то же относится ко всему Гераклейскому полуострову). Это был единственный пример полностью сохранившейся до нового времени и видимой невооруженным глазом на поверхности земли пространственной организации замкнутой в строгих границах сельскохозяйственной территории. В настоящее время этот выдающийся и эталонный памятник мировой культуры практически полностью уничтожен.

Ростовцев был совершенно прав в своей оценке значения этого комплекса памятников как источника, изучение которого должно открыть новое направление в классической археологии. Так в дальнейшем и произошло. Аграрная археология, изучение устройства территории (хоры) греческих полисов, проблема соотношения двух основных составляющих греческой пространственной структуры - города и территории (проблема "полис - хора") - с начала 60-х гг. в античной археологии Причерноморья,а с

конца того же десятилетия и в археологии Средиземноморья, сформировались в самостоятельное и ведущее направление.

Для изучения пространственной организации хоры несомненным толчком послужили работы Стржелецкого (1951; 1957; 1961) и инспирированная ими книга Блаватского (1953). Вслед за открытием и изучением греческих регулярных систем межевания в Крыму следы подобных систем (кадастров) были обнаружены с помощью аэрофотосъемки и в Западном Средиземноморье - в Южной Италии и на юге Франции (*Schmiedt , Chevallier* 1960, p.14-28; *Adamesteanu* 1967, p.25-27; 1983, p.73-86; *Clavel-Lévêque* 1982, p.21-28). Но и сейчас более детально изученные памятники аграрного устройства в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму, в том числе и межевая система на Маячном полуострове, должны рассматриваться как эталонные.

Публикуемая часть материалов и результатов изучения межевой системы на Маячном полуострове является необходимым продолжением инициированных Ростовцевым и начатых Печенкиным изысканий. Остальные материалы, связанные с изучением археологической структуры на полуострове, а также вопросы хронологии и датировки комплекса памятников "старого" Херсонеса предполагается рассмотреть отдельно.

2. Фиксация межевой системы и публикации планов

Античная регулярная дорожная сеть на Маячном полуострове впервые была нанесена на "План развалинам древнего Херсона", снятый в 1786 г. по указанию таврического вице-губернатора К.И.Габлица. Этот план (а если говорить точно - крупномасштабная карта Гераклейского полуострова) особенно интересен для истории науки и истории картографии. По сути дела он является первой в России специальной археолого-топографической картой, составленной с высокой степенью точности.

В 1822 г. уменьшенную копию указанной карты издал митрополит Евгений (Болховитинов) в "Отечественных записках" № 22. А.Л.Бертье-Делагард (1893, с.6, прим.3) считал, что она была скопирована с подлинника, который составил А.Строков или Стрелов, и который хранился в музее Одесского Общества истории

и древностей. Эту версию принял В.Д.Блаватский (1953, с.36-37). Спустя 130 лет он опубликовал карту вторично (там же, с.38, рис.13) и тем самым ввел ее в современный научный оборот. С тех пор "план Строкова" постоянно используется в новейших работах в качестве классического примера регулярной пространственно-планировочной организации сельской территории греческого города.

Мне известно несколько повторений карты 1786 г., сделанных разными лицами и в разное время. Кроме опубликованной Болховитиновым и Блаватским копии (рис.3,1), к ним относятся следующие экземпляры.

1. Копия плана Строкова (рис.2), хранящаяся в Херсонесском историко-археологическом заповеднике (Архив ГХИАЗ, № 182). Она, по-видимому, была снята не позднее начала XX в. с находившегося в Одессе подлинника, который пропал во время второй мировой войны. Этой копией пользовался Л.А.Моисеев (1926, с.116), считавший, что карту сделал неизвестный автор (возможно, работавший в Крыму по указанию Потемкина военный инженер Бальдани).

2. Оригинал, вычерченный Попелевым (или Пепелевым) и подписанный Габлицем (рис.3,2). Он недавно обнаружен И.В.Тункиной в Центральном Военно-историческом архиве в Москве (ф. ВУА, д.22741)[1]. Вполне вероятно, что это основной экземпляр карты, поскольку он несет собственную подпись вице-губернатора.

3. Гравированная Прохоровым в 1832 г. уменьшенная копия плана 1786 г. (рис.3,3), два оттиска которой хранятся в Центральном Военно-морском архиве в Санкт-Петербурге (ф.1331, оп.1, № 191, д.627). Карта выполнена на другой топооснове и предназначалась для какого-то издания, где должна была идти под номером У.

Сличение карт между собой позволяет заключить, что "план Строкова", изданный в 1822 г. и переизданный Блаватским, в действительности является уменьшенной копией карты Пепелева (Попелева), завизированной Габлицем. А копия плана, составленного Строковым, была впервые опубликована Стржелецким

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить И.В.Тункину за предоставленную информацию и право на ее использование.

(1961, рис.1). В изображении древних "дорог-улиц" на территории Маячного полуострова есть небольшие различия, но основная планировочная схема отражена достаточно точно.

Второй схематический план древних дорог и следов стен на Маячном полуострове составили в 1794 г. Паллас и Кларк. Он помещен последним в своей книге (*Clarke* 1810, p.566). Информативность схемы низка.

Третья карта полуверстового масштаба (1:21000) с нанесением следов древней межевой системы была напечатана Генеральным штабом по мензульной съемке 1886 г., т.е. ровно через 100 лет после первой (рис.4). Для истории картографии и археологии она тоже особенно примечательна. Из всех новейших для того времени крупномасштабных военно-топографических карт европейской части Российской империи, съемка которых началась в 1870 г. (Салищев 1990, с.350), археологическая, причем весьма специфичная ситуация нашла отражение только на двух листах, на которых поместилась лишь западная часть Гераклейского полуострова. Этот уникальный случай произошел благодаря инициативе Бертье-Делагарда, который попросил военного топографа Тяпина нанести в процессе съемки на карту видимые на поверхности древние стены (Архив ИИМК, ф.27, д.1, л.17-18; Стржелецкий 1961, с.15).

Бертье-Делагард, посылая Печенкину выкопировку изображения Маячного полуострова в 1911 г., писал, что карта Генштаба требует профессиональной проверки и корректировки на местности археологом, так как топограф был несведущ в археологии и давал только примерное направление остатков древних стен (Архив ИИМК, ф.27, д.4, л.17-18; копия фрагмента карты: л.23). Карта в показании древних стен и дорог действительно содержит много ошибок.

Стржелецкий показал (1961, с.29-30, рис.2), что именно эта карта ("карта Тяпина") была использована в качестве топоосновы для специального археологического плана Маячного полуострова, составленного Печенкиным в 1910 г. (рис.5). План этот был изначально не точен. Тем не менее именно он, опубликованный составителем (Печенкин 1911, табл.Ш), начиная с конца 50-х гг. и по настоящее время фигурирует в работах, касающихся пространственной организации сельской территории (Белов 1948, с.36, рис.5; Блаватский 1953, с.42, рис.15; 1961, с.31, рис.5; Гайдукевич 1955, с.49, рис.18; Стржелецкий 1961, рис.2а; *Wansowicz* 1967, p.746, *fig.*1; 1969, p.91, *fig.* 7; 1972, p.203, *fig.* 2; 1982, p.207, *fig.*161; *La città e il suo territorio* 1968, *tabl.*III; *Pečírka* 1968, *fig.* 2; 1970, *fig.* 2; *Dufková*, *Pečírka* 1970, p.130, *fig.* 1; *Ward-Perkins* 1974, *fig.*37; *Ščeglov* 1980, *fig.* 6).

Из двух архивных калек Печенкина, хранящихся в ИИМК (ф.27, д.8, л.2-3), Стржелецкий составил другой план (1961, рис.26), который не привлек внимания, хотя он более точен, чем план 1910 г. Архивные кальки представляют собой карандашные схемы, выполненные в масштабе 1:8400, т.е. 100 сажен в дюйме. Судя по авторским пометкам (рис.6), они служили черновиками для корректировки "карты Тяпина", начатой в 1911 г., т.е. после получения указанных выше разъяснений Бертье-Делагарда. Работа эта не была закончена. В 1912 г. Печенкин предполагал сделать новую съемку полуострова и даже договорился с топографом, но осуществить замысел не смог.

Есть еще один важный документ. По рекомендации Ростовцева Печенкин в 1911 г. поручил архитектору С.С.Некрасову выполнить первые натурные обмеры земельных участков на западном побережье полуострова в районе раскапываемого сельского дома № 4. Этот план, считавшийся утраченным (Стржелецкий 1961, с.30-31), разыскан мною в Архиве ИИМК (Р-I, № 78, л.9). На нем в масштабе 1:1000 показаны три равных по площади (по 4 га) смежных земельных участка (рис.7,1). Каждый участок имел усадьбу, из которых одна (дом 4) раскопана, а размеры двух других установлены по выступавшим на поверхность кладкам наружных стен.

План снимался без инструментальной выверки углов, что привело к искажению формы участков. В действительности они имели не прямоугольную форму плана, а косоугольную (рис.7,2). Сделанные мною повторный обмер и проверка по аэроснимку показали, что кроме этой ошибки, съемка Некрасова была выполнена с высокой точностью.

Описанный чертеж - первый в археологии пример фиксации нового класса памятников. Сделав натурные обмеры и картографи-

ческий анализ Печенкин впервые в античной археологии смог выделить греческий стандартный земельный участок. Среднюю площадь таких "типовых" участков он определил около 10000 кв.сажен, т.е., около 4,5 га (Архив ИИМК, ф.27, д.14, л.6-7. Ср.: Стржелецкий 1961, с.31). Таким образом, уже в 1911 г. он выполнил задачу, тогда же поставленную Ростовцевым.

Спустя 20 лет в экспедиции К.Э.Гриневича, которая искала остатки затопленного морем города в районе мыса Херсонес, архитектором П.С.Касаткиным составлен еще один план группы земельных участков со следами построек на территории, прилегающей к Херсонесскому мысу (Гриневич 1931, с.17, табл.2). Изданный без масштаба план (рис.8) содержит те же самые ошибки в определении углов, что и описанный выше. В остальном он почти точен (ср.: рис.15).

Выше уже говорилось, что несколько десятилетий доступ археологам на полуостров был закрыт. Только в 1960 г. С.Ф.Стржелецкий и я на него попали. После обхода территории была выбрана для обмеров наиболее сохранившаяся группа земельных участков в южной части полуострова. В обмерах первой группы участков, проводившихся с помощью землемерной ленты в масштабе 1:1000, мне помогла Г.М.Кутыкина (Николаенко). В 1964-1967 гг. удалось расширить натурную фиксацию в северном направлении и сделать повторные обмеры участков, снимавшихся ранее Печенкиным и Гриневичем. Тогда же впервые были проведены анализ материалов мелкомасштабной аэрофотосъемки 1956 г. и сверка их с обмерами и крупномасштабными топографическими картами. Схемы-планы южной части полуострова, прилегающей к укреплению на перешейке, опубликованы (*Ščeglov* 1980, *fig.*7; Щеглов 1984, с.119, табл.XXI,1).

В 1977-1979 гг. мною было выполнено археологическое дешифрирование материалов плановой аэрофотосъемки 1961 г. Последняя делалась крупноформатной камерой; масштаб снимков - около 1:14000. Анализ велся по отпечаткам, приведенным к масштабам 1:2880, 1:5000, 1:10000, и сопоставлялся с чертежами натурных обмеров. В дешифрировании снимков масштаба 1:2880 мне помогал топограф К.В.Шишкин, который провел контрольную сверку демаскирующих древние стены линейных элементов.

Отраженные на плановой аэросъемке 1961 г. остатки и следы античной межевой системы на Маячном и Гераклейском полуостровах - наиболее полная и строгая фиксация, информационные возможности которой на порядок превышают данные натурных обмеров и съемок.

В 1979 г. Шишкин по материалам той же съемки дешифрировал древнюю дорожную сеть на Маячном и Гераклейском полуостровах, дав при этом собственную сплошную нумерацию земельным участкам, заключенным между дорогами. На Маячном полуострове он выделил 26 таких участков (рис.9), как будет показано ниже - ошибочно. То же количество участков и их нумерация сохранены на изданной И.Т.Кругликовой (1981, с.11, рис.1) безмасштабной схеме, основанной на плане Шишкина. Но сама конфигурация дорожной сети на Маячном полуострове искажена, так как автор просто повторила план Печенкина 1910 г. Более точно отражено направление планировочных осей на безмасштабной схеме Г.М.Николаенко (1985, с.12, рис.1), тоже составленной по аэроснимкам. Однако ее схема почти не несет полезной информации о структуре пространственно-планировочной системы. Автор исходила не из анализа фактического материала (снимков), а просто приняла на веру ошибочный вывод Е.Н.Жеребцова о величине земельных наделов на Маячном полуострове (там же, с.13).

Последние полевые исследования межевой системы на полуострове проводились севастопольским краеведом Жеребцовым в 1969-1983 гг. Им сделаны детальные обмеры нескольких участков в южной части полуострова, в т.ч. повторившие мои прежние съемки. Обмеры выполнены профессионально, причем автор значительно усовершенствовал метод отображения на чертежах линейных элементов разного типа. К сожалению, планы им опубликованы без масштаба (Жеребцов 1985, с.38-45, рис.2-5). В качестве топоосновы, по-видимому, использована крупномасштабная карта. Об этом можно судить по некоторым ошибкам в нанесении на планы отдельных стен и их направлений.

Свои наблюдения Жеребцов отразил на безмасштабном схем-плане, который является несколько видоизмененным объединением отмеченных выше схем-планов Шишкина и Кругликовой (Жеребцов 1985, с.39, рис.1). Он пришел к заключению, что вывод Печенкина о величине стандартного земельного участка,

который был принят Стржелецким и другими (в том числе и мною), неверен. По представлению Жеребцова Маячный полуостров был поделен в последней трети IУ в. до н.э. одновременно с остальной частью Гераклейского полуострова на единую систему крупных земельных наделов ("клеров"), ограниченных дорогами; из них 22 находились на Маячном полуострове (Жеребцов I976, с.I4; I985, с.39, 43-44). Мне уже пришлось высказать несколько критических замечаний по этому поводу (Щеглов I986, с.I6I-I62, прим.25). Ошибочность заключения Жеребцова о пространственной организации территории полуострова будет показана ниже, в разделе 5.

3. Маячный полуостров в древности

Расширяющийся от перешейка в северном направлении Маячный полуостров имеет длину около 3,5 км при максимальной ширине на севере около 2 км и минимальной на юге около 0,75 км (рис.I0). Глубоко врезанным в восточный берег по оси балочного понижения отрогом Казачьей бухты - бухтой Соленой (с находящимся в ее вершине одноименным озером, которое отшнуровано от бухты пересыпью) - полуостров делится на две части: низкую и плоскоравнинную северную, полого поднимающуюся к югу, и южную, которая представляет собой возвышенное плосковершинное водораздельное плато.

В современной литературе площадь полуострова принято определять в 360-380 га (Блаватский I953, с.40; Стржелецкий I96I, с.29; *Dufková, Pečírka* I970, p.29). Однако эта величина, основанная на примерных расчетах Бертье-Делагарда (I907, с.I97), не соответствует действительной. Общая площадь полуострова в современных пределах несколько превышает 430 га. Таким образом, расчеты Блаватского и Стржелецкого в их реконструкциях опирались на заниженную оценку величины территории. Но и это не все.

Естественно предполагать, что при более низком уровне моря во второй половине I тысячелетия до н.э. (фанагорийская регрессия Федорова) площадь полуострова должна была быть несколько больше современной. Но насколько далеко отступил берег? Трудность определения величины абрадированной и затопленной полосы суши заключается прежде всего в значительном расхождении оценок абсолютного минимума регрессии, который разными специалистами (океанологами, геоморфологами и археологами), применявшими разные методы на разных участках черноморского побережья, определяется от минус 4-5 до минус I0-I2 м и более. Но даже если принять возможный минимальный или средний уровень регрессии, археолого-геоморфологические наблюдения (Благоволин, Щеглов I968; I969) позволяют предполагать, что на северном побережье Гераклейского (включая Маячный) полуострова на некоторых участках между устьями бухт берег был выдвинут в сторону моря до I50-200 м (Щеглов I972, с.252).

На батиметрических картах изобаты 5 и I0 м, приведенные к среднему многолетнему уровню моря, в районе Маячного полуострова проходят соответственно на расстоянии I00-250 и I75-300 м от современной береговой линии. Где-то в этих пределах, по-видимому, и должна лежать реконструируемая линия берега на этапе фанагорийской регрессии. Но было бы серьезной ошибкой только на этом основании, без учета других факторов, реконструировать величину уничтоженной морем за прошедшее время "полезной", т.е. использовавшейся в древности территории. Необходимо принимать во внимание характерные особенности конкретного участка побережья.

За исключением небольшого по протяженности северного отрезка, все юго-западное побережье полуострова представляет собой отвесный абразионный обрыв, сложенный известняками и повышающийся в южном направлении (рис.I0). Высота активного клифа постепенно увеличивается до 30 м, а его основание на бóльшей части берега погружено в воду до 2-5 м (Зенкович I960, с.I89-I90, рис.96. Ср.: он же I958, с.I55-I6I, рис.84-85). Отступ берега здесь минимален. Учитывая разрушение обрывов еще за счет выветривания известняков, можно предполагать, что за прошедшие 2-2,5 тысячи лет верхняя кромка обрыва отодвинулась не более чем на первые десятки метров. Об этом же говорит и положение некоторых древних дорог, срезанных клифом, уходящие в обрыв межевые и плантажные стены, висящие над обрывом остатки срезанного им античного сельского дома (см., например:Жеребцов I985, рис.5).

Иная ситуация на северном абразионном побережье полуострова. В ходе современной трансгрессии низменный берег абрадируется и затапливается. При этом происходит разрушение и смыв рыхлых отложений, сформированных на известняках. Они размываются вместе с остатками строительства. Вымытые при разрушении берега камни древних межевых стен, плантажа и построек частично ушли на образование берегового вала, частично (наиболее крупные) - на глубины. Измельченные продукты размыва уносятся береговым течением. Поэтому дно представляет собой каменистый бенч, на котором поиски затопленных археологических остатков не имеют смысла.

Постепенно опускаясь, пологое дно образует ряд уступов. Первый из них прослеживается на глубине около 2 м в 25-100 м от берега и, возможно, соответствует одной из фаз более низкого уровня моря. Второй уступ расположен на расстоянии от 100 до 200 м от современного уреза. Высота уступа 1-2 м. Его верхняя кромка лежит на глубинах 4-5 м. В одном случае подводными археологическими наблюдениями экспедиции А.И.Цехового в 1962 г. в подножии второго уступа высотой 1,5-2 м, расположенного в 175 м к юго-западу от Херсонесского мыса, зафиксирована, судя по описанию, волноприбойная ниша (Архив ГХИАЗ, д.819 и 842, л.38,41). Отмеченный факт, очевидно, указывает на довольно быстрое затопление берега в результате ускорения трансгрессии.

Таким образом, второй уступ наиболее вероятно связывать с остатками древнего клифа, подножие которого соответствует уровню моря, скорее всего, в пределах минимума фанагорийской регрессии. Это дает основание примерно реконструировать положение береговой линии к моменту создания межевой системы в северной части полуострова (рис.10,А). На рассмотренном участке абрадировано и затоплено морем, очевидно, не менее 30 га суши.

Восточное побережье Маячного полуострова, по-видимому, оставалось довольно стабильным, т.к. оно ограничено крутыми (до 45°) склонами из коренных пород. Склоны являются бортами затопленных древних балок и продолжаются ниже уреза до глубин 6-10 м (ср.: Архив ГХИАЗ, д.842, л.19). С повышением уровня моря, как и на юго-западе полуострова, берег здесь отступил незначительно - не более чем на самые первые десятки метров.

Исключение, по-видимому, составляет вершина Соленой бухты, лежащая на продолжении балочного понижения, которое разделяет северную и южную части полуострова. Жеребцов (1985, с.40, рис.2) правильно отметил на одном из обмеров остатки "мола или притопленной пересыпи" севернее существующей между вершиной бухты и озером в низовье балки. Это действительно остатки погруженной и размытой пересыпи. Следы еще одной более ранней пересыпи заметны на аэроснимках в 150 м к северу от нее. Иными словами, здесь мы сталкиваемся с обычным явлением-сдвижением пересыпи вглубь (в данном случае на юг) с ходом повышения уровня моря.

Жеребцов предположил,что озера в древности не было. Думаю, что он прав в том смысле, что оно не существовало в нынешних пределах. На это, в частности, указывает одна из древних магистральных дорог. Более вероятно, что в вершине древней бухты находилось небольшое озеро - севернее нынешнего и меньше его по размерам. На это указывает не только геоморфология участка, но и остатки античной пространственно-планировочной системы (рис.10, Б).

В заключение сказанного в этом разделе, можно предполагать, что за прошедшие 2-2,5 тысячи лет море поглотило в целом вряд ли более 40-50 га той территории, которой располагали первые греческие поселенцы. Иными словами, земельный фонд на Маячном полуострове к моменту деления его на участки мог составлять примерно 470-480 га или около того.

4. Особенности источника и метод определения главных элементов межевой системы

Следы и остатки античного (греческого и римского) землеустройства составляют особую группу археологических источников. По типу пространственно-планировочной композиции их можно разделить на иррегулярные и регулярные межевые системы. Оба типа, существовавшие синхронно и связанные с греческими территориальными образованиями, представлены в Северном Причерноморье. Первый из них открыт по материалам аэрофотосъемки и наиболее полно описан Я.М.Паромовым (1989, с.75, рис.2;

Воронов, Паромов 1990, с.9-11, рис.2; *Paromov* 1990, p.161-164) на Таманском полуострове. Следы подобных систем по аэросъемке обнаружены также на правобережье Южно-Бугского лимана (Назарова 1973, с.280-281)[1] и левобережье Днестровского лимана (Бруяко, Назарова, Петренко 1991, с.38-41). Второй тип лучше всего изучен в Западном Крыму (Стржелецкий, 1961; Жребцов 1976; Кругликова 1981; Николаенко 1985; Щеглов 1967; 1977; 1978; *Ščeglov* 1980, 1992). Следы регулярной организации территории дешифрированы по аэроснимкам в Восточном Крыму (Петерс 1970) и в устье Тилигульского лимана (Бруяко, Назарова, Петренко 1991).

Система планировки дорожной сети и деления земли на участки на Маячном полуострове построена по регулярному принципу. Подобные пространственно-планировочные структуры весьма устойчивы во времени, причем в различных ландшафтных зонах. Возникнув однажды по строго определенному замыслу и в заданной системе линейных измерений, они имеют тенденцию очень долго сохранять свои физически выраженные искусственные главные линейные элементы (дороги, межи, ограды и т,д.). Именно это свойство позволило и позволяет по демаскирующим линиаментам, которые отражают линейные элементы археологической системы, обнаружить, выделить и исследовать римские центуриации в Италии, Далмации, Франции и Северной Африке (см., например: *Bradford* 1957; *Chouquer et Favory* 1979), следы греческих регулярных систем на юге Италии и Франции (см., например: *Schmiedt*, *Chevallier* 1960; *Adamesteanu* 1967; 1983; *Clavel-Lévêque* 1982; *Chouquer*, *Clavel-Lévêque*, *Favory* 1982), а также упомянутых выше аграрных систем в Крыму и Северо-Западном Причерноморье.

К структурным особенностям рассматриваемой местности как археологической среды в первую очередь относится геолого-почвенная составляющая. Полуостров покрыт в основном каменистыми суглинистыми почвами каштанового типа, сформированными на известняках с развитыми красноземами (почвы типа

[1] Территория Ольвии. Справедливости ради надо отметить, что, независимо от Н.П.Назаровой, следы межевания в окрестностях Ольвии были дешифрированы по аэрофотосъемке в 1967 г. К.В.Шишкиным.

terra rossa). Аграрное освоение полуострова требовало прежде всего освобождения почвы от камня и наращивания плодородного слоя. Складирование больших объемов вынутого камня, особенно на начальном этапе агротехнических работ, следовавших за разделом земли, а также во все последующее время осуществлялось только в пределах полуострова в формах сооружения различных по функциональному назначению линейных структур (плантажных стен, межевых оград, подпорных стен террас). Только некоторая часть камня уходила на возведение построек (домов, крепостных стен и башен).

Огромное количество камня уже на начальном этапе освоения территории должно было уйти на строительство главных (каркасных) разделительных стен: оград дорог и межей между первоначально нарезанными участками. Именно эти главные (каркасные) линейные элементы межевой системы получали наибольшую толщину и высоту, так как в них уходил наибольший объем вынутого на начальном этапе освоения земли камня. Второстепенные по значению линейные элементы (ограды внутренних полей, плантаж), как правило, имели меньшую толщину и могли в процессе хозяйственной нужды менять свое положение, причем неоднократно за время существования системы.

Мне пришлось наблюдать в Южной Италии (в Апулии) действующие и ныне очень близкие (почти аналогичные) системы землеустройства с парцеллярным ведением хозяйства. Не только внешне каменные ограды участков, но и внутренние, и плантаж, аналогичный плантажу на Гераклейском и Маячном полуостровах, существуют в неизменном виде на протяжении последних одного - полутора, если не более, столетий. Земельные участки меняли своих хозяев, укрупнялись или дробились (или вообще выводились из хозяйственного оборота), но система землеустройства почти не изменялась, или стала изменяться лишь в послевоенное время. Нет смысла разбирать монументальные (в особенности!) стены между участками, если камень из них некуда сбыть. Проще при перераспределении земли и перепланировке участков продолжать вынимаемый из земли и из ставших ненужными агротехнических сооружений камень укладывать в старые и наиболее мощные стены, или просто набрасывать к их основанию.

На Маячном (как и на Гераклейском) полуострове, надо думать, происходило примерно то же самое в течение всего времени эксплуатации межевой системы: землепользование могло меняться, но основные черты землеустройства сохранялись. В первую очередь это должно относиться к каркасным (главным) линейным элементам системы, остатки которых и несут информацию о первоначальном устройстве земледельческой территории.

На Маячном и Гераклейском полуостровах к главным (каркасным) линейным элементам должны, на мой взгляд, относиться наиболее мощные по объему уложенного в них камня остатки и следы стен. По наблюдениям на местности, по толщине и высоте выделяются ограды магистральных дорог и некоторые особенно толстые и тщательно сложенные (часто перекрытые наброской камня) стены. Они, в соответствии со сказанным выше, и должны быть признаны главными и начальными линейными элементами пространственно-планировочной структуры.

Таким образом, исходя из особенностей источника, задача сводится к выявлению и картографированию главных линиаментов и установлению между ними устойчивых планировочных связей, а также поискам величины линейных модулей. Последняя задача облегчена благодаря результатам метрологических исследований Николаенко (1983; 1985).

В качестве индикатора главных (каркасных) элементов планировочной системы выбраны остатки или следы стен, имевшие толщину порядка 1,5 - 2 и более метра. Наличие таких стен зафиксировано раскопками и зондажами Печенкина, моими наблюдениями и аэрофотосъемкой. Кроме остатков стен, прослеживаемых на поверхности, на аэроснимках хорошо дешифрируются следы разрушенных или разобранных стен. При этом изображения следов маломощных и более поздних стен стираются или размываются, а следы ранних и более мощных стен проявляются, или их линиаменты усиливаются.

Для выявления первичной системы межевания использован перекрестный анализ материалов аэрофотосъемки, современных наземных обмеров, а также описанных в разделе 2 архивных материалов.

5. Дорожная сеть. Земельные площади и стандартные участки. О термине "клер" в археологии

Вся территория Маячного полуострова была поделена на более или менее крупные земельные участки (площади) системой продольных и поперечных дорог (рис.II). Направление планировочных осей строго подчинено естественной морфологии полуострова (рис.IO А). Никаких других факторов в организации пространственно-планировочной схемы не выявляется.

Так как рассматриваемая межевая система вместе с отделяющим ее укреплением на перешейке представляет замкнутую археологическую структуру, я счел необходимым отказаться от предложенной Шишкиным и принятой Кругликовой, Жеребцовым и Николаенко сплошной индексации земельных участков, заключенных между дорогами (см.выше, раздел 2) на Гераклейском и Маячном полуостровах. На публикуемой уточненной по обмерам и аэроснимкам схеме дорожной сети (рис.II) принята самостоятельная нумерация дорог и земельных площадей, не связанная с индексацией межевой системы на Гераклейском полуострове. Это удобнее.

На полуострове было проложено 8 продольных магистральных дорог (рис.II, I-УШ), которые шли через всю территорию в северо-западном направлении. 4 из них (I-IУ) начинались от внутренней - западной оборонительной стены укрепления на перешейке.

Продольные дороги проложены на неравном расстоянии одна от другой, образуя между собой полосы соответствующей ширины: между дорогами I-П, П-Ш - около 205-210, Ш-IУ - около 325, IУ-У, У-УI, УI-УП - около 410-420, УП-УШ - около 183-184 м. Ширина западной приморской полосы при современном состоянии абразионного берега колеблется в пределах 150-200 м.

Дорога I. Отходит от южных ворот в западной стене укрепления на перешейке, ограничивает с С-В прибрежную площадь I (рис.II). Печенкин в 1911 г. раскопал ворота в оборонительной стене и часть отходящей от них дороги (Архив ИИМК, ф.2, д.78, л.II; ср.:Стржелецкий 1961, рис.2). Ширина дороги у ворот 4,3 м, толщина оград I и 2,I м (рис.I2,I). В противоположном конце той же дороги мною зафиксирована ширина полотна 5 и толщина оград около 2 м.

Дорога IУ. Шурф № I на дороге, разделявшей площади I0 и I8 (рис.II) на участке у сельского дома 4 (рис.7,I). Раскопки Печенкина в I9II г. Ширина дороги около 5,5 м, толщина ограждавших ее стен около I,8 м, а сохранившаяся высота более I,5 м (рис.I4).

Дорога У. Два разреза дороги на участке между площадями I8 и 23 сделал Печенкин в I9I0 г. (Архив ИИМК, ф.27, д.8, л.I0; Архив ГХИАЗ, д.I84, л.22. Ср.:Стржелецкий I96I, с.30, рис.4,2). Ширина дороги 4,80 м; толщина оград I,80 и I,95 м, а их сохранившаяся высота 0,82 и I,30 м. При этом кладка одной из стен возвышалась над современной поверхностью степи на 0,70 м (рис.I2,2).

Во время обмеров мною были разысканы заплывшие шурфы Печенкина. Дорога и развалы ограждающих ее стен хорошо были видны в начале семидесятых годов. Еще лучше они прослеживаются на аэроснимках I96I г. (рис.I3). Дополнительные измерения на отрезке дороги длиной около 800 м, сделанные в оба направления от шурфов Печенкина, показали, что ширина дороги колеблется в пределах 5-5,5 м (в среднем ее ширина ок.5,3 м), а толщина оград I,9 - 2,3 м.

Дорога УI. (Рис.I2,3). По разрезу Печенкина I9I0 г. у дома № I, стоявшего в восточном углу площади 22, ширина полотна 5,I0, толщина ограждающих стен 2,I0-2,20, а их высота 0,60-0,70 м (Печенкин I9II, с.II5, рис.II-I2; Архив ИИМК, ф.27, д.8, л.II; обмерный чертеж в М I:I00 инв. № 478; Архив ГХИАЗ, д.I84, л.I2).

Приведенные раскопки и зондажи наблюдения, подкрепленные аэроснимками, позволяют говорить, что заданная ширина магистральных продольных дорог составляла I0 локтей (5,25 м) в той системе линейных измерений, которая была выявлена для Херсонеса Николаенко (I983).

Поперечные дороги уже продольных. Ширина полотна 3 - 3,2 м, то есть, около 6 локтей (3,I5 м) при футе 0,525 м. Одна из них, проходившая от IУ продольной дороги к берегу моря между площадями I0 и II, раскопана Печенкиным (рис.II; 7,I -раскоп 2; рис.I3). Ее ширина около 3 м, толщина оград около I,5 и 2 м.

Поперечные дороги не были сквозными подобно продольным. Они только соединяли между собой пары продольных параллельных магистралей или шли от них к берегу. С их помощью ограниченные продольными магистралями полосы нарезаны на более или менее крупные земельные площади.

Монументальные ограды продольных и поперечных дорог сложены весьма тщательно (рис.I2-I4). Основание стен всегда лежит на поверхности скалы. На углах наблюдается перевязка рядов кладки, которая имеет общий характер с кладкой западной (внутренней) стены укрепления на перешейке. Все это, а также установленная связь оград с южными (раскопки Печенкина в I9II г.) и северными (раскопки Лепера в I9I4 г.) воротами в западной стене определенно указывают, что ограды дорог первичны и сооружались они одновременно с возведением стен укрепления на перешейке (ср.: Стржелецкий I96I, с.4I).

Описанная дорожная сеть делила территорию полуострова на 30 земельных участков (площадей), а не на 25-26, показанных на плане Шишкина (рис.9), или 22 на схеме Жеребцова (I985, рис.I). Схем-план Шишкина более точен. Некоторые погрешности появились, очевидно, за счет беглого просмотра аэроснимков без сличения с местностью. Так, в одном случае за древнюю дорогу принята современная линейная структура (на участке 57 и между площадями 56 и 62 по нумерации Шишкина). В то же время несколько дорог не распознаны, хотя они хорошо демаскируются на снимках и местности (площади 5I, 53-55, 63 и 7I, 58-60. Ср. с рис.II).

В северной части полуострова между дорогами IУ-У и У-УI выделяются 6 равновеликих площадей по I7,64 га. В плане они квадратные (I7-I9), или почти квадратные невыпуклые пяти- (23) и шестиугольники (I6, 22). Линейным модулем при построении служила сторона длиной около 420 м (800 локтей, или 200 оргий). По-видимому, такую же величину имели частично уничтоженные морем площади 24 и 26 косоугольного плана.

Другими были площади 9-I3, расположенные в северо-западной части полуострова между дорогой IУ и морем. Длина площади 9 - 420, ширина 270 м. Территория II,3 га. Но первоначальная величина ее, учитывая абразию берега, составляла, вероятно, около I3-I3,5 га. По-видимому, не меньше была и площадь I3,

занимавшая Херсонесский мыс и подвергшаяся наибольшей абразии и затоплению (ср.: рис.10 и 11). Территория площадей 10-12, образованных поперечными дорогами, проложенными через 315 м (600 локтей, 150 оргий), в настоящее время около 7, 7,9 и 8,2 га. Реконструкция древней линии берега позволяет предполагать, что примерная величина каждой из них была около 9-10 га.

В полосе между дорогами Ш и IУ лежат две равных площади 7 и 8. Они имеют вид вытянутого прямоугольника размерами 325 х 509 м, с территорией 16,54 га. Площадь 6 в этой же полосе примыкает одной стороной к западной стене укрепления на перешейке. Ее величина около 21 га. Прилегающие к той же стене площади 2 и 3 сначала равнялись 9,8 и 8,7 га. Впоследствии дорога П между ними была ликвидирована, и они слились в одну трапециевидную в плане земельную площадь около 18,5 га.

Как говорилось (раздел 3), прибрежные площади с юго-западной и восточной сторон полуострова уменьшились незначительно. Современная величина площадей I - около 9,5 га; 4 - около 11,5; 5 - около 17,5; 14 - около 15,5; 20 - около 19; 21 - около 22; 25 - около 26; 27 -около 7 га. От площадей 28-30 осталась, очевидно, лишь малая часть. Самой большой, возможно, была площадь 15 при условии, что палеоозеро Соленое находилось севернее (рис.10,Б). Тогда ее величина составляла около 31 га, если она не делилась по тальвегу балки на две площади около 22 и 9 га.

Независимо от того, принимать или не принимать во внимание примерную реконструкцию прибрежных площадей, несомненно, что лишь только около одной трети всех площадей имели одинаковую величину (около 17,64 га). Территория остальных различна. При этом сохраняя кратность, разные площади превышают наименьшую из них (около 9 га) в 1,5, 2, 2,5, 3 и 3,5 раза. Следовательно, нет оснований видеть в огражденных дорогами площадях на Маячном полуострове те стандартные земельные участки, которые можно было бы интерпретировать как типовые наделы ("клеры"). Типовой земельный участок должен быть равен или меньше наименьшей площади.

Такие стандартные участки выделяются по наиболее массивным межевым стенам, которые тождественны оградам дорог по

толщине и характеру кладки. В нескольких случаях в обнажениях кладки, лежащей на скале, в местах соединения указанных стен с оградами дорог зафиксирована перевязка швов, что дает основание говорить об одновременности сооружения тех и других. Поэтому такие стены должны быть признаны первичными и главными (каркасными) линейными элементами пространственно-планировочного устройства земледельческой территории. Рассмотрим сказанное на конкретных примерах.

На рис. 15 и 16 показана планировка северо-западной части полуострова, составленная по материалам аэрофотосъемки 1961 г. и моим обмерам. Ранее она отражена рассмотренными в разделе 2 съемками Печенкина и Гриневича (ср.: рис.6-8). Квадратные площади 17-19, лежащие между дорогами IУ и У, делятся поперечными толстыми стенами на 4 равных квадратных участка. Каждый из них образован отрезками стен длиной 210 м (400 локтей, 100 оргий). Величина участка 4,41 га, то есть, 36 плетров. Аналогичным образом поделены площади, заключенные между дорогами У-УП в северо-западной части полуострова, где стандартные участки получили как квадратный, так и косоугольный план (рис.17). Прибрежные площади 10-12 поделены пополам толстыми стенами, отходящими от дороги IУ под косыми углами. Вымеженные таким образом трапециевидные в плане участки при одинаковой ширине около 157/8 м (300 локтей, 75 оргий) и длине 160-250 м имеют в современном состоянии величину от 3,6 до 3,9 га. Но если учесть приводившиеся в разделе 3 данные об отступании берега (ср.: рис.10,А), то наиболее вероятно, что каждый участок первоначально занимал территорию около 4,2 – 4,5 га.

Дополнительным (хотя и не главным) признаком того, что земельный участок со средней площадью 4,41 га (36 плетров) был основной наименьшей единицей межевой системы, являются остатки сельских домов (усадеб), расположенные на смежных участках. Так, например, на площади 19, поделенной на 4 части, на двух смежных участках находились усадьбы с колодцами при них (рис.15). Усадьба на участке 19-I частично раскопана Гриневичем (1931, с.17-21). Оба участка на площади 10 имели по усадьбе и одна из них полностью раскопана Печенкиным (дом № 4 - ср.: рис.7,I).

Конфигурация береговой линии заставляла менять форму плана участков и рассчитывать длину межевых стен так, чтобы величина каждого участка оставалась максимально приближенной к принятому стандарту около 4,41 га. К примеру, площадь 25 была поделена на 6 участков разной формы (рис.17). В южной части полуострова внутри площадей нарезаны как квадратные и ромбовидные участки, так и в форме вытянутого прямоугольника (рис.18-19). Так, площадь 4 состояла из трех участков: двух квадратных 210 х 210 м и одного вытянутого с короткой стороной 168 м (320 локтей, 80 оргий). Кстати, на этой площади наблюдается один из немногих случаев, когда главные межевые стены были позднее частично перестроены и перенесены, что хорошо видно по аэроснимку (рис.19).

Площади 7 и 8 по 16,54 га, заключенные между дорогами Ш и IУ, тоже разделены на 4 части, но по 4,14 га (около 34 плетров) - на 6% меньше описанных выше. Площадь 6 поделена на 5 таких же участков. Один из них, прилегающий к северному концу оборонительной стены укрепления на перешейке, имеет сложную пятиугольную конфигурацию (рис.18-19).

Главные (каркасные) линейные элементы межевания, представленные оградами дорог и наиболее мощными стенами, прослежены на всей территории полуострова. Они образуют единую взаимосвязанную и стройную пространственно-планировочную структуру, состоящую из стандартных земельных участков (рис.20). Есть все основания видеть в ней ту первоначальную межевую систему, которая была создана по единому плану во время первого раздела земли на полуострове.

Печенкин правильно определил величину стандартного земельного участка - около 4,5 га. Наши уточнения незначительны. Из полностью сохранившихся участков большинство (более сорока) равны 4,41 га (36 плетров). 13 участков по 4,14 га (34 плетра). Отклонения в ту или иную сторону территории прибрежных участков, очевидно не превышали ±2 плетра. Можно считать, что стандартной величиной нарезанного при разделе земли участка была территория в 36 плетров (1 плетр = 1225 м^2), а линейной мерой для ее выделения служили локоть длиной 0,525 м, оргия, равная 2,1 м и стадий в 210 м, основанные на принятом в Херсонесе футе в 0,350 м (ср.: Николаенко 1983, с.17).

С достаточной степенью достоверности выделяются 96 стандартных участков, включая и расположенные внутри укрепления на перешейке. Остается неясным внутреннее членение площадей, расположенных на мысах. Но учитывая величину абразии берега, можно предполагать, что на них могло разместиться не более 15 участков. Таким образом, на полуострове всего могло быть около 110 типовых участков. Это подтверждается и общей площадью полуострова (см. раздел 3), равной 470-480 га - на ней помещается 107-110 участков по 4,41 га. Но можно предполагать, что какая-то часть земли должна была принадлежать не обнаруженному до сих пор святилищу Девы, о котором упоминал Страбон (УП,4,2), с именем которой связано и древнее название Херсонесского мыса - Парфений. Поэтому можно с достаточной степенью вероятности заключить, что земля, скорее всего, была нарезана на 100 индивидуальных участков.

Такая археологическая ситуация позволила мне предложить гипотезу, что херсонская полисная община могла подобно Мегарам и ее колониям, в том числе и Гераклее Понтийской - метрополии Херсонеса, делиться не только на три обычных дорийских филы, но и на сотни (гекатостии), которые были, очевидно, военно-политическими подразделениями (Щеглов 1981, с.213, прим.29; 1986, с.157-160). Эту гипотезу в последнее время развивает С.Ю.Сапрыкин (1988, с.98-99; 1991, с.109-110; *Saprykin* 1991, p.236-237; 1991a, p.111-112). Замечу только, что его положение будто бы на Маячном полуострове было 25 "наделов", которые делились на 100 участков по 4 на каждом, как было показано на конкретном материале, не соответствует реальной археологической ситуации. Отсюда и главный вывод автора, что межевая система на полуострове подтверждает деление граждан Херсонеса на 4 гекатостии, не может быть убедительным (хотя такое деление не исключено). 100 земельных участков и укрепление на перешейке, по-видимому, могли принадлежать только одной из херсонесских гекатостий.

Особенности описанной межевой системы заставляют сделать несколько замечаний относительно правомерности употребления термина "клер" применительно к археологическим памятникам землеустройства. Этот термин для обозначения ограниченного дорогами земельного участка (площади в предлагаемой здесь тер-

минологии) ввел Стржелецкий (1951) по предложению Блаватского, который, принимая участие в экспертизе на Гераклейском полуострове, увидел прямое соответствие подобных площадей с клерами греческих письменных источников, то есть, индивидуальными наделами граждан (см.: Блаватский 1953, с.37-40). Однако касаясь землеустройства на Маячном полуострове, оба автора (Блаватский 1953, с.40-41; Стржелецкий 1961, с.30-32, 41) опирались на наблюдения Печенкина, которые давали другую пространственную модель, где "клер" мог быть только частью огражденной дорогами земельной площади. Археологические объекты разного уровня оказались объединены одним термином и соответствующим ему понятием. Такое противоречие не могло не остаться незамеченным.

Против использования термина "клер" в археологической литературе при описании памятников выступил М.Финли в письме Я.Печирке, так как *"might by the connotations suggest incorrect ideas about the system of land tennure in Chersonesos and its origins"(Pečírka 1970, p.469, nota 36)*. Печирка предложил заменить "клер" терминами *"plot"* и (или) *"farm"*, отдав предпочтение последнему. Но он, как и "надел", тоже не может быть признан удачным, если специально не оговорен. Как клер, так и надел (что одно и то же), могли состоять из разных земельных участков, причем расположенных в разных местах. Археологически доказать, что тот или иной земельный участок действительно был наделом (клером), далеко не всегда возможно. В случае с Маячным полуостровом можно с той или иной степенью вероятности говорить о наделах, но только для начального периода существования межевой системы. Поэтому представляется, что для памятников такого рода предпочтительнее использовать нейтральные термины "земельный участок" и "земельная площадь" до тех пор, пока не доказано, что именно они могут быть атрибутированы как надел (клер).

ЛИТЕРАТУРА

Белов Г.Д. Херсонес Таврический. - Л., 1948.

Бертье-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса // МАР. - 1893.- № 12.

Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК.- 1907.- Вып.21.

Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья.- М., 1953.

Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья.- М., 1961.

Благоволин Н.С., Щеглов А.Н. Колебания уровня Черного моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-Западном Крыму // ИАН СССР.- Сер.географическая.- 1968.- № 2.

Благоволин Н.С., Щеглов А.Н. Применение археолого-геоморфологического метода для анализа современных деформаций земной коры и колебаний уровня моря//Проблемы современных движений земной коры (3-й Международный симпозиум). - Л., 1969.

Бруяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное Причерноморье - контактная зона древних культур.- Киев: Наук.думка, 1991.

Воронов А.А., Паромов Я.М. Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Архитектурное наследство.- М.: Стройиздат, 1990.

Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП.- М.:Л., 1955.

Гриневич К.Э. Исследование подводного города в 1930-31 году.- М., 1931.

Жебелев С.А. Боспорские этюды // Из истории Боспора.- М.: Л., 1935.

Жеребцов Е.Н. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IУ-I вв.до н.э. // КСИА.- М., 1976.- Вып.145.

Жеребцов Е.Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА.- М., 1985. - Вып.182.

Зенкович В.П. Берега Черного и Азовского морей. - М., 1958.

Зенкович В.П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. - М., 1960.- Т.П.

Кругликова И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА.- М., 1981.- Вып.168.

Моисеев Л.А. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове // Записки Крымского Общества естествоиспытателей и любителей природы.- Симферополь, 1926.- Т.IX.

Назарова Н.П. Об использовании антропогенных индикаторов при мелиоративных изысканиях на юге Украины // ИВГО. - Л., 1973.- Т.105.- Вып.3.

Николаенко Г.М. Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (по материалам IУ-П вв. до н.э.): Автореф.канд.диссерт. - Киев, 1983.

Николаенко Г.М. Межевание полей херсонесской хоры // КСИА.- М., 1985. - Вып. 182.

Паромов Я.М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984-1985 г. // КСИА.- М., 1989.- Вып.196.

Петерс Б.Г. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии.- М., 1978.

Печенкин Н.М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК.- 1911.- Вып.42.

Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сборник статей в честь В.П.Бузескула.- Харьков, 1914.

Салищев К.А. Картоведение.- М., 1990.

Сапрыкин С.Ю. Херсонесская буле // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988: Тезисы докладов.- Севастополь, 1988.

Сапрыкин С.Ю. Население Маячного полуострова в IУ-Ш вв. до н.э.// Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов научной конференции.- Симферополь, 1991.- Вып.1.

Стржелецкий С.Ф. Клер Херсонеса Таврического // ВДИ.- 1951.- № 3.

Стржелецкий С.Ф. Пять клеров Херсонеса Таврического в Ш-П вв. до н.э. // СА. - 1957.- № 3.

Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник.- Симферополь, 1961. - Вып.6.

Штерн Э.Р. О местоположении древнего Херсонеса.- Одесса, 1908.

Щеглов А.Н. Исследование сельской округи Калос Лимена // СА.- 1967.- № 3.

Щеглов А.Н. К топографии древних берегов Гераклейского полуострова // ХУ наукова конференцIя Iнституту археологII, прIсвячена 50-рIччу утворення СРСР: Тези доповIдей.- Одесса, 1972.

Щеглов А.Н. Земельный надел у мыса Ойрат // История и культура античного мира.- М., 1977.

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху.- Л., 1978.

Щеглов А.Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации.- Тбилиси: Мецниереба, 1981.

Щеглов А.Н. "Старый" Херсонес и его округа // Археология СССР.- Античные государства Северного Причерноморья.- М., 1984.

Щеглов А.Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IУ в. до н.э. // Античная гражданская община: проблемы социально-политического развития и идеологии.- Л., 1986.

Adamesteanu D. Problemes de la zone archeologique de Metaponte// RA.- 1967.- №1.

Adamesteanu D. Civilizatii antice din Italia meridionata.- Bucuresti, 1983.

Bradford J. Ancient Landscapes.- London, 1957.

Chouquer G. et Favory F. Contribution a la recherche des cadastres antiques.- Besanson-Paris, 1979.

Chouquer G., Clavel-Lévêque M., Favory F. Cadastres, occupation du sol et paysages agraries antiques // Annales: Economies. Societes. Civilisations.- Paris, 1982.- №5-6.

Clarce E. Travels in various countries of Europe, Asia and Afrika.- London, 1810.

Clavel-Lévêque M. Un cadastre grec en Caule: la chora d'Agde (Herault) // Klio.- 1982.- T.64.- №1.

Dufková M., Pečírka J. Excavations of Farms and Farmhouses in the Chora of Chersonesos in the Crimea // Eirene.- Praha, 1970.- №VIII. La citta e il suo territorio // Atti del settimo convego di studi sulla Magna Grecia: Taranto 8-12 ottobre 1967.- Napoli, 1968.

Minns E. Scythians and Greeks.- Cambridge, 1913.

Paromov Ia. Intervention sur la péninsule de Taman // Le Pont-Euxin vu par les Grecs: Sources écrites et archéologie.- Besanson-Paris, 1990.

Pečírka J. Antické zemědělské usedlosti v okoli města Chersonésu na Krymu// Listy filologické.-Praha, 1968.- № 91.

Pečírka J. Country Estates of the Polis of Chersonesos in Crimea// Ricerche storiche ed economiche in memoria di Corrado Barbagallo.- Napoli, 1970.

Saprykin S. Khersonesos Taurike: Ne evidence on a Greek City-State in the Western Crimea// Proceedings of the First International Congress on the Hellenic Diaspora from Antiquity to Modern Times.- Amsterdam, 1991.- Vol. I.

Saprykine S.Y. Héroctee du Pont et Chersonésos Taurique: Institutions publiques et rapports fonciers// DHA.- 1991a.- № 17, 1.

Ščeglov A.N. Utilisation de la photographie aérienne dans l'étude du cadastre de Chersonésos Taurique (IVe - IIe S.av. N.E.) // DHA.- 1980.- № 6.

Chtcheglov A. Polis et chora: Cité et territoire dans le Pont-Euxin.- Besanson-Paris, 1992.

Schmiedt G., Chevallier R. Photographie aérienne et urbanisme antique en Grande-Grece: Caulonia, Métaponte// RA.- 1960.- T. 1.

Ward-Perkins J.B. Cities of Ancient Greece and Italy: Planning in Classical Antiquity.- New-York, 1974.

Wasowicz A. Plan miasta i plan zaplecza rolnizego kolonii greckiei. (Znaczenie nowych źródel archeologicznych)// Kwartalnik Historii Kultury Materialnej.- Warszawa, 1967.- R.XV.- № 4.

Wasowicz A. Le campagne et tes villes du litoral septentrional du Pont-Euxin// Dacia. N.S.- Bucuresti, 1969,- T. XIII.

Wasowisz A. Traces de lottisements anciennes en Crimée// Mélanges de l'Ecole francaise de Rome.- 1972.- T. 84, 1.

Wasowicz A. Zagospodarowanie przestrzenne antycznych miast greckich.- Wroclaw-Warczawa-Krakóv-Gdańsk-Lódz', 1982.

А.В.Сазанов

К ХРОНОЛОГИИ ПЕРВОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ БАКЛИНСКОГО ГОРОДИЩА

Баклинское городище относится к "пещерным городам" третьей группы по классификации Д.Л.Талиса. Оно возникло как неукрепленное поселение во второй половине Ш-IУ вв. н.э. (Талис I98I, с.66; Талис I969, с.I37; Рудаков I98I, с.73).

Первый строительный период этого поселения представлен винодельческим комплексом (Талис, I969 а, с.58).

Затем часть памятника была обнесена боевой стеной, превратившись в цитадель, другая осталась незастроенной (посад) (Талис I98I, с.66). К моменту сооружения обороны Баклинского городища винодельческий комплекс перестает существовать. Д.Л.Талис в статье о классификации и датировке крымских средневековых городищ писал: "Работами экспедиции ГИМа установлено, что первая боевая стена построена здесь (на Баклинском городище - А.С.) во второй половине У, возможно в начале УI в." (Талис I969, с.I37, I38). В сообщении о результатах работ I96I-I965 гг. он отмечал, что первая линия обороны сооружена не ранее УI в. (Талис I969 а, с.59). В итоговой статье I974 г. ученый пишет, что городище было укреплено не ранее У в., и историческая ситуация заставляет относить строительство именно к У, а не к УI в. В итоге он определяет вторую половину У в. как время строительства оборонительных сооружений Баклы, полагая, что строительство оборонительных сооружений Эски-Кермена, Мангупа и Баклы происходило одновременно (Талис I974, с.II3).

Археологический материал на сегодняшний день недостаточен для решения вопроса о времени возникновения оборонительных сооружений Баклы, однако находки из так называемого "зеленого слоя" дают возможность определить время функционирования и разрушения первой оборонительной стены городища. (Талис I982, с.59).

В целом Д.Л.Талис считал, что в "зеленом слое" отложился период жизни городища не позднее УП в. УШ в. мало вероятен, но при нынешнем знании хронологии средневековых амфор полностью не исключается (Талис I982, с.58). Конец существования этого слоя связывается автором с вторжением хазар во второй половине УП в. (Талис I982, с.62).

Анализ опубликованного Д.Л.Талисом материала позволяет, на наш взгляд, предложить несколько иную хронологию этого слоя, включая дату разрушения стен цитадели.

Как отмечалось выше, находки из "зеленого слоя" приведены Д.Л.Талисом в специальной публикации (Талис I982). Соче-

тание циклов вещей дает возможность определить время функционирования и прекращения существования первой оборонительной стены.

Из датирующих материалов в слое были обнаружены амфоры, краснолаковая и простая гончарная керамика.

I. Амфоры

Обнаруженные амфоры принадлежат к следующим типам:

I. Красноглиняные круглодонные типа 5 по херсонесской классификации (Антонова и др. 1971, тип. 5),

2. Коричневоглиняные с перехватом (Сазанов 1989, признак 13),

3. Светлоглиняные с рифлением типа "набегающей волны" (Сазанов 1992),

4. Амфоры с воронковидным горлом (Сазанов 1989, признак 3).

I. Красноглиняные амфоры типа 5 по херсонесской классификации (Талис 1982, рис.2, 4-6).

Сам тип этих амфор датируется второй четвертью УI-УП вв. н.э. (Сазанов 1992, Сазанов 1989, признак 6).

Обнаруженные амфоры относятся к следующим подтипам этого типа:

а) тип с отогнутым уплощенным венчиком (Талис 1982, рис. 2, 4-6).

Амфоры с такими венчиками известны в комплексах Цибиллиума и Зенонова Херсонеса[1] второй четверти УI в. (Воронов, Бгажба 1985, рис.31, 21, рис.32, 7), Ильичевки третьей четверти УI в. н.э.[2], Херсонеса конца УI - первой четверти УП в. (Сазанов 1992, рис.1,1), Тау-Кипчака середины - второй половины УП в. (Баранов 1990, рис.9,4,6). В целом дата этого типа - вторая четверть УI - середина - вторая половина УП в.;

б) тип с подтреугольным в сечении венчиком (Талис 1982, рис.2,2,3). Амфоры с такими венчиками обнаружены в Цибиллиуме в слое второй четверти УI в. (Воронов, Бгажба, рис.32,

[1] Зольник, кв. I, штык 4.

[2] Ильичевка, помещения 2,3.

2,3), Ильичевке (третья четверть УI в.)[1], Тиритаке того же времени[2], Херсонесе в комплексах конца УI - первой четверти УП в. н.э. (Сазанов 1989, рис.3,1). Дата этого типа венчика - вторая четверть УI - первая четверть УП в.;

в) тип с подпрямоугольным в сечении венчиком (Талис 1982, рис. 2, 1, рис. 3, 6). Такие венчики известны на амфорах из комплексов третьей четверти УI в. и конца УI - первой четверти УП в. (Сазанов 1992, рис. 6, 1, 2, 3, 7)[3]. Дата типа - третья четверть УI - первая четверть УП в.

2. Светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны (Талис 1982, рис. 8, 2, 3). В статье Д.Л.Талиса этот тип представлен стенками с дипинти, нанесенными красной краской. Амфоры этого типа существовали со второй половины IУ - первой половины У в. н.э. до 650-670 гг. (Сазанов 1992; Сазанов 1989, с.44, признак 5).

3. Коричневоглиняные амфоры с перехватом (Талис 1982, рис. 1,20, 21 рис.4, 1-5). Обнаружены фрагменты ножек амфор данного типа (Сазанов 1989, с.51, признак 13, рис.4,13), которые не имеют узкой хронологии. Один тип их представлен ножками подтреугольной в сечении формы без "набалдашника" на конце. Он имеет широкую хронологию от I в. до н.э. - П в. н.э. по УI - середину УП в. (Воронов, Бгажба 1985, рис. 29, 9, 10, 18, рис. 30, 4; Кузманов 1985, табл. 6, А 59; Якобсон 1979, рис. 3,1; Сазанов, Иващенко 1989, рис. 10, 14; Кругликова 1966, рис. 37, 12; Внуков, Цецхладзе 1991, рис. 3,7).

Второй тип ножки "с набалдашником" также существовал весьма длительное время - с I в. до н.э. - I в. н.э. до середины УП в.[4] (Зеест 1961, табл. ХХУП, 60 в; Внуков, Цецхладзе 1991, рис.1,7; Воронов, Бгажба 1985, табл. 29, 16).

4. Амфоры с воронковидным горлом (Талис 1982, рис.4.4, рис. 1, 17-19; Сазанов 1989, с. 43, признак 3).

Тип представлен донъями и стенками.

[1] Ильичевка, помещение 4, помещение 2.

[2] Тиритака, раскопки 1983/1985 г., уч. ХХУ, слой 6.

[3] Ильичевка, 1988 - ХХХ, 7 № III.

[4] Ильичевка - информация Э.Я.Николаевой и наблюдения автора.

а) Донья (Талис 1982, рис. I, I7-I9). Этот тип донца "с кнопкой" известен в комплексах Ятруса первой половины У в. н.э. (*Böttger* 1982, 22I, *Taf* I7, 220), Цибиллиума второй четверти УI в. (Воронов, Бгажба, рис.33, 2I-23), Аргоса 585 г. (*Aupert* 1980, *fig.* 46, 325 а), Херсонеса конца УI - первой четверти УП в. и 650-670 гг. (Сазанов 1992, рис. II, II; Романчук 1975, рис. 3 а). Таким образом, дата этого типа достаточно широка - от первой половины У в. до 650-670 гг.

б) Стенки с так называемым "глубоким и частым рифлением" (Талис 1982, рис. 4,4) по В.Ф.Гайдукевичу, который считал, что они появляются только в IУ в. н.э. и широко применяются в У - УI вв. (Гайдукевич 1952, с.100; Якобсон 1979, с.16, рис.3,2; *Bonifay, Villedieu* 1989, *fig.* 5,3). К.Скорпан относит этот тип рифления к УI - УП вв. (*Scorpan* 1976, *pl.* УП а). В целом, наиболее ранние экземпляры этого типа рифления на данных амфорах были обнаружены в комплексах Тиритаки, в то время неверно датированных IУ в. н.э. Однако дата этих комплексов пересмотрена, и в настоящее время они датируются второй четвертью УI в. н.э. (Сазанов, Иващенко 1989). Эта дата наиболее ранних комплексов, где встречен такой тип рифления. Амфоры с таким рифлением существуют до 650-670 гг. (Кузманов 1985, А 23-А 26; Романчук, Белова 1987, рис.3,4)[I]. Таким образом, дата этого типа рифления -вторая четверть УI - 650-670 гг., что в принципе близко дате К.Скорпана.

П. Краснолаковая керамика

Обнаруженные фрагменты краснолаковых сосудов относятся к группам "Поздний римский С", "Африканские краснолаковые сосуды" и чашкам.

Краснолаковые миски африканской группы принадлежат формам 62 В и 93 В по Дж.Хэйсу (*Hayes* 1972).

I. Форма 62 В (Талис 1982, рис. 5,5).

Эта форма достаточно хорошо изучена и в целом датируется периодом с конца IУ по третью четверть УI в. (Сазанов, Романчук 1991, с.36 № I55; Айбабин 1984, признак 27; Сазанов 1989, рис. 4, I4 а, признак I4, с.5I, 53). Ближе всего к миске из

[I] Херсонес, УП квартал, цистерна 2 А, слой 6.

Баклы миска из херсонесского комплекса второй четверти УI в. (Талис 1982, рис. 5,5; Сазанов, Романчук 1991, с.36 № I55).

2. Форма 93 В (Талис 1982, рис. 5,I8, 8; *Hayes* 1972, *fig.* 27, I9).

Дж.Хэйс датировал форму 470-540 гг. Однако анализ комплексов показывает, что эта форма появляется со второй четверти УI в., т.е. 520-540 гг. (*Ceramica* 1981, *Taf.* X УП I, 2,6, p.I0I). В комплексах Карфагена форма датируется 525-575 гг. (*Fulford , Peacock* 1984, *fig.* I8. 50 В, p.69). В Марселе эта форма обнаружена в слоях второй половины УI в. и конца УI - начала УП в. (*Bonifay* 1983, *fig.*26, I24, I40, 24, 89, 90), в Херсонесе - также в комплексах конца УI - начала УП вв. (Сазанов, Романчук 1991, рис. I9, 203, рис. I8, I97, рис. I9, 200) и 650-670 гг. (Романчук 1975, рис. 5,8). Таким образом, дата формы 93 В - 525-650-670 гг. н.э.

3. Группа "Поздний римский С" (Талис 1982, рис. 3,4,7). Эта группа представлена формами 2 и 3 по Дж.Хэйсу (*Hayes* 1972).

а) Форма 2 упомянута Д.Л.Талисом (Талис 1982, с.63). По комплексам она датируется концом IУ - третьей четвертью УI в. (Сазанов 1989, с.53, 55, признак I8; Сазанов, Романчук 1991, с.I2, I3).

б) Форма 3 (Талис 1982, рис.3,4,7).

Обнаруженные фрагменты принадлежат к типу *F* формы 3 по Дж.Хэйсу. В целом форма датируется в пределах первой половины У - первой половины УП в. (Сазанов, Романчук 1991, с.2I; Сазанов 1989, с.53; Сазанов, Романчук 1991, с.I5). Тип датировался второй четвертью УI - первой половиной УП в. (Сазанов, Романчук 1991, с.2I; Сазанов 1989, с.53). Однако в Конимбрике был обнаружен самый ранний экземпляр этого типа в комплексе 456-458 гг. *Delgado* 1975, *Taf.* LXXУШ, I94), правда, не имеющий аналогий с известными нам экземплярами типа *F* из Причерноморья. Таким образом, дата типа - от последней трети У в. н.э. до середины УП в.

Однако конкретные варианты типа *F* , обнаруженные на Бакле, имеют следующую хронологию.

Миска, представленная на рис. 3,7 в статье Д.Л.Талиса, (Талис 1982, рис. 3,7) аналогична тиритакской из комплекса

второй четверти УI в. (Сазанов, Иващенко, рис. 8,I0) и также близка миске из херсонесского комплекса второй четверти УI в. (Сазанов, Романчук I99I, рис.6, 47), а также экземплярам из Тель Кейсана УI в. (*Hayes* I972, *fig.* 68, 40; *Landgraf* I980, *fig.* I4 а).

Таких мисок нет в комплексах конца УI - первой четверти УП в.

Миска, изображенная на рисунке 3,4 в статье Д.Л.Талиса, (Талис I982, рис. 3,4) близка херсонесской из комплекса второй четверти УI в. (Сазанов, Романчук I99I, рис. 7,8I,82).

Ш. Чашки (Талис I982, рис. 6,5)

Чашки с волнообразным краем. Сам тип чашек хронологически неопределен. Они датируются от IУ в. н.э. до конца УI - первой четверти УП в. (Сазанов I989, рис. 5,2I, признак 2I; Айбабин I990, рис. 5,I3, с.I7). Наиболее близкие с аналогичным орнаментом по краю венчика происходят из комплексов Зенонова Херсонеса второй четверти УI в.[I], Ильичевки и Херсонеса конца УI - первой четверти УП в. Таким образом, данный вариант мисок следует относить ко второй четверти УI - концу УI - первой четверти УП в.

IУ. Простая гончарная керамика

Из зеленого слоя происходят стенки сосудов с росписью ангобом. Выделяются два типа: с зональными полосами ангоба, представленные кувшинами, и с "арочным" или "волнистым" орнаментом, представленные ойнохойями.

I. Кувшины с линейной росписью ангобом (Талис I982, рис. 7,2,6,7).

И.А.Баранов относил их к середине - второй половине УП в. (Баранов I990, с.25, рис. 7,27). Наиболее поздние сосуды этого типа действительно встречены в склепе 34 Чуфут-кале, могиле 78 Суук-су, и датируются третьей и четвертой четвертями УП в. (Айбабин I990, рис.4,8, с.I5). Однако датировка их широка. Наиболее ранние экземпляры происходят из комплексов Цибиллиума второй четверти УI в. (Воронов, Бгажба I985, рис. 58, I5, с. 76 - тип I0). В Ильичевке они встречены в комплексах третьей четверти УI в. (слой 4) и конца УI - первой четверти УП в. (слой 5) (Сокольский I966, рис. 7, I; Сазанов I989, с. 57). В Херсонесе они известны в комплексе конца УI - первой четверти УП в. в УП квартале, цистерне 2 а., слое 6 (раскопки А.В.Сазанова), а также в колодце в I квартале Херсонеса (раскопки М.И.Золотарева). В последнем случае датирующей является монета Маврикия 582 - 602 гг. (Сазанов I992). Таким образом, в целом этот тип сосудов следует датировать второй четвертью УI - УП в., вплоть до конца УП в.

Ойнохойи Баклинского типа (Талис I982, рис. 7,3,4,5,8) по И.А.Баранову бытовали с середины УП по IX в. (Баранов I990, с.25, рис. 7, 28). Однако аналогичная ойнохойя обнаружена в Херсонесе при раскопках УП квартала, цистерны 2 А слоя 6, который датируется концом УI - первой четвертью УП в. (раскопки А.В.Сазанова). В Ильичевке они также встречены в комплексах, относящихся к слою 4, образовавшихся в результате разгрома городища в 576 г., и к слою 5 - конца УI - первой четверти УП в. Следовательно, даты ойнохой Баклинского типа надо также несколько "опустить" и относить к 70 гг. УI в. - IX вв.

Сочетание циклов рассмотренных выше вещей из "зеленого слоя" отражает время функционирования и гибели первой оборонительной линии Баклинского городища (Талис I982, с.59). График показывает (рис.I), что первая оборонительная линия функционировала во второй - третьей четвертях УI в. и прекратила существование где-то в 70-80 гг. УI в. н.э. Только в этот промежуток времени основные датирующие вещи слоя совмещаются по своим циклам. УП в., предложенный Д.Л.Талисом, видимо, отпадает, поскольку в это время уже не функционируют формы краснолаковой посуды 62 (Африканская форма), "Поздний римский С" 3 типа *F* ,представленного у Д.Л.Талиса, "Поздний римский С" форма 2. Характерно отсутствие формы I0 группы "Поздний римский С" форма 2. Вместе с тем наличие ойнохой Баклинского типа, впервые появляющихся в комплексах Ильи-

[I] Зенонов Херсонес, информация А.А.Масленникова и наблюдения автора; Ильичевка - информация Э.Я.Николаевой и наблюдения автора; Херсонес - I квартал, колодец, раскопки М.И.Золотарева.

чевки 576 г. и Херсонеса конца УІ - первой четверти УП в., указывает на 80 гг. УІ в. н.э. как время разрушения цитадели. Как отмечал Д.Л.Талис, "Смена напластований зеленого слоя на зеленоватый связана на Баклинском городище с катастрофическими событиями в истории городища с повсеместными разрушениями и пожарами. Утолщению боевой стены (IX в.) предшествовало не кратковременное нападение, а вторжение и захват цитадели и неукрепленного посада" (Талис 1982, с.62).

Как уже отмечалось, Д.Л.Талис датировал это событие в рамках второй половины УП в. и связывал с хазарским вторжением. Передатировка пожара на 80 гг. УІ в. н.э. позволяет предложить иную интерпретацию. К этому периоду относится сообщение Менандра о том, что Тиберий в 581 г. сообщал аварским послам, что тюрки стали лагерем около Херсона, но взять его не смогли (Якобсон 1959, с. 34). Именно к этому времени относятся массовые разрушения на херсонской хоре, фактически прекращение ее существования, появление так называемых "круглых построек", связанных с кочевниками-тюрками. Отметим также, что во многих комплексах Херсонеса именно в это время прослеживаются следы пожара и перестройки. Происходят разрушения и перепланировка значительных частей городища. Видимо, разгром Ильичевки и Боспора в 576 г., разрушение Баклинского городища, осада Херсона, появление "круглых построек" на его хоре, зарытие кладов на поселениях херсонесской хоры являются звеньями одного и того же события - похода тюрок через Таманский полуостров в Таврику в 576-581 гг. События, как известно, закончились миром (589 г.) с Византией, после чего византийская власть восстанавливается на территории Таврики и Таманского полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА.- 1984.- № I.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии - Симферополь, 1990.- Вып.I.

Антонова И.А., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И., Даниленко В.Н. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ.- 1971. - Вып.7.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья.- Киев, 1990.

Внуков С.Ю., Цетхладзе Г.Р. Колхидские амфоры Северо-Западного Крыма // Памятники железного века в окрестностях Евпатории.- М., 1991.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. - Тбилиси, 1985.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА.- 1952.- № 25.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА.- 1961.- № 83.

Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время.- М., 1968.

Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия.- София, 1985.

Романчук А.И. Слои УП-УШ вв. в портовом районе Херсонеса// АДСВ.- 1975.- № II.

Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ.- Проблемы идеологии и культуры.- Свердловск, 1987.

Рудаков В.Е. Исследования Баклинского городища в 1971-1972 гг. // АДСВ.- 1975.- № II.

Рудаков В.Е., Десятова Е.В., Власов В.В. Раскопки на Бакле // АО 1975 г.- М., 1976.

Рудаков В.Е. Бакла-малый городской центр юго-западного Крыма // Античный и средневековый город. - Свердловск, 1981.

Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА.- 1989.- № 4.

Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти УП в. из северо-восточного района Херсонеса // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии.- Симферополь, 1991.- Вып.2.

Сазанов А.В. Светлоглиняные амфоры с рифлением типа "набегающей волны" // Археологія.- 1992.- № I.

Сазанов А.В.,Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА.- 1989.- № I.

Сазанов А.В., Романчук А.И. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона.- Свердловск, 1991.

Талис Д.Л. О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма // Экспедиции Государственного Исторического музея.- М., 1969.

Талис Д.Л. Раскопки Баклинского городища в 1961-1965 гг. // КСИА.- 1969 а.- Вып.120.

Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы.- М., 1974.

Талис Д.Л. Материалы к экономической и социальной истории юго-западного Крыма (цитадель Баклинского городища) // Античный и средневековый город.- Свердловск, 1981.

Талис Д.Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IУ-IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы.- М., 1982.

Талис Д.Л., Рудаков В.Е., Маркелова С.П. Археологические работы в юго-западном Крыму // АО 1971 г.- М., 1972.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА.- 1959.- № № 63.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.- Л., 1979.

Aupert M. Objets de La vie Quotidienee// BCH.- 1980.- Suppl. VI.

Bonifay M. Elements ol'evolution de ceramiques de L'antiquite tardive a Marseilles d'apres les fouilles de la Bousu // Revue archeologique de Norbonnaise.- 1983.- T. XVI.

Bonifay M., Vitledieu F. Importations d'amphores orientales en Gaule (V-VII siecles)// Recherches sur la Ceramique Byzantine.- 1989.

Böttger B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Jatrus // Iatrus-Krivina.- B., 1982.- Bd. 2.

Ceramica fine romana nel Bocino Mediterraneo. Medio e tardo imperio.- Roma, 1981.

Delgado M. Les sigillees // Fouillesde Conimbriga.- Paris, 1975.- T. IV.

Eiwanger J. Keramik und kleinfunde aus dem Damokratia-Basilika in Demetrias.- Bonn, 1981.

Fulford D., Peacock D. The pottery and other ceromic objects from the site // Excavations at Carthage.- Scheffield, 1984.- V. 1.- P.2.

Hayes J.M. Late roman pottery.- L., 1972.

Landgraf J. Keisan's byzantine pottery // Tell Keisan. 1971-1976. Une cite phenicienne en Galilee.- Paris, 1980.

Scorpan C. Origini si linii evolutive in ceramica romano-bizantina (sec. IV-VII) olin ariile mediter-aniana ai Pontic // Pontica.- 1976.- IX.

А.В.Белый

РАСКОПКИ УСАДЬБЫ НА ГОРОДИЩЕ КЫЗ-КЕРМЕН. ПОСТРОЙКА № 2

Настоящая статья продолжает публикацию материалов раскопок усадьбы УШ-IX вв. вблизи оборонительной стены городища (Белый, Назаров 1992, с.132-142).

Постройка № 2 (раскоп 1982 г.) расположена в 20 м к западу от постройки № I у восточного участка развала ограды (рис.I,2). Мощность напластований достигала здесь I м и стратиграфически представлена четырьмя различными по происхождению слоями (рис.3).

Первый слой (сверху) - каменный завал, образовавшийся уже после гибели поселения в результате разрушения постройки. Под завалом залегал темновато-серый гумусированный слой, отложившийся в период ее существования. За пределами помещений он перекрывал поверхность нижнего предскального слоя, резко различавшегося по структуре в западной и восточной частях раскопа, разделенного пересекавшим его с северо-востока на юго-запад и обрывающимся к западу невысоким скальным уступом. Выше уступа нижний слой представлял собой аналогичный зафиксированному при раскопках постройки №.I коричневый суглинок с немногочисленными разновременными материалами эпохи энеолита - ранней бронзы и энтичного времени, ниже и западнее он состоял из крупных, плотно лежащих обломков скалы, щебня и коричневато-серого гумусированного суглинка. В рых-

лом заполнении встречались попавшие в щели между камнями мелкие фрагменты посуды УШ-IX вв. и более ранней - лепной.

Под значительно задернованным слоем завала из среднего, реже мелкого бутового камня и темного гумусированного грунта высотой до 0,8 м открыто основание стен прямоугольной постройки (рис.4) размером II, 7х5, 8 м (внутренние параметры - 9,5х4 м). Она ориентирована в широтном направлении с отклонением от оси запад-восток к северу (азимут 66°). Сохранившиеся на высоту нескольких рядов стены возведены из ломаного, иногда слегка подтесанного известняка на грязевом (или суглинисто-грязевом) растворе. Кладка стен - трехслойная, двухлицевая, с нерегулярно выдержанными горизонтальными рядами (рис.5,6). Внутренний и наружный панцири сложены из камней размерами 0,6х0,3х0,3 - 0,25х0,2х0,I5 м с забутовкой между ними мелкими. Для перевязи в основании северо-западного и юго-западного углов использованы более крупные подпрямоугольные камни. Кладки поставлены либо на скале, снивелированной тонкой земляной прослойкой, или же на естественном предскальном слое, образовавшемся до сооружения здания.

Контуры стен довольно неровные, некоторые углы косые, что, очевидно, объясняется не только деформацией от времени, но и небрежностью строителей.

Особенностью планировки постройки № 2 является различная ширина и площадь восточной и западной ее частей, разграниченных по линии симметричных прямоугольных выступов в северной и южной стенах.

Длина западной стены дома (кладка 7)[I] - 5,2 м (внутри - 3,55 м), толщина - 0,8-0,9 м, сохранившаяся высота - 0,3-0,6 м (I-3 ряда камней).

Общая длина северной стены (кладка 8) составляет II,3 м (внутри - 9,6 м), расстояние от внешнего северо-западного угла до выступа - 6,7 м. Сохранившаяся высота - 0,I-0,8 м (I-3 ряда). Толщина восточного участка (от северо-восточного угла до выступа) - 0,6 м, западного - 0,8 м. Часть камней внутреннего панциря положена наклонно, что, возможно, указывает на использование элементов кладки "в елку".

[I] Сводная для усадьбы нумерация кладок продолжает нумерацию стен постройки № I

Длина восточной стены (кладка 9) - 5,2 м (внутри - 4,2 м), толщина - I,I-I,3 м, высота с наружной стороны - 0,I-0,7 м (I-3 ряда), с внутренней - 0,9-I,2 м (6 рядов камня).

Южная стена (кладка I0) сохранилась хуже остальных. Ее общая протяженность - II,8 м (внутри - 9,6 м), толщина - 0,8-I м, высота - 0,I-0,7 м (I-3 ряда камней). Длина западного участка (от внешнего юго-западного угла до выступа) составляет 6,I м. На расстоянии 2 м к западу от внешнего юго-восточного угла уцелел восточный откос входного проема. Участок с западным откосом оказался разрушенным, однако направление стены прослеживается здесь по впадине на месте кладки, образовавшейся в прилегавшем к ней снаружи культурном слое после выборки завала.

Естественным скальным уступом высотой до 0,2 м постройка разделена на два помещения: восточное (верхнее) размером 5,6х4,2 м и западное (нижнее) - 4х3,4 м. От линии, разделяющей две разные по ширине части постройки, кромка уступа отстоит на 2,3 м западнее, поэтому западная половина верхнего помещения заметно уже и несколько короче восточной. К откосу уступа перпендикулярно кладке северной стены примыкают уложенные в ряд тычками два хорошо обработанных блока размерами 0,5х0,3х0,I2 м и 0,3х0,26х0,I8м - возможно, остатки основания поперечной перегородки.

Позднейшим полом обеих камер служила почти горизонтальная поверхность темновато-серого гумусированного слоя. И только в юго-западной части восточного помещения (вдоль кромки уступа) и частично в западном (у его подножия) под завалом на одном уровне с земляным полом обнажилась материковая скала.

К западной стене, примерно на середине ее длины, примыкает уложенный на постель блок (рис.7) размером 0,54х0,46х 0,22 м, подошва которого находилась на 0,I2 м ниже поверхности земляного пола. Северо-восточный угол блока частично перекрыт камнем кладки западной стены. Эта деталь, а также совпадение уровней подножия кладки и подошвы блока указывают, что он был установлен здесь одновременно с сооружением западной стены.

На расстоянии I-2 м к западу от здания раскрыты остатки сильно разрушенной ограды (кладка II), от которой уцелел только нижний ряд внутреннего фаса. Ее развал состоял из мелких и редких средних камней, залегавших на поверхности естественного предскального слоя[I].

Археологические находки, обнаруженные в завале постройки и на его подошве, отражающие заключительный этап существования усадьбы, представлены в основном обломками керамики. Характерно отсутствие целых форм сосудов и вещей на полу помещений. Каких-либо следов пожара, обычно сопутствующих внезапной гибели жилых комплексов, также не выявлено.

В верхней задернованной части завала встречены и более поздние предметы: плоские железные подковы и фрагменты глазурованной посуды XШ-XIУ вв. - кувшина, двух мисок и чашки, покрытых бледно-желтой или зеленой поливой. Их дату уточняет найденная здесь же медная джучидская монета Тохтамыша I35I-I352 гг. (Янина I960, с.277, табл.I,65). Очевидно, появление случайных позднесредневековых материалов связано, главным образом, с интенсивным вывозом камня от древних построек на возродившееся в XIУ столетии соседнее укрепленное поселение Чуфут-Кале (Герцен, Могаричев 1992, с.I85-I88).

За период функционирования усадьбы с внешней стороны постройки отложился темновато-серый гумусированный слой мощностью до 0,4 м с включениями дресвы и мелких камней, обильно насыщенный керамикой, угольками, костями животных. В нижнем горизонте за счет заметного увеличения глинистого материала он приобретает желтоватый оттенок. В восточной половине раскопа на разных уровнях слоя наблюдались скопления золы и углей, придающие ему пепельно-серую окраску.

Второй слой прикрывал подошву стен и прилегающую северным концом к внешнему юго-западному углу короткую каменную гряду толщиной и высотой в один камень (фрагмент разрушенной кладки?), обрывающуюся в I,6 м к юго-востоку от здания.

В восточной части раскопа (выше уступа) под слоем УШ-IX вв. залегал коричневый (с характерным красноватым оттенком) тя-

I Вследствие плохой сохранности стены ограды на участке протяженностью 5 м (от продольной стратиграфической бровки до юго-западного угла раскопа) работы ограничились расчисткой развала и восточного фаса кладки.

желый предскальный суглинок толщиной до 0,35 м с включениями дресвы, отслоившейся скалы и щебня.

Основную группу находок из этого слоя составляют немногочисленные обломки лепной керамики, среди которой выделяются несколько фрагментов от сосудов с черной подлощенной поверхностью, украшенных гребенчатым орнаментом. Здесь же найдены обломанный оселок из песчаника, три кремневых наконечника стрел (в том числе - миниатюрный) и трапеция.

Темновато-серый гумусированный слой внутри помещений по цвету, структуре и содержащемуся в нем археологическому материалу ничем не отличался от аналогичного слоя с внешней стороны постройки. В восточном помещении он заполнял подпрямоугольную выемку размером 4,2х3,6 м и глубиной 0,4-0,5 м, полученную путем выломки выходящего на поверхность пласта известняков. От ее дна подошву слоя отделяла тонкая светло-серая прослойка разложившегося известняка, в которой встречались обломки керамики, угольки и зольные пятна, а у восточной стены - раздавленное дно кухонного горшка. Все это говорит о том, что первоначальным полом здесь служила монолитная скальная поверхность нижележащего пласта. По мере нарастания культурного слоя, а возможно, и преднамеренной засыпки углубления взятым поблизости грунтом, каменный пол становится земляным.

Сходная картина наблюдается и в западном помещении, при устройстве которого материковое основание очистили от сооружения здания. Для постройки был выбран участок, пересеченный невысоким скальным уступом, послужившим естественной границей между восточным (верхним) и западным (нижним) помещениями. Внутристенное пространство углубили до монолитной скалы, расчистив его от разрушающегося верхнего пласта известняков в восточной части и каменистого предскального слоя в

западной. Но так как искусственную впадину на месте восточного помещения не удалось подогнать по ширине к приготовленной ниже уступа площадке (очевидно, вследствие неровного выламывания скальной породы), и верхняя камера оказалась более пространной, то строителям пришлось увеличивать здесь и ширину дома. Именно этим обстоятельством можно объяснить появление коротких прямоугольных выступов в северной и южной стенах, огибающих выемку вдоль ее северо-западного и юго-западного углов. Между верхним и нижним помещениями оставлена скальная перемычка шириной около 2,3 м, западным краем которой являлась кромка разделяющего их уступа. Кладки стен поставлены по намеченному подготовительными работами периметру плана, но за пределами расчищенной площади. И только внутренний панцирь восточной стены, видимо, с целью сделать ее более устойчивой, впущен в углубленное верхнее помещение.

Как говорилось ранее, вход в постройку был устроен с юга, ширина которого (не более метра) реконструируется по вытоптанному до скалы пятачку с наружной стороны проема.

Археологический материал из завала постройки и темновато-серого гумусированного слоя объединяется хронологическими рамками существования усадьбы. Учитывая длительность бытования вещей, а также вполне возможное при понижающемся рельефе переотложение находок, целесообразно рассматривать их в целом, разделив на группы по материалу изготовления и назначению.

Как обычно, наиболее многочисленны фрагменты керамики, среди которой преобладали круглодонные амфоры: бороздчатые или с гладким корпусом, украшенным по плечикам зональным линейно-волнистым рифлением (рис.8). Некоторые имели вогнутое дно (рис.8,5).

Довольно часто встречались обломки ойнохой с пальцевым вдавлением в верхней части ручек (рис.9,I,2), на одной из которых прочерчено граффити в виде повернутого вниз трезубца в сочетании с крестом (рис.9,I).

Из других, менее распространенных, форм гончарной посуды отметим принадлежащие неясному пока типу сосудов (вероятно, кувшинам) прикрепленные к венчику ручки с круглым (реже квадратным) сквозным отверстием в верхней части (рис.9,3,4) и

фрагменты фляги с орнаментальной росписью красновато-коричневой краской (рис.9,5).

Полученный при раскопках постройки № 2 массовый керамический материал позволяет составить более обстоятельное представление о технологии производства и форме кухонной посуды. Как уже сказано в публикации комплекса из постройки № I, кухонные горшки изготовлены на примитивном ручном гончарном круге, характерными признаками которого являются следы подсыпки шамота или гладкой подставки с наружной стороны доньев, иногда с отпечатком вырезанной на ней рельефной метки (рис. I0,I4). Единичные - сконструированы на быстровращающемся ножном круге, о чем свидетельствуют овальные желобки с внутренней стороны стенок в сочетании с дуговидными бороздками от срезания сосуда ниткой на наружной поверхности дна.

Отсутствие целых экземпляров затрудняет определение их формы. В зависимости от профилировки верхней части горшки можно предварительно разделить на два вида: I) с угловатым переходом от плечиков к горлу и почти вертикальным немного расширяющимся раструбом краем (рис.I0,I,3); 2) с коротким широким горлом и более или менее круто отогнутым наружу невысоким венчиком (рис.I0,2,4). Встречаются и промежуточные варианты (рис.I0,3). Некоторые сосуды имели прикрепленную к верхнему краю уплощенную или овальную в сечении ручку (рис.I0,8, 9) и венчики с удлиненным сливом.

Замечено, что горшки первой группы, как правило, лишены орнамента, остальные украшены по плечикам одной или двумя, нередко пересекающимися врезными волнистыми линиями, иногда в сочетании с прямой. Изредка под венчиком наносились вертикальные нарезки (рис.I0, I3). Обломок одного горшка с резко отогнутым венчиком, очевидно, в подражание салтовским, орнаментирован по верхнему краю косыми вдавлениями (рис.I0,6).

Помимо рассмотренной встречено незначительное количество посуды с примесью кварцевого песка в тесте, имеющей прямые аналогии на памятниках салтово-маяцкой культуры. Это единичные фрагменты горшков с грубоватым рифлением и косыми насечками с внутренней стороны венчика (рис.I0,7,I0,I2), а также обломок стенки, декорированный наколами гребенчатого штампа (рис.I0,II).

Строительная керамика представлена крайне немногочисленными фрагментами калиптеров. Почти целая черепица с меткой в виде монограммы из букв П Х (рис.II) обнаружена в завале у северо-западного угла постройки.

Довольно обычны обломки тонкостенных сосудов из прозрачного чуть зеленоватого стекла, принадлежащие кубкам с округлым дном и расширяющимся кверху краем и рюмкам на ножке с круглой подставкой (рис.I2).

Металлических изделий найдено немного. В основном это предметы из железа (рис.I3, I-I0): три ножа, шило, два гвоздя, сужающийся к концу стержень (видимо, пробойник), дужка, дверной крючок, пластинка с прорезью и крючком для подвешивания. Из бронзы изготовлены прямоугольная накладка с гвоздиком и проволочное колечко (рис.I3,I5,I6).

Сравнительно многочисленную категорию находок (4 целых и II обломанных экземпляров) составляют керамические и мергелевые пряслица (рис.I4). Четыре глиняных пряслица украшены орнаментом - в виде круглых ямок (рис.I4,6), концентрических отпечатков треугольного штампа с чередующимися направлениями вдавленных углов (рис.I4,7), радиально отходящих от центра гребенчатых наколов (рис.I4,5). Наибольший интерес представляет плоское пряслице с обеих сторон и по краю сплошь покрытое орнаментом: с одной стороны в виде радиально отходящих от центра гребенчатых наколов, с другой - концентрических отпечатков мелкого треугольного штампа с чередующимися направлениями вдавленных углов (рис.I4,2). Одно - вырезано из стенки гончарного сосуда (рис.I4,I). Среди мергелевых отметим усеченно-биконическое пряслице (рис.I4,9).

Наряду с рассмотренными бытовыми находками, на явно жилой характер постройки также указывают обнаруженные здесь украшения: эллипсоидная бусина из голубого непрозрачного стекла с серебристой окраской (рис.I3,I3), синяя стеклянная граненая подвеска (рис.I3,I4), бронзовая монета-подвеска с отверстием у края (рис.I3,I2) и свинцовый перстень со вставкой из зеленого стекла, крестообразно закрепленной четырьмя лапками (рис.I3,II). Под одной из лапок - рельефное изображение креста, что вместе с необычным материалом исполнения выделяют его среди аналогичных перстней, относящихся к первой

хронологической группе салтовских древностей (конец УШ - середина IX вв.) по типологии С.А.Плетневой (I967, с.I37-I39, рис.36).

Обращает на себя внимание похожее на крышку массивное известняковое изделие диаметром 0,6 м с выступом на выпуклой наружной стороне (рис.I5).

Необходимо также упомянуть о двух терочниках из песчаника (один из плоской овальной гальки, другой - дисковидной формы), хотя полной уверенности в принадлежности их к средневековому времени у нас нет.

Таким образом, чисто бытовой ассортимент находок, обилие кухонной посуды и костей животных позволяют определить назначение постройки № 2 как жилого дома. Об этом дополнительно свидетельствуют двухчастная планировка и углубленные в материк полы помещений, характерные для раннесредневековых жилищ Юго-Западного Крыма (Якобсон I970, с.II7-II8). Судя по раскопкам поселений у сел Бобровка, Передовое, Поляна, одна из комнат обычно была жилой (об этом позволяет говорить присутствие в ней открытого очага), другая - носила черты хозяйственного использования. И хотя в постройке № 2 никаких следов отопления не прослежено, такие косвенные данные, как наличие в окружающем верхнее помещение культурном слое прослоек золы и угольков, а также кусков обожженной глины (возможно, от переносных жаровен) дают основания для его атрибуции в качестве жилого.

Как видим, археологический комплекс постройки № 2 функционально значительно отличается от комплекса постройки № I, интерпретируемого нами как винодельческо-хозяйственный.

На очереди публикация материалов раскопок остальных построек усадьбы, выяснение пространственно-планировочной структуры которой и ее строительной периодизации - обязательное предварительное условие исторической реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № I // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, I992.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления кре-

пости на плато Чуфут-Кале // Там же.

Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА.-1967.- № 142.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА.- 1970.- № 168.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. // Труды Куйбышевской экспедиции, т.Ш.- МИА.- 1960.- № 80.

А.Г.Герцен

ВИЗАНТИЙСКО-ХАЗАРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ТАВРИКЕ

Политическая ситуация в Юго-Западной Таврике хазарского времени изучалась в основном с точки зрения взаимоотношений каганата с Херсоном (Артамонов 1962) и в связи с событием, известным как восстание под предводительством Иоанна Готского (Васильевский 1878; Баранов 1974, с.151-162). В предлагаемой статье рассматриваются вопросы исторической топографии, имеющие отношение к определению границы между византийскими и хазарскими владениями на полуострове.

Широкие археологические исследования так называемых "пещерных городов" вновь поставили вопрос об их отождествлении с пунктами, упоминаемыми в письменных источниках, а также об интерпретации этих поселений как элементов политических организмов, существовавших на различных этапах истории Таврики. В этой связи представляет интерес отношение этих памятников к византийским или хазарским владениям.

Особенно дискуссионным представляется вопрос о локализации Дороса и Фулл. Неопределенность и скудность сведений о них в письменных источниках, а также недостаточная изученность связываемых с ними остатков поселений, позволяют выдвигать взаимоисключающие версии их размещения на полуострове и даже за пределами его. К настоящему времени существуют четыре варианта локализации Фулл: Чуфут-кале (Н.Тунманн, А.Л.Бертье-Делагард, А.Л.Якобсон), Тепсень (В.В.Кропоткин), Кыз-кермен

(Е.В.Веймарн), Старый Крым (Ю.А.Кулаковский). Положение Дороса определяется: на Мангупском плато (А.А.Васильев, М.А.Тиханова, А.Л.Якобсон, О.И.Домбровский), на Эски-кермене (Н.И.Репников, Е.В.Веймарн). Результаты новейших археологических исследований позволяют сейчас с большим основанием предпочесть первый вариант (Герцен 1990, с.136-137). Еще в конце УП в. Дорос фигурирует с другими, безымянными крепостями, в "Хронографии" Феофана при изложении событий, связанных с бегством из Херсона ссыльного императора Юстиниана П (Чичуров 1980, с.62). В "Бревиарии" патриарха Никифора есть уточнение, что Дорос находится в готской земле, причем в дальнейшем изложении он не упоминается, но, вероятно, подразумевается под суммарным термином "климаты" (Чичуров 1980, с.163), жители которых подлежали наказанию за враждебное отношение, проявленное в свое время к опальному василевсу. (Чичуров 1980, с.63-64).

К концу УП в. Хазарский каганат начал распространять свою власть на восточные районы полуострова, способствуя притоку сюда тюркоязычного населения (*Vasiliev* 1936, p.76; Баранов 1990, с.33-34). Ко времени ссылки Юстиниана П в Херсон (695г.) зона хазарского присутствия приблизилась к византийским владениям в Юго-Западной Таврике. Об этом можно судить по сообщению Феофана о том, что именно у Дороса беглец договорился о встрече с хазарским каганом (Чичуров 1980, с.62). Вероятно, в это время власть византийской администрации была здесь значительно слабее, чем в Херсоне, а хазары представляли близкую и реальную силу. Однако нет оснований считать, что Дорос в это время находился в их руках. Косвенно это подтверждает Никифор, изложивший те же события и добавивший, что крепость Дорос находилась в готской земле (Чичуров 1980, с.163). Ему ничего не известно о принадлежности ее хазарам.

Ситуация резко меняется в конце УШ в., когда, судя по данным "Жития Иоанна Готского", хазары решительно вторгаются в глубинные районы Юго-Западной Таврики и захватывают ее главную крепость-Дорос. Это вызвало возмущение местного населения, поднявшего восстание, во главе которого встали архиепископ Иоанн и неизвестный по имени "господин Дороса". Учитывая оппозиционность Иоанна к византийской иконоборческой власти,

этот альянс можно толковать как проявление в тот момент сепаратистских настроений в Таврике и по отношению к империи, и к каганату. Вероятно, не зря Феофан упоминал о единых настроениях в Херсоне и окрестных крепостях накануне очередной карательной экспедиции, посланной вернувшим себе трон Юстинианом-все крепости приняли меры безопасности (Чичуров 1980, с.64) и обратились за помощью к хазарам. Так было в 711 г., но к концу века обстановка существенно изменилась и каганат, учитывая ослабление империи, отвлеченной внутренней борьбой и внешней опасностью, делает попытку захватить ее крымские владения.

После неудачной попытки отвоевать Дорос и поражения восстания в Крыму сложилась ситуация, которую можно уяснить по письменным источникам, относящимся к X в., и по археологическим данным. С конца УШ в. исчезает топоним "Дорос", по мнению ряда авторов (А.А.Васильев, М.А.Тиханова, А.Л.Якобсон) он возрождается в XIУ в. в форме "Феодоро". Так называлось христианское княжество в Юго-Западном Крыму и его столица на Мангупском плато.

Топоним "Мангуп" (Манкут, Манкуп) в нарративных источниках впервые появляется около 960 г. в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа к визирю кордовского халифа Хасдаю ибн Шапруте. Мы не касаемся сложного вопроса о подлинности ряда рукописей и эпиграфических памятников, обнаруженных караимским гебраистом А.С.Фирковичем, в которых Мангуп упоминается в первой половине IX в. Они нуждаются в глубоком изучении специалистов. Что касается Пространной редакции письма Иосифа, то его достоверность признана многими исследователями. Оно широко привлекается для реконструкции этнополитической ситуации на юге Восточной Европы. (Полевой 1960, с.346; Артамонов 1962, с.172 сл.; Плетнева 1967, с.183-188; ее же 1976, с.5-12; Малахов 1986, с.80).

Составитель пространного варианта письма кагана, кем бы он ни был, несомненно хорошо представлял топографию Северного Причерноморья и сопряжение здесь политических сил. Для нас особый интерес представляет перечень пунктов, которыми определяется западная граница хазарских владений:"...с западной стороны - Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алуе,

Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин. Эти местности расположены на берегу моря Кустандины к западной (его) стороне" (Коковцов 1932,с.102). Первые восемь топонимов достаточно прозрачны, это - Саркел, Таматарха, Керчь, Судак, Алушта,.Ламбат, Партенит, Алупка (Коковцев 1932, с.107-109, прим.20-25). Выход хазарских владений на черноморское побережье Крыма отразился со второй половины IX в. в арабской географической литературе появлением нового названия для Черного моря - Хазарское (ал-Хазар). В X в. это название переходит к Каспийскому морю в связи с перемещением центра Хазарии в устье Волги (Новосельцев 1982, с.125-126;Ибн-Хордадбех 1986, с.97). Характерно, что в Письме Черное море названо Константинопольским (море Кустандины) явно с учетом ситуации на его южном побережье.

По поводу отождествления десятого пункта с Мангупом соглашались практически все исследователи, хотя это место в рукописи и подвергалось позднейшей подправке (Хвольсон 1884, с.500; Коковцов 1932, с.108-109, прим.27). Археологический материал, полученный при исследованиях крепостных сооружений Мангупа, независимо от письменных источников показывает изменения в жизни поселения, произошедшие в УШ-IX вв., вероятно в связи с восстанием Иоанна Готского, захватом крепости хазарами. В IX в. происходит большой ремонт оборонительных стен: хазары стремились удержать эту важную крепость. Во второй половине X в. она вновь подвергается сильному разрушению, причины которого пока не ясны.

Помещенный между Алупкой (Алубихой) и Мангупом "Кут" пытались искать в восточной части полуострова (Кутлак близ Судака), что противоречило принципу географической последовательности перечня (Коковцев 1932, с.108, прим.26). Тем более не выдерживает критики предположение об отождествлении Кута с Готией, поскольку под ней всегда понималась область, а не конкретный пункт (там же). Логичнее было бы направить поиски к северу - северо-западу от Алупки (последнего несомненно приморского топонима) в район Внутренней гряды, где сконцентрированы раннесредневековые городища и селища, в том числе и так называемые "пещерные города". Обращает на себя внимание расположенное в 5 км к западу от Мангупа городище

Эски-кермен. Основана эта крепость была в конце У1 в. для союзников Византии – алано-готских федератов (Айбабин 1991, с.45, 49) и просуществовала, вероятно, до конца XIУ в.

Эски-кермен относится к тем многим поселениям средневекового Крыма, о которых молчат скудные письменные источники. Сам топоним "Эски-кермен" впервые упоминается в конце XУШ в. Ему предшествовало название "Черкес-кермен" (от наименования татарской деревни в ущелье к западу от городища). В 1578 г. его зафиксировал польский посол в Крыму Мартин Броневский (Броневский 1867, с.343). Поселение к тому времени уже давно лежало в руинах, и у местных жителей были весьма смутные представления о его прошлом.

Кроме этих двух топонимов, в начале XIX в. бытовал еще один – "Куттелей" (*Koutteley*), упоминаемый автором первого путеводителя по Крыму Ш.Монтандоном (*Montandon*, 1834, p.226-227). П.И.Кеппен, обративший внимание на это, считал, что название относится к укреплению Кыз-куле, расположенному на соседнем с Эски-керменом плато Топшан (Кеппен, 1837, с.260). Действительно, Монтандон указывает, что Куттелей татары называли башню древней крепости и какие-то постройки, рядом с которыми находится вырубленный в скале глубокий колодец, в подробном описании которого легко узнать знаменитый осадный колодец Эски-кермена. Таким образом, топоним "Куттелей" распространялся на это городище. Это тем более вероятно, что на узкой северной оконечности плато Топшан, где находится башня, культурный слой ничтожен, отсутствуют сколько-нибудь значительные постройки. У.Боданинским, проводившем здесь раскопки в начале 30-х гг., были открыты лишь остатки небольшой часовни рядом с башней. (Боданинский 1935, с.83-86).

Перекличка топонима "Кут" из еврейско-хазарской переписки и Куттелей весьма заметна, хотя разумеется вопрос об отождествлении Кута с Эски-керменом нуждается в дальнейшем изучении. Разрушение его позволило бы лучше уяснить историческую географию Крыма IX-X вв., уточнить его политико-территориальное районирование. Требуют внимания топонимы, следующие в перечне Письма за Мангупом. Не исключено, что Бур-к и Ал-ма связаны с долиной Альмы. "Бурлюк" – название, сохранившееся в ее нижнем течении до настоящего времени. Неясным остается и положение пункта, названного в Письме "Г-рузин". Строгая географическая последовательность в перечислении пограничных местностей, вероятно, исключает предположение об отождествлении его по созвучию с Гурзуфом (Гурзувитами).

Рассматривая локализованные пункты списка Иосифа, можно заметить, что их цепь резко поворачивает от Алубихи на северо-запад, тем самым обозначая границу, огибающую территорию, которую каган не счел вправе считать своим владением, учитывая, вероятно, ее суверенность. Как известно, к середине IX в. в Таврике сформировалась Херсонская фема (Константин Багрянородный 1989, с.172-173). Во второй половине IX в. она ограничивалась близлежащей к городу территорией (*Ahrweiler* 1976, p.66). Об этом выразительно свидетельствует Анастасий Библиотекарь, передающий сведения, относящиеся к началу 60-х гг. IX в., полученные от сосланного в местность близ Херсона митрополита смирнского Митрофана. По его словам, Херсон "пограничен с Хазарской землею", а жители его "не туземцы, а пришельцы из разных варварских народов".

Изображенной ситуации не противоречат данные Пространной редакции письма, указывающего на приближение хазарских владений к ближайшим окрестностям Херсона. Мангуп (Дорос) и Эски-Кермен (Кут?) были ключевыми военно-опорными пунктами, овладев которыми хазары открывали дорогу к последнему византийскому форпосту в Таврике. Однако изменение политической обстановки на юге Восточной Европы: появление печенегов, враждебные отношения с Аланией, узами, черными булгарами, активные военные и дипломатические акции Византии остановили хазарскую экспансию, а к началу X в. каганат уже не имел реальной власти над большей частью принадлежавшей ему ранее в Крыму территории.

Давно уже отмечалось, что в описании этих владений в Пространной редакции допущены серьезные преувеличения. В то время, когда составлялось письмо (ок. 960 г.), хазары уже совершали походы на климаты, откуда, по словам Константина Багрянородного, шло все "изобилие Хазарии". У этого автора есть прямое указание на то, что климаты располагаются между

Херсоном и Боспором, это дает основание отождествлять с ними по крайней мере часть пунктов из перечня Пространной редакции, такие как Кут, Мангуп, Алубику, Е-р-т-н-т, Л-м-б-т, Алуе, Суграй. Как известно, Константин называет число климатов - девять, что близко к количеству местностей, названных в письме Иосифа в Таврике. Можно констатировать, что в Таврике, по крайней мере с конца УШ в. до середины Х в., существовало, меняя свое начертание, пограничье, разделявшее византийские и хазарские владения. Если во 2-й половине ХП в. хазары были в отдалении от Херсона, контролируя в основном Восточные районы полуострова и время от времени появляясь в юго-западной его части, то к началу IX в. им уже принадлежали Дорос-Мангуп и побережье до района Алупки. Византия, несмотря на мирные в целом, а иногда и союзнические отношения с Хазарией, отреагировала на территориальную экспансию последней учреждением херсонской фемы, включавшей и климаты, хотя ни империя, ни каганат, вероятно, реальной власти над ними в первой половине Х в. не имели.

Территория фемы занимала область горной Юго-Западной Таврики вокруг Херсона, на ЮБК граница доходила до района Алупки-Симеиза, а в нагорье до Мангупа, Эски-кермена и далее, возможно, по внутренней гряде до бассейна р.Альма. Сопряжение двух этих территорий вряд ли представляло строго охраняемую пограничную линию. Скорее в представлении и византийского императора, и хазарского царя пограничье определялось горными и приморскими крепостями, господствовавшими над проходами или определенными районами. В таком значении употребляют византийские авторы термин "клейсуры" (Дюно, Ариньон 1982, с.70-71). В "Житии Иоанна Готского" восставшие овладели клейсурами, развивая успех после освобождения Дороса. В тексте хазарского письма часть пунктов, упомянутых в горной Таврике, соответствуют значению этого термина. Возможно климаты выстраивались в представлении составителя письма в цепь укреплений, разграничивавших в Таврике византийские и хазарские владения.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-кермен // МАИЭТ.- 1991.- Вып.2.

Артамонов М.И. История хазар.- М., 1962.

Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика.- Киев, 1974.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура).- Киев, 1990.

Боданинский У.А. Черкес-Керменское укрепление "Кыз-Кулле" по разведкам 1933 г. // ИГАИМК.- 1935.- Вып.117.

Броневский М. Описание Татарии // ЗООИД.- 1867.- Т.6.

Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП.- 1878. - Ч.СХСУ.- Январь.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ.- 1990. - Вып.1.

Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие "границы" у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // ВВ.- 1982.- Т.43.

Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник.- СПб., 1837.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в Х в. - Л., 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении империей.- М., 1989.

Малахов С.Н. Проблема мира с народами Причерноморья в византийской публицистике первой половины Х в. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века.- Ростов-на-Дону, 1986.

Новосельцев А.П. Арабский географ Ибн-Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма.- М., 1982.

Плетнева С.А. От кочевий к городам.- М., 1967.

Плетнева С.А. Хазары.- М.,1976.

Полевой Н.Я. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. Х в. // ЗОАО.- 1960.- Т.1. (34).

Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей из Крыма.- СПб., 1884.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран.- Баку, 1986.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.

Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св.Кирилла // Приложение к 72-му тому ЗАН.-1893.- № 6.

Ahrweiler H. Les relation entre les Byzantins et les Russes an IX-e siécle// Byzance: Les pays et territoires. Bulletin d'Information et Internationale de Etudes. VII. London, 1976.

Hablitz C. Description physique de la coutreé de la Tauride.- Haye, 1788.

Montandon Ch. Guide du voyageur en Crimée.- Odessa, 1834.

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea.- Combridge, Mass., 1936.

Г.Атанасов

ПЕЩЕРНЫЕ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ

Большинство ранневизантийских укреплений на Балканском полуострове, в отличие от античных, воздвигнуто на естественно защищенных местах (Овчаров 1974, с.220). В преимущественно равнинной зоне Северо-Восточной Болгарии они обыкновенно расположены на высоких скалистых берегах Добруджанского Черноморья и в долинах рек Провадийской, Камчии, Суха, Канагьол, Табан, Ломовете и др., где вода обнажила карстовые известняки, изобилующие естественными пещерами и навесами. Именно около укреплений, рядом с естественными, находятся и искусственно вырубленные в скале помещения и целые комплексы. Обыкновенно их классифицируют как пещерные монастыри и относят к эпохе Восстановленного Болгарского царства (XП-XIУ в.) (Шкорпил 1905, с.405; 1914, с.100; 1892 а, с.49-93; 1892 б, с.3-31; Маргос 1981, с.112-117; 1987, с.114-150). Действительно, существуют бесспорные пещерные монашеские обители как по Черноморью (Аладжа монастырь около Варны), так и по берегам рек Провадийской (Косовский монастырь и монастырь Св.Георгия) (Маргос 1981, с.113-114), Суха (у подножия и недалеко от крепостей у с.Балик и Голеш) (Атанасов 1991, с.33-38), Канагьол (между раннеболгарскими крепостями Скала и

Царь Асен (Атанасов 1984, с.83-91), по берегам реки Русенский Лом с притоками Крепченский, Нисовский, Ивановский, Червенский, Торлашкий, Сеновский и др. (Шкорпил 1914, с.100; Маргос 1987, с.114-150). Последние исследования, однако, дают возможность предполагать, что лишь часть пещерных монастырей относится к XП-XIУ вв. (Аладжа, Косовский, Червенский, Ивановский, Нисовский и большая часть обителей по Лому), тогда как монастыри во внутренней части Добруджи относятся к X-XI вв. (у Дрыстара и Мурфатлара) (Анатасов 1990, с.2-21; *Barnea* 1981, p.85-87) или к У-УI вв. (катакомбы около Аладжа монастыря и обители в окрестностях Яйлы у Каварны и у цитадели Балик на реке Суха (Анатасов 1991, с.33-42).

Так как выяснилось, что не все пещерные монастыри относятся к эпохе Восстановленного Болгарского царства (XП-XIУвв.), следует задаться вопросом: все ли искусственно оформленные пещерные помещения и комплексы действительно использовались лишь в качестве монашеских обителей? Зная организацию, планы и устройство как из камня, так и множества пещерных монастырей, скитов и келий в Болгарии и в остальном христианском мире в ранневизантийскую эпоху (У-УП вв.) и в средневековье (IX-ХУ вв.), мы имеем солидную базу для сравнения и оценки. Оказалось, что как в Каппадокии (*Restle* 1978, *Col.*1071-1072), так и на Пиренейском полуострове (*Saens de Urturi* 1985, p.12-18; *Latxaga* 1976, p.143-145) и в Крыму (Веймарн 1958, с.71-79; 1953, с.424-428; Беляев, Бушенков 1986, с.181-188), в скалистых массивах, кроме монастырей, оформляются также и жилые и хозяйственные помещения, склады, цистерны и даже целые поселения и городские кварталы. Исследователи Крыма и Северного Причерноморья обратили особое внимание на целую группу пещерных сооружений, непосредственно связанных с фортификацией, нескольких крепостей У-УП вв., которые имеют военно-стратегическое предназначение (Веймарн 1958, с.71-79; Герцен 1990, с.144, рис.34). При исследовании пещерных монастырей в Северо-Восточной Болгарии, и особенно вблизи Западного Черноморья, я обошел заново те, о которых уже существуют публикации, и документировал новооткрытые пещерные сооружения, по плану, размерам, организации, внешнему и внутреннему оформлению отличавшиеся от пещерных монастырей. Их изу-

чение и интерпретация должны проводиться вместе с укреплениями у подножия или с теми, вблизи от которых они обыкновенно находятся. Создается впечатление, что подобные пещерные сооружения отсутствуют в окрестностях крепостей, возведенных и обитаемых в период болгарского средневековья (УШ-ХІУ вв.). Как правило, эти сооружения сгруппированы около ранневизантийских укреплений, в части из которых жизнь (а может и фортификация) возобновилась в Х-ХІ вв. или ХП-ХІУ вв. Обыкновенно затрудняет датировку пещерных помещений и комплексов то, что в последних почти не задерживается культурный слой, а возможности их повторного использования очевидны. Поэтому я начну с пещерных сооружений на Черноморье, где открыты находки в основном У-УП вв. и отсутствуют признаки повторного использования в более позднее время.

ПЕЩЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА ДОБРУДЖАНСКОМ ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

Оборонительные и гражские объекты. Они расположены севернее мыса Калиакра и сгруппированы как у подножия ранневизантийского укрепления в местности "Яйла" около села Камен бряг, Каварненского района (рис.I,I) (*Salkin , Toptanov* 1987, p.22-35), так и на высоком скалистом морском берегу полосой около 6-7 км севернее крепости (рис.2,А). При их создании часто использовались естественные пещеры, которые дополнительно обрабатывались. Большинство помещений находится в самих прибрежных скалах, вследствие чего разрушения, нанесенные морскими стихиями, здесь весьма значительны. Однако и то, что сохранилсс, дает достаточный материал для некоторых существенных выводов. В пещерные сооружения можно обыкновенно проникнуть со стороны плато по вырубленным в скале лестницам или через шахты (рис. 2,2; 4,8; 5,I2; 6,I9). Помещения имеют сравнительно большие размеры, и, как правило, с видом на море. С его стороны доступ к ним почти невозможен, так как они расположены на высоте I5-40 м над уровнем моря. Между отдельными сооружениями есть зрительная связь. Они затрудняют возможное нашествие или обход защи-

щенной крепостными стенами территории. Доступ со стороны суши в некоторые из них не очень труден (рис.2,I; 3; 4,9; 5,I3), но другие устроены так, что проникнуть в них можно было только через маленькую шахту по лестнице, которая была хорошо защищена (рис.2,2; 4,8; 5,I2). Таким образом, формируются своеобразные замкнутые защищенные комплексы. В большинстве случаев эти обиталища были временными, так как культурный слой почти отсутствует, и нет следов долгодействующих отопительных сооружений. Однако открыто много вкопанных в полы долиумов и небольших водохранилищ (рис.4,8; I0; 5,I3). Редко встречаются единичные фрагменты ранневизантийских амфор и светильников. Почти отсутствуют изображения на стенах, за исключением нескольких больших крестов-граффити с расширенными краями и одной монограммы (рис.7). Это дает основание предполагать, что данные сооружения не были постоянно заселены, а служили в качестве наблюдательных и оборонительных постов, усиливающих фортификационные сооружения византийского укрепления, расположенного в долине. В то же время при нападении с суши эти пещерные сооружения служили надежным, хорошо охраняемым укрытием для населения из окрестных неукрепленных мест, так как доступ к ним со стороны плато сильно затруднен.

Несколько отличается по расположению и функциональному предназначению другая группа пещерных сооружений в этом же районе. Они находятся в непосредственной близости к укреплению на Яйле. Доступ к ним сравнительно легок, размеры - велики, и расположены они на значительном расстоянии от берега моря на второй скальной террасе (рис.2,А). Я считаю, что они были непосредственно связаны с хозяйственной жизнью укрепления и соседнего поселения и использовались в качестве складов (рис.3,3,4,5,7), а некоторые и жилищ (рис.3,6).

Из 23 пещерных сооружений рядом с укреплением находятся только две церкви (рис.6,I6). Одна из них, расположенная у подножия укрепления, весьма обширна и связана с множеством келий, что предполагает локализацию здесь пещерного монастыря (Атанасов I989, с.58-60). Вторая церковь в районе Тюленово (рис.6,I6) представляет собой самостоятельное, вырубленное в скале помещение, находящееся среди множества других

комплексов больших рамеров (Атанасов 1991, с.36, обр.5). Это дает основание предположить, что она не монастырская. Обе церкви, а также и пещерный храм на Калиакре (там же, обр.61), имеет специфический план, отличающий их от остальных ранневизантийских церквей в Болгарии и на Балканском полуострове. Кроме того, что главная ось храма ориентирована в сирийской манере - север-юг,- они также имеют закрытое апсидное пространство и подчеркнутые контрапсиды, характерные для пещерной и каменной церковной архитектуры Испании У1-УШ вв.(*Garai-Olaun* 1988; *Latxaga* 1976, p.137-143). Если подтвердятся некоторые предположения о том, что эти испанские пещерные церкви и монастыри связаны с аррианской вестготской литургией, то тогда у нас будут серьезные основания связывать церкви на Добруджанском Черноморье с инфильтрацией вестготов-федератов из Крыма в 1У-У вв. под предводительством арриан Вульфилы, Авксентия и Авдия (*Schwarcz* 1987, s. III-112). С другой стороны, форма апсид черноморских церквей имеет прямые аналогии с апсидными пространствами храмов Каппадокии, Крыма и Испании (*Restle* 1967, p.116,126,142,144; 1978, *Col.* 982; *Delvoye* 1962, p.291-310, 487-507; *Garai-Olaun* p22; Бабенчиков 1935, с.104). Однако эта тема заслуживает специального исследования, но предположения об этнокультурных влияниях в этом регионе в эпоху Великого переселения остаются. Кроме того, пещерные сооружения на Черноморье датируются ранневизантийской эпохой (У-УП вв.), когда были возведены укрепления Яйла и Русалка (Овчаров 1982, с,26). Эта хронология подтверждается и частично сохранившимися долиумами, отдельными фрагментами керамики, крестами и монограммами-граффити, некоторыми специфическими чертами планировки пещерных церквей.

Лучше других укреплена (и естественно и искусственно) добруджанская черноморская крепость на мысу Калиакра (рис.I,II; 8-А). (Там же, с.29). Пещерный комплекс, состоящий из множества помещений, большая часть которых обрушилась во время землетрясений еще в прошлом столетии (Шкорпил 1892 а, с.75-76, фиг.20), находится на самой вершине (рис.8,20). Обзор местности в этой точке почти не ограничен, а возможности для обороны очевидны. Поэтому я не исключаю, что в ранневизан-

тийскую эпоху здесь было военно-стратегическое сооружение, но несколько погребений и один более поздний параклис свидетельствует о том, что позднее здесь существовал пещерный скит.

Пещерные наблюдательные сооружения. Они находятся вблизи ранневизантийских укреплений у Оногура (рис.I,IУ) в долине реки Суха (Атанасов 1987, с.35, табл.IУ-4) и около Поп Русаново (рис.I,УI) (Там же, с.34, табл.IУ-3). Перед крепостью Оногур река делает резкий поворот, который усложняет зрительную связь укрепления с окрестностями, и особенно с долиной. Однако на самом повороте, где левый берег обнажен на большую высоту и существует хорошая визуальная связь с окрестностями, находится интересное пещерное сооружение, изученное еще в прошлом веке (Шкорпил 1892 б,с.18-20, фиг.7). Оно представляет собой длинный туннель с двумя расширениями в форме небольших помещений (рис.9,22). В одном из них вырублено окно с видом на долину, а другие находились в комплексе с деревянными перилами, закрепленными в вырубленных в скале гнездах на высоте около 20 м над уровнем реки. Отсутствие церкви или параклиса не дает возможности предположить, что это сооружение было монашеской обителью. Отсутствуют и какие-либо данные о длительном обитании человека в маленьких помещениях. Эти факты, а также расположение сооружения, позволяют предполагать, что оно обеспечивало оборону крепости, а в случае необходимости могло использоваться и в качестве склада, и как самостоятельная оборонительная единица. Подобное расположение и назначение имеет пещерное сооружение около крепости у Поп Русаново (рис.8,21) (Атанасов 1989, с.57-58). Она также построена за поворотом реки в сухоречьи Табана, что затрудняет ее визуальную связь с окрестностями. Однако точно напротив крепости, на левом берегу Табана, находится высокая скала, возвышающаяся над местностью и дающая хороший панорамный вид на крепость и на реку с окрестностями. В скале, на высоте около 15 м, старательно вырублено помещение с окном для наблюдения. Как и в Оногуре, расположение делает его удобным наблюдательным пунктом, а также удобной самостоятельной оборонительной единицей.

Система водоснабжения. Она также связана с ранневизантийскими укреплениями, расположенными по течению реки Суха. Одно из вероятных сооружений данного назначения находится в крепости около Балика (рис.I,Ш; IO,A), построенной в I5 км южнее укрепления у Оногура (Бобчева I984, с.20-2I, 52-53, обр.9,39). В отвесных скалах, окружающих крепость с трех сторон, вырублено множество помещений, которые составляют, в сущности, большую пещерную монашескую колонию. Одна из церквей расположена в середине скального массива и связана системой вертикальных шахт и с рекой у подножия, и с крепостью над ней (рис.IO,23). В стенах шахт и сейчас видны вырубленные в скале гнезда, в которых крепилась деревянная лестница. Вероятно, эти лестничные переходы использовались как для водоснабжения, так и для военных целей при осаде (в качестве своеобразной потерны). Сооружение датируется второй половиной У или самым началом УI в., так как оно вырублено одновременно с церковью, архитектурный тип которой (сирийский прямоугольный алтарь без пастофорий и ориентированный в сирийской манере наос - длинной осью север-юг) вмещается точно в эти хронологические рамки (Атанасов I99I, с.39).

Другое сооружение, вероятно, относящееся к системе водоснабжения, находится в крепости около с.Голеш на правом берегу реки Суха (Бобчева I984, с.42-43, обр.39) (рис.I,УI) гораздо севернее укреплений у Балика и Оногура. Естественный грот (который был абсолютно засыпан) начинается с самой высокой части укрепленной территории и достигает в глубину почти уровня реки. После расчистки грота в I980-I982 гг. стало ясно, что он подвергался дополнительной искусственной обработке. Она ограничивается, в основном, вырубленной в скале витой лестницей, начинающейся с самого верха грота и достигающей большого помещения с выходом на северную крепостную стену. Затем лестница спускается к естественному водному источнику. Найденные монеты и керамика относятся к У-УI вв. и определяют время сооружения и использования этого объекта. В X-XI вв., когда здесь возобновляется поселение, грот вероятно был засыпан и заброшен, так как никаких находок этой эпохи нет.

ПЕЩЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ОКОЛО РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ В ПРЕДГОРЬЯХ БАЛКАН

Они в основном сосредоточены около крепостей на Провадийском и Ряшком плато. Почти все укрепления расположены на естественно защищенных скалистых мысах и на высоких террасах, образованных реками Провадийской, Камчией и их притоками. Карстовый известняк в этих местах обнажен на высоту 20-50 м над долинами рек и изобилует естественными пещерами. В большинстве случаев они были подвергнуты дополнительной обработке и старательно оформлены как пещерные церкви и монастыри с криптами, параклисами, трапезными, кельями и др. (Шкорпил I905, с.423-426, 435-440; Маргос I98I, с.II3-II4,II6). Имеется, однако, другая группа пещерных сооружений, где совершенно отсутствуют подобные культовые помещения. Как правило, они вырублены в скальном массиве непосредственно под крепостными стенами. Классическим представителем этого типа пещерных сооружений, по моему мнению, является комплекс у подножия крепости в местности "Голямото було" на левом берегу Провадийской реки, южнее села Невша, Провадийского района (рис.I-IX; II-A) (Маргос I98I, с.II5, табл.У-2,ХУI-Е; Шкорпил I905, с.409). С восточной крепостной стены начинается каменная лестница, ведущая к обширному помещению длиной около IO м (рис.I2,25,А). Оно, в свою очередь, было связано (сейчас связь прервана из-за обрушившейся скалы) с нижним этажом длиной более 40 м и шириной 4-5 м. Он представляет собой несколько помещений, отделенных друг от друга деревянными перегородками. Эти помещения расположены на I5 м ниже крепости на высоте 25 м от поверхности земли. Подобное расположение имеют и помещения северо-восточного направления (рис.I3,25,Б,В). Еще более недоступны помещения под западной крепостной стеной, расположенные в два яруса, которые связаны вертикальной круглой шахтой (рис.II,25,Г). Подобное сооружение, сейчас полуразрушенное, объединяло западную крепостную стену и верхний этаж комплекса.

Аналогично расположенный комплекс находится у подножия ранневизантийского укрепления Мухалийско кале на северных

склонах Рояшкого плато у села Китен Провадийского района (рис.I,XI) (Шкорпил 1905, с.421-422, табл.LXXIX-I,2,3). Вырубленные в скале лестничные переходы соединяют крепость с несколькими пещерными сооружениями, высеченными в скальном массиве под ней (рис.I4,26,27). Первое представляет собой самостоятельно оформленное прямоугольное помещение, второе- сооружение сравнительно больших размеров с хорошим обзором окрестностей (рис.I4,27), а третье представляет собой сооружение больших размеров, подобное комплексу в "Голямо було" (рис.I4,28).

В этой же зоне, но уже около самого города Провадия, возвышается крепость "Таш Хисар" (рис.I-УШ) (Шкорпил 1892 б, с.24-27, фиг.9-I3), расположенная на высоком, естественно защищенном скальном возвышении. В ее границах находятся три вырубленные в скале сооружения, связанные с системой водоснабжения. От западной крепостной стены три самостоятельные лестницы спускаются к вырубленному в скале сооружению общей длиной около 40 м и шириной 3-5 м, разделенному на семь помещений (рис.I4,29). Южнее находится еще одно самостоятельное помещение с очагом (рис.I4,30).

Описанные здесь сооружения и комплексы имеют много общего. Во-первых, все они расположены у подножия ранневизантийских крепостей, с которыми сообщаются обыкновенно с помощью специально вырубленных в скале лестниц. Во-вторых, доступ к ним со стороны подступов к укреплениям затруднен, а связь с самими укреплениями весьма ограничена и в случае необходимости может быть легко прервана и надежно защищена. В-третьих, в большинстве случаев следы долговременного обитания отсутствуют, что делает маловероятным их использование в качестве постоянных жилищ. А многие из них имеют такие размеры, что их отопление практически невозможно. Впрочем, открыто только одно отопительное сооружение в маленьком помещении. В-четвертых, отсутствие какого-либо вида культовых помещений: церквей, крипт, параклисов, трапезных и др. делает несостоятельным предположение о том, что именно эти комплексы являются пещерными монастырями (Маргос I98I, с. II4-II6). Впрочем, в районе крепостей этой зоны действительно исследовано несколько пещерных монастырей и скитов,

(Шкорпил 1905, с.389, табл.LXXУ-I), но в их планировке отлично видны упомянутые культовые сооружения. В-пятых, в большинстве случаев их размеры значительны, а кое-где просто внушительны. Такие сооружения, учитывая их расположение, усиливали фортификацию крепостей и могли использоваться в качестве наблюдательных пунктов и складов. Вместе с тем, в случае необходимости, они могли превратиться в самостоятельно обороняющиеся единицы и продолжать оборону даже после падения каменных укреплений. То есть они могут рассматриваться как последний и очень надежный оборонительный пояс, не поддающийся сожжению и фронтальной атаке ни со стороны крепости, ни со стороны ее подножия. Не исключено, однако, что некоторые из этих стратегических ранневизантийских военных и складских сооружений были позднее приспособлены под монашеские обители, как, например, комплексы у подножия крепостей в местности "Чукара" (рис.I-УП; I6,32) (Маргос I98I, с.II5; Шкорпил 1905, с.407, табл.ХХХУ-6) и "Малкото елеме" (рис.I-Х) (Шкорпил 1905, с.4I0-4II; Маргос I98I, с.II5), на левом берегу Провадийской реки (рис.I5,32). По своему расположению они напоминают помещения около "Голямото було", Таш Хисар и Мухалийско кале, но комплексы здесь завершаются параклисом. С одной стороны, возможно он обслуживал обитателей крепости, но более вероятно, что он являлся элементом пещерного скита. Но во всех случаях при вражеском нападении эти сооружения, будучи монастырями или нет, в частности, расположенные в местности "Чукара", могут выполнять и оборонительные функции.

Почти все ранневизантийские укрепления в этой зоне использовались повторно, действительно, жизнь в них прерывается к концу УI-УП в., но найденные фрагменты керамики свидетельствуют о том, что к концу Х - началу XI в. они заселяются вновь. Появившееся здесь болгарское население нахлынуло, вероятно, из равнинной зоны Северо-Восточной Болгарии, которая обезлюдела во время походов Святослава в 968-97I гг. и особенно во время печенежских нашествий во второй четверти XI в. (Атанасов I99I б, с.78-8I). В то же время в Северо-Восточной Болгарии в Х в. существует множество пещерных монастырей, которые также были покинуты в начале XI в. (Атанасов I990,

с.7,I2,I6,I8). В XI же в. прибывшие из Добруджи в предгорья Балкан переселенцы занимают покинутые ранневизантийские укрепления (подобные крепостям в "Голямото було" и "Малкото еleме"), тогда же появившиеся здесь монахи вновь используют некоторые из существующих пещерных сооружений в качестве обителей и одновременно создают новые, но это уже тема для специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Атанасов Г. Средновековни скални църкви в Силистренски окръг// ИНМВ.- 1984.- № 20 (35).

Атанасов Г. Към историческата география на Южна Добруджа// Добруджа.- 1987.- № 4.

Атанасов Г. Няколко скални манастири в Южна Добруджа// ИНМВ.- 1989.- № 25 (40).

Атанасов Г. Скални монашески обители в Добруджа (IУ-XIУвв) Авфтореф. на кандидатска дисертация.- София, 1990.

Атанасов Г. Ранновизантийски скални църкви и манастири в Южна Добруджа// Археология.- 1991 а.- № 33.

Атанасов Г. Етнодемографски промени в Добруджа// Исторически преглад.- 1991 б.- № 2.

Атанасов Г., Чешмéджиев Д. Скалният манастир до Варна// ИНМВ.- 1990.- № 26 (41).

Бабенчиков В.П. Пещерный комплекс Шулдана// Материалы эски-керменской экспедиции.-ИГАИМК.- 1935.- Вып.117.

Беляев С.А., Бушенков В.А. Исследование пещерного комплекса Чилтеры в 1973-1981 гг.// ВВ.- 1986.- № 46.

Бобчева Л. Археологическа карта на Толбухински окръг.- София, 1984.

Веймарн Е.В. Разведки оборонительных стен и некрополя// МИА.- 1953.- № 34.

Веймарн Е.В. Пещерные города Крыма в свете археологических исследований 1954-1955 гг.// СА.-1958.- № 1.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.- Симферополь, 1990.- Вып.1.

Маргос А. Средновековни скални манастири по Провадийското дефиле// ИНМВ.- 1981.- № 17 (32).

Маргос А. Средновековни скални обители по р.Бели Лом// ИНМВ.- 1987.- № 23 (38).

Овчаров Д. Ранновизантийското крепостно строителство по нашите земи (У-УП в.)// ИБИД.- 1974.- № 29.

Овчаров Д. Византийски и български крепости У-Х в.- София, 1982.

Шкорпил К. Абоба-Плиска// ИРАИК.- София, 1905.- № 10.

Шкорпил К. Североизточна България в географическо и археологическо отношение// СбНУ.- 1982 а.- № УП;

Шкорпил К. Североизточна България в географическо и археологическо отношение// СбНУ.- 1982 б.- № УШ.

Шкорпил К. Опис на старините по течението на Русенски лом: София, 1914.- № I.

Barnea J. Christian art in Romania.-Bucharest, 1981.- №2.

Delvoye C. Etudes d'architecture paleochretienne et loyrentine. Ī l'Abside// Byzantion.- 1962- №32.

Garai-Olaun A. Arqueologia criatiana de la Aniquedad en Alava, Guipuzcoa y Vyzcaya.- Vitoria, 1988.

Latxaga. Iglesias rupestres visigoticas en Allava.- Bilbao, 1976.

Restle M. Die byzantinische Wandmalerei in Kleinasien.- Recklighausen, 1967.

Restle M. Kappadokien // Reallexikon zur byzantinische Kunst.- Stuttgart, 1978.

Saens de Urturi F. Cuevas artificiales en Alava: Vitoria, 1985.

Salkin A., Toptanov D. Forteresse de la haute epoque byzantine au lieu dit "jaila' pres du village Kamen Brjag, departemend de Tolbuhin // Dobrudza. Etudes ethno-culturelles.- Sofia, 1987.

Schwarcz A. Die Anfange des christentums bei den Goten // Misscellarea Bulgarica.- Wien, 1987.- №5.

В.Н.Даниленко

МОНАСТЫРЬ ЧИЛЬТЕР-КОБА: АРХИТЕКТУРНЫЙ АСПЕКТ

В одном из наиболее живописных и удобных для жизни урочищ Крымского полуострова расположен уникальный комплекс археологических памятников средневекового времени, в том числе состоящих или имеющих в своем составе искусственные пещерные сооружения: Сюйренское укрепление, небольшой монастырек Чильтер-коба, ряд сельских поселений, несколько групп тарапанов (давилен для винограда), зерновые ямы, загоны для скота и пр. (рис.I). Эти памятники хотя и были известны с начала прошлого века, но не привлекали особого внимания историков и археологов, краеведов, туристов. Если укрепление описано более или менее подробно (Веймарн, Репников I935, с.II5; Якобсон I959, с.I20-I22; Дорогой тысячелетий I966, с.8I; Якобсон I970, с.I7-I8; АрхеологIя УкраIнськоI РСР I975. Т.Ш, с.463; Якобсон I974, с.I93-I94; Герцен, Махнева I989, с.49-52 и др.), то о других памятниках имеются лишь упоминания или краткие поверхностные описания. Типичное описание монастыря обычно ограничивается примерно такой информацией... "небольшой пещерный монастырь Чильтер-коба, находящийся в западном ответвлении балки. Его пещеры высечены в обрыве, напротив которого у подножия скалы находятся остатки винодельни..." (Дорогой тысячелетий I966, с.8I). Не повезло этому району и с археологическими исследованиями. Проводившиеся здесь ранее раскопки явно не соответствуют значению памятников, скорее их можно определить как разведочные шурфовки. (Баранов I97I, с.88-92; Талис I972, с.2I5-229). Лишь в I978 г. были проведены более масштабные работы, сочетавшиеся с углубленными разведками окрестностей (Воронин, Даниленко и др. I979, с.3I3-3I5). А между тем памятники этого района сравнительно хорошо сохранились, а в некоторых деталях значительно лучше, чем другие пещерные сооружения Крыма.

Долина Бельбека "принадлежит,- по словам Гр.Караулова,- к лучшим и плодороднейшим долинам в горной части Крымского полуострова". "Долины эти,- продолжает он,- обставлены довольно высокими горами и громадными скалами самых фантастических форм и очертаний. Посреди гор и скал текут по долинам многочисленные ручьи и потоки, обильные водою; извилистые берега этих горных речек и потоков и прилегающие к ним зеленые поляны покрыты богатыми садами и виноградниками, а по горным скатам и оврагам виднеются темнозеленые пространства растущих здесь довольно значительных лесов. Прибавив к сказанному, что море здесь отовсюду недалеко..., мы сделаем ясным для читателя, что чувство изящного удовлетворяется здесь вполне теми разнообразными и живыми ландшафтами, которые открываются глазам посетителя почти с каждой горной возвышенности". (Караулов Б/г, с.3,4).

На такое превосходное место человек, естественно, обратил внимание очень давно, он оценил его достоинства и поселился здесь. К числу наиболее древних памятников Крыма относится местонахождение близ с.Куйбышево (Щепинский I979,с.89,92). Поздним палеолитом и мезолитом датируются стоянки в Сюренских гротах (Мережковский I88I, с.III и сл.; Бонч-Осмоловский I934, с.II9 и сл.; Векилова I957, с.235-323; ТелегIн I982, с.65-69). С тех времен и до сегодняшних дней жизнь в этих местах не прекращалась, о чем свидетельствует множество самых различных археологических памятников. Упомянутое урочище с многочисленными, главным образом, средневековыми памятниками является ответвлением Бельбекской долины. Оно невелико по площади, зажато со всех сторон высокими обрывистыми скалами. Почти под прямым углом друг к другу возвышаются похожие на стройные корпуса боевых кораблей мысы Куле-бурун и Джаниче-бурун, образующие внешние границы урочища. В глубине его громоздится мрачноватый мыс Ай-Тодор (местные жители называют его Гроб-скала за его несомненное сходство с гигантским гробом, если смотреть снизу, из долины Бельбека) и чуть выступает над зеленью мыс Серый Лоб. От подножий скал спускаются крутые склоны, образующие глубокие балки. Склоны и сами балки покрыты лесом. Это обычный для Крыма лес - порослевый дуб, кизил, можжевельник, терн,

лещина. Кое-где ветви кустов увиты побегами одичавшего (но некогда культурного) винограда. Среди массы кустарниковой растительности встречаются отдельные старые большие деревья – высокие сосны, дубы в два обхвата и редкостные экземпляры тиса ягодного. Вне всякого сомнения, в древности полуостров был более богат лесом, чем в наши дни, как в количественном, так и в качественном отношениях. Академик В.Ф.Зуев отмечал в 1782 г., что "поверхность Крымских гор покрыта лесом к строению судов годным" (Зуев 1783, с.271). Леса были настолько дремучими, что в них водилось "зайцев и птиц великое множество", "в горах волки и кабаны" (Клеман 1783, с.78). При этом нужно отметить, что наиболее знаменитое дерево Крыма – дуб в 8 обхватов толщиной – зафиксировано вблизи нашего урочища, в Биюк-Сюрени (Протоколы... 1916, с.239). Один из результатов значительной лесистости – существенное увеличение стока рек – был заметен еще в середине XIX в.: для русской армии переправа через Бельбек казалась "слишком затруднительной" (Панаев 1877, с.487). Живым свидетельством прежнего лесного богатства в рассматриваемом урочище служит сохранившаяся крошечная рощица тиса (Згуровская 1981, с.18). В таком лесу было больше не только дичи, но также грибов, ягод, больше сушняка, словом, условия для жизни отшельников. Урочище весьма обильно водой: один из имеющихся здесь источников и сейчас снабжает отличной водой жителей расположенного ниже села, а у самого монастыря вытекает из-под скалы другой, поменьше первого. В соседней балке в двух пещерках прячутся еще два небольших ключа.

Урочище удивительно живописно. Оно красиво спокойной, неброской красотой во все времена года. Массы скал уравновешивают друг друга, создавая некоторую природную симметрию, ласкающую глаз наблюдателя. Замкнутое пространство между скалами надежно укрыто от ветров почти всех направлений, склоны прогреваются солнцем, внутри урочища обычно тихо и чуть теплее, чем за его пределами.

Для монахов, искавших душевного покоя, вполне понятна особая тщательность в выборе места под монастырь. Чем прекраснее окружающая природа, тем легче войти с ней в гармонию. Чем проще добывать средства для существования, тем менее суетной

представляется жизнь, тем полнее можно посвятить себя служению богу, духовным исканиям, больше времени и сил можно отдать молитвам, поискам внутреннего покоя.

Весьма любопытна система топонимов урочища, хотя не все в этом отношении ясно, а многое просто запутано. Так, название укрепления транслитерируется различными способами – Сурен, Сюрень, Сюйрень, монастыря – Челтер, Чильтэр, Чильтера и пр. Дюбуа де Монпере сообщает, что его проводник – татарин называл башню Кудлет-Кале (*Dubois de Montpereux* 1843, v.VI, p.361). П.Кеппен говорит, что "у татар она известна под именем Кулле (башня)" (Кеппен 1837, с.292). Монастырь большинство авторов именуют Чильтер-Коба, а А.Л.Якобсон без указания источника информации – Джур-Джур-коба (Якобсон 1970, с.18). Более того, с самим расположением урочища произошла какая-то труднообъяснимая путаница: ближайшее к нашей группе памятников село – Малое Садовое (б.Кучук-Сюрень), но по утверждению того же А.Л.Якобсона – Танковое (б.Биюк-Сюрень). Здесь не место анализировать всю географическую номенклатуру района. Остановимся лишь на трех названиях, имеющих прямое отношение к монастырю. Прежде всего, название самого монастыря – Чильтер-коба. Известно, что в Крыму два монастыря именуются именно так; кроме рассматриваемого, есть еще Чильтера(Мармара) в Кара-кобинской долине, невдалеке от с.Терновка (б.Шулю). В тюркских языках "челтер" означает "кружево", "сетка", "решетка" (Татарско-русский словарь 1968, s.v.). В крымских диалектах (например, в караимском) "чильтер" имеет более локальное значение, а именно: "деревянная решетка", "перегородка" (Караимско-русско-польский словарь 1974, s.v.). Все средневековые пещерные памятники состояли из собственно пещеры и обязательного дополнения к ней в виде деревянных наружных стенок, внутренних перегородок, балконов, дверей, перил, лестниц, "встроенной" мебели и пр. При взгляде с некоторого расстояния монастырский комплекс (как и другие подобные сооружения) имел бросающееся в глаза сходство с решеткой, где деревянные панели заполняли пространство внутри более или менее регулярно расположенных каменных рам.

Название Чильтер-коба метафорично, оно основано на чисто

внешнем сходстве и ничего не говорит о сути явления, скрытого за термином. Возникло оно уже в тот период, когда среди местного населения господствовал татарский язык, когда появилось большинство остальной номенклатуры окрестностей (названия деревень, вершин, мысов, балок и пр.). К счастью, сохранилось еще одно название монастыря, проливающее свет на первоначальное, точнее говоря, на того святого, кому он был посвящен. Уже упоминалось, что мыс, в скалах которого высечены пещеры монастыря, в ряде источников называется Ай-Тодор, что, по всей вероятности, указывает на факт посвящения монастыря Св.Федору.

Балка в середине урочища носит название "Хор-Хор". Просто "хор" - значит "плохой", "дурной", а уж "хор-хор" - видимо, такой плохой, что дальше некуда. И действительно, правоверному мусульманину самая прекрасная, самая живописная местность будет казаться просто отвратительной, если она фланкирована с одной стороны христианским монастырем, с другой - настоящим винзаводом (целых I7 тарапанов под навесом у оконечности мыса Джаниче-бурун и еще пара в соседнем гроте). Таким образом мы имеем дело не с немыми развалинами, а с объектами, имена которых звучат, и притом очень выразительно.

Как уже упоминалось, интересующий нас монастырь Чильтер-Коба расположен на мысе Ай-Тодор. Продольная ось этого мыса направлена почти по линии север-юг. С западной стороны между обрывом и склоном образуется более или менее широкая горизонтальная площадка, переходящая в глубокий и длинный грот. Длина его более I40 м, и, насколько нам известно, другого такого грота в Крыму нет. В начале грота образовалась глубокая карстовая пещера, где был устроен храм монастыря. На площадке и в прилегающей к ней скале, а частично и к югу от храма, расположились кельи и хозяйственные помещения монастыря.

Подниматься из долины к монастырю можно двумя путями. Первый путь более длинный (около I км от развилки дорог), но сравнительно пологий (лишь на отдельных, коротких участках угол наклона приближается к $I5^{0}$), достаточно широкий и удобный. Он проходит по безымянной балке, параллельной Хор-хор западнее Джаниче-бурун. И сейчас здесь грунтовая дорога, ве-

дущая на плато, где она направляется в сторону Мангупа. От основной дороги сейчас ответвляется чуть ли не в обратную сторону тропа; она, используя горизонтальную полку, трассирует склон в направлении окончания скального массива, огибает его, проходит дальше вдоль внутренних склонов Хор-хор, под мысом Серый Лоб, мимо источников, по Большому гроту. В прошлом по направлению тропы проходила дорога, условия это вполне позволяли, следы ее в виде подпорных стенок, подрезок склонов, состояния растительности сохранились во многих местах.

Примерно за 60 м до входа в большую пещеру дорога достигает места, где был въезд в монастырь. Он был оформлен в виде ворот. На это обстоятельство указывает несколько фактов. На вертикальной части скалы, к которой примыкали ворота, сохранился домообразный выруб. Надо полагать, здесь применен прием, широко использующийся и до наших дней: поверхность стены покрывается водочепроницаемым материалом (в данном случае черепицей) со скатами в противоположные стороны. Ближние к стене черепицы и крепились в упомянутых пазах.

Чуть выше в скале вырублены четыре ниши, они неглубоки и относительно невелики по размерам. Совершенно очевидно, что в них помещались иконы. Иконы и кресты над входом в церкви и монастыри - обычное и даже обязательное явление в эпоху средневековья. Там, где сохранились такие входы, мы везде видим над ними иконы, росписи (напр. Христов, Стоиков, Миятев I957, черт.I4,I6, фото 5,25). В этих случаях считалось, что входы защищаются от нежелательного вторжения не только прочными дверями или воротами, но, в первую очередь, небесными силами (ср.Раппопорт I986,с.92). Наиболее полно та же идея воплощалась тогда, когда над входом в монастырь возводилась надвратная церковь. Пример - Троицкая церковь XП в. в Киево-Печерской лавре. (Асеев I982, с.92, рис. на с.85,86, 87). Само место наиболее удобно для устройства ворот, поскольку скальная площадка здесь максимально сужается (до 5,I м против I6,6 м в 30 м севернее и I7,3 м в 30 м южнее). Только после этого сужения появляются подтески вдоль обрыва, указывающие на наличие здесь наружной оборонительной стены, защищавшей весь монастырь.

Наконец, проведенные на месте постулируемых ворот зачистки дали лишь незначительное количество совершенно невразумительного материала, среди которого один небольшой фрагмент красноглиняного столового сосуда, покрытого по ангобу прозрачной поливой, слабо окрашенной в желтый цвет, без орнамента. Подобные сосуды могут быть датированы в очень широких пределах от X до XIУ-XУ вв. Совсем не датируются II фрагментов тонкостенных красноглиняных кувшинов и 8 обломков неопределенных керамических изделий. Зато именно здесь после снятия тонкого почвенного слоя зачищен ряд канавок, вырубленных в скале, идущих параллельно друг другу и пересекающихся под прямыми углами с такими же канавками (рис.2а). Их ширина - 0,I0-0,I4 м, глубина - 0,I2-0,I5 м. Наличие канавок свидетельствует о какой-то строительной деятельности в этом месте, хотя объяснить их назначение затруднительно. Можно предположить, что они предназначались для укладки в них бревен, которые нивелировали поверхность под цоколь стены. На первый взгляд представляется маловероятным, чтобы основанием массивной каменной стены служили деревянные лаги. Однако история строительного искусства дает множество примеров того, что в аналогичных случаях дерево употреблялось в каменных кладках достаточно широко. Витрувий рекомендует закладывать в толщу оборонительных стен брусья из обожженного масличного дерева: "такому лесу не могут повредить ни гниль, ни непогода, ни время". (*Vitr.* I,2,3). Не нужно забывать, что самый обыденный прием при строительстве на слабом грунте - подведение под каменное сооружение, иногда очень большое и даже грандиозное, деревянных свай (напр., *Alberti* ,П,6; Ш,3;Ш,5). В данном случае стена, не особенно толстая и высокая, вполне могла покоиться на балках, если была правильно подобрана порода дерева (масличное, разумеется, исключается). Такой прием экономил массу сил и времени, поскольку пробить канавки и уложить в них обработанные бревна значительно проще и легче, чем подтесывать скалу под всей площадью стены (а она не так мала - не менее 25-30 м^2). Если наше объяснение верно, то можно определить толщину стены и ширину воротного проема. Канавки, пересекающие дорогу, отстоят друг от друга на I,60 м. На них укладывались наружная и внутренняя обли-

цовки, а следовательно, именно таковой была толщина стены. Нужно признать ее вполне достаточной, имея в виду невозможность подвезти к стене таран и узость площадки перед ней, что исключало сосредоточение значительных штурмовых отрядов противника. Ширина ворот определяется двумя продольными вырубками, расстояние между которыми составляет I,80 м. Такая ширина также может быть признана вполне удовлетворительной для крошечного монастырского хозяйства. Совокупность всех приведенных факторов не позволяет сомневаться в том, что именно рассматриваемое место служило для размещения ворот, а другого места для въезда в монастырь, собственно говоря, нет.

Ворота можно реконструировать в виде высокой арки (рис. 2б), что характерно для большинства оборонительных сооружений Крыма, относящихся к разным эпохам средневековья: арочные въезды сохранились в Каламите, Мангупе (цитадель), Чуфут-кале, Кыз-куле, Солдайе, известны по письменным сообщениям на Эски-кермене (Сумароков I805, ч.П, с.48), Сюреньском укреплении (Кеппен I837, с.20I-294; Кондараки I885, рис.на с.64), Капу-дере на Мангупе (Броневский I867, с.343) и др.

Другой путь к монастырю был лишь тропой, не доступной для колесного транспорта. Пешеход или всадник поднимался вначале по балке Кизильник, под мысом Ай-Тодор он поворачивал на склон этого мыса, обходил его, попадал на северо-западный склон балки Хор-Хор, проходил под всеми монастырскими сооружениями и, наконец, подходил к калитке. Поднимались к калитке по лестнице из нескольких ступеней, частично деревянной, частично вырубленной в скале. От конструкции калитки остались углубления для бревен толщиной более 0,25 м.

Оба входа вели в северную часть Большого грота. В этом месте ширина навеса грота и его высота весьма впечатляющи, они составляют соответственно свыше I6 и 5,I м. При расстоянии около 50 м от ворот до пещеры храма образовалось обширное пространство, почти полностью закрытое от дождя и снега.

Поскольку монастыри были хозяйственными организациями, где почти все монахи работали в обязательном порядке, чтобы прокормить себя, где имелись домашний скот, птица, где в конце сезона полевых работ сосредоточивались большие припасы

продовольствия и фуража, совершенно необходимым элементом каждого из них был хозяйственный двор. Идеальным местом для такого двора в Чильтер-кобе явилось описанное пространство сразу за воротами. Поверхность скалы здесь относительно ровная, с наклоном к обрыву. Край обрыва, начиная от ворот, был огражден оборонительной стеной, от которой во многих местах сохранились подтесанные постели на скале. Судя по ним, наружная облицовка была сложена из отесанных камней, имевших в длину до 0,65-0,70, а в ширину до 0,30-0,35 м. Толщина стены не превышала 0,8 м. Заканчивалась она у самого северного конца площадки, примыкая здесь к скале. При этом для концов камней каждого ряда также были устроены постели, внешне это напоминает ступени, которые указывают высоту стены. Вероятно, она была менее 2 м, а потому ее скорее можно считать парапетом, а не подлинной оборонительной стеной, каковая и не особенно была нужна, имея в виду, что высота обрыва колебалась в пределах 4-6 м, а сразу под ним начинался очень крутой склон. Такая система обороны вполне обеспечивала безопасность монастыря. Разумеется, она была недостаточна против многочисленной хорошо обученной и оснащенной армии, но таковая и не предвиделась в качестве противника монастыря. А для банд-грабителей, разбойников принятые защитные меры были непреодолимым препятствием.

Прямо против ворот, на противоположном конце хоздвора был вход в жилую и, если можно так сказать, общественную часть монастыря, где жило большинство монахов, где находилась трапезная с кухней и, наконец, где была главная святыня - пещерный храм.

Входы как бы контролировались из небольшой пещерки (№ I5). Здесь, нужно думать, жил привратник, которому было недалеко и до ворот, и особенно до калитки, ведь ею пользовались чаще, чем воротами.

Все хозяйственные и жилые пещеры объединяются в несколько групп (рис.3):

I. Северная часть площадки, наиболее широкая и хорошо укрытая от непогоды. Кроме вырубленных в скале пещер, еще целый ряд келий был возведен на самой площадке, но ни их размеры, ни даже количество установить не удается. Возможно,

это были три-четыре каменные хижины, прямоугольные в плане, по размерам сопоставимые с пещерами, то есть около 6-8 м^2.

2. Описанная площадка отделяется от продолжения ее к югу массивным барьером, высеченным в скале и имеющим проход внутри. Северная часть по уровню лежит несколько ниже (примерно на метр), чем южная. Здесь площадка сужается, становится менее прикрытой сверху, но примыкающая к ней скала, как сотами, тесно пробита пещерами-кельями. И это неудивительно - рядом вход в храм.

3. Как упоминалось, небольшая группа пещер концентрируется в районе ворот.

4. В конце грота, примерно в 85 м от ворот, вырублены еще две пещеры, сохранившиеся очень плохо: продолжается формирование Большого грота, размораживается его потолок, а он-то и является полом пещер.

Дальше приводится описание всех пещер подряд, в направлении с севера на юг (рис.3). Там, где возможно, мы попытаемся дать графические или словесные реконструкции внешнего облика и интерьера пещер[I]. Мы исходим из того, что реконструкция является не только иллюстрацией, но и важным методом исследования. Поскольку пещерные сооружения имели деревянные элементы, которые монтировались с помощью специальных вырубов, пазов, углублений в скале, то задача реконструкции часто сводится к воссозданию именно утраченных деревянных деталей. Искусственные пещерные сооружения имеют перед наземными постройками то преимущество, что в большинстве случаев исследователь сталкивается не с бесконечным количеством одинаково вероятных вариантов, а как максимум, с двумя-тремя возможностями восстановления того или иного элемента.

При решении задач, связанных с выбором наиболее достоверных вариантов реконструкции, могут применяться в определенных границах методы математического моделирования, ибо здесь имеются условия, сходные с теми, которые возникают при нахождении оптимального решения из ряда альтернативных. Статистический подход позволяет оценить вероятность каждого параметра и всей конструкции в целом. Введение дополнительных кри-

[I] Все обмеры выполнены под руководством Ю.С.Воронина, реконструкции автора.

териев позволяет увеличить степень вероятности: указания письменных источников, аналогии, сведения о методах и обычаях того времени, к которому относится реконструкция, наконец, психологические аспекты, такие как соображения здравого смысла и целесообразности.

Помещение № I (рис.4). Самая крайняя келья расположена буквально в углу, образованном массивом скалы и оборонительной стеной. Здесь было место, укрытое от ветров всех направлений и достаточно защищенное от дождя, так как навес уже довольно глубок. Обращает на себя внимание несколько уединенное положение кельи – между ней и соседней значительное расстояние, где могла бы свободно разместиться одна, а то и две пещеры (в строении скалы нет ничего, что этому бы препятствовало), но на деле этого не произошло. Видимо, были причины идеологического, организационного или иного характера. Пол кельи выше уровня площадки примерно на 0,9-I,0 м, вход наверняка был по деревянной лестнице, от которой, впрочем, никаких следов не осталось. Вообще передняя часть описываемой пещеры очень сильно пострадала от времени, значительный пласт камня вывалился, поэтому трудно с уверенностью определить даже направление передней деревянной стенки, а следовательно, и площадь кельи. Углубления в полу и южной стене позволяют предположить, что передняя стенка пещеры была не ровной, а изломанной. Справа, если стоять лицом к келье, располагался вход шириной около 0,8 м. Под углом к нему стояла собственно стенка, проходившая в направлении к углублению в полу у северной стороны пещеры. В таком случае линейные размеры помещения приближаются к 3,4 x I,8–I,9. Удобное расположение, некоторая дистанцированность по отношению к другим как будто бы подсказывают, что эта келья была жилищем лица, занимавшего важную должность в монастыре, например, настоятеля. Этому противоречат небольшой размер (около 6 м^2), меньше среднего показателя, и крайняя небрежность исполнения: углы округлены, пол косой, задняя стенка имеет сильный наклон вперед, что фактически сокращает полезную площадь, чистота обработки стенок, пола и потолка ниже всякой критики, высота помещения всего около I,6 м. Следов того, что мы условно называем встроенной мебелью, практически нет, а на наклонном

полу обычная мебель должна была качаться и двигаться. Такая неудобная и как бы преднамеренно небрежно сделанная келья скорее могла предназначаться для монахов чем-то провинившихся, нарушивших какие-то правила, и служить, таким образом, своеобразной внутренней темницей. Тогда понятно и ее несколько изолированное положение в монастыре.

В древности человек, только что принятый в монастырь, помещался на первое время, как бы на период испытания, в пещере по соседству с обителью настоятеля (Руфин I898, с.7I, 8I). Нельзя исключить такую возможность и в нашем случае.

Помещение № 2 (рис.5). Одно из самых больших жилых помещений монастыря. Наибольшая длина – 4,4 м, ширина – 2,8 м. Площадь пола примерно II,5 м^2. В отличие от других келий, эта имела четвертую каменную стенку. Сейчас посредине ее большое бесформенное отверстие, образовавшееся в результате разрушения дверного проема. Мы не можем установить, какова была ширина двери, но ее высота не превышала I,4 м, так что входя, посетитель должен был сильно сгибаться. Что касается внутреннего убранства, то, несмотря на обилие различных вырубов, реконструировать его сложно; вероятно, интерьер неоднократно менялся и все вырубы никогда не работали одновременно. Похоже, что левая от входа часть пещеры была отгорожена и служила своеобразной спальной нишей. Вдоль задней стенки вытянулись в ряд пять вырубов, круглых в плане, диаметром 0,25–0,27 м и при глубине до 0,I м. Примыкает к ним еще один вырубе диаметром 0,I5, глубиной 0,03 м, сдвинутый несколько в сторону от общей оси. Все эти вырубы явно столбовые. На столбах крепился какой-то помост, возможно, просто большой стол.

Пол пещеры возвышается над уровнем площадки на 2,4 м. Прямо под ней устроена еще одна пещера (№ 3) (рис.6 а,б,в), неглубоко врезанная в скалу – всего на I м. Ее передняя часть, пол которой лежит ниже уровня площадки, перекрывалась частично лестницей, ведущей наверх, частично же специально сооруженным деревянным чехлом. Получалось помещение размерами 2,6 x I,8 м. Оно, скорее всего, носило складской характер и было связано с вышележащей пещерой. В качестве предположения можно высказать мысль, что в помещении № 2

жил эконом монастыря. В кладовой хранились припасы, а на массивном столе в келье они разделывались, взвешивались и т.п.

Помещение № 4 (рис.7) занимает центральное место на северной площадке. Пол пещеры примерно на I,6 м выше уровня площадки. Сделана она аккуратно, обработка поверхности и деталей сравнительно тщательная. Форма в плане приближается к трапециевидной. Площадь около 7 м^2, высота потолка - I,7-I,9 м. В левом заднем от входа углу на боковой и задней стенках проделаны горизонтальные пазы длиной I,0 и 0,8 м на высоте 0,7 м над полом. Как раз такую высоту имеют столы нового времени. Для кровати - обязательной принадлежности кельи - остается только одно место - у задней стенки от стола до противоположной стенки, то есть расстановка мебели такая же, как и в некоторых других помещениях (см. № II). Но в правом дальнем углу выдолблен в скале очаг в виде круглого в плане углубления диаметром 0,45, глубиной 0,34 м с небольшим ответвлением (подобные очаги нередки, например, в Уплисцихе, где они, правда, датируются в основном поздним временем- XУI-XУП вв.). Значит, кровать занимала место между столом и очагом, либо они относятся к разному времени. В задней стенке симметрично расположены две ниши близкого размера: 0,45 x 0,42; 0,45 x 0,38 при глубине 0,32 и 0,24 м. Они могут предназначаться для размещения икон.

Описываемая келья в несравненно большей степени, чем помещение № I, подходит для игумена монастыря. Уже отмеченное центральное положение, размеры одни из самых больших, тщательная и даже красивая отделка поверхностей пещеры, наличие чуть ли не единственного очага, согревавшего помещение в зимние холода,- все это делает келью подходящей для предположения, что здесь жил глава монастырской братии. Нужно иметь в виду, что в те отдаленные времена, когда жизнь была проста и даже примитивна, все монахи работали, своими руками добывая хлеб насущный, трудно было бы ожидать слишком больших контрастов в положении монастырской верхушки и рядовых иноков, особенно в крошечном монастырьке, заброшенном на далекую окраину государства.

Помещение № 5 (Рис.8) имеет вход с торца, а не в длинной

стороне, как в большинстве других келий. Одна ступенька (верхняя) перед дверью вырублена в скале, дальше до поверхности площадки шла деревянная лестница. Войдя в дверь шириной 0,7 м, от конструкции которой остались столбовые вырубы, посетитель попадал в крошечное промежуточное помещение (I,4 x I,4 м), отделенное от остальной пещеры скальной ступенькой. Эта основная часть имеет неправильную форму, максимальные параметры - 3,7 x 2,6 м, а площадь примерно 6,9 м^2 (общая площадь до 9 м^2). Трудно подыскать объяснение двум округлым вырубам в полу диаметром около 0,5 м. Здесь, у задней стенки, подходящее место для кровати, но такая конструкция кровати - на двух столбах - нам неизвестна, что впрочем, отнюдь не исключает ее существование.

Помещение № 6 (Рис.6 г,д,е) расположено в конце северной площадки, у самого скального барьера, разделяющего площадку на две части. Пещера небольшая по площади (основная часть 2 x 3 м) и сильно пострадала от времени. Нет возможности даже определить ее высоту, впрочем, не исключено, что уже в момент сооружения значительная часть ее была достроена в дереве, что именно таков был замысел.

Одним из важнейших сооружений каждого христианского монастыря является трапезная, включающая обычно, кроме комнаты или зала для совместных трапез монахов, еще и подсобные помещения, такие как кухня, кладовая и пр. Трапезной в Чильтер-кобе были помещения № 7,8,9,I0. Они располагались во втором или даже третьем ярусе пещер, частично над северной площадкой, частично над ее продолжением к югу. Все они теснейшим образом связаны между собой и заведомо являются единым комплексом. Это подчеркивается не только их положением среди других помещений монастыря, но также и анфиладной их планировкой, при которой попасть в каждое последующее можно только через предыдущее. Нумерация помещений строго следует с севера на юг, описать же их удобно в противоположном направлении, именно так, как по ним ходили люди.

Вдоль помещения № II за пределами его деревянной стены устроен был узенький балкончик. Пройдя по нему, нужно было подняться по небольшой деревянной лестнице, чтобы попасть в помещение № I0. Оно и соседнее с ним отмечены черными от ко-

поти потолками и стенами, их можно выделить издалека по громадным языкам плотно въевшейся в скалу копоти, доходящей чуть ли не до самого верха скалы. В комнатах постоянно, с утра до вечера, горел огонь, для примерно полутора десятков человек готовились завтрак, обед и ужин. В перерывах нужно было помыть посуду, испечь хлеб, возможно, здесь же постирать. Все это длилось столетиями и нет ничего удивительного в том, что копоть настолько глубоко въелась в камень, что и сейчас ее можно удалить только вместе с поверхностным слоем скалы.

Помещение № I0 (Рис.9,а,г,д) имеет форму параллелограмма со сторонами 3,0 и I,6 м и площадью 4,5 м^2. На боковых стенках хорошо видны пазы для крепления четвертой, наружной стенки. Вообще на стенах и особенно на полу очень много разного рода пазов и вырубов, но, к сожалению, проследить какой-то четкий порядок в их расположении не удается. Вероятно, служил очагом или подом печки большой трапециевидный выруб, направленный по центральной оси комнаты (основания - 0,52 и 0,38, боковые стороны - 0,48, при глубине 0,I7 м). Сам выруб и площадь вокруг него глубоко прокалены и стали совершенно черного цвета.

Вход в соседнее помещение № 9 через дверь шириной 0,84 м. Такая значительная ширина как бы компенсирует малую высоту - I,22 м. Оставлен высокий порог - 0,I м, а над дверью нависает до 0,50 м стены. Дверь можно было сделать вполне пристойной высоты, так как общая высота комнаты I,8 м, но почему-то ограничились такой, через которую проходить можно, лишь согнувшись в три погибели.

Помещение № 9 (Рис.9,б,е) имеет форму, близкую к трапеции, у которой основания 3,26 и 2,2, боковые стороны - I,86 (I,90 м). Наружная стенка более чем наполовину выполнена в камне, то есть вытесана из той же скалы, что и все остальные. Недостающая часть была сделана из дерева, пазы для крепления ее торцов видны с обеих сторон. На полу обращает на себя внимание выруб (0,52 х 0,29 м) со стоком, уходящим под деревянную часть наружной стенки, и особенно вырубы под какое-то большое и сложное сооружение в северо-западном углу. Не исключено, что это и была большая печь, на которой готовилась

пища для всей братии. Дверь в следующее помещение также очень маленькая, она не только низкая (0,9 м), но и имеет ширину всего около 0,5 м, так что в нее приходилось в полном смысле слова протискиваться. И это несмотря на то, что все монахи проходили здесь ежедневно два-три раза в одну и столько же в другую сторону, как мы увидим чуть позже.

Пол следующего помещения № 8 (Рис.9,в,ж) находится ниже уровня предыдущего на 0,9 м. Это крошечная комнатка, площадь которой всего 3 м^2. У задней стенки, судя по двум вертикальным пазам, был шкафчик, а также связанные с ним полки, возможно, для посуды - место для этого вполне подходящее. Но в результате остается проход шириной всего в I м с небольшим. Кажется, данная пещера только и служила для прохода из кухни в собственно трапезную.

В Афонских монастырях встречается такая деталь: "кельи, находящиеся в верхних этажах, обслуживаются крытыми галереями или окаймлены выступающей галереей, своего рода балконом, который служит одновременно и для сообщения, и в качестве веранды" (Шуази I937, т.П, с.66).

Такой же прием был применен и в монастыре Чильтер-коба. Трапезная и кухня здесь подняты высоко над уровнем площадки. Место, на первый взгляд, не особенно удобное: не только каждому иноку приходилось по узким и крутым лестницам подниматься в трапезную, а затем спускаться три раза в день, но, что еще сложнее, ежедневно доставлять на значительную высоту продукты и воду, выносить отходы. Может показаться странным, почему трапезная - одно из важных помещений каждого монастыря - расположена столь неудобно. Никакими положительными сведениями по этому вопросу мы не располагаем. Можно лишь выдвинуть различные предположения, как-то объясняющие недоумение. Например, можно думать, что после основания обители монахи некоторое время жили разрозненно, заняли под жилье всю имевшуюся в их распоряжении площадку, а спустя какой-то срок приняли общежительный устав, это потребовало устройства ряда особых помещений, среди которых на первом месте была трапезная (Никон I904, с.I29). Другого места, кроме как в верхнем ярусе, не нашлось. Наиболее вероятный вариант объяснения: кухня, помещенная в нижнем этаже, своим дымом

и копотью не дала бы жизни всем, кто поселился бы выше, и вообще, живя в горах, люди привыкли к повседневному преодолению высоты; подъем на 5-7 м даже пожилым и не вполне здоровым монахам казался настолько обыденным, что не вызывал никакого внутреннего сопротивления. Время же, теряемое на это, во-первых, компенсировалось малыми размерами монастырской территории, а во-вторых, оно не считалось серьезной потерей, о которой стоило бы жалеть. Представления о времени коренным образом отличались от современных. Как бы там ни было, но добраться до трапезной было не просто, и строители попытались максимально облегчить этот путь. На скале между пещерами № 8 и 7, на уровне чуть ниже их полов, сохранились парные пазы, по форме близкие к квадрату со стороной около 20 см и глубиной до 8 м. В них вставлялись деревянные брусья таким образом, что в каждой паре верхний крепился горизонтально, а нижний являлся подкосом. На них опирался балкон или терраса (рис.I0). Сюда выходили двери кухни и трапезной, здесь был проход из одного помещения в другое. В трапезную никак иначе не попадешь. И сейчас пришлось забивать крючья и применять альпинистское снаряжение для того, чтобы произвести обмер этого помещения. В древности же этот путь был легким и простым - всего несколько шагов по удобному и прочному переходу, огражденному перилами и перекрытому сверху крышей. Над нижним рядом пазов сохранились такие же парные углубления, но меньшего сечения, на которых лежал навес, возможно, покрытый черепицей. Подобные висячие галереи, террасы, балконы или даже комнаты широко применялись и в других пещерных памятниках Крыма. Некоторые из них описаны первыми путешественниками по Крыму, другие видны на старых рисунках (например, из альбома Кюгельгена).

И.М.Муравьев-Апостол, совершивший поездку по Крыму в I820 г., был в Успенском монастыре, от которого к его времени осталась действующей одна церковь. "Примечательного я в ней ничего не нашел, - пишет он, - кроме ужасного подле нее балкона, над пропастью висящего". "От внутренней в горе лестницы, не доходя до церкви влево, есть деревянная комната, также наружу вне скалы, как ласточкино гнездо, висящая. В ней живут стражи храма, престарелый диакон, грек с женою

своею. Они пригласили меня в воздушную хижину свою, в которой четыре человека едва могут поместиться" (Муравьев-Апостол I823, с.I25,I26). На рисунке Успенского монастыря (Кулаковский I906) можно рассмотреть и ряд открытых балконов, и полуокруглое сооружение (алтарь одной из церквей?), и крытую черепицей галерею, опирающуюся на длинные высокие столбы, и закрытую комнатку с одним окном, возможно, ту самую, где побывал И.М.Муравьев-Апостол. Такую же небольшую комнатку, опирающуюся на подкосы, и галерею на столбах можно рассмотреть на рисунке Инкерманского монастыря, приведенном в сочинении В.Х.Кондараки (I885, рис. на с.80). Н.Н.Мурзакевич, рассказывая о многих домах Чуфут-кале, построенных над пропастью и держащихся "тремя или четырьмя тонкими подпорками", объясняет широкое распространение висячих сооружений "теснотой места" (Мурзакевич I837 , с.64I).

Обычно, когда говорят о трапезной, пользуются термином "зал". Трудно приложить его к комнате общей площадью неполных I6 м^2 (5,8 х 2,7 м). Но по сравнению со всеми иными искусственными пещерными сооружениями монастыря, помещение № 7 (рис.II) действительно самое обширное и может показаться залом. Оно имеет строго прямоугольную форму, внутренние поверхности тщательно обработаны. Наружная стена была каменно-деревянная: на полу и потолке сохранились верхние и нижние концы колонн, которые были вырублены из общего массива скалы. Расставлены были колонны симметрично, пространства между ними забраны деревянными перегородками. Дверь предположительно была ближе к южному концу комнаты.

В помещении сравнительно немного пазов и вырубов, те же, которые есть, группируются вдоль задней и боковой стен. Возможно реконструировать стол через всю комнату. Вдоль задней стены протянулась скамейка, которая, кажется, поворачивала вдоль боковых стен, где сидели люди против торцов стола. С другой стороны могли стоять табуретки или, скажем, кресла. При длине около 4 м за ним могло свободно разместиться четырнадцать человек (по шесть на длинных сторонах и по одному - на торцах). Эта цифра приближается к численности обитателей монастыря, установленной по другим признакам. На потолке несколько "колец", на которых подвешивалась люстра со свечами.

Наиболее яркое и достоверное представление о внутреннем убранстве келий дает одна из них, расположенная недалеко от храма во втором ярусе (помещение № II) (рис.I2). Подняться сюда с площадки с некоторым риском можно по очень узким и высоким ступеням, вырубленным в скале, цепляясь рукой за специальные пазы. Само собой ясно, что в древности монахи поднимались по более покойным деревянным ступеням, для которых сохранившиеся каменные служили опорой. Безопасность и удобство увеличивались наличием перил. Помещение имело прямоугольную форму, углы слегка закругленные, стены не везде ровные. Размеры в плане 3,04-3,20 х 2,I6-2,24 м. Средняя высота потолка I,85 м, что достаточно для человека высокого (но не гигантского) роста.

Келья была обставлена скромно и даже бедно. И это вполне естественно, имея в виду общее упрощение образа жизни византийцев (Поляковская, Чекалова I989, с.I25), стремление тех, кто идет в монахи, к простоте, жертвенности. Поднявшись по лестнице, можно попасть в келью через дверь, открывавшуюся внутрь помещения, о чем говорит характерный след на полу. Ширина проема определяется расстоянием от стенки до столбового углубления на линии деревянной внешней перегородки и составляет примерно 70 см. -

У противоположной внутренней стенки кельи была "сооружена" кровать. Она прикреплялась к своему месту не столь прочно,как кровать, сделанная руками Одиссея, которую передвинуть "человеку своею силою...невозможно было без помощи свыше" (Гомер, Од.,XX, I79-204), но вся привязка ее к стенам и полу была достаточно жесткой. Для этого в южной стене в углу на высоте 0,44 м над полом вырублена полочка шириной 0,84 м. На нее ложился собственно настил кровати, противоположная сторона его поддерживалась ножками, для которых на расстоянии I,70-I,80 м вырублено несколько круглых в плане углублений. Их пять, что свидетельствует о неоднократных переделках кровати. Вначале хозяином кельи был человек небольшого роста, и он соорудил себе ложе соответствующей длины. Впоследствии здесь поселился более рослый человек, ему пришлось удлинить кровать. Эта сторона кровати была пришита к задней стенке с помощью подкоса. Следы какого-то не-

понятного, на первый взгляд, сооружения над кроватью сохранились в виде наклонного выруба в северной стене и так называемого кольца на потолке над противоположным концом кровати. По всей вероятности, здесь был сделан деревянный навес, предназначенный для того, чтобы конденсирующаяся на потолке и собирающаяся в капли влага не тревожила спящего. Кроме того, снизу к навесу могла быть прикреплена ткань, закрывавшая постель с двух сторон. Вообще разного рода занавеси широко применялись в Византии для всяческих целей (Лазарев I986, т.2, табл.50,57,58,6I,III,28I,5I5,5I6 и др.). Реконструируются они и в пещерных сооружениях (Киршидзе I972, с.76, рис.27). Если и в нашем случае предположить наличие занавески, то получалось нечто вроде ниши, отделенной от остального помещения занавеской, которую в зависимости от надобности можно было задергивать и отдергивать. В душную летнюю ночь постель, разумеется, была раскрыта настеж, в холодное время года занавески (возможно, из плотной шерстяной ткани) тщательно закрывались, небольшое изолированное пространство над кроватью нагревалось теплом и дыханием самого спящего.

В северно-западном углу за торцом кровати в полу углубление диаметром 0,I, глубиной 0,I4 м, а в северной стене на высоте 0,I5 м - другое отверстие диаметром 0,II, глубиной 0,I м. Они дают возможность реконструировать в углу небольшой стол (примерно I х I м), укрепленный на вертикальной стойке и привязанный к стене с помощью горизонтальной балки. Над столом закреплялась в пазах на задней и боковой стенках угловая полочка. Стол предназначался для работы, все в этом уголке способствовало работе. Хозяин сидел на торце кровати, свет падал слева от окна, которое, вероятно, было в наружной стене. В темное время читать, писать приходилось при свече, а для нее хорошее место - полочка над столом. Здесь же стояли книги, лежали рукописи, приспособления для письма.

Левее стола на северной стене видны два вертикальных паза, в которых крепились доски. Между ними в верхней части стены два округлых выруба диаметром около 0,07 м и примерно такой же глубины. Вряд ли они могли служить для чего-либо иного, кроме забивания деревянных пробок. Если это так, то получается узкий шкафчик (спереди могла быть дверца или прос-

то занавеска), в пробки забивались гвозди, на них висела одежда, на полу стояла обувь. Больше в келье не было никакой мебели,но имеющаяся удовлетворяла все скромные потребности. В нишах, вырубленных в стенах, могли храниться различные мелкие бытовые предметы.

Очень трудно для интерпретации помещение № I2 (рис.I3), расположенное под только что описанной пещерой. Здесь все неясно: где была наружная стенка, какова площадь пещеры (предположительно что-то около 8 м^2), для чего предназначались значительные по площади и глубине вырубы в полу и т.п. Вырублена пещера небрежно, имеет неправильную форму, закругленные углы.

Столь же мало информации можно извлечь из анализа помещения № I3 (рис.I4). Не ясен его первоначальный план, так как оно сильно разрушено, вероятно, в результате позднейших работ: вырубания могил над ним, лестницы, ведущей во второй ярус, и пр.

Последнее в группе перед храмом помещение № I4 (рис.I5, д-з). Оно расположено во втором ярусе, над помещением № I3. Представляет собой жилую келью, хотя таких явных следов повседневной жизни, какие встречаются в других помещениях, здесь нет. Размеры небольшие: длина 2,04-2,8, ширина I,9, высота - без малого 2 м. Полезная площадь - примерно 4,8 м^2. В центре задней стенки большая (0,4 х 0,4) и глубокая (0,3I м) ниша. Она могла предназначаться для икон, но это маловероятно. Тому противоречит ее высота над полом - всего I м, а также глубина, совершенно излишняя, где икона будет находиться в тени и плохо видна.Скорее всего, эта ниша имела какое-то более земное назначение, например, сюда могла складываться одежда, когда монах ложился спать на стоявшей под нишей кровати. В боковых стенках на расстоянии 0,92-I,08 м отзадней пробиты два паза, в которых крепились доски. Возможно, между ними висела занавеска, то есть была устроена искусственная ниша, подобная той, что и в соседнем помещении № II, но несколько иной конструкции. Посреди помещения, на таком же расстоянии от задней стенки, имеется столбовой круглый выруб диаметром 0,I7 и глубиной 0, 09 м. На задней и особенно на северной

стенке еще множество вырубов, но определить их назначение не удается.

Вслед за группой помещений на площадке идет храм. Он размещается не в искусственной, а в естественной карстовой пещере. Храм, хотя и кратко, но опубликован (Веймарн, Репников I935, с.I23, рис.82), поэтому, учитывая узкие рамки статьи, мы опускаем его описание. Можно лишь упомянуть некоторые не отмеченные детали: при уборке с пола мусора, накопившегося за многие столетия (главным образом, помет овец, отары которых многократно загоняли сюда в ненастную погоду), обнаружилась подрубка для алтарной преграды, крошечная могилка в центральной части храма (судя по размерам, для новорожденного или абортированного ребенка), подрубки на полу и стенах, свидетельствующие о том, что пол был деревянный и стены обшиты деревом.

Помещение № I5 уже упоминалось, оно определяется как келья привратника.

Пещеры № I6, I7 (рис.I6), I8, I9 составляют обособленную группу в районе ворот. Первые две находятся над самыми воротами и заведомо не предназначались для жилья. Об этом говорят их размеры и почти полное отсутствие вырубов, характерных для всех келий.

Обе пещеры имеют прямоугольное входное отверстие (0,76 х I,02 и I,I6 х I,40 м) с пазами по сторонам и внизу. За входным отверстием пещерки чуть расширяются, и пол лежит несколько ниже порога. Их глубина 0,88 и 0,62 м. В пазы вставлялись доски, а на них, вероятно, крепились иконы. Внутри пещерок могли храниться мощи или какие-либо иные святыни.

Помещение № I8 (Рис.I7) могло быть жилым. Во всяком случае, его размеры (2,4 х I,9 м) это позволяют. Подниматься в пещеру можно было только по приставной лестнице. Дверной проем прорублен в скале и имеет высоту I,9, ширину внизу - I,3, вверху - I,I м. В пазах на боковых сторонах крепилась дверная коробка, за счет чего сама дверь имела несколько меньшие размеры. Пещера неправильной, чуть округлой формы. Вертикальные пазы в передней и задней стенках указывают на деревянную перегородку, отделяющую все пространство за дверью слева. Высота перегородки составляла примерно 0,7 м. Возможно, здесь

мы встречаемся с кроватью иной конструкции, чем в других пещерах. Стены и деревянная перегородка образуют ящик. Если заполнить его сеном, шерстью или другим мягким материалом, то получится удобное, мягкое и теплое ложе. Так называемые "ясли", то есть такие же ящики, но полностью вырубленные в скале и соответствующие размерам человеческого тела, на других пещерных памятниках Крыма, на наш взгляд, так же как и в данном случае, служили своеобразными кроватями. До XX в. устраивали себе постели точно таким способом (но полностью в дереве) крестьяне во многих местностях Украины и Белоруссии.

Помещение № I9 (Рис.I5, а-г). Находится южнее ворот, уже вне пределов монастыря. Размеры - 3 х I,6 при высоте I,7-I,8м. Площадь пола около 4,8 м^2. Оно больше среднего и точно совпадает по площади с помещением № I4. Однако следы жизни в нем практически отсутствуют. Имеются всего два выруба - это вертикальные пазы; если в них крепилась деревянная перегородка, то она делила помещение на две части. Для жизни это совершенно ненормально, потому что и перед перегородкой и за ней образовывались узенькие коридорчики 0,7-0,9 м шириной, где человеку и развернуться трудно. А ведь перегородка достигала почти до потолка.

Помещение № 20. В 64 м к югу от ворот, в скале над гротом, пещера с полностью разрушенным полом.

Пещеры № 2I,22 (Рис.I8). На расстоянии 85-90 м от ворот, а следовательно, I40-I45 м от входа в собственно монастырь, в отдалении от жилья своих собратьев поселился анахорет, для которого даже немногочисленное общество остальных монахов казалось слишком шумным и утомительным. Его келья вырублена не под навесом грота, а выше его, в массиве голой скалы таким образом, что если нет лестницы, то хозяин пещеры оказывается в полной изоляции, так как ее пол находится на высоте почти 5 м над поверхностью склона. И сейчас доступ к ней затруднен настолько, что не нашлось возможности обмерить ее так же, как другие. С помощью различных ухищрений удалось заглянуть внутрь пещеры и сделать чертеж на глазок. Длина пещеры - 3,6-3,7 при глубине I,6-I,7 и высоте примерно I,8 м. Справа от нее имеются два вертикальных паза, вырубленных таким образом, что в них хорошо лягут концы бревен под наклоном книзу.

Прямо над правым из этих пазов имеется вырубка такой же конфигурации, но меньшей высоты (примерно 0,I против 0,45 м). В целом легко реконструируется длинная лестница (до 7,5 м из-за того, что попадает на склон) с невысокими перилами с одной стороны. Вход в пещеру был, разумеется, рядом с лестницей. В противоположном углу на задней стенке два выруба (0,2 х 0,I5 и 0,I5 х 0,I5 м), на которых мог лежать настил, служивший кроватью обитателю пещеры. Расстояние между вырубами около I,6 м, таким образом, длина кровати могла достигать 2 м.

Рядом находится вторая пещера № 22. Она небольшая - шириной 0,8-0,9, высотой I,4-I,5 м и глубиной не более метра. По всей вероятности, она либо имела специальное назначение, либо просто не закончена. Слева вход оформлен выступом типа пилястра, который прослеживается не по всему периметру пещеры (возможно, свидетельство в пользу ее незавершенности). Изнутри отчетливо видны следы тески. Направление следов различно и, кажется, непосредственно зависит от места по отношению к полу, потолку, углам.

Поскольку пещера находится поблизости от источника (примерно в 70 м), возможно, живший здесь отшельник имел задание следить за ним, поддерживать в порядке.

Всего в монастыре II или I2 жилых помещений. Значит, в периоды, когда монастырь процветал (если были и другие периоды), в пещерных кельях проживало II-I2 человек. В кельях на северной площадке могло обитать еще 3-4 монаха. Всего в монастыре было I4-I6 человек. Как мы видим, эта цифра совпадает с той, которую мы получили при анализе трапезной.

Средние размеры кельи - 7,5 м^2. Наиболее часто встречаются кельи площадью примерно 6 м^2. Похоже, что наиболее привилегированной была группа пещер на северной площадке. Средний размер пещер здесь выше среднего по всему монастырю - 7,9 м^2. Расположены кельи свободно, на солидном расстоянии друг от друга. Вырублены по большей части тщательно, с некоторой выдумкой. Уже указывалось, что одна из пещер имеет дополнительное, довольно большое помещение.

Тесной группой расположены четыре кельи на южной части

площадки. Их средняя площадь 6,4 м^2. Они более стандартны, не носят отпечатка индивидуальности хозяина (по крайней мере, первого хозяина, да и последующие вносили лишь мелочные изменения).

Еще меньше по размерам и более убоги пещеры в районе ворот и южнее их. Средняя площадь всего 5,I м^2. Вырублены не под навесом, а над ним, ничем не покрыты от непогоды - ни от ветров, ни от дождя и снега. Видимо, такое разделение келий на группы соответствовало некоей иерархии внутри монастыря.

При строительстве монастыря Чильтер-коба был применен "своего рода живописный способ сочетания архитектуры и ландшафта", "монастырь "вписывается" в рельеф, его архитектура в известной мере сращивается с природой" (Полевой I984, т.I, с.240). Его пещеры врублены в тело скалы. Все пещеры и постройки на площадке прикрыты оборонительной стеной. Эта стена невысока, но при нижней точке зрения она почти полностью закрывала монастырь, разве что над ней проглядывали 2-3 пещеры верхнего яруса. Камень для строительства стены брался тут же на месте, возможно, даже при высекании пещер. Когда камни "загорели" (а это произошло уже через десяток лет), они полностью слились по цвету с окружающими скалами. Исследователи ставили под сомнение наличие оборонительных сооружений у пещерных монастырей Юго-Западного Крыма (Мыц I99I, с.66). Чильтер-коба - один из небольших и, надо думать, не самых богатых пещерных монастырей на полуострове. Несмотря на это, он имел достаточно сильные укрепления. Более крупные и богатые монастыри могли возвести и более могучие оборонительные системы.

К какому же времени можно отнести монастырь св.Феодора, его возникновение, жизнь и гибель? Мы имели случай высказать свое мнение о времени основания пещерных монастырей Крыма, присоединившись к точке зрения Ю.А.Кулаковского, А.А.Васильева и других, считавших, что это произошло во время и в результате монашеской эмиграции УШ в., и привести соответствующую аргументацию (Воронин, Даниленко I992, с.I79-I80). Такой вывод в первую очередь сделан на основании углубленных разведок в районе Чильтер-кобы, где на склоне под монастырем были

встречены фрагменты разных типов амфор У-УШ вв. Возможность и даже вероятность столь раннего появления монастырей, значительная часть помещений которых вырублена в скалах, кроме приведенных ранее, подтверждается еще целым рядом фактов.

Пещерные монастыри появились задолго до возникновения христианства. Известно, что уже на первом собрании членов сангхи, состоявшемся через три месяца после смерти Будды в столице Магадхи Раджагрихе, было принято решение о совместном проживании монахов в одном месте на время дождливого сезона (Корнев I983, с.I9), то есть речь шла об организации древнейших монастырей. Еще в УШ в. до н.э. в Индии проводились захоронения в искусственных пещерах. Накопленный опыт высекания полостей в скале позволил и первые убежища бродячих монахов нередко устраивать в пещерах; с эпохи Ашоки (середина Ш в. до н.э.) высекание пещер для церквей и монастырей стало повседневной практикой.

Христианские монастыри с первых дней своего существования широко пользовались для жилья и молитв пещерами. Руфин, пресвитер Аквилейский, совершивший в 70-х гг. IУ в. путешествие в Египет и проживший там 6 лет, постоянно упоминает пещерные кельи монахов (Руфин I898, с.I5,2I,22,23,39,54 и т.д.). Здесь же мы находим разъяснение, что частично это были старинные пещеры - ограбленные древнеегипетские гробницы (там же, с.I7,69), в других случаях кельи специально высекались в скалах. Так было во все времена в различных районах. Среди миниатюр Хлудовской псалтыри (IX в.) есть изображение Давида, молящегося в пещере (Щепкина I977, л.I40). Знаменитый основатель крупнейшего в Болгарии монастыря Иван Рилски около 900 г. нашел приют под скальным навесом, а перед смертью (I8 августа 946 г.) удалился в одну небольшую пещерку, недалеко от мочастырского общежития (Христов, Стоиков, Миятев I957, с.I2). На территории Грузии в УI-УШ вв. возникает ряд монастырей. К их числу относится Чолта (Джолда), небольшая пустынь, основанная в УП-УШ вв., монастырь Ванис Кваби (УШ в.), пустыни Зедазени и Гареджи, где зачаточные формы пещерной архитектуры существовали уже в УI в. (Гаприндашвили I975, с.30,3I). По поводу возникновения Троице-Сергиевой лавры автор жития ее основателя замечает: "В те времена (XIУ в.)

каждый, желавший уединенной жизни, мог один или с товарищем свободно идти в лес, на любом месте строить себе хижину или копать пещеру и селиться тут" (Никон 1904, с.39).

Именно так поступили основатели монастыря Чильтер-коба. Дело было во времена иконоборчества. Подвергавшиеся гонениям монахи из центральных районов Византийской империи, следуя совету Стефана Нового, переселились на ее окраины. Одна из монашеских групп прибыла в Крым. Не будучи уверенными в том, что Херсонес и его окрестности могут дать достаточно надежное укрытие (у правительства длинные руки, а в городе еще много язычников), они отправились в горы, где и обосновались, найдя подходящее место. Среди них, вероятно, большинство составляли люди молодые и энергичные. К такому заключению приводят два соображения. Во-первых, среди любых мигрантов, переселенцев, колонистов всегда и везде удельный вес молодых мужчин был выше удельного веса женщин и мужчин других возрастов (см., например:Белох 1897, с.37; Брук 1986, с.598). Сам процесс переезда и жизнь на новых местах в первое время требовали от переселенцев специфических качеств: физической силы, выносливости, неприхотливости, значительной доли авантюризма. Совершенно очевидно, что пожилые люди не обладают такими чертами. Во-вторых, о том же говорят результаты их деятельности на новом месте. Трудно себе представить стариков, сумевших проделать громадную работу по благоустройству и приспособлению местности: необходимо было валить лес, прокладывать дороги, возводить подпорные и оборонительные стены, вгрызаться в глубь прочной скалы. Но все эти трудности были успешно преодолены, монастырь рано или поздно зажил своей неторопливой, размеренной жизнью.

Функционировал монастырь до второй половины XУ в. В яме под столб внутри трапезной во время обмера была найдена монета, относящаяся к 1473 г. Это так близко к 1475 г., что возникает соблазн предположить гибель монастыря во время и в результате экспедиции Кедук-Ахмет-паши. Турецкая армия после взятия Феодосии получила приказ двинуться к Мангупу, куда и прибыла в самом конце июня или скорее в начале июля. Осада продолжалась до декабря, когда город пал. За эти пять

с половиной месяцев, когда значительная часть турецкой армии (особенно кавалерия) не принимала непосредственного участия в боевых действиях, все ближайшие окрестности Мангупа были безжалостно опустошены. Собственно, одной из особенностей тактики турецкой армии был такой прием. Еще до подхода основных сил заблаговременно высылался вперед мобильный авангард, игравший роль разведки и, что главное, опустошавший окрестности, захватывавший или уничтожавший продовольственные припасы, которые могли быть в противном случае сосредоточены в крепости. Тем самым действия авангарда лишали запасов осажденных и облегчали снабжение своей армии. Так, перед осадой Константинополя под его стены был отправлен отряд, успешно выполнявший перечисленные задачи (Халкокондил 1953, с.436). Монастырь Чильтер-коба мог погибнуть почти одновременно или даже раньше Мангупа.

Не должно удивлять длительное существование монастыря Чильтер-коба с УШ по конец УХ в., то есть на протяжении 700-800 лет. Это дело довольно обычное. Например, монастыри Чолта, Ванис Кваби в долине Куры жили по 800-900 лет (Гаприндашвили 1975, с.30). Трудно сказать, были ли перерывы в столь длительной деятельности монастыря, но если судить по сборам немногочисленной керамики на склонах перед ним, о чем упоминалось раньше, то скорее можно ответить на этот вопрос отрицательно. Встречаются, хотя и в одиночных экземплярах, все наиболее распространенные типы средневековых амфор и поливной посуды.

ЛИТЕРАТУРА

АрхеологIя УкраIнськоI РСР.- КиIв: Наукова думка, 197I-1975.- Т.I-3.

Асеев Ю.О. Архитектура древнего Киева.- Киев: Будивельник, 1982.

Баранов И.А. Археологическая разведка на территории Сюйренского укрепления в Крыму // АИУ в 1968 г. - Киев: Наукова думка, 197I.- Вып.П.

Баранов И.А. Главные ворота средневековой Солдайи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму.- Киев: Наукова думка, 1988.

Белох Ю. История Греции.- М.: Изд. К.Т.Солдатенкова, 1897.- Т.I.

Бонч-Осмоловский Г.А. Итоги изучения Крымского палеолита // Тр. второй конф. АИЧПЕ.- М., 1934.- Вып.5.

Броневский М. Описание Крыма // ЗООИД.- 1867.- Т.6.

Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник.- М.: Наука, 1986.

Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // АИСК.- Киев: Наукова думка, 1968.

Веймарн Е.В., Репников Н.И. Сюйренское укрепление // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 (ИГАИМК.Вып.117) М.; Л.,1935.

Векилова Е.А. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий // МИА.- 1957.- № 59.

Воронин Ю.С., Даниленко В.Н. и др. Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978 г.- М.: Наука, 1979.

Гаприндашвили Г. Памятник скальной архитектуры Вардзия // Л.: Аврора, 1975.

Герцен А.Г., Махнева О.А. Пещерные города Крыма. Путеводитель.- Симферополь: Таврия, 1989.

Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму.- Симферополь: Крым, 1966.

Згуровская Л. Рассказы о деревьях Крыма.- Симферополь: Таврия, 1981.

Зуев В.Ф. Выписка из путешественных записок..., касающихся до полуострова Крыма 1782 г. // Из Месяцеслова на 1783 г. (отд.отт.).

Караимско-русско-польский словарь (Под ред. Н.А.Баскакова, А.Зайончковского, С.М.Шапшала).- М.: Русск.язык, 1974.

Караулов Гр. Древнее Сюреньское укрепление и башня на Бельбеке (Отрывок из исторического описания Крыма).- Б/г, м.изд.

Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических.- СПб., 1837.

Кипшидзе Д.А. Пещеры Ани (Материалы XIУ анийской археологической кампании 1915 года) // Анийские древности.- Ереван, 1972.- IУ.

Клеман Н.Э. Путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, также в земли буджакских и ногайских татар и во весь Крым...- СПб., 1783.

Кондараки В.Х. Новый обстоятельный путеводитель по Крыму.- М., 1885.

Корнев В.И. Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии.- М.: Наука, 1983.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк.- Киев, 1914.

Лазарев В.Н. История византийской живописи.- М.: Искусство, 1986.

Мережковский К.С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // ИРГО.- 1881.- Т.16.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году.- СПб., 1823.

Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 году // ЖМПН.- 1837. - Ч.XIII. № 3.

Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XУ вв.- Киев: Наукова думка, 1991.

Никон, архиманд. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца.- Свято-Троицкая Сергиева Лавра (собств.тип.), 1904 (Репр.воспр.).

Панаев А.А. Князь А.С.Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта (1853-1854) УI // РС.- 1877.- Март.

Полевой В.М. Искусство Греции. Древний мир. Средние века. Новое время.- М.: Сов.худ., 1984.- Т.I.

Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы.- Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии // ИТУАК.- 1916.- № 53.

Раппопорт П.А. Зодчество древней Руси.- Л.: Наука, 1986.

Руфин, пресв. Жизнь пустынных отцев. / Пер. с лат. с прим. М.И. Хитрова.- Свято-Троицкая Сергиева Лавра (собств.тип.), 1898 (репр.воспр.).

Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду.- СПб., 1803.- Ч.I; 1805.- Ч.2.

Талис Д.Д. Сюреньская крепость // ВВ.-1972.- Т.33.

Татарско-русский словарь.- М.: Сов.Энциклопедия, I966.

ТелегІн Д.Я. МезолІтичнІ пам'ятки УкраІни (IX-УІ тисячолІття до н.е.). - КиІв: Наук. думка, I982.

Халкокондил Лаоник. История (из книги УШ). (Пер. и пред. Е.Б.Веселаго) // ВВ.- I953.- УП.

Христов Х.Р., Стоиков Г., Миятев Кр. Рилският манастир.- София: Изд. на Българската АН, I957.

Шаузи О. История архитектуры.- М.: Изд. Всесоюзной Акад. Арх., I937.- Т.I,П.

Щепинский А.А. К вопросу об ашеле в Крыму // Исследование палеолита в Крыму (I879-I989).- Киев: Наук. думка, I979.

Щепкина М.В. Миниатюры Хлудовской псалтыри.- М.: Искусство, I977.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА.- I959.- № 63.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА.- I970.- № I68.

Якобсон А.Л. По поводу статьи Д.Л.Талиса "Сюреньская крепость" //ВВ.- I974.- Т.36.

Dubois de Montpereux. Voyage autour du Couase, ches les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchida en Georgie en Armenie et en Crimee.- Paris, 1843.

В.Ф.Филиппенко

К ИСТОРИИ ИНКЕРМАНСКОГО ПЕЩЕРНОГО МОНАСТЫРЯ
(первый этап существования)

Частично уцелевшие полуразрушенные постройки Инкерманского монастыря (дом настоятеля с храмом св.Троицы, двухэтажная гостиница, домик для монахов, конюшня, сараи, фонтан св.Климента, кладбище) - все это находится у подножия Монастырской

скалы, на плато которой располагается крепость Каламита-Инкерман. Здесь же, в массиве западного обрыва скалы, вырублены три подземных (пещерных) храма, соединенных единым коридором (рис.I,I; 2; 3; 7). Наземные постройки появились в разное время после восстановления монастыря в I852 г. Подземные (пещерные) храмы - это средневековые сооружения, и о времени их возникновения до сих пор нет единого мнения у исследователей. Вход в коридор и храмы расположен на южной стороне старой каменоломни, занимающей значительную часть западного обрыва Монастырской стены.

Подземные храмы при помощи лестницы, вырубленной по склону скалы, соединены с крепостью, составляя с ней единый комплекс. Как показали наши пятилетние раскопки, этот комплекс окончательно оформился в период восстановления крепости мангупским князем Алексеем в I427 г. (Филиппенко, Архив ХГИАЗ, д.№ 2475, 2689, 2605, 2754, 2862).

Дореволюционные и большинство современных исследователей связывают возникновение так называемых пещерных монастырей в Крыму с иконоборческим движением в Византии (УШ-IX вв.), вызывавшим массовую эмиграцию монахов-иконопочитателей в различные отдаленные районы империи, в том числе и в Таврику.

Подробный анализ точек зрения различных авторов по этой проблеме делает Ю.М.Могаричев в монографии "Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (Вопросы классификации, хронологии, интерпретации)" (I992).

Однако в результате анализа он приходит к совершенно противоположному выводу, а именно: никаких данных о сооружении в горном Юго-Западном Крыму в УШ-IX вв. пещерных монастырей не имеется. Реальные же остатки таких монастырей позволяют говорить о времени их возникновения не ранее XI-XП вв. (там же с.94).

Такой категорический вывод, по крайней мере для группы инкерманских монастырей, вряд ли сейчас может быть принят в качестве неоспоримой истины.

Во-первых, нельзя не считаться с таким важным письменным источником как Житие Стефана Нового, написанном хотя и через 50 лет после смерти этого святого (765 г.), но когда гонения на иконопочитателей еще не прекратились (Васильевский I912, с.325). Антихазарское восстание 787 г. в Крыму под руковод-

ством Иоанна Готского, стоявшего, как известно, на позициях иконопочитания, высветило расстановку сил в этом регионе, получило широкую известность в Византии, ибо проходило накануне УП Вселенского собора (787 г.). Если епископу Иоанну, используя свой авторитет борца за почитание икон, удалось поднять народ на восстание против хазар, то это может означать, что в подвластной ему Готской епархии (в которую, кстати, входила и территория инкерманских монастырей) далеко не все разделяли взгляды иконоборцев. Не исключено, что одной из целей восстания была необходимость продемонстрировать Вселенскому собору силу и единство иконопочитателей в Крыму (Баранов 1974, с.161). Это также означает, что автор Жития, вложив в уста Стефана Нового названия мест для укрытия своих сторонников, знал реальную религиозную обстановку в Крыму не понаслышке, а был современником событий, развивавшихся в это время в империи.

Уже по этой причине нельзя исключить Крымскую Готию из числа мест, куда мог направиться поток беженцев-иконопочитателей, а значит, и создание ими здесь монастырей.

Во-вторых, вряд ли будет правильным считать церковно-монастырскую жизнь Готии периода иконоборчества как движение в одном направлении, а именно только от почитания икон к их отрицанию, либо представлять ее как территорию "наводненную фанатиками – иконопочитателями" или область с "сильными иконоборческими традициями" (Могаричев 1992, с.93-94).

За 119 лет иконоборчества несколько раз резко менялась ситуация как в самой Византии, так и в ее провинциях, в том числе и в Таврике. Менялись византийские императоры и их представители на местах, шел процесс смены митрополитов и епископов, трансформировались их взгляды, несомненно претерпевала изменения обстановка и в самих монастырях. Вот почему примеры из жизни готских монастырей начала IX в. не могут достаточно убедительно звучать по отношению ко всему периоду иконоборчества (Там же с.93-94).

По нашему мнению, неправомерно также переносить характеристику религиозно-политической обстановки в Херсонесе, который несомненно был оплотом иконоборцев в Таврике, на всю территорию полуострова или хотя бы Крымской Готии. (Там же с.93).

То, что происходило в Херсонесе, не обязательно копировалось в Готии. Управлялась она своим епископом и вмешиваться в ее дела херсонский епископ не имел права.

В-третьих, у нас нет пока более или менее полных археологических данных, которыми можно было бы подтвердить гипотезу Ю.М.Могаричева. Напротив, исследования средневековых поселений Крымского южнобережья, проведенные О.И.Домбровским и Е.А.Паршиной, говорят о наплыве в УШ-IX вв. в Таврику греческого населения из Малоазийских провинций Византии, о строительстве здесь многочисленных поселений и монастырей. Особенно четко это прослеживается в погребальных сооружениях и надгробиях на многочисленных могильниках этого времени.

Этот процесс авторы напрямую связывают с потоком иконопочитателей в Крым (Домбровский 1974, с.17; Домбровский, Паршина 1973, с.296). Вывод дополняется археологическим материалом УП-IX вв., найденным у подножия высот, на которых располагались такие пещерные монастыри как Шулдан, Чилтеркоба и Чилтер (Мармара) (Воронин, Даниленко 1992, с.179).

Да и сам Ю.М.Могаричев не отрицает возможности возникновения в Готии отдельных "святых мест", то есть келий монахов-отшельников в IX-X вв., на месте которых в более позднее время возникли пещерные монастыри (там же, с.95).

Приведенные факты говорят о том, что нельзя полностью отрицать возможность перемещения части византийских монахов (вернее было бы сказать сторонников почитателей икон) в годы иконоборческой ереси в Крым. Ведь создание здесь так называемых "пещерных монастырей" датируется не каким-то узким отрезком времени, а раскладывается на весь период иконоборчества (УП-IX вв.).

С другой стороны, нельзя также отрицать создание "пещерных монастырей" в Юго-Западном Крыму в XI-XП вв. и даже в более позднее время. Достаточно убедительные аргументы в пользу этого приводит как Ю.М.Могаричев (там же, с.84-94), так и более ранние его предшественники, изучавшие эту проблему, например, А.Л.Бертье-Делагард (1886, с.207-230). Это еще раз говорит о том, что пока рано "закрывать" тему о времени создания пещерных монастырей в Крыму.

Гипотеза Ю.М.Могаричева, крайне смелая и интересная, как

и взгляды его оппонентов, по нашему мнению, требует дальнейших исследований, в первую очередь археологических, которые могли бы всесторонне и более надежно подтвердить ее или вовсе отвергнуть.

Вероятно, в числе таврических монастырей, возникших в эпоху иконоборчества, были три монастыря в Инкерманской долине вблизи устья реки Черной, по правому и левому ее берегам. Остатки двух из них, наиболее крупных, находятся на южных и западных склонах монастырской и Загайтанской высот, а третий небольшой монастырек располагался в Каменоломной (Советницкой) балке, на левом берегу реки Черной, рядом с нынешней железнодорожной станцией Инкерман - I (рис.I,2; 4).

Выбор места всегда был одним из главных вопросов при основании любого монастыря.

Как показывает анализ, практически все византийские, а затем и русские монастыри располагались рядом с каким-то крупным городом (а то и в самом городе), либо в месте значительной концентрации сельских поселений, либо на оживленных торговых путях.

Это давало возможность монастырю не только вести среди населения широкую проповедническую деятельность, получая за различные требы немалую плату, но также развернуть торговлю и промыслы, либо развить выгодное земледелие, привлекая к этому и самих мирян.

Все эти условия в УШ-IX вв. имелись в густонаселенной долине реки Черной, рядом с ее устьем, где сходились две главные дороги, ведущие из степных районов Крыма в недалеко расположенный Херсон. Напротив крепости, построенной на Монастырской скале еще в УI-УП вв., находился мост через реку, здесь была переправа и одно из оживленных мест. Именно здесь, в единственном месте Крыма, рядом друг с другом возникли сразу три монастыря.

Если проследить местонахождение других таврических монастырей эпохи иконоборчества, то нетрудно заметить, что все они располагались по одному и тому же принципу - поближе к густонаселенным местам и оживленным торговым путям. Короче говоря, монахи, привыкшие к небедной жизни у себя на родине, искали подобные условия, устраиваясь на новом месте жительства.

Одной из особенностей инкерманских монастырей является их расположение у подножия скал, на плато которых находятся укрепления. Это крепость Каламита на Монастырской скале с территорией около I,5 га, огражденная крепостными стенами с шестью башнями, на Загайтанской высоте тоже было укрепление со стенами, одной башней и территорией около 0,5 га. На мысу северного обрыва Каменоломной балки, вероятно, тоже было укрепление, впоследствии разобранное до основания. Монастырские постройки (наземные и подземные) всех трех монастырей соединялись с укреплениями при помощи лестниц, вырубленных по обрывам скал. Хорошо сохранилась лестница на Монастырской скале, осталась часть лестницы на мысу Каменоломной балки и совсем исчезла лестница на Загайтанской высоте, уничтоженная скорее всего при строительстве железной дороги в 80-х гг. XIX в. Вероятно, строили лестницы отнюдь не из желания любоваться окрестностями с вершин скал, хотя и это нельзя полностью игнорировать.

Известный знаток Крыма, писатель XIX в. Евгений Марков, восторгался прекрасной перспективой, открывающейся с плато Монастырской скалы, называл монахов, выбравших Инкерман своей обителью, истинными поэтами в душе. "Так чисто мыслится и так свежо чувствуется на этих безмолвных и счастливых высотах", - отмечал писатель (Марков 1872, с.133).

Однако главным побудительным мотивом при строительстве таких трудоемких сооружений, какими, несомненно, являлись соединительные лестницы, был скорее всего не лирический, а чисто житейский интерес - возможность быстро уйти из храмов и келий при различных непредвиденных обстоятельствах.

О деятельности инкерманских, как впрочем, и других крымских монастырей в раннее средневековье письменных сведений почти нет. Их возникновение по времени совпадает с хазарской оккупацией Таврики. Трудно судить о том, как проходил этот процесс, как складывались взаимоотношения между хазарами и населением Юго-Западного Крыма, в том числе и монахами здешних монастырей. Раскопки крепости Каламиты-Инкермана показывают, что оборонительные сооружения, возведенные на Монастырской скале в УI-УП вв., были разрушены в раннее средневековье. И эти разрушения номинально можно связывать лишь

с хазарами, ибо других пришельцев в этом районе тогда не было. А.Л.Якобсон и Н.И.Репников считают, что хазарское вторжение сопровождалось разорением земледельческих поселений и разрушением крепостей (Якобсон 1954, с.153; Репников 1932, с.136).

Видимо непростые, нередко меняющиеся условия жизни в Юго-Западном Крыму в целом и в Инкерманской долине в частности заставили монахов и их паству вырубить храм Вознесения Господня на отвесном обрыве Загайтанской скалы, а храм с крещальней ("Афка") и храм св.Евграфия (рис.2; 3; 4; 5; 6) на южном обрыве Монастырской скалы - в 30-40 м от подножия этих скал. Надмогильная надпись 821 г. из храма с крещальней свидетельствует о захоронении здесь двух комитов Авраамия и Косьмы Афка. Впервые ее опубликовал А.Л.Бертье-Делагард в работе "Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и "пещерные города" Крыма" (1886, с.220).

В.Н.Юргевич, который расшифровал ее по просьбе А.Л.Бертье-Делагарда, считал надпись весьма поздней. По смыслу в ней якобы говорится о разновременном (без указания года) захоронении в могиле двух женщин, вероятно носивших фамилию Атку (там же, с.220).

В свою очередь, А.Л.Бертье-Делагард, опираясь на заключение Юргевича, отнес строительство храма к "татарским временам" (там же, с.220).

В.В.Латышев подверг критике перевод В.Н.Юргевича и, устранив некоторые орфографические ошибки, перевел надпись так: "Упокоились рабы Божьи Аврамий сын (?) Афка комит месяца первого (?) 19 (?) дня ... и Косма Афка комит месяца марта 6329 (?) (1896, с.40-42). В.В.Латышев считал надпись византийской и датировал ее (с некоторым сомнением) 821 годом. Сомнение у него вызывала первая буква 6-й строчки (либо "сигма" или "дзета"), которая должна была соответственно обозначать цифру 6000 или 7000. Но если считать, что верное число 7329, а не 6329, то получается не 821 г., а 1821 г., что, как отмечал Латышев, "невозможно ни по письму, ни по содержанию" (там же, с.42).

Действительно, в 1821 г. в Инкермане и греков давно не было, да и сам храм был давно разрушен отвалом скалы, ибо в

1773 г. русский штурман Иван Батарин уже не нанес его на свою карту. (ЦГА ВМФ, ф.1331, оп.4, д.428, л.2).

Для нас же особый интерес представляет не только датировка надписи, но и упоминание в ней воинского звания "комит", которое имели Авраамий и Косьма Афка.

Из военного трактата рубежа IX-X вв. "Тактика Льва", проанализированного В.В.Кучмой, известно, что византийское сухопутное войско этого периода делилось на две основные части - регулярные подразделения (гвардия) и фемные контингенты, которые состояли из пехоты и кавалерии. Наиболее устойчивой единицей конного войска фемы являлась тагма (банда). Ее численность Лев определяет в среднем 300 чел. (наибольшее число - 400, наименьшее - 200 чел.). Во главе тагмы стоял архонт (командир), имевший звание комита (Кучма 1975, с.79-85).

Исходя из этого можно предположить, что в 20-х гг. IX в., (то есть еще до официального образования Херсонской фемы в 833-834 гг.) в районе Инкермана дислоцировалось подразделение (тагма) конного войска Херсонеса численностью до 300 всадников. Тагмой последовательно командовали комиты Авраамий и Косьма Афка. Судя по надписи, Авраамий был сыном Косьмы и умер он в январе, а его отец в марте 821 г.

Такое непродолжительное время между такими датами смерти сына и отца (в числе прочих причин) можно объяснить их гибелью в боевых действиях. Постараемся проследить это на примерах.

Крым в это время находился под влиянием хазар, отношения с которыми у Византии и подвластного ей Херсона были неоднозначными. Подробно исследовавший эту проблему И.А.Баранов в монографии "Таврика в эпоху раннего средневековья" (1990, с.168) отмечает, что "до 30-х гг. VIII в. нет прямых свидетельств о враждебных действиях хазар в византийской Таврике" (с.148). Это было время так называемого "вооруженного нейтралитета" двух держав.

Отношения Византии и Хазарии, по Баранову, испортились около середины VIII в., когда вторая волна хазар вторглась в Таврику, и это вторжение сопровождалось разгромом византийских крепостей и поселений (с.151).

Восстание Иоанна Готского 787 г. носило ярко выражен-

ный антихазарский характер и явилось ответом на аннексию Готии хазарами.

Вторая попытка освободиться от хазарского владычества была предпринята населением Южной Таврики в 804 г., но оказалась неудачной и окончилась тем, что Готия была полностью подчинена хазарам (там же, с.152). Была ликвидирована даже Готская епархия. Херсон и остальные климаты в течение всего IX в., по словам Константина Багрянородного, платили хазарам дань (1934, с.72).

Однако обстановка в Готии и вокруг Херсона все время была нестабильной.

Около 820 г. хазары наводят порядок в Юго-Западной Таврике и угрожают Херсону. А через два года хазарские отряды вновь разоряют здесь христианские поселения и возводят крепость на Мангупе (Баранов 1990, с.152).

Не в этих ли вооруженных схватках с хазарами в начале 821 г. погиб командир конной тагмы Авраамий Афка, а затем в марте его отец Косьма?

Похоронены они были в одной могиле в пещерном храме, высеченном высоко на южном обрыве Монастырской скалы.

И еще одна деталь: в Государственном Эрмитаже хранится свинцовая печать из раскопок К.К.Косцюшко-Валюжинича (Инв.№ м-11768) за 1903 г. Текст печати гласит: "...помоги твоему рабу Косьме, ипату и комиту Херсона". Опубликовавшая печать А.Ф.Вишнякова датирует ее УШ в. (Вишнякова 1939, с.128-129). Вторично печать издана в 1983 г. И.В.Соколовой, которая согласилась с датировкой А.Ф.Вишняковой (Соколова 1983, с.176).

Не принадлежала ли упомянутая печать тому комиту Косьме Афка, который погиб в Инкермане в 821 г.? Ведь печать могла быть изготовлена где-то в самом конце УШ в., а ее владелец жил еще в 821 г. Тем более, что это был уже немолодой мужчина, имевший сына, командира конной тагмы.

Почти до середины IX в. инкерманские и, видимо, все таврические монастыри, созданные беглыми монахами, существовали сами по себе, не признавая власть константинопольских патриархов-иконоборцев. Лишь после прихода к власти императора Михаила Ш (842-867) и Вселенского собора 843 г., торжественно провозгласившего восстановление иконопочитания, монастыри

Крыма получили полную поддержку правительства и свой официальный статус (Якобсон 1959, с.46).

В Византии после восстановления иконопочитания и, особенно, с начала X в. церкви и монастыри расширяют фонд своих земельных владений, превращаясь нередко в крупных феодальных собственников и получая, кроме доходов от земли, различные выплаты (солемнии) от государства. В конце X в. вводится церковный налог, взимаемый со всех поселений в пользу церкви как деньгами, так и натурой (Каждан 1967, с.170). Вряд ли остались в стороне от этого процесса крымские, в том числе и инкерманские монастыри.

Однако в нашем распоряжении фактически нет никаких письменных источников, повествующих об их жизни вплоть до XУ в. Немного информации дает надмогильная надпись из храма св.Евграфия в Инкермане. В надписи, датируемой В.В.Латышевым 1272 годом, говорится о захоронении какого-то Сотика с его женой и детьми (1896, с.37-40).

Лучше известна общеполитическая обстановка в Таврике этого времени. В Юго-Западном нагорном Крыму возникают феодальные княжества - Феодоро и Кырк-Ер (Кыр-Кор, Керкри). В тесной связи с процессом феодализации, ростом и укреплением княжеств идет усиление и церковной организации в Таврике - все крымские епархии (кроме Фульской) были превращены в митрополии с непосредственным подчинением константинопольскому патриарху (Бертье-Делагард 1920, с.37,51,131). Надо полагать, что этот процесс в какой-то степени затронул и местные монастыри.

Известно, что на конец XIУ и первые три четверти XУ в. падает расцвет княжества Феодоро. Им в это время управляет энергичный и дальновидный князь Алексей и его преемники. В 1427 г., дабы открыть княжеству путь к морю, Алексей строит в устье реки Черной, на месте разрушенного (вероятно хазарами) раннесредневекового укрепления, новую крепость Каламиту, а под ее прикрытием сооружает морской порт Авлиту, через который налаживает заморскую торговлю. При строительстве крепости по отвесному обрыву Монастырской скалы вырубается (или капитально обновляется уже существующая здесь с раннего средневековья) лестница, соединившая подземные храмы Инкерманского монастыря с крепостью.

Этим самым создается единый комплекс "крепость-монастырь", являющийся показателем внимания мангупских князей к своему наиболее крупному монастырю (Филиппенко 1988, с.343,344). Раскопками крепости, ее слободы и могильника, проведенными в 1959 г. Инкерманской археологической экспедицией под руководством Е.В.Веймарна, обнаружено большое количество хозяйственных (зерновых) ям, повсеместные находки костей домашних животных (корова, овца), глиняных грузил для сетей, рыбных костей и чешуи. Это доказывает, что в Каламите в XУ в. скапливалось много товарного зерна, поступавшего сюда с горных долин Крыма и служившего вместе с продуктами животноводства и, возможно, с рыбой, предметом экспорта (Веймарн 1963, с.84-85). Вполне естественно предположить, что в этот процесс были втянуты и монастыри Инкермана, имевшие как земельные угодия, так и немалые стада домашних животных.

Подтверждением этого могут служить остатки многочисленных загонов для скота вблизи монастырей. Под загон для овец использовалась довольно большая естественная пещера площадью более 500 м^2, расположенная в обрыве Монастырской скалы, в 200 м севернее монастырских построек.

Рано или поздно торговые и территориальные интересы Феодоро должны были столкнуться с интересами генуэзцев, рассматривавших себя после известных договоров с Византией, а затем с наместником Золотой Орды не только монополистами черноморской торговли, но и хозяевами крымского южнобережья, в том числе районов Алушты, Партенита, Гурзуфа, Балаклавы, которые княжество Феодоро считало своим. Открытый конфликт произошел осенью 1433 г., когда при поддержке феодоритов местное население Балаклавы изгнало из города генуэзцев. Однако через полгода, 9 июня 1434 г., Балаклава была отвоевана генуэзцами, которые 10 июня овладели и Каламитой, а затем сожгли ее (Колли 1913, с.117).

Раскопки слободы, располагавшейся в 150-200 м севернее крепости, а также самой крепости показали, что они были преданы огню (Веймарн 1963, с.85; Филиппенко 1988, с.343). Как эти события отразились на жизни инкерманских монастырей, находившихся в зоне боевых действий, нам точно не известно, ибо раскопки монастырских построек того времени не проводи-

лись. Из переписки консулов генуэзских колоний в Крыму видно что крепость Каламита вскоре после событий 1434 г. была восстановлена, тогда же отстраивались порт феодоритов в районе Инкермана, а также крепостная слобода (Данилова 1974, с.209; Веймарн 1963, с.85).

Вторжение турок летом 1475 г. имело для Крыма тяжелые последствия, коренным образом изменившие ситуацию. Крымское ханство переметнулось на сторону захватчиков и стало на 300 лет послушным вассалом Оттоманской Порты. Были ликвидированы княжества Феодоро и генуэзские колонии на южнобережье. Для крымских христиан наступило время гонений и притеснений, время повсеместного насаждения мусульманства и оттеснения христианства. Вероятно, в первую очередь пострадали монастыри, как очаги наиболее радикальных настроений и упорного сопротивления внедрению новой религии.

Описывая в 1578 г. свои впечатления об Инкермане, Мартин Броневский упоминает крепость, над воротами которой еще красовались гербы прежних хозяев, говорит о большой мусульманской мечети в крепостной слободе, но даже не упоминает о христианских монастырях, хотя пишет о пещерах "с удивительным искусством высеченных под крепостью и супротив нее" (Броневский 1867, с.340). А ведь именно в этих пещерных сооружениях и находились в свое время многие храмы и другие монастырские постройки.

Более подробные сведения о состоянии христианства в Крыму через 150 лет после начала турецкой оккупации приводит русский священник Иаков, входивший в состав посольства царя Михаила Федоровича к крымскому хану. Зная о старинном монастыре в Инкермане, он с двумя товарищами в марте 1634 г. приехал в Инкерман. В своих путевых заметках Иаков описывает главный пещерный храм монастыря, располагавшийся на западном обрыве Монастырской скалы (Оболенский 1850, с.685-692; Петровский 1895, с.48-60). Монастырь уже не действовал.

Из расспросов местных христиан священник узнал, что храм этот "святым Юрьем (т.е. Георгием - В.Ф.) называют изстари" (Оболенский 1850, с.691). Исходя из этого факта, можно с большой долей достоверности констатировать, что и монастырь носил имя святого Георгия, ибо все православные монастыри,

как правило, носят имена тех святых, которым посвящены главные их храмы.

Память о Георгиевском монастыре в Инкермане передавалась из поколения в поколение. Примером этому может служить тот факт, что в 1773 г. штурман русского фрегата Иван Батарин, снимая карту "Ахтьярской гавани", у подножия крепости Инкерман, в скале, обозначил храм под названием "Собор св.Георгия Победоносца". (ЦГА ВМФ, ф.1331, оп.4, д.428, л.1-2).

Описывая местность, Иаков отмечает, что в Инкермане и около него "на пол-версты и более" в "каморах", вырубленных в скалах "высоко и низко", подобно стрижам, живут греки и армяне, что "от насилия татарского благочестие иссякло" и "многие христианские церкви разорены". На вопрос Иакова, когда это произошло, его собеседники отвечали, что "запустело де то место и благоверие иссякло после царьградского взятья, десять лет спустя". (Оболенский 1850, с.689). Иаков, конечно, имеет в виду не взятие Константинополя турками в 1453 г., а именно захват Крымского южнобережья в 1475 г. Ибо если вести отсчет времени от 1453 г., то 10 лет спустя, т.е. в 1463 г., монастыри Инкермана еще действовали и процветали. Нам представляется, что в словах Иакова о запустении этого места и кризисе христианской веры более менее точно указано время прекращения действия инкерманских монастырей, а именно 80-е гг. XУ в. Вероятно, тогда же угасают и другие монастыри Крыма.

Одной из главных причин закрытия монастырей, вероятнее всего, была веронетерпимость турок-мусульман, да и татар, по отношению к христианам. Факты на этот счет приводит тот же Иаков, рассказывая со слов очевидца о том, как татары, живущие в Инкермане, неоднократно выбрасывали из монастырского храма мощи какого-то святого, хранившиеся там длительное время и почитаемые местными христианами. Иаков сообщает о закрытии отдельных христианских храмов и превращении их в мечети в Козлове (Евпатории) и Бахчисарае, в районе Эски-Юрта, где, по словам Иакова, христианский храм превращен в мемориальную мечеть, в которой хоронят крымских ханов и их жен. Возле этих городов "многие христианские церкви разорены, а в иных служба совершается". (Оболенский 1850, с.690). Вто-

рой причиной запустения главного инкерманского монастыря, по нашему мнению, явилось размещение в крепости Каламите, которую турки переименовали в Инкерман, постоянного отряда янычар. Об этом сообщает турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший в Инкермане в 1665 г., то есть 30 лет спустя после священника Иакова. И тогда еще в крепости находился гарнизон из 50 солдат (*Czelebi* 1969, 250). Для гарнизона наиболее простой и близкий подъем в крепость и спуск к крепостной территории в долину, где располагались дома турок и татар, был через монастырские храмы, по лестнице, вырубленной в скале и которую, несомненно, турки, как хозяева этого места, активно использовали. В этих условиях жизнь монастыря была резко нарушена, богослужение в храмах стало просто невозможным, и монахам не оставалось ничего, кроме как уйти с этих давно насиженных мест.

Дальнейшую судьбу инкерманских монахов нетрудно предугадать. Изгнанные насильно, либо самой жизнью доведенные до отчаяния и ушедшие из Инкермана по своей воле, они вынуждены были искать уединения где-то подальше от центров турецкой и татарской администрации. Одним из таких мест могла стать южная сторона мыса Фиолент - место изумительное по своей суровой красоте и во многом напоминающее Инкерман. А.Л.Бертье-Делангард, тщательно проследивший историю Балаклавского Георгиевского монастыря и отвергший легенду о создании его греками в 891 г., убедительно доказал, что монастырь этот возник не ранее начала XУ в. (Бертье-Делагард 1910, с.54-55). К приходу на Фиолент монахов Инкерманских монастырей там уже могли жить христиане из покинутого ими Херсонеса. Но переселение херсонесцев, вероятно, произошло не в конце XIУ или начале XУ в., а скорее всего между 1449 г., когда в Херсон еще назначался генуэзский консул (Юргевич 1863, с.675), и 1472 г., когда кафинфский консул Кабелла получил указание разрушить стены и башни уже необитаемого Херсона. (Якобсон 1950, с.44).

Нам представляется, что переселившиеся на Фиолент монахи Инкерманского Георгиевского монастыря, составив большинство иноков вновь образованного монастыря, и дали ему то имя, которое носил их старый монастырь - имя святого Георгия По-

бедоносца. (Филиппенко 1992, с.24-26). Косвенно этот вывод можно подтвердить еще и тем, что ни один из храмов Херсона, известных по раскопкам и письменным источникам, не носил имя св.Георгия, то есть преемственность в названии нового монастыря на Фиоленте вряд ли могла идти из Херсонеса, она могла быть только от Инкерманского монастыря, ибо других монастырей или храмов, носящих это имя, в ближайшей округе не было.

Георгиевский монастырь упоминает в своем "Описании Крыма" М.Броневский. Правда, его локализация монастыря довольно расплывчата и трудно определима на сегодняшней местности. Описывая местоположение Херсонеса, он касается его водоснабжения при помощи гончарного водопровода, берущего, по его мнению, начало за четыре мили от города."В том месте, откуда берет начало ручеек (?),- пишет М.Броневский,- есть селение довольно значительное, а недалеко от моря, на каменной горе, есть монастырь св.Георгия. Все греки, живущие теперь на полуострове Таврическом, стекаются сюда ежегодно в большом числе и торжествуют свой годовой праздник" (1867, с.341).

Подтверждает нашу гипотезу и тот факт, что храм св.Георгия, созданный на Фиоленте, как две капли воды был похож на инкерманский храм св.Георгия (позже св.Климента). Это была такая же трехнефная базилика, с такими же алтарем, престолом, двумя окнами наружу и дверью посередине торцовой стены и, наконец, расположением рядом с храмом трапезной. Только в инкерманском храме она располагалась справа, а в фиолентском слева, соединяясь с ним общим коридором. Различия лишь в размерах храмов - инкерманский имел длину 10 м и ширину 6 м, а фиолентовский почти квадратную форму - 5,4 х 5,2 м (Бертье-Делагард 1910, с.54-55).

Кроме этого, храм на Фиоленте - это полуподземная базилика, в то время, как инкерманский храм полностью вырублен в скале. Таким образом, Балаклавский Георгиевский монастырь с достаточным основанием можно считать преемником Инкерманского монастыря, ибо по сути дела это было не строительство новой обители, а перемещение старой в другое место.

Второй период в жизни Инкерманского монастыря св.Георгия начинается с 1852 г., когда он был заново восстановлен, и ему присвоено имя св.Климента - одного из первых римских

епископов, жившего в I в. и сосланного якобы в Херсонес, а по другим источникам в Инкерман, и здесь утопленного в море (Бахметьева 1882, с.142-153).

Однако это выходит за рамки данной статьи и требует отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Багрянородный Константин. Об управлении государством. О фемах Запада. Изложение царского чина.- ИГАИМК.- № 91.- М.; Л., 1934.

Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика.- Киев: Наукова думка, 1974.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья.- Киев: Наук.думка, 1990.

Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма //ЗООИД.- Одесса, 1886.- Т.14.

Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде //ИТУАК.- Симферополь, 1920. - № 57.

Бертье-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие. Вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря// ЗООИД.- Одесса, 1910.- Т.28.

Бахметьева А.Н. Избранные Жития Святых.- М., 1882.- Ноябрь.

Броневский М. Описание Крыма//ЗООИД.- Одесса, 1867.- Т.6.

Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового// Труды.- СПб, 1912.- Т.П.- Вып.2.

Веймарн Е.В. СередньовІчний комплекс фортецІ КаламІта // АН УРСР.- КиІв, 1963.- Т.XШ.

Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса// ВДИ.- 1939.- № I.

Воронин Ю.С.,Даниленко В.Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма //Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, 1992.

Данилова Э.В. Каффа в начале второй половины XУ в. // Феодальная Таврика.- Киев, I974.

Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" Крымского южнобережья//Феодальная Таврика.- Киев: Наук.думка, I974.

Домбровский О.И., Паршина Е.А. Опыт хронологизации средневековых памятников на территории Крымского южнобережья// АДСВ.- Свердловск, I973.- Вып.I0.

Каждан А.П. Государство и церковь во второй половине IX-X века //История Византии.- М., I967.- Т.2.

Коллн Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика //ИТУАК.- I9I3. - № 50.

Кучма В.В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX-X вв.//АДСВ.- Свердловск, I975.- № I2.

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России.- СПб, I896.

Марков Е. Очерки Крыма.- СПб, I872.

Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма //Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, I992.

Оболенский М. Сказание священника Иакова //ЗООИД.- Одесса, I850.- Т.2.- Отд.П.

Петровский И. Сказание священника Иакова (по списку А.И.Соколова)// ИО АИЭ.- Казань, I895.- Т.I3.- Вып.2.

Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок I928-29 гг.// ИГАИМК.- Готский сборник.- I932.- Вып.I-8.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона.- Л., I983.

Филиппенко В.Ф. Исследования средневековой крепости Каламита // АО I986 г.- М.: Наука, I988.

Филиппенко В.Ф. Отчеты о раскопках крепости Каламита в I984, I985, I986, I987, I988 гг.- Архив ХГИАЗ.- Д. № 2474, 2605, 2689, 2754, 2862.

Филиппенко В.Ф. Миссионерская деятельность римского епископа Климента в Херсонесе и Инкермане - вымыслы и факты // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса I888-I988: Тезисы докладов.- Севастополь, I988.

Филиппенко В.Ф. К истории Балаклавского Георгиевского монастыря // Проблемы синтеза культур: Тезисы докладов.- Севастополь, I992.

Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в I449 г.//ЗООИД.- Одесса, I863.- Т.5.

Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики //СА.- I954.- № 2I.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес //МИА.- М:Л., I959.- № 63.

Ksiega podrozy Ewliji Czelebiego(Wybor).- Warszawa, 1969.

А.Р.Никифоров

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОЛХАТА-КРЫМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

При сопоставлении развития городов юго-западной и юго-восточной частей Крымского полуострова в средние века обращает на себя внимание тот факт, что перемещение экономического и политического центра Таврики на восток (XШ-XIУ вв.) сопровождалось кризисными явлениями в городах юго-запада. Когда же в полосу упадка попали восточные городские центры (XУ в.), юго-западные, напротив, вступили в период подъема.

Таким образом, история Восточной Таврики, помимо несомненного самостоятельного интереса, представляет **своеобразное отражение истории юго-западной части полуострова.**

На протяжении долгого времени внимание исследователей привлекает политический и культурный центр Золотой Орды, упоминаемый в средневековых источниках под названием **"Солхат"** или "Крым", и особенно поиск поселений, предшествовавших ему. При этом высказывались различные предположения. Так, например, польский путешественник XУI в. М.Броневский считал, что в древности этот город носил название "Тафрос" (Броневский I867, с.346). По утверждению Тунманна, на месте Старого Кры-

ма уже в IУ в. находилось поселение Кареа (Тунманн I936, с.37). Академик П.Паллас в описании своего путешествия по Крыму высказал предположение, что в античное время здесь находился Киммериум или Киммерион (Паллас I88I, с. I44-I46).

Уже на первоначальном этапе изучения вопроса о предшественниках знаменитого средневекового города исследователи не просто расходились во мнениях, но и вступали в полемику друг с другом. Так, побывавший в Крыму через несколько лет после Палласа П.И.Сумароков в путевых заметках доказывал, что Старый Крым не мог быть Киммерионом, следы которого надо искать на территории Керченского полуострова (Сумароков I805, с.74). Однако И.М.Муравьев-Апостол (I823, с.207-2I0) и г. Спасский (I858, с.86) присоединились к точке зрения Палласа. Иное мнение было у академика П.И.Кеппена, считавшего, что древнее название города - Кримны (Кеппен I837, с.345). Дискуссия о "родословной" Старого Крыма было продолжена и перенесена в XX в. Ю.А.Кулаковским. В статье, посвященной восстанию Иоанна Готского, он высказал предположение, что именно на месте Старого Крыма в раннее средневековье находились Фуллы - населенный пункт неоднократно упоминаемый в источниках, относящихся к тому времени (Кулаковский I898, с.I99). Другая статья этого исследователя целиком посвящена происхождению Старого Крыма. В античное время, по мнению Кулаковского, на его месте существовало торговое поселение, называвшееся Бион или Тазос, а в раннее средневековье оно было известно под названием Фуллы (Кулаковский I899, с.I0-I2). Одно, с точки зрения автора статьи, не подлежит сомнению - территория Старого Крыма уже в самом начале новой эры была заселена (там же, с.I2). Вывод о том, что именно на месте Старого Крыма располагались Фуллы, повторяется и в труде Ю.А.Кулаковского "Прошлое Тавриды" (Кулаковский I906, с.I06).

Взгляды Ю.А.Кулаковского подверг аргументированной критике А.Л.Бертье-Делагард. Он считал весьма сомнительным существование на территории Старого Крыма значительного античного поселения (Бертье-Делагард I920, с.I02). Кроме того, Бертье-Делагард отрицал возможность локализации здесь Фулл, которые, по его мнению, должны были находиться на месте Чуфут-кале (там же, с.I22-I23). Результаты археологических раско-

пок в окрестностях города не дают возможности окончательно разрешить спор двух ученых: обнаружены следы пребывания человека, начиная от эпохи бронзы и до средневековья (Кругликова I959, с.65), а наблюдения, произведенные О.И.Домбровским и В.А.Сидоренко, позволили выявить остатки поселения античного времени в черте нынешнего города (Домбровский, Сидоренко I978, с.I2-I3). Но что это за поселение, пока не выяснено.

Настойчивое желание исследователей найти предшествовавшее Солхату-Крыму поселение объясняется несколькими причинами. С одной стороны, очень удобное, выгодное для торговли место едва ли могло оставаться незаселенным до XШ в. С другой стороны, уже арабские источники начала XIУ в. сообщают о существовании здесь большого, многолюдного города (Тизенгаузен I884, с.I92, 280). Само собой напрашивается вывод, что Солхат-Крым возник задолго до этого времени. Археологические материалы, как видим, подтверждают существование вблизи Старого Крыма остатков разновременных поселений, однако они не были связаны между собой и, что особенно важно отметить, вплоть до самого позднего, датируемого по керамике XП-XШ вв., не имели непосредственного отношения к Солхату-Крыму (Домбровский, Сидоренко I978, с.I5; Крамаровский I98I б, с.52).

До середины XШ в. в восточных источниках не встречаются сведения о Солхате-Крыме. Не упоминает о нем и Г.Рубрук, побывавший в Таврике в I253 г. На пути от Солдайи к ставке татарских правителей он не встретил ни города, ни селения (Рубрук I957, с.I04).

Упоминания о населенном пункте с названием "Крым" содержатся у Рашид-ад-Дина и связаны с датой I256-I257 гг., когда он был отдан ханом Берке в держание Из-эд-Дину (Тизенгаузен I94I, с.73). Однако это свидетельство, очевидно, относится к населенному пункту, располагавшемуся в Малой Азии (Домбровский, Сидоренко I978, с.22).

Первые бесспорные сведения о находившемся в Таврике поселении "Крым", как о небольшом населенном пункте, в котором обитают кипчаки, русские, аланы (Тизенгаузен I884, с.63, I92), дает арабский источник, описывающий события I263 г. В более поздних арабских источниках, прежде всего в египетских,

город Крым часто упоминается в связи с отправкой посольств в Золотую Орду, его название постоянно повторяется при перечислении владений золотоордынских ханов, в дорожных заметках путешественников.

Предположение о том, что город был основан или восстановлен во второй половине 50-х - начале 60-х гг. XIII в., подтверждается тем, что в ходе его археологических исследований пока не удалось обнаружить домонгольских слоев (Крамаровский 1981 б, с.52). Тем более удивительно, что констатировавший это М.Г.Крамаровский на основании единичного упоминания топонима "Солхат" в источнике, относящемся к 1241 г., выделяет первый (догородской) этап существования поселения, который датирует 40-80-ми гг. XIII в. (Крамаровский 1989, с.142).

Большинство исследователей считало, что Солхат-Крым был основан не татарами. Так,Г.Спасский, В.Д.Смирнов, О.И.Домбровский и В.А.Сидоренко в разное время высказали одно и то же предположение, что еще до появления на этом месте татар здесь было генуэзское поселение (Спасский 1854, с.92; Смирнов 1887, с.76; Домбровский, Сидоренко 1978, с.26). По мнению А.Л.Якобсона,начало городу положено армянскими переселенцами (Якобсон 1964, с.105). М.Г.Крамаровский считает, что Солхат-Крым возник в результате слияния двух первоначальных поселений: христианского и иудейского (Крамаровский 1989, с.145; 1991, с.66).

Оригинальная точка зрения происхождения поселения на месте Старого Крыма принадлежит А.И.Полканову. Рассматривая политическую ситуацию в Таврике и вокруг нее в XII - первой половине XIII в., он высказал предположение, что здесь довольно долго существовала ставка половецкого правителя, которая выполняла роль перевалочного пункта на торговом пути от Тмутаракани до Судака (Полканов 1929, с.55). В этом контексте примечателен факт, что первым известным представителем джучидской администрации в Солхате-Крыме был кипчак Табук (Крамаровский 1989, с.143; 1991, с.66). Представлено в литературе и мнение, что город был основан монголами после их проникновения на территорию Крымского полуострова (Егоров 1977, с.121).

Окончательная оценка этих взглядов невозможна без рассмотрения вопроса о происхождении различных названий Солхата-Крыма. Арабские источники называют его Крым, это же название преобладает на эпиграфических памятниках и монетах местной чеканки (Акчокраклы 1927, с.6; Ретовский 1906, с.13; Сидоренко 1991, с.46-48). В иудейских, армянских, западноевропейских и прочих источниках встречается другое название - Солхат (в разных формах). Длительное существование двух названий города в один и тот же период, да еще связанный с его расцветом, вызывает интерес у исследователей. Пытаясь разгадать эту загадку, они пробовали объяснить происхождение этих названий.

По поводу первого "Солхат"- существуют разные версии. Ряд авторов считал, что оно происходит от искаженного армянского "сурб-хач"(святой крест) (Акчокраклы 1927, с.7; Якобсон 1964, с.83; Микаэлян 1974, с.17; Старокадомская 1974, с.165). Армянский монастырь с таким названием был основан в 1338 г. в нескольких километрах от Солхата-Крыма. Однако, если признать приведенное выше объяснение, получится, по верному замечанию О.И.Домбровского и В.А.Сидоренко, что армяне сами искажали свое же название города. Эти авторы присоединяются к мнению А.Я.Гаркави и А.Л.Бертье-Делагарда, что название "Солхат" происходит от чжагатайского "левая сторона". Таковым, по их мнению, было первое татарское название города в то время, когда татары владели лишь восточной частью Крымского полуострова. После того, как весь полуостров вошел в состав их владений, изменилось и название татарского административного центра. Но генуэзцы и армяне по-прежнему продолжали называть город "Солхат" (Гаркави 1873, с.55; Бертье-Делагард 1920, с.99; Домбровский, Сидоренко 1978, с.25-26). Не ясно только, кто мог в середине XIII в. хозяйничать в западной части Таврики или хотя бы заставить усомниться татар в том, что и эта территория принадлежит им. И еще: если генуэзцы и армяне восприняли первоначальное татарское название города, то почему они не поступили таким же образом, когда татары этот город переименовали?

Любопытно объяснение названия города, предложенное М.Г.Крамаровским. Он дает следующее прочтение топонима "Солхат" - "селение (город) на левом склоне горы (Агармыш)" (Крамаровский 1989, с.143).

Происхождение названия "Крым" большинство исследователей связывает с татарским словом "кырым" (ров), считая, что город был назван так потому, что вокруг него были вырыты рвы (Смирнов 1887, с.20-23; Бертье-Делагард 1920, с.98; Домбровский, Сидоренко 1978, с.19). Иного мнения придерживался Э.М.Мурзаев, считавший, что это слово происходит от монгольского "хэрэм", обозначающего понятия "стена", "крепость" (Мурзаев 1948, с.297-298). Не вдаваясь в лингвистические исследования, присоединимся к выводу А.Н.Самойловича о том, что происхождение названия "Крым" до конца не выяснено (Самойлович 1929, с.62).

Пытаясь объяснить сосуществование двух названий Солхата-Крыма, О.И.Домбровский и В.А.Сидоренко выдвинули предположение о довольно длительном сохранении самостоятельных генуэзского и татарского поселений в рамках одного города, лишь постепенно слившихся (Домбровский, Сидоренко 1978, с.26). По их мнению, первоначальным было генуэзское поселение, которое привлекло татар, а сам город вырос вокруг ставки татарского наместника (там же, с.40). Исследования М.Г.Крамаровского не подтверждают этих предположений. Из них следует, что первоначальные иудейское и христианское поселения были объединены выросшими между ними мусульманскими кварталами (Крамаровский 1989, с.145; 1991, с.66).

На наш взгляд, существуют основания для предположения, что Крым и Солхат в полном смысле слова одним и тем же городом не были. Для того чтобы подтвердить это предположение, необходимо рассмотреть несколько противоречивых моментов в сведениях о Солхате-Крыме.

В XIII- первой половине XIУ вв. даже столица Золотой Орды не имела укреплений, и лишь дворец хана был окружен стенами, башнями и домами эмиров (Тизенгаузен 1884, с.306). А.Л.Бертье-Делагард, указывая на то, что для татар несвойственно было укреплять свои города, считал оборонительные сооружения Солхата-Крыма исключительным явлением (Бертье-Делагард 1920, с.97).

Следующая неясность, которую Бертье-Делагард лишь отметил, но не объяснил, заключается в противоречии между сведениями восточных авторов о масштабах города и его действительными

размерами (там же, с.100). Арабские источники сообщают о Солхате-Крыме как о крупном, многолюдном городе (Тизенгаузен 1884, с.192), постоянно называя его рядом с Сараем (там же, с.206). В то же время известно, что площадь города за крепостными стенами в первой половине XIУ в. составляла 80 га, а по расчетам М.Г.Крамаровского к середине XУ в. она достигала 220 га (Крамаровский 1989, с.144). По масштабам крымского средневековья это очень много, но не настолько, чтобы поразить воображение арабских писателей. Исходя из этого, О.И.Домбровский и В.А.Сидоренко пришли к выводу, что представления средневековых восточных авторов о масштабах Солхата-Крыма не соответствовали действительности (Домбровский, Сидоренко 1978, с.39).

Думается, что данные противоречия можно снять, если предположить существование вокруг Солхата, заключенного в крепостные стены, крупного стойбища, вроде кочевого города, описанного венецианцем И.Барбаро (Барбаро 1971, с.146-148). Только стойбище это, в отличие от кочевого города Барбаро, существовало постоянно. Именно так, судя по источникам, должен был выглядеть в начале XIУ в. Сарай Берке, таким же в конце XIII-XIУ вв. мог быть Солхат-Крым. Кочевники вообще тяжело расставались с привычным им образом жизни. Так, великий хан Угэдей предпочитал жить в юрте близ своего роскошного дворца в столице Монгольской империи Каракоруме (Гумилев 1970, с.196). Что же касается Солхата-Крыма, то побывавший в Таврике в первой половине XУ в. испанец П.Тафур наблюдал юрты, расположенные в черте города (*Tafur* 1874, p.177).

Предложенный нами подход позволяет объяснить и нерешительность арабских источников в определении того, что же такое Крым - местность или город (Тизенгаузен 1884, с.192). И в этом случае получается, что собственно Крым не был исключением среди золотоордынских городов и не имел крепостных сооружений вокруг себя. Здесь уместно напомнить о предположении А.И.Полканова, считавшего, что на месте Старого Крыма могло располагаться стойбище кипчаков, а также привести перечень народов, населявших город, по сведениям Эль-Муфаддаля. Этот автор упоминает о проживающих здесь кипчаках, русских и аланах (Тизенгаузен 1884, с.192). Таким образом, в татарское

время кипчаки могли использовать это место для стойбища.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди населения Крыма Эль-Муфаддаль не упоминает ни генуэзцев, ни армян, ни евреев, хотя доподлинно известно, что генуэзцы, например, уже в 1289-1290 гг. вели активную торговлю и проживали в Солхате (*Balard* 1973, p.138). Отсутствие упоминания о них в арабском источнике может быть связано с тем, что примыкающее к Крыму торговое поселение во время его описания еще не было восстановлено после разгрома, учиненного в 1298-1299 гг. Ногаем.

Итак, вполне вероятно, что сосуществование двух названий Солхата-Крыма связано с его делением на собственно город в традиционном смысле этого слова (Солхат) и стойбище кочевников, которое вместе с Солхатом образовывало "Крым". Не случайно название "Солхат" фигурирует именно в источниках, отмечавших главным образом торговую жизнь города. Для арабского же мира (прежде всего для мамлюкского Египта) Солхат-Крым был прежде всего интересен как один из политических центров Золотой Орды, опорный пункт для распространения ислама в среде кочевников. Поэтому арабские авторы и восприняли название, имевшее хождение у татар.

Во второй половине XIII-XIУ вв. Солхат-Крым был не только политическим, но и крупным экономическим центром Золотой Орды. Город играл важную роль в системе торговых связей между Западом и Востоком.

Весь период процветания города связан с оживлением торговли в Северном Причерноморье, с расцветом находившейся рядом генуэзской Каффы. В.Д.Смирнов, рассматривая вопрос о возникновении поселения на месте Старого Крыма, привел свидетельство турецкого историка Сеид Мухаммеда Ризы о том, что Солхат существовал еще в X в. как продолжение каффинской пристани (Смирнов 1887, с.76). Очевидно, именно этот источник дал основание Н.Н.Мурзакевичу говорить о Солхате даже в IX в., когда, по его мнению, пути восточной торговли были проложены через Крымский полуостров (Мурзакевич 1850, с.529). Эти утверждения опроверг А.Л.Бертье-Делагард, считавший, что в Солхате могла находиться лишь фактория генуэзцев, да и она могла появиться только во второй половине XIII в. после основания генуэзской Каффы (Бертье-Делагард 1920, с.94-96). Примечательно, что Бертье-Делагард, как и критикуемые им авторы, связывал возникновение Солхата с созданием генуэзцами колонии на берегу Феодосийской бухты.

К концу XIII в. относятся первые известные документы, фиксирующие торговые связи между Солхатом-Крымом и Каффой (*Balard* 1973, p.138,151). Правда, уже Устав Каффы 1316 г. содержал ряд статей, запрещающих длительное пребывание каффинских купцов в Солхате, что,по мнению М.К.Старокадомской, имело целью предотвратить массовое переселение генуэзских купцов в этот город (Старокадомская 1974, с.170). О.И.Домбровский и В.А.Сидоренко, напротив, считали, что ограничения на торговые операции генуэзцев в Солхате могли быть навязаны татарскими властями (Домбровский, Сидоренко 1978, с.16). Оба вывода опираются на признание факта торговой конкуренции между двумя городами, в ходе которой каждая из сторон стремилась получить преимущество за счет экономического ослабления противника.

В связи с этим необходимо заметить, что Устав 1316 г. содержит также запреты и ограничения на сроки и условия пребывания генуэзских купцов в Солдайе и Тане. Подобная же практика использовалась венецианскими властями в Трапезунде в условиях неясной политической обстановки в этом городе. Так, при возобновлении навигации в Трапезунд в 1364 г. срок пребывания в нем венецианских судов был ограничен тремя днями (Карпов 1981, с.59). В 1457 г. Большой Совет Венеции запретил зимовку в Черном море кораблям, принадлежащим гражданам республики св.Марка (там же, с.81). Были случаи, когда во время обострения политической ситуации в Иране венецианским купцам запрещалось отправляться из Трапезунда в Тебриз (там же, с.72). Устав 1316 г. был издан сразу после возвращения генуэзцев в Каффу, откуда они бежали в 1308 г., спасаясь от нападения татар. Поэтому нет ничего удивительного в том, что жителям восстановленной колонии на первых порах предписывалась повышенная осторожность в контактах с опасными соседями. Ограничение же торговых связей не было выгодно ни татарам, ни генуэзцам.

В статье М.К.Старокадомской "Солхат и Каффа в XIII-XIУ вв."

приводится перечень товаров, которые можно приобрести на рынке Солхата. Это и продукты кочевого хозяйства: кожи, конский волос, овчина, а также левантийские товары (Старокадомская I974, с.I67-I68). Из Солхата значительная часть товаров попала в Каффу, откуда морем направлялась дальше на запад. Транзитная торговля, особенно редкими в Европе восточными товарами, обогащала генуэзских купцов. Наживалась на ней и татарская верхушка. Пошлины за право приобретения товаров во владениях Золотой Орды генуэзцы выплачивали в размере 3% от суммы сделки (Скржинская I973, с.II6).

Торговые контакты Золотой Орды с итальянскими торговыми поселениями быстро стали жизненно необходимыми для властей татарского государства. Об этом свидетельствует тот факт, что во время конфликтов с Золотой Ордой итальянские власти довольно успешно использовали торговую блокаду Северного Причерноморья, для того чтобы заставить татар прекратить военные действия против колоний (I343-I344 и I345-I349 гг.) (Сборник I860, с.I94-202, 207-208).

Взаимовыгодные контакты Солхата и Каффы основывались на том, что оба города дополняли друг друга. Каффа служила Солхату морским портом, а Солхат для каффинского купечества был конечным пунктом следования караванов, начинавших свой путь в Средней Азии и Китае. Оба города одновременно, в XIУ в., пережили экономический расцвет. Солхат, правда, раньше и быстрее начал клониться к хозяйственному упадку.

М.К.Старокадомская пыталась объяснить свертывание торговой деятельности Солхата во второй половине XIУ в. усилившейся конкуренцией со стороны других татарских городов (Старокадомская I974, с.I73). Думается, что кроме этого, причиной ослабления позиций города можно считать вступление Золотой Орды в середине XIУ в. в полосу междоусобиц и всесторонней дезинтеграции. Уже в конце XIУ в. Ибн-Арабшах о времени, когда караваны, двигаясь от Хорезма до Крыма, не покидали границ одного государства, и на всем протяжении маршрута караванщики получали все необходимое, говорит как о прошедшем (Тизенгаузен I884, с.460).

Окончательно прежнее экономическое значение Солхат потерял в конце XIУ в., после того, как войска Тимура в I395 г.

подвергли его разгрому. В XУ в. поселение продолжало существовать, но утратило городской облик. В середине XУ в. И.Барбаро не решается назвать его ни городом, ни крепостью (Барбаро I97I, с.I54). В изданном в I570 г. в Антверпене географическом каталоге Солхат еще упоминается (Колли I9I0, с.24-29), однако это уже не был прежний Солхат-Крым.

В течение XШ-XУ вв. менялось и политическое значение Солхата-Крыма. Город не сразу вошел в состав владений Золотой Орды. Крым упоминается Г.А.Федоровым-Давыдовым в числе так называемых "каанских" городов, подчиненных непосредственно Каракоруму (Федоров-Давыдов I973, с.78-79). Только с начала XIУ в. он переходит в руки золотоордынских правителей (там же, с.89-90). А когда во второй половине XIУ в. в Таврике перестает существовать единое наместничество, у Крыма появляется политический конкурент - Кырк-Иер. После образования в середине XУ в. Крымского ханства именно Кырк-Иер становится его столицей.

То обстоятельство, что, несмотря на перенесение столицы в другой город, ханство, тем не менее, продолжает называться Крымским, наводит на мысль о том, что в понимании татар слово "крым" означало ставку правителя полуострова и одновременно подчиненную ему территорию, аналогично тому, что отправиться "в Орду" на Руси означало поехать к месту пребывания золотоордынских ханов.

Лишь после того, как Солхат-Крым утратил значение главного политического центра татар на Крымском полуострове, он получил возможность избавиться от двойственного положения. Очевидно, изменился и административно-политический статус города. Хотя И.Барбаро сообщает о нем как об укреплении, принадлежащем татарам (Барбаро I97I, с.I54), некоторые сведения дают основания для предположения, что статус Солхата среди татарских владений на Крымском полуострове был своеобразным.

В I434 г. направленная из Генуи военная экспедиция под командованием Карло Ломеллино овладела Чембало, а затем и Каламитой. Кырк-Иер находился рядом, однако генуэзские войска были переброшены в Каффу и оттуда двинулись на Солхат. Примечательно поведение генуэзцев во время этого похода.

Находясь от Солхата на расстоянии дневного перехода, солдаты двигались налегке, сложив оружие и доспехи на повозки, а при первой же атаке со стороны татар, даже не пытаясь оказать им сопротивления, обратились в бегство (Колли 1913, с.118-119). Похоже, что появление татарской конницы на подступах к городу оказалось для генуэзцев неожиданным. А ведь они не могли рассчитывать, что их поход застанет татар врасплох, так как корабли Ломеллино появились на рейде Чембало 4 июня 1434 г., а неудачный поход на Солхат был завершен 22 июня. Кроме того, за неделю до выступления войск из Каффы, в Солхат был послан парламентер (там же, с.118).

Обстоятельства похода генуэзцев на Солхат можно объяснить только тем, что некоторая доля самостоятельности, которую имел в то время город, была истолкована генуэзцами как полная беззащитность Солхата. Возможно, что помощь Солхату действительно не предусматривалась характером его отношений с другими татарскими владениями в Таврике.

Другим свидетельством особого статуса Солхата является статья Устава генуэзских колоний 1449 г., по которой бежавшие из татарских владений рабы не подлежали выдаче прежним хозяевам, за исключением бежавших из Солхата (Устав 1863, с.737). Попытка В.Н.Юргевича объяснить этот факт тем, что это положение Устава - всего лишь повторение пунктов соглашений 80-х гг. XIУ в., не выдерживает критики. Последние заключались не между двумя городами, а между генуэзскими колониальными властями и татарскими правителями полуострова или, по крайней мере, его части. Выполнение этих обязательств исключительно по отношению к Солхату может означать лишь то, что и власти Солхата, в отличие от администрации Крымского ханства, выполняли такие же обязательства по отношению к генуэзским колониям.

Предполагаемая автономия Солхата в ХУ в. не была исключительным явлением в истории Золотой Орды. Так,Тана, подчинявшаяся в XIУ в. татарской администрации, после разрушения ее Тимуром в 1395 г., была восстановлена в гораздо меньших размерах и находилась под управлением венецианского консула (Скржинская 1971, с.43-44).

В период своего расцвета Солхат-Крым был крупным культурным и религиозным центром Золотой Орды. До наших дней сохранились на территории Старого Крыма остатки средневековых мечетей, а также существовавшего здесь в XIУ в. медресе. Еще в XIX в. можно было наблюдать довольно значительное количество остатков средневековых строений, однако они стремительно разрушались временем и окрестным населением. Ю.А.Кулаковский, например, отмечал, что оборонительная стена города была разобрана на постройки болгарскими колонистами (Кулаковский 1899, с.2).

На необходимость принятия неотложных мер для спасения остатков средневековой архитектуры и археологических памятников Старого Крыма указывали члены Таврической ученой архивной комиссии А.И.Маркевич и Л.П.Колли. Ими же были описаны те средневековые строения, развалины которых еще виднелись на поверхности земли (Маркевич 1888, с.64,77; Колли 1903, с.10-17; 1910). Однако, несмотря на все усилия крымских любителей древностей, памятники Солхата продолжали уничтожаться. Об интенсивности разрушения средневекового города говорит тот факт, что Л.П.Колли в 1903 г. уже не мог найти многих памятников, описанных А.И.Маркевичем в 1887 г. (Колли 1903, с.11).

Археологические раскопки Солхата долгое время не проводились. Только в 1925 г. впервые были начаты регулярные исследования. Их результаты и находки опубликованы И.Н.Бороздиным (Бороздин 1926, с.271-301; 1927 а, с.24-26; 1927 б, с.256-274), а эпиграфические памятники, найденные в Солхате, легли в основу публикаций О.Акчокраклы (Акчокраклы 1927, с.5-17; 1928, с.158-172). К сожалению, после 1928 г. раскопки Солхата надолго остановились и были возобновлены только в 1978 г. под руководством М.Г.Крамаровского, продолжившего исследование мечетей, караван-сарая, а также некоторых участков жилых кварталов средневекового города (Крамаровский 1980, с.290-291; 1981 а, с.265-266; 1983, с.273-275; 1984, с.280-282).

Практически все исследователи Солхата отмечают сильное влияние на его культурный облик тюркского стиля, пришедшего из Малой Азии - сельджукизма. Он присутствует в каллиграфических особенностях арабских надписей, архитектурных

деталях зданий, орнаментике. Распространение сельджукизма в Таврике не ограничивалось только Солхатом. Специалисты находят элементы этого стиля в сохранившихся памятниках Отуз, Чуфут-кале, Эски-юрта (Башкиров 1926, с.108; Акчокраклы 1927, с.10; 1928, с.168; Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы 1929, с.178). Появилось даже мнение, что сельджукские традиции для Крыма не наносные, что они, глубоко проникнув в художественное восприятие татар, проявлялись даже в их бытовых памятниках (Башкиров 1926, с.123-124). Иначе объяснял распространение сельджукизма в Крыму И.Н.Бороздин, предполагавший существование в Солхате колонии турок-сельджуков (Бороздин 1927 б, с.273). О возможном переселении в Крым колонистов из Малой Азии писал и В.А.Гордлевский (Гордлевский 1962, с.73). Второе объяснение выглядит убедительнее, тем более, что вплоть до конца существования Золотой Орды татары в большей своей массе сохранили кочевой быт и свойственные именно им культурные традиции. Городская же культура Золотой Орды создавалась руками завоеванных народов (Греков, Якубовский 1950, с.160).

В памятниках искусства Солхата явственно проявились и другие культурные веяния. И.Н.Бороздин отмечал связь архитектурных сооружений города с памятниками Египта и Хорезма (Бороздин 1926, с.302; 1927 а, с.25). Примечательно, что на надгробиях Солхата и Отуз упоминаются имена выходцев из Малой Азии, Ирана, Мессопотамии, Сирии, Египта (Акчокраклы 1927, с.9; 1929, с.155-159).

В конце XШ-XIУ вв, в Солхате интенсивно велось строительство мечетей, функционировало духовное учебное заведение - медресе (по мнению О.И.Домбровского и В.А.Сидоренко здание, примыкавшее к мечети Узбека,- не медресе, а текие) (Домбровский, Сидоренко 1978, с.32). Несомненно, Солхат являлся крупным центром миссионерской деятельности мусульманского духовенства в масштабах всей Золотой Орды. Подтверждается этот вывод и тем, что рядом с городом, в Отузах, действовал мусульманский монастырь - текие (Акчокраклы 1927, с.9; Барсамов 1929, с.169).

Не могла не повлиять на формирование культурного облика Солхата армянская культура. Эмиграция армян из Малой Азии могла быть одним из каналов, по которым проникал в крымские

города сельджукизм. Многие авторы отмечают, что в XШ-XУ вв. основным районом расселения выходцев из Армении был Юго-Восточный Крым (Медици 1867, с.446; Айвазовский 1867, с.550; Кулаковский 1906, с.107; Якобсон 1964, с.105; 1956, с.166-168; Микаэлян 1974, с.17-18). Роль культурного центра армянского населения Таврики играл расположенный близ Солхата монастырь Сурб-Хач.

И.Н.Бороздин отмечал воздействие на памятники Солхата итальянского искусства (Бороздин 1926, с.302), а У.А.Боданинский усматривает черты итальянского ренессанса даже в дюрбе Хаджи-Гирея, построенном в начале XУI в. (Боданинский 1927, с.198-199).

Культура Солхата - преимущественно мусульманская, ислам же, официально принятый как государственная религия Золотой Орды ханом Узбеком, с большим трудом проникал в среду кочевников, многие из которых и в XУ в. оставались язычниками (Греков, Якубовский 1950, с.165). Крепостные стены города, таким образом пролегли между культурой восточного города и культурой кочевого мира, известной гораздо хуже, чем первая. Это вовсе не значит, что татарское население Крыма XШ-XУ вв. не создавало произведений, отражавших его собственную духовную культуру. Просто эти произведения были более подвержены разрушительным процессам и не дошли до нас так полно, как памятники Солхата.

Солхат-Крым не только испытывал на себе влияние различных культурных традиций. Его собственное культурное влияние выходило далеко за пределы Крымского полуострова. По мнению М.Г. Крамаровского, этот город в начале XIУ в. превратился в центр изготовления золотоордынской филиграни (Крамаровский 1982, с.70), а на конференции по проблемам взаимоотношений между горными и равнинными регионами, проходившей в 1984 г. в Душети, было отмечено культурное влияние торгово-ремесленных городов Юго-Восточного Крыма (в том числе и Солхата) на зону степей Северного Кавказа (Дашевская, Джорбенадзе 1987, с.297-298).

Изучение истории Солхата-Крыма далеко не завершено. Дальнейшие исследования связаны прежде всего с продолжением археологических изысканий на территории города и вокруг него.

ЛИТЕРАТУРА

Айвазовский Г. Заметка о происхождении новороссийских армян //ЗООИД.- Одесса, 1867.- Т.6.

Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи XШ-XУ вв. //ИТОИАЭ.- Симферополь, 1927.- Т.I(58).

Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале// ИТОИАЭ.- Симферополь, 1928.- Т.2.

Акчокраклы О. Старокрымские надписи (по раскопкам 1928 г.) //ИТОИАЭ.- Симферополь, 1929.- Т.3.

Барбаро И. Путешествие в Тану //Барбаро и Контарини о России.- Л.: Наука, 1971.

Барсамов Н.С. Археологические раскопки в Отузах 1927 и 1928 года //ИТОИАЭ.- Симферополь, 1929.- Т.3.

Бартольд В.В. Крым //Сочинения.- М.: Наука, 1965.- Т.Ш.

Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве //Крым.- М., 1926.- № 2.

Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде//ИТУАК.- Симферополь, 1920.- Т.57.

Боданинский У.А. Татарское "Дурбе" - мавзолеи в Крыму // ИТОИАЭ.- Симферополь, 1927.- Т.I(58).

Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н., Акчокраклы О. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928-1929 гг.)//ИТОИАЭ.- Симферополь, 1929.- Т.3.

Бороздин И.Н. Солхат //Новый Восток.- М., 1926.- № 13-14.

Бороздин И.Н. Из Отузской старины //ИТОИАЭ.- Симферополь, 1927 а.- Т.I(58).

Бороздин И.Н. Новые данные по Золотоордынской культуре в Крыму// Новый Восток.- М., 1927 б.- № 16-17.

Броневский М. Описание Крыма //ЗООИД.- Одесса, 1867.- Т.6.

Гаркави А.Я. О происхождении названий на Таврическом полуострове //ИРГО.- Спб., 1873.- Т.ХП.- Вып.I.

Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов в Малой Азии // Избранные сочинения.- М.: Наука, 1960.- Т.I.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение.- М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (легенда о"государстве Пресвитера Иоанна").- Л.: Наука, 1970.

Дашевская О.Д., Джорбенидзе В.А. Конференция по проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Душети, 1984)// СА.- 1987.- № I.

Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Солхат и Сурб-Хач.- Симферополь: Таврия, 1978.

Егоров В.Л. География городов Золотой Орды// СА.- 1977.- № I.

Карпов С.П. Трапезундская империя и Запад в XШ-XУ вв.- М., 1981.

Кеппен П.И. Крымский сборник.- Спб., 1837.

Колли Л.П. О судьбах некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии //ИТУАК.- Симферополь, 1903.- Т.35.

Колли Л.П. Из средневековой географии //ИТУАК.- Симферополь, 1910.- № 44.

Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика //ИТУАК.- Симферополь, 1913.- Т.50.

Крамаровский М.Г. Работы на городище Солхат//АО 1979 г.- 1980.

Крамаровский М.Г. Работы на городище Солхат//АО 1980 г.- 1981 а.

Крамаровский М.Г. Прикладная печать с городища средневекового Крыма (предварительное сообщение)//СГЭ.-Л., 1981 б.- Вып.46.

Крамаровский М.Г. "Шапка Мономаха": Византия или Восток?// СГЭ.- Л., 1982.- Вып.47.

Крамаровский М.Г. Раскопки на городище Солхата //АО 1981 г. - 1983.

Крамаровский М.Г. Работы на городище средневекового Солхата //АО 1982 г.- 1984.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XШ-XIУ вв. //Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа.- Л., 1989.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: Тюркский этнос и городская культура XШ-XIУ вв.// Проблемы истории Крыма: тезисы докладов научной конференции.- Симферополь, 1991.- Вып.I.

Кругликова И.Т. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 году// КСИИМК.- 1959.- Вып.74.

Кулаковский Ю.А. К истории готской епархии (в Крыму) в УШ веке //ЖМНП.- Спб., I898.- Ч. СССХУ.- Февраль.

Кулаковский Ю.А. Новые данные для истории Старого Крыма // ЗИРАО.- Спб., I899.- Т.Х.- Вып.3.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды.- Киев, I906.

Маркевич А.И. Поездка в Старый Крым //ИТУАК.- Симферополь, I888.- Т.6.

Маркевич А.И. Старокрымские древности //ИТУАК.- Симферополь, I892.- Т.I7.

Медици М. Путешествие по Польше и другим местам, обитаемым армянами, переселившимися из древнего столичного города Ани (пер. Х.Кушнерева) //ЗООИД.- Одесса, I877.- Т.I0.

Микаэлян В.А. На крымской земле.- Ереван: Айстан, I974.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в I820 году.- Спб., I823.

Мурзаев Э.М. Опыт объяснения названия "Крым" //ИВГО.- М., I948.- Т. LXXX.- Вып.3.

Мурзакевич Н.Н. Эски-Крымская арабская надпись // ЗООИД.- Одесса, I850.- Т.2.

Паллас П. Путешествие по Крыму в I793 и I794 годах // ЗООИД.- Одесса, I88I.- Т.I2; I883.- Т.I3.

Полканов А.И. К вопросу о конце Тмутараканского княжества // ИТОИАЭ.- Симферополь, I929.- Т.3.

Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты //ИАК.- I906.- Вып.I8.

Рубрук Г. Путешествие в восточные страны// Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны.- М.: Географгиз, I957.

Самойлович А.Н. Объяснено ли название "Крым"?// ИТОИАЭ.- Симферополь, I929.- Т.3.

Сборник венецианско-генуэзских грамот //ЗООИД.- Одесса, I860.- Т.4.- Отд.2.

Сидоренко В.А. Монетное производство золотоордынского Крыма// Проблемы истории Крыма: тезисы докладов научной конференции.- Симферополь.- I99I.- Вып.2.

Скржинская Е.Ч. История Таны //Барбаро и Контарини о России.- Л.: Наука, I97I.

Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, I362 г.) //ВВ.- I973.- Т.35.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала ХУШ в.- Спб., I887.- Т.I.

Спасский Г. Старый Крым (из путевых заметок о Крыме) // ЗООИД.- Одесса, I854.- Т.4.

Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в ХШ-ХIУ вв. //Феодальная Таврика.- Киев: Наук.думка, I974.

Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в I799 году.- М., I800.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.- Спб., I884.- Т.I.: М.: Л., I94I.- Т.П.

Тунманн М. Крымское ханство.- Симферополь: Госиздат Кр. АССР, I936.

Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в I449 г.// ЗООИД.- Одесса, I863.- Т.5.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды.- М.: МГУ, I973.

Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за I0 лет (I92I-I930)//ИТОИАЭ.- Симферополь, I930.- Т.4.

Якобсон А.Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. - I956.- Т.8.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым.- М.-Л.: Наука, I964.

Balard M. Genes et l'Outre-Mer. 1. les actes de Caffa di notaire lamberto di Sambuceto 1289-1290.- Paris, 1973.

Tafur P. Andaças e' viajes. Por divirsas partes del mundo avidos. 1435-1439.- Madrid, 1874.

М.А.Араджиони

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ЭТНОГЕНЕЗА ТЮРКОЯЗЫЧНОГО ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХРИСТИАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Одной из проблем этнической истории "мариупольских греков" - средневекового христианского населения Крыма, переселенного

в 1778-1780 гг. на территорию современной Донецкой области Украины, является существование в рамках этого этноса двух групп - румеев (этноним греков, язык которых исследователи относят к северной группе новогреческих диалектов) и урумов (самоназвание греков, говорящих на диалектах тюркского языка с огузо-кыпчакской основой) (Белецкий 1970; Чернышева 1958; Баскаков 1966; 1981; Гаркавец 1981).

Это обстоятельство побудило ряд исследователей рассматривать урумов как особые этнические группы, с различными субстратами, но исторически объединенные общностью религии, культуры и этнонимом "греки". Особое внимание ими было обращено на татароязычных греков - урумов. Так, В.И.Григорович отождествлял пращуров татароязычных греков с аланами (1874, с.6). Ф.Браун в Приазовье искал в их среде следы крымских готов, но по его собственному признанию:"цели своей я не достиг, то есть ясных следов готской жизни не нашел" (1890, с.79).

Многие исследователи относят урумов к тюркам (крымским татарам, половцам, туркам и так далее), принявшим христианство. По данным И.А.Корелова, изучающего тюркоязычных греков Кавказа, эту мысль проводил глава тюркоязычной греко-православной церкви в Малой Азии панас Эфтим, подкрепляя ее заявлениями, что турки"...где бы они не находились, какую бы религию не исповедовали, всегда сохраняли свой язык ..." так и урумы: "... веру потеряли (ислам) а язык сохранили". Вероятно, так глава православной церкви пытался оградить свою паству от преследования турок (Корелов 1990, с.135).Критикуя взгляды панаса Эфтима, академик А.Гордлевский писал: "Трудно допустить массовый переход тюрок в Малой Азии в христианство в эпоху сельджукидов Рума; скорее уж теоретически могло это случиться раньше, когда тюрские племена служили Византии..." (1962, с. 140).

Также трудно допустить, что в Крыму большая группа крымских татар или турок приняла христианство, сознательно обрекая себя на определенное ущемление политических, религиозных и экономических прав.

В соответствии с гипотезой о тюркском происхождении урумов, А.Н.Гаркавцом было высказано предположение, что татароязычные греки - потомки половцев, принявших христианство. Причем, автор предложил оригинальную концепцию этногенеза ряда других этнических общностей, сформировавшихся на полуострове в средние века. По его мнению, часть кыпчаков-язычников, осевшая в Крыму, в XI в. приняла христианство греко-православного толка и стала именоваться греками, подданными Византийской империи, сохранив при этом свой язык. Другая часть половцев стала исповедовать христианство армяно-григорианского толка и слилась с армянами, эмигрировавшими в Крым и половецкую степь в середине XI в. Следующая группа половцев, приняв караитский иудаизм,соединилась с остатками хазар, которые исповедовали эту религию еще с IX в. Остальные половцы были обращены в ислам и ассимилировались крымскими татарами (Гаркавец 1974, с.18-19).

Итак, по схеме А.Н. Гаркавца половцы в Крыму разделились по религиозному признаку на четыре группы, растворившись в этническом массиве других народностей или составив особую этническую общность. Эти группы получили этнонимы, восходящие к названиям принятых религий: "урум-ермени-карай-татар". Вследствие этого, существование половецкого языка или близость к нему фиксируется у всех вышеназванных этносов средневекового Крыма. Наличием общего этнического предка А.Н.Гаркавец объясняет и веротерпимость, существовавшую на полуострове (1974, с.19-20).

Творчески переосмыслив наследие В.В.Бартольда, используя многолетние полевые наблюдения, А.Н.Гаркавец развил эту мысль в работе "О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья" (1981). По мнению исследователя, правильность его концепции подтверждают: внешние антропологические различия, разница в национальных характерах урумов и румеев, лингвистический анализ, довольно компактное расселение татароязычных греков в Крыму. А.Н.Гаркавец считает, что урумы могли сформироваться и из числа многочисленных "ясиров" - пленников, которых крымские татары приводили на полуостров, главным образом с Украины (1981, с.46-47).

Приведенные выше аргументы кажутся нам спорными. Еще в XIX в. исследователи поднимали вопрос о различном этническом происхождении урумов и румеев, исходя из разницы языка и тер-

ритории, которую занимали в Крыму эти группы греков. Большую работу по выявлению и картографированию ареала тюркского и греческого языков среди крымских христиан провел А.Л.Бертье-Делагард (1920, с.1-10). По материалам исследователя, румейские села находились южнее Карасубазара и на Южном берегу Крыма от Ялты до Капсихора. Урумы жили дисперсно в городах и в юго-западной части полуострова. Их села представляли собой довольно компактную группу поселений, которую можно локализовать в границах современного Бахчисарайского района. Если следовать концепции А.Н.Гаркавца, именно эту территорию заселили в XI в. половцы, принявшие христианство.

Обратимся к истории. Юго-Западный Крым издавна привлекал людей плодородными долинами, мягким климатом: по античным письменным источникам мы знаем о существовании на этой территории племен тавров и скифов, здесь в эпоху великой греческой колонизации возник Херсонес - крупнейший торговый и культурный центр на полуострове. Археологические материалы, данные антропонимии и эпиграфики свидетельствуют о сложном этническом составе населения этого региона и о процессах варваризации греческого населения Херсонеса и его хоры в римское время, хотя интенсивность его оценивается исследователями неоднозначно (Зубарь 1982, Кадеев 1981, Соломоник 1979).

В период раннего средневековья этническая ситуация в Юго-Западном Крыму стала еще более нестабильной. В результате завоевательных походов сармат, алан, готов, гуннов многие позднеантичные поселения, а также, вероятно, большая часть местного населения этого региона погибли. На смену им пришел новый этнический компонент, также весьма неоднородный по своему составу. Осевшие на этих землях аланы, готы, возможно, гунны попали под влияние византийской культуры, проводником которой был Херсонес, среди них распространилось христианство и, вероятно, греческий язык. Здесь возникает ряд христианских епархий: Херсонская (IУ в.), Готская (УШ в.) и Фулльская (IX в.), ведется активное культовое строительство, тем не менее элементы языческих верований у местного населения существовали еще вплоть до XШ в. Для защиты населения возродились крепости-убежища, известные ныне под собира-

тельным названием "пещерные города" (Айбабин 1987, с.164-198; Айбабин 1990, с.64-72; Герцен 1990, с.125-130; Зубарь 1991, с.8-30; Веймарн 1992, с.163-169; Брун 1874, с.1-54; Бертье-Делагард 1920, с.128-134; Пиоро 1990, с.43-161).

Однако эти крепости не устояли во время набегов хазар, которые с УШ по X в. практически оккупировали территорию Юго-Западного Крыма. В результате закрепления печенегов в Степном Крыму хазары в начале X в. уже утратили свое влияние на полуострове. Печенеги, по свидетельству Константина Багрянородного, соседствовали с областью Херсона и поддерживали с городом торговые контакты (1989, с.37). В конце XI в. половецкие купцы начали активно торговать с форпостом Византии в Крыму. С половцами на полуостров проникли торки. Археологи отмечают смешение двух этнических групп: пачинакитов (печенегов) и кыпчаков (половцев). Источники сообщают, что до прихода в 1223 г. в Крым татар, половцы практически безраздельно господствовали в степной части полуострова. Кыпчаки, по-видимому, обитали и в Восточном Крыму, сделав Судак главным центром транзитной торговли. Археологически присутствие половцев прослеживается в Западном Крыму. Существовали ли половецкие поселения в Юго-Западной части полуострова и насколько велико было их количество, сказать трудно (Айбабин 1991, с.3-4; Анохин 1991, с.6-8; Жуков 1991, с.44-46; Крамаровский 1991).

Сделаем попытку проследить по письменным источникам этнонимию крымских христиан Юго-Западного Крыма до турецкого завоевания. Быть может, это поможет нам определить те этнические компоненты, которые вошли в состав этноса мариупольских греков, и выделить половецкое присутствие в этом регионе.

Вплоть до IX в. византийские авторы называли христиан Юго-Западной Таврики "чужим народом" (для византийских греков), "варварами" и "язычниками". О присутствии среди этих христиан готского этнического компонента сообщали Гильом де Рубрук (1253 г.), Антоний Римлянин (XП в.), Г.Пахимер (1310г.), причем этот автор, кроме готов, называет еще и аланов Марино Сануто Старший в 1334 г. различал среди крымских "ромеев" готов аланов и "некоторые другие народы, идущие по стопам греков" в смысле религии. В XУ в. два автора - И.Барбаро и Бер-

тран де ла Прокьер - фиксируют в Юго-Западном Крыму этноним "готаланы", свидетельствующий о складывании некой единой этнической общности среди местных христиан. Хотя носители готского языка в Крыму жили еще в XУI в., после турецкого завоевания в источниках все чаще употребляется обозначение "румские христиане" или "греки", без расшифровки этнических компонентов, составляющих эту общность (Барбаро I97I, с.I57; Васильев I92I, с.I2, 37-39, 43, I36-I66, 279-28I; Якобсон I970, с.I82-I94).

Анализируя вышеизложенное, можно предположить, что в раннее средневековье в полиэтничной Юго-Западной Таврике общность территории, религии, греческий язык (существовавший здесь с античной эпохи и для разноязычных федератов Византийской империи ставший средством межэтнического общения и государственным языком), влияние византийской культуры, необходимость сплоченности перед степью и постоянными набегами номадов - все это дало мощный толчок консолидационным процессам внутри этнически пестрого местного населения, в которое могли входить представители тюркоязычных племен, приходивших в Крым, причем, не только половцев, но и хазар, и ряда других народов. Однако тюркоязычный компонент нельзя считать доминирующим. Кроме того, факт принятия большой группой половцев христианства и переселения их в Готию, вряд ли остался бы незамеченным в истории полуострова. Так же мы не располагаем данными о переселении больших групп греков в Крым, чтобы можно было предположить, что румеи - это пришлые греки. Несомненно,были контакты, существовала эмиграция греков в Крым, особенно в Византийский период, но нельзя преувеличивать ее размеры, скорее всего она играла роль "подпитки" и в первую очередь, конечно, румеев.

Складыванию общности крымских христиан способствовало также появление в средние века христианского княжества Феодоро в Юго-Западной Таврике со столицей на Мангупе. Татарское и османское влияния, увеличивая мусульманский компонент на полуострове, способствовали усилению роли религии как консолидирующего начала (Герцен I990, с.88-I56).

Основным аргументом А.Н.Гаркавца в пользу его концепции является языковая ситуация в среде мариупольских греков.

Исследователь, проводя лингвистический анализ языка приазовских урумов, отмечает: "в основе урумского языка лежит язык кыпчаков-куманов-половцев, господствовавших в XI-XIII вв. в степях Юго-Восточной Европы... По грамматическим особенностям урумский язык, если отвлечься от поздних огузо-турецких и ногайских наслоений, очень близок к другим кыпчакско-половецким языкам крымского ареала - армяно-кыпчакскому, крымскотатарскому и половецкому языкам, караимскому, крымчакскому. Урумские говоры не столь однородны, как кубанско-кавказские. Одни из них - живое продолжение половецкого языка - зафиксированы памятником конца XIII в. "*Codex Cumanicus*", другие - огузские или промежуточные" (Гаркавец I98I, с.5I-52). А.Н.Гаркавцом были выделены 4 основных диалекта, в которых объединяются урумские говоры: кыпчакско-половецкий с незначительными огузскими элементами (Большой Янисоль, Бешево, Мангуш), кыпчакско-огузский с заметным количеством огузских элементов (Старый Керменчик, Богатырь, Улаклы), огузо-кыпчакский со значительным количеством огузских элементов (Карань, Ласпи, Камар), огузский с заметным кыпчакским субстратом (Мариуполь, Старый Крым) (I98I, с.55-56).

Конечно, историку трудно вступать в полемику с профессиональным лингвистом-тюркологом, и тем не менее ряд моментов кажется нам спорным. Так, тезис исследователя об урумах, как изначально тюркоязычном населении, воспринявшем православие и компактно расселившемся в Юго-Западной Таврике в XI-XII вв., уязвим во многих отношениях. Во-первых, считается заслуживающим доверия сообщение барона Бусбека, австрийского посла в Константинополе, повстречавшем там двух крымчан, которые "оба придерживались христианской веры", владели готским, греческим и татарским языками, причем своими главными городами они называли Мангуп и Сциварин (Васильев I927, с.279-28I). Мангуп находился в сердце урумской этнической территории и, по-видимому, именно здесь в XУI в. христиане знали, кроме татарского, еще два языка, хотя вряд ли была бы в этом необходимость у тюркоязычных христиан.

Во-вторых, как с позиций А.Н.Гаркавца можно объяснить, что села в Восточном Крыму, где долгое присутствие половцев зафиксировано письменными источниками и археологически, были

румейскими, а населенные пункты урумов - "потомков половцев", находились в другой - Юго-Западной части полуострова, причем эта территория с раннего средневековья была довольно плотно заселена не тюрками. Почему христианские жители крымских городов Кафы и Гезлева, значительно удаленных от этнической территории урумов, говорили на тюркском языке (те же христианизированные половцы?)?

С другой стороны,апелляции автора к "*Codex Cumanicus*" также спорны, несмотря на многолетнее изучение, памятник требует дальнейшего исследования, существуют иные прочтения этого документа (Дашкевич 1986, с.79-87).

Показательны результаты картографирования распространения урумских и крымскотатарских диалектов. Нанесем группы говоров на карту полуострова (Бертье-Делагард 1920), используя данные В.Ф.Розанова и А.Л.Бертье-Делагарда о группах крымских сел, выходцы из которых составили одно приазовское село. Соотнесем эти группы говоров с выделенными тремя диалектами крымских татар:степным, средним и южным (Севортян 1966, с.257).

Очевидно, что кыпчакско-половецкий диалект урумов, живших некогда в крымских селах Мангуш, Бешев и Большая Ени-Сала, объединяет эти населенные пункты в одну компактную группу средневековых христианских поселений, которая является по географическому положению самой северной из них. Территориально она тяготеет к северной диалектной группе крымскотатарского языка.

Кыпчакско-огузские урумские говоры, которые были распространены на полуострове в селах Улаклы, Шурю, Бия-Сала, Улу-Сала, Албат, Керменчик, Лаки, Богатырь также составляют единый массив и совпадают с зоной распространения среднего диалекта "орта елакъ" крымских татар. Урумы, носители огузо-кыпчакского диалекта в средневековом Крыму, жили в Качи-Кальоне, Алсу, Ласпи, Черкес-Кермене, Мармаре, Карани, Камаре, Балаклаве, которые расположены в границах бытования южного диалекта крымскотатарского языка. Характерные для жителей Мариуполя и Старого Крыма огузские говоры с кыпчакским субстратом существовали в Феодосии, Карасубазаре, Евпатории, Бахчисарае.

По мнению тюркологов, крымскотатарский язык также при-

надлежит к группе кыпчакских, в разной степени испытавших на себе воздействие огузских элементов (Севортян 1966, с.234). Причем степень проникновения элементов огузского языка растет с севера на юг. Это явление прослеживается и в диалектных особенностях урумов. Существование двух урумских диалектов с огузо-кыпчакской основой может быть объяснено близостью расположения этих сел и городов Крыма к побережью, интенсивностью контактов с южным соседом и сюзереном - Османской империей, турками, язык которых принадлежит к огузской группе тюркских языков.

Нам представляется, что небезосновательно многие исследователи склоняются к мысли о языковой ассимиляции крымского христианского населения со стороны тюркоязычного этноса крымских татар, а не о существовании в юго-западной части полуострова реликтов тюркоязычного этноса, принявших христианство. А.Н.Баскаков прямо называет урумов "отуреченными греками" (1966, с.8), а филологи, изучающие язык румеев - Белецкий А., Чернышева Т.Н., также считающие урумов ассимилированными в языковом отношении греками, предлагают организовать совместные экспедиции с тюркологами, чтобы попытаться в комплексе решить эту проблему (Белецкий 1970, с.5-15; 1964, с.120-122; Чернишова 1975, с.51-55).

По-видимому, в городах - торгово-административных центрах Крымского ханства "базарным", бытовым языком был крымскотатарский, испытавший сильное влияние турецкого языка, а греческая речь, которая звучала здесь в античности и раннем средневековье, как средство межэтнического общения была забыта. Подтверждением этому факту может служить сообщение В.И.Григоровича: румеи называли татарский язык жителей Мариуполя "базарным", языком "базариотов" - жителей "базара" - города (1874, с.3-6).

Близость всех сельских поселений урумов к столице Крымского ханства - Бахчисараю, более тесные и продолжительные контакты с численно преобладающим и занимающим господствующее положение в социально-экономической сфере этносом крымских татар,по нашему мнению,привели к утрате христианами Юго-Западного Крыма греческого языка. Закономерен вопрос: почему другая часть крымских христиан его сохранила?

Мы полагаем, что процессы ассимиляции греков южнобережья проходили менее интенсивно и проявились в некоторых элементах традиционно-бытовой культуры, частично в некоторых языковых заимствованиях из тюркских языков - как крымскотатарского, так и турецкого. Замедленные темпы ассимиляционного процесса были обусловлены, по нашему мнению, географическим положением: горы служили защитой жителям побережья от разрушительных набегов степных кочевников и способствовали сохранению более консервативного уклада жизни местного населения. Посредством морской торговли осуществлялись постоянные контакты с греческим населением Турции. Возможно, существовал некоторый приток эмигрантов-греков, носителей языка, что фиксируется и разностью диалектных групп языка румеев (Спиридонов 1930, с.171-181). Такая "подпитка" и возможность постоянного общения на родном языке вне своей этнической группы способствовали не только сохранению, но и развитию языка румеев, хотя к моменту выселения все грекоязычное население владело также крымскотатарским языком. Следы этого векового билингвизма остались в румейской речи (Белецкий 1964; Чернышева 1975).

К тому же, с периода раннего средневековья, как было сказано выше, территория Южного берега Крыма была провинцией Византийской империи, позже на нее претендовала Генуя и местное христианское княжество Феодоро - все это не могло привести к изменению языковой ситуации в регионе. Лишь после турецкого завоевания (XУ в.) этот район стал официально принадлежать Османской империи, хотя турецких поселений, за исключением военных гарнизонов на Мангупе и в Кафе, здесь не было. (Кеппен 1837, с.75-78). Постоянно присутствующий тюркский компонент, как считал Ф.Хартахай, стал появляться на южнобережье лишь в половине XУП в. С этого времени "крымские татары, живущие ... главным образом в южной части (полуострова), осели на одном месте и стали жить как мирные граждане" (Хартахай 1866, с.206). То есть до XУ1 в. расселение на побережье крымских татар было спорадическим, и они не могли оказывать значительное влияние на местное греческое население.

В свою очередь, некоторая оторванность группы южнобереж-

ных татар от основного этнического массива вследствие географического положения, привела не столько к ассимиляции одним этносом другого, сколько к взаимному проникновению культур. Соседство с греками наложило на южнобережных татар такой отпечаток, что сородичи именуют их "татами" и исследователи выделяют в особую группу по языковым особенностям, антропологическим данным и культурным традициям (Куфтин 1925; Харузин 1890; 1891; Заатов 1989; Севортян 1966).

Интересными для темы нашего исследования являются наблюдения одного из крупнеших исследователей крымского средневековья А.Л.Бертье-Делагарда: "В настоящем случае (имеются ввиду крымские христиане - А.М.) разность языка не может служить показателем различия народностей. Все основное христианское население не пришлое, как армяне или итальянцы, перед турецким завоеванием, кроме ничтожных единиц в смысле языка, было огречено, потеряв свою основную речь. Вероятно, именно поэтому его сопротивление чужой культуре (крымско-татарской) оказалось ничтожным, завися от значительности внешних усилий, а не от внутренней духовной мощи, выражаемой прочностью языка и веры" (Бертье-Делагард 1920, с.10). Эти слова во многом ныне подтверждаются новейшими исследованиями по теории этнографии: о процессах языковой ассимиляции при наличии устойчивого национального самосознания, о конфессиональной общности, как единице более устойчивой к ассимиляции, по сравнению с этносом (Арутюнов 1987, с.44-67; Пучков 1987, с.68-80).

Насколько серьезен был процесс ассимиляции, мы попытались выяснить, сведя и проанализировав, вслед за А.Л.Бертье-Делагардом, А.Н.Гаркавцом и рядом других исследователей, все известные нам статистические данные по переселению греков из Крыма. В результате проведенных изысканий мы получили абсолютные цифры (хотя они в определенном смысле относительны, так как на поверку даже наиболее полная ведомость А.В.Суворова не точна) выпедшего из Крыма татароязычного населения: из 18 300 человек - 11 101 (включая сюда около 2000 человек жителей городов) были урумами, а 7199 - румеями.

Обратимся к предположению А.Н.Гаркавца о ясире, как субстрате урумского этноса. Действительно, существует много свидетельств того, что татары приводили в Крым десятки тысяч

пленных, главным образом, с Украины и Кавказа. Однако, пленники в первую очередь были предметом купли-продажи для купцов всего черноморского бассейна, и лишь некоторая часть этой добычи оставалась на полуострове: женщины-рабыни попадали в гаремы или их покупали в качестве жен, малоимущие татары просто брали их в услужение. Мужчины, по-видимому, использовались на домашних и сельхозработах. Как правило, по прошествии 6-7 лет эти пленники могли получить свободу и вольны были вернуться на родину. Большую кампанию по выкупу пленных христиан проводило Московское правительство по решению Стоглавого собора (Маркевич 1910, с.525-529).

Трудно предположить, что пленников держали в услужении только в Юго-Западном Крыму, причем в таком количестве, чтобы они могли составить население урумских сел на этой территории. Мы полагаем, что речь может идти лишь о некоторой "подпитке" греческого этноса (как урумов, так и румеев) пленниками, освободившимися от рабства и оставшимися в Крыму. С течением времени они, по-видимому, растворились среди местных христиан.

Следует особо сказать о самосознании урумов. Они считают себя греками и называют себя так, подразумевая не религию - греческое православие, а именно национальную принадлежность, не отделяя себя этнически от грекоязычной части населения Приазовья. "Урум" (как и "румей") для них теперь только языковая метка, как и другие названия групп греков, принятые в Приазовье - "греко-эллины" и "греко-татары". Интересен такой факт: греки-урумы называют свой язык "греческим", а румейский "греко-эллинским" (Муратов 1963, с.183).

В ярком урумском фольклоре, который бережно собрал и обработал А.Н.Гаркавец (1986; 1988), сохранились предания о том, что когда-то их предки говорили по-гречески, но испытывая притеснения со стороны мусульман и став перед дилеммой - сохранить язык или веру, выбрали последнее. Упоминание А.Н.Гаркавцом некоторой неприязни румеев к своим тюркоязычным соотечественникам, по-видимому, вызвано тем, что урумы, говоря по-татарски, "предали язык предков", а отнюдь не потому, что это "чужой народ" или тюрки, принявшие христианство. Следует отметить, что определенные сложности в общении существовали и внутри грекоязычного населения. Так, С.Яли упомина-

ет о факте эндогамии в рамках одного села (Урзуф), которая наблюдалась еще в 20-х гг. нашего столетия, то есть контакты с остальным "греческим миром" Приазовья были сведены до минимума. Причины этого явления - тема для отдельного исследования. (ЯлI 193I, с.164).

Изучавший мариупольских греков С.Серафимов, приводил такой факт: греки-урумы просили священника читать им Евангелие на греческом языке (богослужение у них проходило на родном языке) и с трепетом внимали звукам речи, которую они не знали, но которая по преданиям была языком их крымских пращуров (190I, с.46; Браун 1890, с.85).

Этнографы О.Р.Будина и Ю.В.Иванова в своих работах о современной традиционно-бытовой культуре греков Приазовья не констатировали какого-либо резкого отличия между урумами и румеями, хотя можно отметить существование некоторых особенностей традиционной архитектуры. В свою очередь, они могли обуславливаться различными географическими районами обитания греков в Крыму (район предгорья и побережья), а также степенью проникновения элементов материальной культуры крымских татар. (Материальная культура ... 1979; Культурно-бытовые ... 1979; Иванова 1988).

А.Н.Гаркавец не дает ссылки на исследования антропологов; выводить тезис о различиях в антропологическом складе из личных наблюдений рискованно,то же можно сказать и о национальном характере, тем более, что эта тема практически не разработана. Среди румеев, как мы убедились, также немало ярко выраженных тюркских типов. Это не удивительно, если учесть частоту межэтнических браков в Крыму (Маркевич 1910, с.529-532).

Подводя итог вышесказанному, обратимся к ближайшей аналогии - грекам Кавказа, переселившимся из Турции в XVШ-XIX вв. Их историческая судьба во многом схожа с судьбой приазовских греков, и,по-видимому, процессы, проходившие с ними в Турции и в Крыму, во многом идентичны. Так, по мнению исследователей культуры и языка кавказских греков, процесс утери частью греческого этноса своего языка происходил в Турции, где часть греков, говорящих на понтийском греческом диалекте, восприняла турецкий язык и позже перешла от билингвизма к языку

ассимилятора. При этом они сохранили религию, национальное самосознание, единую материальную культуру (Корелов 1970; Волкова 1975).

Мы предполагаем, что в Крыму процесс утраты частью христианского населения своего языка (греческого) активизировался после турецкого вторжения, причем причиной этого было не столько национальное притеснение, сколько отсутствие необходимости в греческом языке для межэтнического общения - его с успехом заменил тюркский.

Присоединяясь к мнениям А.Л.Бертье-Делагарда, А.И.Маркевича, И.И.Соколова, Д.С.Спиридонова и ряда других авторов, основываясь на изучении материалов, полученных в ходе собственных полевых наблюдений и проведенных исследований, мы считаем, что правомочнее говорить об урумах и румеях как о цельной этнической единице, имеющей общие корни, впитавшей в себя на разных этапах становления множество различных этнических образований, в том числе и тюркоязычных, существовавших в Таврике. Тем не менее, вряд ли тюркский компонент был однороден и доминировал даже в пределах "урумской" этнической территории. В результате консолидирующей функции языка, общности территории и конфессиональной принадлежности (и в этом с А.Н.Гаркавцом можно согласиться), начало формироваться своеобразное национальное самосознание, и по названию религии за этой общностью закрепился этноним "греки".

Этническая история приазовских греков является одной из ярчайших страниц истории Таврики, а их традиционно-бытовая культура стала неотъемлемой частью средневековой крымской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Печенеги и половцы в Крыму// Проблемы истории Крыма: Тез. докл.- Симферополь, 1991.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени //МАИЭТ.- Симферополь, 1990.- Вып.1.

Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IУ - первой половины УП в. н.э. //Материалы к этнической истории Крыма.- Киев, 1987.

Анохин В.В. Позднекочевнический некрополь у Евпатории// Проблемы истории Крыма: Тез. докл.- Симферополь, 1991.

Арутюнов С.А. Роль и место языка в этнокультурном развитии общества// Этнические процессы в современном мире.- М., 1987.

Барбаро и Контарини о России. К истории русско-итальянских связей в ХУ в.- Л., 1971.

Баскаков Н.А. Об унификации названий древних и средневековых письменных языков// Тюркологический сборник.- М., 1981.

Баскаков Н.А. Тюркские языки.- М., 1966.- Т.1.

Белецкий А.А. Греческие диалекты на Юго-Востоке Украины// Балканская филология.- Л., 1970.

Белецкий А.А. Результаты двуязычия в говорах румейского языка на Украине (тюркизмы румейского языка)// Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистического наследия Е.Д.Поливанова.- Самарканд, 1964.- Т.1.

Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде// ИТУАК.- 1920.- Вып.57.

Браун Ф. Мариупольские греки// Живая старина.- 1891.- Вып.2.

Браун Ф. Черноморские готы и среды их долговременного пребывания в Южной России// Записки Академии Наук.- Спб, 1984.- Т.24.

Васильев А.А. Готы в Крыму// ИРАИМК.- 1921.- Т.1.

Васильев А.А. Готы в Крыму// ИАИМК.- 1927.- Т.У.

Веймарн Е.В. "Пещерные города" Крыма// Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь, 1992.

Волкова Н.Г. У греков Грузии// Полевые исследования института этнографии АН СССР за 1974 г.- М., 1975.

Гаркавец А.Н. В.В.Бартольд о вероисповедании у кыпчаков Х-ХШ вв. и проблема этногенеза армяно-, греко-кыпчаков и караимов// Бартольдовские чтения: Тез. докл.- М., 1974.

Гаркавец А.Н. О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья// Советская тюркология.- 1981.- № 2.

Гаркавец А.Н. Тюркские языки на Украине.- Киев, 1988.

Гаркавець О.М. Принципи становлення й розвитку урумськоI пIсенноI мови// Мовознавство.- 1986.- № 3.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа// МАИЭТ.- Симферополь, 1990.- Вып.1.

Гордлевский В.Г. Избранные произведения.- 1962.- Т.3.

Григорович В.И. Записка антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус.- Одесса, 1874.

Дашкевич Я.Р. "*Codex Cumanicus*" - вопросы декодирования// Вопросы языкознания.- 1986.- № 1.

Дубровин Н. Присоединение Крыма к России.- Спб., 1885.- Т.2.

Жуков К.А. О происхождении этнонима "половцы"// Проблемы истории Крыма: Тез. докл. Симферополь.- 1991.- Вып.1.

Заатов И.А. Крымские татары// Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. - Уфа, 1989.

Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического в первые века нашей эры// Материалы к этнической истории Крыма.- Киев, 1987.

Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом// Византийская Таврика.- Киев, 1991.

Иванова Ю.В. Греческие этнические группы в СССР// Расы и народы.- М., 1988.- Вып.18.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры.- Харьков, 1981.

Кеппен П.И. Крымский сборник.- Спб., 1837.

Константин Багрянородный. Об управлении империей.- М.,1989.

Корелов И.А. Иноязычные греки (урумы) на территории Грузии // Известия АН ГССР. Серия истории искусства.- Тбилиси, 1990.- № 2.

Корелов И.А. Язык триалетских урумов и его специфические особенности.- Автореф. дис.канд.фил.наук.- Баку, 1970.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: тюркский этнос и городская культура XIII-XIV вв.// Проблемы истории Крыма: Тез.докл.- Симферополь, 1991.

Культурно-бытовые процессы на юге Украины.- М., 1979.

Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма// Крым.- 1925.- № 1.

Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г.// ЗООИД.- 1886.- Т.XIV.

Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества// Таврический церковно- общественный вестник.- 1910.- № 10-11.

Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище.- М., 1979.

Муратов С.Н. Материалы по говорам тюркоязычных греков (урумов) Донецкой области УССР// Краткие сообщения Института народов Азии. Языкознание.- 1963.- № 72.

Носов А. КримськI татари (антропологIчний нарис)// СхIдний свIт.- 1930.- № 10-11 (1-2).

Пучков П.И. Этнос и религия// (этнические процессы в современном мире.- М., 1987.

Пиоро И.С. Крымская Готия.- Киев, 1990.

Севортян Э.В. Крымско-татарский язык// Тюркские языки.- М., 1966.- Т.П.

Серафимов С.А. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря.- Екатеринослав, 1901.

Соколов И.И. Мариупольские греки// Труды Института славяноведения АН СССР.- Л., 1932.- Т.I.

Соломоник Э.И. К вопросу о населении Херсонеса// Социальное развитие Византии.- Свердловск, 1979.

СпIрIдонов Д.С. IсторичнIй Iнтерес вивчення говIрок марIупIльських грекIв// СхIдний свIт.- 1930.- № 12(3).

Хартахай Ф.К. Историческая судьба крымских татар// Вестник Европы.- 1866.- Июнь.

Харузин А.Н. Заметки о татарах Южного берега Крыма// Дневник Антропологического отдела ИОЛЕАЭ.- 1890а.- Т.XП.- Вып.2.

Харузин А.Н. Татары Гурзуфа// Там же. 1890б.-Т.XП.-Вып.7-8.

Чернышева Т.Н. Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты Первомайского района Сталинской области.- Киев, 1958.

Чернишова Т.М. ТюркськI елементи в соцIальнIй сферI лексики грецьких говIрок Донеччини// Мовознавство.- 1975.- № 4.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики.- Л., 1970.

ЯлI С. Греки в УСРСР.- ХаркIв, 1934.

А.В.Белый, О.Б.Белый, И.И.Лобода

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПЛИТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Одной из наиболее устойчивых форм погребального обряда средневекового населения Крыма являются захоронения в плитовых могилах. Начало их массового распространения относится к УШ-IX вв., что, по мнению некоторых исследователей, связано с иммиграцией в Таврику греков-иконопочитателей из восточных провинций Византии (Баранов I990, с.I06-I09). Другие, в частности А.И.Айбабин, полагают, что могилы этого типа появились в результате христианизации, отмечая, что наиболее ранние известны в Керчи и на Южном берегу с УП в. (I990, с.69). В дальнейшем плитовые могильники существовали в Крыму на протяжении всего средневековья и обнаружены повсеместно, за исключением занятых кочевниками степных районов.

До последнего времени основное внимание уделялось изучению некрополей крупных городов и поселений преимущественно раннего и среднего периодов (Махнева I968, с.I55-I68[1]; Орлов I979, с.II4-I29; Романчук I983, с.I30-I40; Айбабина I99I, с.I94-205), тем более что выделение позднесредневековых погребений затруднялось из-за бедности или отсутствия инвентаря. Практически неисследованными оставались кое-где уцелевшие до настоящего времени рядовые сельские кладбища христианского населения Крымского ханства, отмеченные на поверхности каменными надгробиями, сконцентрированными вокруг небольших часовен.

После депортации из Крыма коренных национальностей в 1944г. буквально на глазах происходит разрушение некогда многочисленных средневековых могильников: сначала убирались надгробия, используемые в качестве строительного материала, а затем, в результате интенсивной хозяйственной деятельности, особенно в семидесятые и восьмидесятые годы, уничтожались и сами могилы.

[1] Там же предшествующая библиография по рассматриваемой теме.

Охранными раскопками Бахчисарайского историко-архитектурного музея частично исследованы два позднесредневековых плитовых могильника у сел Прохладное и Богатырь, дающие представление о заключительном и наименее изученном этапе их существования.

Могильник у с.Богатырь

Находился в 300-350 м к северу от окраины современного села в небольшой долине, ограниченной с севера и юго-запада невысокими холмами, на правом берегу ручья - левого притока реки Бельбек. В настоящее время полностью разрушен.

В I914 г. впервые обследован М.И.Скубетовым, насчитавшим здесь I65 известняковых надгробий, окружавших развалины одноапсидного храма (по преданию Преображения), среди которых находились одно с полустертой греческой надписью (Латышев I9I8, с.44) и пять с армянскими, в том числе датированные I73I, I737 и I777 гг. (Кучук-Иоаннесов I9I5, с.2I3-2I5).

После Великой Отечественной войны все надгробия исчезли[1], и по сути единственным документальным свидетельством о них остается сопровождаемое схематичными рисунками дневниковое описание кладбища и основных типов памятников из архива Е.В.Веймарна (Архив БГИКЗ, д.I5/42, л.89-92), в свое время использованное Н.И.Репниковым при написании неопубликованной работы "Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма" (Архив ЛОИА АН СССР, ф.I0, д.9, л.256-258). Приводим рукописный текст и кроки надгробий, сделанные, судя по почерку, самим Веймарном, возможно, по поручению Репникова.

"Наиболее интересным объектом в этот день было древнее христианское кладбище около дер. Богатырь. Это кладбище расположено в расстоянии I/2 километра, к сев. по зап. сторону дороги, ведущей к шоссе, сейчас же за старым мусульманским кладбищем. На небольшой поляне и берегу высыхающего ручья, на пространстве I00х200 м разбросано около сотни надгробных памятников. Среди этих памятников, сделанных из известняка, слегка возвышается небольшой холмик, который, по-видимому, скрывает под собой остатки фундаментов небольшой одноапсидной

[1] По сообщению В.Л.Мыца, фрагмент надгробия с армянской надписью находится в кладке заброшенной постройки на северной окраине села.

кладбищенской церквушки. Длина намечающихся остатков ее 7,5 м, а ширина - 5 м. Ориентация церкви и могил С-С-В.

Основная масса надгробий распадается на два типа: I) высокие "однорогие" памятники и 2) прямоугольные плиты. Кроме того, имеются памятники, выходящие из этих типов, - о них будет сказано особо.

Тип I

К этому типу мы относим однорогие памятники, высеченные из целого камня (рис.I,I). Общая длина их колеблется от I,20 до I,7I метра, при средней ширине постамента в 0,55 м. Здесь на ступенчатом пьедестале стоит довольно высокое прямоугольное тело памятника, двухскатное сверху. В западн. части имеется подымающееся под прямым углом от тела памятника фронтонообразное возвышение с таким же двухскатным верхом. Почти всегда к востоку части памятника тело его немного ниже и уже. В вост. стороне, в фронтонной части памятника имеется небольшая нишка, прямоугольная, с треугольным верхом (см. схематич. изображение).

Ниши фронтонных частей бывают довольно разнообразных видов (рис.I,3). На боковых сторонах, а иногда на верхней двухскатной поверхности памятников этого типа нами встречены ряд изображений, так например: изображение двухстороннего топора или, возможно, секиры на одном из памятников этого типа дано на сев. стороне рельефно (рис.I,5). На другом памятнике на южной стороне тела на его боковой части дано аналогичное изображение (рис.I,6). Кроме боковых изображений, встречено одно изображение креста на фронтоне памятника (рис.I,2).

На двух памятниках имеются изображения стрел на верхней двухскатной части. Стрелы даны рельефно. Наконечник стрелы не виден, а древко выходит прямо из-под западной приподнятой части (рис.I,4). Ряд подобных памятников издан у Кеппена ("Крымский сборник", I837).

Тип 2

К этому типу относим памятники, представляющие из себя прямоугольную известняковую плиту. На ряде памятников этого типа имеются и рельефные, и врезанные рисунки. Средний размер плит: дл. I,5 м х 0,60 х 0,35. В западной части плиты, в ее

вертикальной стороне имеются такие же нишки, как на фронтонных частях памятников первого типа. Даем ниже схемы рисунков, встреченных нами на надгробиях этого типа (рис.I,7,9,I0). На этом типе памятников встречен новый тип нишки на запад.стороне (рис.I,8). На одном из памятников с северной стороны на вертикали дано рельефное изображение кирки, но только с клевком (рис.I,II). Ряд памятников имеет выпуклые и врезанные рисунки на верхней стороне плиты (рис.I,I2-I5; 2,I).

Кроме этих рисунков, три надгробия этого типа несут на себе остатки надписей, по-видимому, армянских[I]. Из всех пяти памятников, несущих надписи (рис.2,2,5), удалось списать только одну, наиболее хорошо сохранившуюся на следующем памятнике (рис.2,2,3).

Но наиболее интересным памятником является двойной памятник, вырубленный из одного камня (рис.2,4). Здесь мы имеем как бы приставленное маленькое тело небольшого памятника к большому. Этот памятник можно отнести к I типу - к "однорогому".

Рядом с этим некрополем расположено татарское кладбище. Судя по формам надгробий, можно предполагать встретить здесь погребения XIУ-XУ вв.

Лишенное наружных признаков кладбище у с.Богатырь в I978 г. было разрушено планировочными земляными работами при закладке сада, в ходе которых удалось зачистить несколько поврежденных плитовых могил (автор раскопок - А.В.Белый).

Подпрямоугольные в плане ямы (рис.3) вырыты в темно-сером суглинисто-щебенистом грунте, облицованы и перекрыты плитами из местного плитчатого мелкозернистого слюдистого песчаника[2]. Ориентированы по оси восток-запад с сезонными отклонениями к югу. Длина плит колебалась от 0,22 до I,I7 м, ширина - 0,I7-0,34 м, толщина - 0,0I-0,07 м. Края покровных, насколько это можно определить по их уцелевшим остаткам, находились почти заподлицо с поставленными на ребро боковыми плитами обкладки, частично заходя за торцовые борта ямы. Обряд погребения христианский: трупоположение на спине, головой на запад.

I Очевидно, механическая описка, так как далее речь идет о пяти надгробиях с надписями.

2 Определение доктора геолого-минералогических наук В.И.Лебединского.

Могила № I - детская. Размеры - I,09x0,4 м, глубина (от верха облицовки) - 0,3 м. Плиты перекрытия разломаны и частично упали внутрь вместе с просыпавшейся туда землей. Обкладка боковых стенок состоит из четырех плит - по две с каждой стороны, торцовые отсутствуют. Северо-восточный угол выложен двумя небольшими необработанными камнями. При ограблении кости скелета были перемешаны и сдвинуты в восточную половину ямы, в западной - сохранились нетронутыми нижняя часть черепной коробки и челюсть. Под черепом по его размеру была вырыта неглубокая ямка. В области головы найдена кольцевидная бусина из светло-синего полупрозрачного стекла (рис.3,2).

Могила № 2 - детская. Размеры - I,04x0,35 м, глубина 0,25м. Перекрытие разбито и обрушилось в яму. С длинных сторон обложена пятью плитами: две с южной, три - с северной, торцовые отсутствуют. В могиле находился костяк ребенка 3 - 5 лет. Кисти рук и стоп не сохранились. В районе черепа найдены две серебряные плоские подвески с остатками ниток. Меньшая (частично разрушившаяся) - подтреугольной формы, с пластинчатым ушком, в которое вставлено проволочное колечко (рис.3,5). Другая - сегментовидная, с овальным ушком и миниатюрными вырезами по нижнему краю (рис.3,4).

Могила № 3. Размеры - I,44x0,53 м, глубина 0,35 м. Разломанные плиты перекрытия просели внутрь ямы. С южной стороны могилы установлены три плиты, с северной - две. Западная торцовая тоньше остальных, восточная отсутствует. В могиле совершено парное захоронение подростков. Кисти рук находились на груди, причем у левого костяка правая рука сдвинута ближе к голове, а у правого к животу, ноги сближены. Чуть ниже челюсти правого найдена серебряная шарообразная полая пуговица с пластинчатым ушком (рис.3,7).

Наряду с инвентарем из исследованных могил в Бахчисарайский музей поступили происходящие из разрушенных погребений две серебряные монеты Крымского ханства: Селим-Гирея П (I743-I748) и Крым-Гирея (I758-I764, I768-I769), две одинаковые позолоченные (бронзовые?) шарообразные полые пуговички с проволочными ушками (рис.3,6), серебряная шарообразная филигранная подвеска с припаянной внизу шаровидной шишечкой и пластинчатым ушком, куда вставлено ложновитое проволочное колечко

(рис.3,3). Уникален переданный бульдозеристом А.П.Липаткиным серебряный перстень-печать с армянской надписью на сердоликовой вставке: "Слуга Христа Исапэк" (рис.3,I). По палеографическим особенностям и ограниченному в армянской действительности бытованию имени владельца, его можно датировать ХУП столетием (Белый, Манучарян I980, с.289-29I; I982, с.229-23I).

Судя по случайным находкам и прослеженным на уровне дневной поверхности времени устройства могил мелким угольками, позднесредневековому кладбищу предшествовало небольшое селище ХIУ-ХУ вв. Немногочисленная гончарная керамика представлена обломками простых и украшенных врезным орнаментом красноглиняных глазурованных сосудов с поливой преимущественно светлых тонов. Среди неполивной наиболее выразительны фрагмент стенки с двух-трехрядной врезной волнистой линией, обломок плоской ручки и венчик с рифлением по краю. Вероятно, к материалам поселения относится и маленькое железное стремя.

Могильник Прохладное

Находится в северной части современного села (бывш. Мангуш), слева от шоссе Бахчисарай-Обсерватория, на понижающемся к северу и востоку пологом склоне. С запада его территория ограничена полотном шоссе, на противоположной стороне которого расположено действующее и поныне старое русское кладбище.

Ни одного средневекового надгробия не сохранилось. Поэтому особенно ценны единственное краткое описание кладбища, сделанное швейцарским путешественником Дюбуа де Монпере, и опубликованные им зарисовки наиболее интересных памятников, а также греческо-армянской надписи на стене часовни (I843. Т.УI, р.370-372; *atlas* IУ, *pl.* ХХУI, *fig.* I5, *pl.* ХХУШ, *fig.* I,5,6,7), иллюстрация которой переиздана В.В.Латышевым (I896, с.63, № 56). В I848 г. в окружении надгробий еще стояла упомянутая Дюбуа де Монпере полуразрушенная кладбищенская церковь (рис.4), воспроизведенная по рисунку М.Вебеля на литографии из невышедшей в свет части атласа А.С.Уварова "Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря" (табл.XL Ш).

В I969 г. при рытье траншеи под фундамент пристройки к южной стороне сельского клуба (напротив современного кладбища), переоборудованного из дореволюционного здания церкви, строители наткнулись на древние захоронения. Выехавшие на место

работ сотрудники Бахчисарайского музея В.Н.Хоменко и В.Н.Гуркович зафиксировали несколько погребений в плитовых могилах, в том числе "двухъярусное". По рассказам местных жителей, человеческие останки неоднократно находили во время земляных работ на подворьях близлежащих усадеб и при прокладке шоссе.

В 1990 г. к югу от здания клуба при рытье котлована под строительство детского сада было снова разрушено не менее 10 могил. В результате проведенных в 1991 г. охранных раскопок (авторы - И.И.Лобода, О.Б.Белый) вскрыты 22 могилы: в центральной части кладбища (раскопы I-2)[1] - 14 (рис.5,6), юго-западной (раскоп 4) - 5, северо-восточной (раскоп 5) - 3 (рис.7). По предварительным подсчетам оно занимало территорию не менее 2000 м^2.

Могильные ямы вырыты в темном гумусированном грунте, а в юго-западной наиболее возвышенной части склона вырублены в мергеле, частично или полностью облицованы и перекрыты мергелевыми плитами. Заклады состояли из трех-пяти плит, щели между которыми закрывались мелкими обломками. Все могилы ориентированы по оси восток-запад, некоторые - с небольшим отклонением к югу. Размеры взрослых - 1,8х0,55 - 2,2х0,9 м, детских - 0,82х0,43 - 1,45х0,45 м, глубина (от верха облицовки) - 0,15-0,45 м, расстояние от современной поверхности до перекрытия - 0,3-0,6 м. Около половины могил заметно сужаются к восточному торцу, где их ширина на 0,08-0,25 м меньше, чем в изголовье.

Габариты плит различны: от нескольких сантиметров до полутора метров в длину, ширина колеблется от 0,25 до 0,7 м, толщина - 0,05-0,2 м. При этом длина покровных, обычно положенных поперек ямы, составляла около 0,5-0,8 м, а высота облицовочных не превышала 0,3-0,4 м.

На исследованных участках могилы располагались без соблюдения рядов на расстоянии 0,3-1,3 м друг от друга, иногда более поздние примыкали к предшествующим. Так, грунтовая могила № 2а прилегала к восточной торцовой плите могилы № 2, а могила № 12 пристраивается с юга к юго-восточному углу могилы № 13, причем крайняя восточная плита боковой обкладки последней вместе с торцовой вошли в облицовку северной стенки новой.

---

[1] В раскопе 3 погребений не оказалось. Вероятно, они были уничтожены при сооружении сейчас не существующих табачных сараев.

Неоднократно зафиксированы случаи перекрытия нижней могилы верхней. Например, потревоженная вбетонированной стойкой могила № 5 "села" на северо-восточный угол могилы № 4, а расположенные рядом могилы № 19 и 20 частично перекрывали могилу № 21, что говорит о большой плотности и насыщенности погребениями северо-восточной части кладбища.

Конструктивные различия в устройстве могил позволяют разделить их на несколько типов.

Тип I (№ 4,5,13,20,21). Подпрямоугольные ямы с обкладкой со всех сторон (рис.8,9). Каждая боковая стенка облицована тремя или четырьмя (в одном случае двумя) поставленными на ребро плитами, торцовые - одной.

Тип II (№ 2,3,9). Подпрямоугольные ямы, обложенные с боковых сторон и одной из торцовых (рис.10,11), чаще всего западной (№ 3,9). Количество плит вдоль длинных стенок от одной до четырех, с торцовой - одна.

Тип III (№ 1,7,10-12). Подпрямоугольные ямы со слегка закругленными углами, обставленные плитами только с боковых сторон - от двух до шести с каждой (рис.12,13).

Тип IУ (№ 14-18). Овальные, несколько зауженные к восточному торцу ямы с заплечиками (рис.14). Верхняя, более широкая часть ямы, впущена в грунт, нижняя вырублена в мергеле и перекрыта плитами из этого же материала. Размеры входной ямы - 2-2,3х0,7-0,8 м собственно могилы 1,9-2,2х0,5-0,55 м, ширина заплечиков - 0,03-0,2 м. Очевидно, появление этого типа могил, сконцентрированных на юго-западной периферии кладбища, объясняется геологическими условиями данного участка местности, а именно, повышением уровня залегания мергеля и значительно тоньшим, чем ниже по склону, почвенным покровом.

Тип У (№ 2а). Простая грунтовая яма (рис.10,15).

Тип УI (№ 8). Грунтовая могила с погребением в деревянном ящике (рис.16).

Умершие похоронены по христианскому обряду: трупоположение на спине, головой на запад, с вытянутыми ногами и согнутыми в локтях руками. Кисти рук чаще всего лежали рядом на животе (могилы № 2а,3,10,14,16,18), в одном случае правая рука сдвинута к тазу (№13); реже на груди (№ 7,9) или комбинированно: а) кисть правой на груди, левой на животе (№ 12,15), б) пра-

вая в области левого локтя, левая в нижней части живота (№8). Ноги у большинства погребенных (№ 2а,9,I0,I2,I3,I5,I6,I7,I8) сближены в щиколотках.

Как правило, в могиле находился один целый костяк, за исключением, возможно, разновременных детских захоронений в могилах № I и 20, в которых в потревоженном состоянии обнаружены останки соответственно 8 и 3 погребенных. В могиле № 4 под слоем затвердевшей извести находились перемешанные кости двух взрослых, а у западной стенки - подзахоронение младенца.

Большинство могил имеют признаки неоднократного использования, о чем свидетельствуют размещенные в изголовье ямы черепа от более ранних захоронений; в могилах № 3,9,I0,I4 - по одному (в могиле № I0 слева от головы последнего погребенного, в остальных - справа), в могилах № I2,I3,I8 - по два: слева и справа, и только в могиле № I2 оба справа (один рядом, другой ниже). Очевидно, при совершении очередного погребения кости предшественника перезахоранивались на стороне, а отдельные оставшиеся сдвигались к стенке или в восточную половину ямы, тогда как черепа аккуратно укладывались на место рядом с головой нового.

Наряду с рассмотренными деталями погребального обряда стоит упомянуть о находке в могилах № I и 9 скорлупы яиц и нередко встречающихся на плитах перекрытий обломках простых и поливных позднесредневековых сосудов, вероятно, остатков тризны.

Сравнительно немногочисленный инвентарь захоронений представлен металлическими частями одежды и украшениями. Сама же ткань почти нигде не сохранилась, и лишь в могиле № 9 удалось проследить, что погребенный был накрыт кружевной кисеей.

Все находки можно разделить на несколько групп, внутри которых имеются различающиеся по форме, материалу и составу типы и варианты.

I. Серебряные и бронзовые булавки с головками в виде птички (рис.I7), чаще всего представленные в наборах с медальоном, цепочками и плоскими подвесками. Лицевая плоскость наверший декорирована гравировкой, передающей оперение, глаза или хохолок на голове, иногда с проработкой мелких деталей чеканкой, одно - орнаментировано ямками.

Все булавки, в паре или по одной, находились у головы погребенных: в могилах № 7 и I0 слева и справа от черепа, в могиле № I5 - обе справа, в могилах № I6, I8 по одной - справа; еще два фрагмента от набора происходят из разрушенной могилы в раскопе I. Судя по расположению, они служили заколками для волос или придерживали края платка.

Наиболее полное представление об этих сложносоставных украшениях дает сохранившее почти все компоненты серебряное изделие из могилы № 7 (рис.I7,I). В размещенное у основания головки ушко с помощью кольца прикреплен круглый медальон с пластинчатым ушком на заклепке. Лицевая сторона медальона украшена узором из скани вокруг гнезда со стеклянной вставкой, оборотная - гладкая. По ободку - пять пластинчатых петелек с витыми цепочками, каждая с двумя подвесками: посередине и на концах (крайняя цепочка слева не сохранилась). Подвески соединялись с цепочками, а те с медальоном проволочными колечками. Верхний ряд подвесок листовидной формы с двумя ушками, концевые - ромбовидные с одним верхом. Все они имели по три маленьких круглых отверстия, кроме этого, нижние - по два миниатюрных выступа сверху и выреза снизу. Такие же цепочки продеты в отверстия на концах хвоста и клюва навершия-птички. Свисающая с хвоста длиннее, чем на медальоне, и отличается обратным расположением вариантов подвесок. От прикрепленной к клюву уцелело лишь несколько звеньев и переходное колечко. Аналогичный медальон только овальной формы с гнездом без вставки и частично утраченными цепочками и подвесками найден в прорезавшей раскоп 1 траншее для укладки кабеля. Очевидно, и остальные булавки с отдельными или даже полностью отсутствующими деталями, но с необходимыми для крепления медальона и цепочек отверстиями на головке, без сомнения, относятся к рассматриваемым наборам (рис.I7, 2-4, 9). Они отличаются друг от друга лишь элементами декора, очертаниями фигуры навершия или количеством и формой отверстий на подвесках, например, по две прорези в виде полумесяца в наборе из могилы № I8 (рис.I7,9).

Среди упрощенного варианта без приспособлений для подвесных украшений (рис.I7,5-8) выделяется серебряная булавка из могилы № I5 с головкой в форме стилизованного дерева, на одной стороне которой изображение кроны, на оборотной - ветви (рис.I7,6).

Металлические булавки, как вид украшений, имеют широкий географический и хронологический ареал распространения, наиболее близкие по форме головки и конструкции набора представлены в экспозиции средневекового отдела Херсонесского заповедника: из беспаспортных материалов раскопок К.К.Косцюшко-Валюжинича (Византийский Херсон, 1991, с.150, № 157).

2. Бронзовые (в могиле № 18 серебряные) проволочные серьги с ушком и крючком на противоположных концах (рис.18,1-6). Серебряную (рис.18,3) украшала дошедшая в обломках ажурная подвеска. Найдены в могилах № 7,14,18,21 и, видимо, наряду с булавками являются отличительной принадлежностью погребений женщин.

3. Серебряные шарообразные полые подвески с пластинчатым ушком (рис.18,7-35) составляют самую многочисленную категорию находок. Нередко в ушко продето проволочное колечко. По технике изготовления и ювелирным особенностям их можно разделить на несколько типов с разновидностями в декоре, вариациях формы и размерах.

Наиболее привлекательны ажурные подвески филигранной работы диаметром 1,5 см с узором из спиралевидных завитков и припаянной внизу пирамидкой из четырех шариков (рис.18,7-12). Среди них - две удлиненно-шаровидные со следами позолоты и немного меньшего размера (рис.18,11,12).

Количественно преобладали подвески с ребристой поверхностью (рис.18,13-27) диаметрами 1,1,5 и 1,8 см, часть которых украшена сверху и снизу рельефными розетками.

Подвесок с гладкой поверхностью две (рис.18,29,30), обе почти одинаковых размеров чуть больше сантиметра. Еще одна более крупная (диаметр 1,6 см) покрыта резным узором в виде простых и заштрихованных треугольников, кроме того сверху и снизу она декорирована вогнутыми шестилепестковыми розетками (рис.18,28).

В отдельную группу можно отнести позолоченные удлиненно-шаровидные и эллипсоидную подвески размерами от 1 до 1,5 см в диаметре с цилиндрическим гнездышком для вставки на нижней оконечности (рис.18,31-34). Три имеют реберчатую, одна - граненую поверхности. Особо отметим эллипсоидную подвеску с редким расположением ребер и точечными розетками между ними, со-

хранившую на месте синюю, очевидно, бирюзовую вставку (рис. 18,32).

В области живота погребенных дважды определяется расположение подвесок на фрагментах ткани. Они размещались в ряд и состояли из трех реберчатых в могиле № 7, одной реберчатой и трех миниатюрных бронзовых с гладкой поверхностью (от крайней уцелело только ушко) в могиле № 18 (рис.18,35). Судя по сосредоточению простых однотипных подвесок в области груди и живота, чаще всего они служили пуговицами. Более изысканные филигранные и удлиненные с позолотой и цветными вставками, очевидно, могли использоваться и как самостоятельные украшения, а также в составе ожерелий или сережек.

4. Серебряные и бронзовые фигурные застежки (рис.19,1-20) обнаружены в четырех могилах. Обычно они применялись в комплектах из трех пар и располагались в области груди, реже живота: в могиле № 1 три серебряных, три бронзовых, № 10 - все серебряные, № 16 - пять серебряных, одна бронзовая. В могиле № 13 найдено всего две серебряные застежки у правого предплечья погребенного. Каждая пара состояла из близких по форме бляшек с ушком и язычком. Ажурность профиля достигалась за счет 3,6 или 7 отверстий, служащих для крепления к одежде и являвшихся составными элементами сложнофигурной композиции, эффектно подчеркнутой мастером гравированным орнаментом.

5. Серебряные плоские подвески с ушками, прямоугольной формы с закругленными углами (рис.18,36). Найдены в паре в детской могиле № 19.

6. Стеклянные бусы синего и голубого цветов представлены всего 4 экземплярами. Среди них две округлые из полупрозрачного и глухого стекла (рис.18,37) и пронизи полупрозрачного бисера цилиндрической и округлой формы (рис.18,38). Как и в Богатыре, синие бусы и плоские серебряные подвески обнаружены только в детских погребениях и, очевидно, являлись оберегами.

Единственный серебряный перстень (рис.19,22) происходит из могилы № 7. Пластинчатое кольцо украшено петлеобразным орнаментом, а щиток имеет форму шестилепестковой розетки с зеленовато-голубой (по-видимому, бирюзовой) вставкой. В каждом лепестке - спиралевидный завиток из скани с напаянным серебряным шариком.

К случайным находкам относятся фрагменты серебряной фольги с позолотой, костяная шаровидная пуговица с ушком (рис.I9, 23) и полусферическая бронзовая бляшка (рис.I9,2I).

Служащий основанием для датировки нумизматический материал почти полностью состоит из монет Крымского ханства. Наиболее ранние, плохо сохранившиеся экземпляры, вероятно, чеканки Мухаммеда-Гирея IУ (I654-I666) - 2, затем Селим-Гирея I (I67I-I678) - I, Селим-Гирея П (I743-I748) - I, Арслан-Гирея (I748-I756) - I, Селим-Гирея Ш (I764-I767) - I, Сахиб-Гирея П (I77I-I775) - 2. Остальные сильно стерты и не определяются. Одна монета Пруссии I685 г. (рис.20). Некоторые имеют одно или несколько отверстий и явно использовались как украшения.

В целом немногочисленный инвентарь захоронений не позволяет составить представление о социальном статусе или имущественной дифференциации умерших. Наиболее бедны находками детские могилы. Вместе с тем на общем фоне выделяются отличающиеся не только количеством, но и изысканностью отделки украшений довольно богатые женские погребения в могилах № 7 и I5. В первой насчитывается I4 предметов, из них I2 - серебряных, во второй - I6, в том числе весьма редкая для денежного обращения Крымского ханства крупная серебряная монета Пруссии.

Как показали раскопки, территория, где разместилось позднесредневековое кладбище, не пустовала и ранее. К УШ-IX вв. относятся крупный фрагмент ойнохои с пальцевым вдавлением в верхней части прикрепленной к венчику ручки и обломок кувшина, украшенного по плечику полосками белого ангоба. Кроме этого, в обрезе котлована строительной площадки зачищен частично разбитый гладкостенный пифос с треугольным в сечении венчиком, стоявший в вырубленном для него углублении в мергеле.

В раскопах I и 2 в нижнем горизонте прорезанного могильными ямами гумуса и в засыпи могил преобладала лепная керамика эпохи раннего железа: обломки заглаженных и подлощенных сосудов, некоторые с горизонтальным рельефным валиком, один - украшен врезным орнаментом. Наиболее интересна почти целая лепная крышечка с ручкой.

Подводя итоги раскопок Прохладненского и Богатырского могильников, можно сделать вполне определенные выводы о хронологии и этнической принадлежности этих и подобных памятников. Позднесредневековые плитовые некрополи, близкие по типам надгробий, конструкции могил и инвентарю, оставлены христианским населением полуострова, называемым в источниках крымскими греками. Судя по монетам и датированным эпитафиям, в Богатыре и Прохладном начали хоронить не ранее второй половины ХУП в., а большинство захоронений относится к ХУШ в. По всей вероятности, оба кладбища функционировали до I778 г. и были заброшены после вывода А.В.Суворовым основной массы христианского населения из Крыма в Россию, в том числе и греческих жителей сел Мангуша и Богатыря (Бертье-Делагард I920, с.6,7, прим.4). Появление армянских погребений, о чем свидетельствуют надписи на надгробиях и перстне, очевидно, следует связывать с армянами, переселившимися в Крым в начале ХУП в. в связи с движением джелалиев и осевших, помимо Восточного Крыма, в Гезлеве, Бахчисарае и других населенных пунктах юго-западного предгорья (Микаелян I974, с.I03-I05).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.- Симферополь: Таврия, I990.- Вып.I.

Айбабина Е.А. Двухапсидный храм близ крепости Фуна//Византийская Таврика.- Киев: Наукова думка, I99I.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья.- Киев: Наукова думка, I990.

Белый А.В., Манучарян А.А. Перстень-печатка с армянской надписью из Крыма//ИФЖ.- I980.- № I (на арм.яз.).

Белый А.В., Манучарян А.А. Печать-перстень с армянской надписью из Крыма//СА.- I982.- № 3.

Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде// ИТУАК.- I920.- № 57.

Византийский Херсон (каталог выставки).- М.: Наука, I99I.

Кучук-Иоаннесов Х.И. Армянские надписи из Крыма// ИТУАК.- I9I5.- № 52.

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России.- Спб, I896.

Латышев В.В. Новые христианские греческие надписи из Крыма // ИТУАК.- I9I8.- № 54.

Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма// Археологические исследования средневекового Крыма.- Киев, 1968.

Микаелян В.А. На Крымской земле.- Ереван: Айястан, 1974.

Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XШ-XIУ вв.// Памятники древних культур Северного Причерноморья.- Киев: Наук.думка, 1979.

Романчук А.И. Об этнической принадлежности некоторых памятников Юго-Западного Крыма (по материалам раскопок храма и могильника на поселении под Баклой)// Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии.- Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983.- Вып.П.

Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchida en Georgie en Armenie et en Crimee.- Paris, 1843.

Л.Н.Малиновская

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ БАХЧИСАРАЙСКОГО ФОНТАНА ("СЛЕЗ") В КОНТЕКСТЕ ИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ

Всемирно известный Бахчисарайский фонтан ("Слез") до настоящего времени находился в поле зрения исследователей лишь как источник легенд и поэтического вдохновения.

Между тем памятник выразителен и интересен и требует культурологического изучения, так как в его историческом контексте соединились мифологическая и религиозная системы, искусство и традиции. Суть этого памятника, выраженная в определенной знаковой логике, дает семантические параметры проявления ментальности, ретроспективу и перспективу восприятия этого памятника его современниками и последующими свидетелями после введения в новый таксономический ряд его знакового набора и изменения содержательной наполненности конкретных изображений. Последнее совершенно очевидно, ибо трудно объяснить простой случайностью

значительное количество фонтанов-подражаний ХУШ-ХХ вв., исполненных как восточными, так и европейскими мастерами.

Совершенно очевидно, что этот памятник несет в себе многообразие проблем палеографического, декоративно-художественного, литературного характера. Цель данного исследования - раскодировка семантического поля, вместе с которой приоткроется много неясностей в истории фонтана.

Посылкой должно стать понятие фонтана вообще и его значение в исламской культуре, концентрировавшей в себе идею рая, божественной сути, миров. В основе этой символики лежал архетип восприятия воды - знака жизни и космогонических начал: "Он (аллах) разделил небо и землю, сделал из воды всякую живую вещь" (Коран, 2I:3I).

Через культуру, искусство и быт Востока прошел глубокий образ воды, опоэтизированный и художественно изощренный. Образ, освященный в исламе, находил себе достойное обрамление в дорогих материалах, утонченном языке орнаментики и философских мудростях.

Обращаясь к истории Крыма, отметим, что в дотатарский период фонтан как архитектурно-художественное сооружение не был традицией. Однако в период Крымского ханства и вплоть до XX в. в комплексе городских застроек количество фонтанов было значительным. Только в Бахчисарае к XIX в. их было II9 (Вся Россия I90I, с.I898).

Свидетельством довольно значительного развития художественной традиции является и факт существования разных типов фонтанов: I. "Чешме" - источник; 2. "Абдез" или "мазгуб" - для омовений; 3. "Себил" - "священный". Аналогичные фонтаны описаны турецким автором Д.Эсадом (Константинополь I9I9, с.259). Вероятно, фонтан ("Слез") относился к категории "священных". Об этом свидетельсвует поэтически исполненная эпиграфика на плите над фонтаном и на самом фонтане. Нижняя (на фонтане) - часть коранического текста, но звучит как продолжение верхней. Факт, на который по странной случайности никто никогда не обращал внимания. Вот их смысл в переводе А.А.Борзенко (I850, с.492). Верхняя: "Слава всевышнему, лицо Бахчисарая улыбнулось. Милость великого Крым Гирея славно устроила. Неусыпными его стараниями вода напоила эту страну, а при помощи божьей он ус-

пел бы сделать еще больше. Он тонкостью ума нашел воду и устроил прекрасный фонтан. Если кто хочет проверить пусть придет: мы сами видели Дамаск, Багдад. О Шейхи! Кто будет утолять жажду, пускай самый кран языком своим скажет хронограмму: приди и пей воду чистейшую она приносит исцеление". Нижняя: "Из источника, называемого Сель-Себиль". (Рис.I).

Важно отметить, что арабский перевод слова "источник" (Баранов 1957, с.709) имеет и второе значение - "глаз". Возможно, загадка происхождения нынешнего названия и легенда имеют свой исток в этом. Таким образом, буквально текст звучит:"Из глаза называемого Сель-Себиль". Следует обратить внимание на то, что идея Зиядинова (1937, с.16) о том, что фонтан изображает "глаз и создает впечатление слез" и "содержит в себе поэтический смысл" не соответствует той конкретике религиозного мышления,в которой коранический источник Сель-Себиль называется глазом. Ибо глаз понимаем как божественная суть. "Глаз мифологический символ, связанный с магической силой, благодаря которой божество или мифологический персонаж обладают способностью видеть, сами оставаясь невидимыми... Глаз нередко представляется в виде источника, омываемого водой (как слезами), что отражается во многих языках" (Топоров 1987, с.306). Кроме того, в названии Сель-Себиль (коранический источник) акцентируется внимание на священности источника - глаза. Важно, что и верхняя надпись обращает внимание на значении воды, даруемой Всевышним. Упоминаемое имя хана Крым Гирея и факт нахождения им источника в данном случае подчеркивается как благодать, посланная народу богом через правителя. Традиция связывать ниспослание воды с правителем просматривается в истории многих народов Евразии и отмечена Д.Фрезером (1931, с.110) как вера в магическую возможность правителей вызывать дождь и находить воду. В этом случае особенную, ибо "она приносит исцеление". "Исцеление" дает вода из себила, так считается у мусульман.

По описанию Д.Эсада (1919, с.261) фонтаны этого типа помещались в людных местах, где бывало много людей. Рядом с таким источником стояли бронзовые стаканчики с гравировкой стихов Корана. Воду пили из этих стаканчиков, обращаясь к Всевышнему, прося помощи и исцеления. Фонтан - себил турецкого султана

Ахмеда Ш (1703-1730) был помещен около ворот старого сераля. Надпись, составленная самим правителем, прославляла бога и султана. Она была исполнена на отдельной мраморной плите золотыми буквами. Над фонтаном был купол, венчавшийся алемом[1].

Обратившись к фонтану "Слез" отметим, что как и фонтан Ахмеда, он был построен в XУШ в. Кроме того, найдем внешние черты сходства, а также в содержании надписей. Последние выполняли не только функцию декоративно-художественного и памятно-мемориального характера, но несли и сакрально-магический смысл. Совершенно очевидно, что за этим скрывается не только знак обозначаемого, но и содержатся некоторые качественные особенности обозначаемого - того, к чему оно приобщено по своей сути (это одна из особенностей исламской культурной традиции, отмеченная Ш.Шукуровым) (1991, с.45). В этом смысле вызывает интерес восклицание: "О шейхи!" Следует отметить, что в Крыму в средневековье были значительно распространены учения суфиев. Шейхи, как главы суфийских братств и покровители цехов, пользовались авторитетом мусульманского населения Крыма. У суфиев же существовало предписание: "Сделай шейха киблой", то есть местом обращения молитвы (Трингем 1989, с.174). Именам, словам и фразам придавался особый смысл, при их произнесении божественная энергия пронизывает существо произносящего, изменяя его (Трингем 1989, с.160). Ас-Сануси утверждал, что у всех орденов есть общий обычай-рабита. Это форма медитации - как страж против случайных мыслей: "Дополнительная опора появляется у того, кто ищет поддержки в союзе с шейхом, то есть вызывает в представлении образ шейха, ища в нем защиту от нападения диких зверей в долинах разрушения". В этом случае шейх являлся медиумом (васита), посредством которого мурид (ученик) постигает высшее существо. Мурид должен был потерять себя в шейхе (иуфна), после чего он может обрести фана (перерождение своей души в боге) (Трингем, 1989, с.173).

Можно предположить, что автор стихов имел отношение к суфизму. Тем более, что существовала традиция посвящения в суфии

---

[1] Можно предполагать, что фонтан "Слез" находился около старого гарема на главной людной площади, так как на плане Д.Тромбаро (1787) показан фундамент фонтана, очертания которого похожи на нынешний фонтан "Слез".

среди поэтов и знатных людей. Более того, посвящение в суфии не делало человека суфием в полном смысле этого слова. Многие, пройдя посвящение в орден, покинули "путь" ради двора, богатых покровителей, таверен, где можно было предаваться беседе, слушать музыку, пить напитки. Все это привлекало значительно больше, чем ханака с ее суровой дисциплиной. Их природного таланта было достаточно, чтобы творить суфийские стихи и другие шедевры. "Мистический опыт необязательно есть опыт религиозный",- считает Тримингем (1989, с.184). Из категории этих людей был автор стихов на фонтане "Слез".

Из всего вышесказанного очевидно, что эпиграфика фонтана несет в себе информацию двух уровней. 1) фонтан-себил, как источник жизни и очищения, сакральный характер которого по своему содержанию уходит вглубь архаики к нижним пластам культурной традиции ислама и этнической истории. Он был воспринимаем всеми, кто был приобщен к средневековой культуре ислама; 2) фонтан-книга, понимаемая посвященными. Но даже чисто внешне его целостный образ воспринимается как страница Корана с унваном и венчаема алемом. Замечание исследователей (Шукуров 1991, с.47) о всепроникающем книжном сознании средневекового мусульманского общества, где все от божьей милости олицетворяемой божьим словом Корана и его деривата книги, здесь находит возможно случайное (подсознательное), но явно внешнее выражение. Кораническое письмо на фонтане не только подчеркивает этот целостный образ книги, но и само несет его, аналогично тому, как несли такие же надписи на зданиях, оружии, предметах быта.

Суть первого уровня состоит в узнаваемой логике знаков, выраженной в конкретных реалиях живописной трактовки. Сюжет и конструкция фонтана довольно просты: стрельчатая ниша, в верхней части которой расположен пятилепестковый цветок лотоса - исток. Вода переливается в ритмической системе чаш, расположенных в последовательности одна - две. Всего - девять. Внизу крупная чаша - водосборник. У ее основания - рельеф из двух змей, образующих спираль-волюту. Фонтан исполнен на плоской мраморной плите, встроенной в массив блоков из известняка. Над ним плита, украшенная растительной композицией - рельефом. Весь комплекс венчает алем, внутри которого - трехлепестковый

росток. Мотив растительного характера из веток, цветов и плодов, обрамляющий по периметру фонтан и расположенный на выступающих плоскостях, несет в себе идею райского сада, идею вечности, космогонии. Но и сам фонтан - это образ райского источника.

Пятилепестковый цветок лотоса (рис.2), известный всем религиозным системам мира, любимый многими народами, символизировал творящую силу, лоно зарождения жизни, плодородие и процветание, потомство и долголетие, здоровье и жизненную силу, землю, космическую самопорождающуюся суть, вечное рождение (божественное, сверхчеловеческое), бессмертие и воскресение, чистоту и духовность, солнце, взаимодействие мужского и женского начал. В мусульманской мифологии лотосовое дерево помещается на седьмом небе, справа от трона аллаха (Топоров 1988а, с.71). Обращает на себя внимание прием художественно-ассоциативного повтора символов в трактовке образа фонтана-жизни. Тот или иной знак или символ непременно повторяются по смыслу: вода, сад, лотос. Лотос звучит и как цветок, и как чаша (рис. 1,2).

Чаша - один из древнейших знаков, смысл которого также многовариантен и означает вместилище божественного, дарующего жизнь,- воду. Мифология содержит упоминание о превращении ее в божество, и поэтому она неизменно присутствовала во многих ритуальных сценах. Вода, как источник жизни, смерти и бессмертия (Тарасонов 1985, с.94). В народных преданиях всех народов чаша, кружка, кубок символизировали очищение. У мусульман наиболее эффективным средством лечения от страха считалось питье из "кубка боязни", представлявшего собой медную чашу, обычно изготовленную в Мекке и испещренную изречениями Корана, имеющими заклинательно-магический смысл. Обладателя кубка считали счастливым человеком. Из категории таких сосудов были выше упомянутые кружки, описанные Д.Эсадом. На сохранившемся мусульманском надгробии XIУ в.из Эски-Юрта находим изречение: "Смерть - есть чаша и все люди пьют из нее" (Иванов 1989, с.91). Чаша,будучи атрибутом земных и небесных культов, имеющая отношение к жизни и смерти, источник мировой души - мать. В античной традиции двойной кубок (с подставкой) означал душу человека. Один из кубков считали связанным с земными нача-

лами и страстями, а другой - с высшими духовными (Тарасонов, 1985, с.71). Именно такого типа чаша с подставкой из листьев на фонтане "Слез". Любопытна идея истекающей воды из множества струй в большую чашу, а затем в систему стока через спираль -волюту (возможно, две змеи) (рис.3), в древней космогонической модели земледельцев - символ соединения миров и оплодотворения матери-земли (Рыбаков, 1965, с.24). Орнаментика, связанная с изображением змеиного узора (волют), означала и оберегающую силу, а также способность управлять силами природы, жизнью и смертью. В мифах древних две змеи - знак посланцев к богу. В мифах разных народов - змей еще и податель небесной влаги и источниковой воды. Достаточно вспомнить верхнюю надпись над фонтаном о найденном источнике воды (Борзенко 1850, с.492), и мысль ассоциативно соединяется с мифологической архаикой. В этнокультурной традиции крымских татар можно найти достаточно упоминаний этого символа: в узорах вышивок (Чепурина 1938, с.8), в орнаментике фонтана в Бассейном садике, рельефе на фасаде дворца, наконец, в легендах и преданиях.

Венчает всю композицию алем - знак V-образной формы, внутри которого трехлепестковое растение в виде креста. (Рис.4). Этот набор знаков имеет аналогию в мифосистеме древнего Востока. Его нашли в изобразительной композиции на кубке Гудея. Он был посвящен "божеству весны" и "покровителю плодородия", "господину избытка воды". Там же были изображены две змеи, обвивающие скипетр - древо жизни, а также фантастическое животное, на голове которого рога аналогичной алему формы и трехлепестковый прорастающий колос, означавший эмблему жизни и вечности, его же связывали и с мудростью (Топоров, 1988 б, с.12). В комплексе бахчисарайского дворца есть ряд построек, увенчанных аналогичным знаком: над порталом "железных дверей" (XУI в.), дюрбе ханского кладбища (XУI-XУШ вв.), мечетями (XУI-XУШ вв.). Знаки и "с проросшим колосом" имеются над Малой дворцовой мечетью и фонтаном "Слез". Следует отметить факт, упоминавшийся А.Маркевичем, что во время ремонта 1783-1878 гг. "двурогая луна над входом" заменена двухглавым орлом (1895, с.130). Таким образом, эти знаки существовали до европейских ремонтов. Знак, очевидно, тяготел к циклу астральных (лунарных) мифов Евразии. Древним зооморфным кодом бога луны был бык (Иванов, 1988, с.79). В

космогонической символике ислама также фигурирует бык. По коранистической версии мироздания земля покоится на плечах ангела, опирающегося на скалу, которую поддерживает бык. По другой версии - земля держится на роге быка. Землетрясения происходят от того, что бык перебрасывает землю с одного рога на другой (Басилов 1988, с.183). Что касается алема (алама) в исламе его буквальное значение - "мир". Он нес в себе суть универсальности, являясь основной частью "мира сокрытого", "мира могущества", "мира божественности", "мира царствования", "мира явного и осязаемого", "мира человечности". (Трингем 1989, с.287).

К категории религиозно-мифологических символов относятся и элементы числового кода. В ислам эта традиция пришла из глубокой древности. Числа пользовались в ситуациях, которым придавался сакральный смысл, "космизирующее значение". Число было образом мира, средством его периодического восстановления в циклической схеме развития. Пришедшая в ислам из пифагорейской традиции космологическая символика принесла и идеи конкретной семантики чисел (Топоров 1988 в, с.в30). Обратившись к фонтану, отметим: цветок лотоса - один, чаши-лотосы - одна, ниже - две, три слева, три справа, всего девять. Единица означала целостность, единство, абсолют. Число два лежало в основе бинарных противопоставлений: миров, женского и мужского начал. "А соотношение один и два, реконструируемое по древнейшим традициям выступало как символ противопоставления, разделения и связи, с одной стороны, и как символ соответствия и гомологичности противопоставляемый с другой. В силу этого два - есть первичная монада, защищающая человека от небытия и соответствующая творению, небу и Земле" (Топоров 1988 в, с.С30). Вспомним, что фонтан нес идею защиты. Число три, квалифицируемое как совершенное, несло образ абсолютного совершенства, константы, макрокосма и социальной организации. Цифра девять, получаемая трехкратным повторением "триады", использовалась и означала "все", как утверждает В.Н.Топоров (1988 в, с.630). Можно предположить, что ритм истечения воды из одной, трех, девяти чаш таит в себе элемент актуализации священной роли той или иной части фонтана, так как число и счет в архаичных культурах, позднее и в исламской традиции, были сакрализованными средствами ориентации и космизации вселенной. С их помощью репродуци-

ровалась структура космоса и правила ориентации в нем человека.

Таким образом, семантика представлений I-го уровня в основе своей укладывается в знаковую систему языческих доисламских представлений. В силу этого она звучит как универсальный набор знаков, уже генетически заложенных в память многих этносов, воспринимаемых, обычно , как некий символ в целом. Возможно, поэтому и для мусульманина, и для человека любой другой веры он был притягателен силой эмоциональных ощущений.

Ранее уже отмечалось, что есть основания полагать наличие 2-го информационного уровня в трактовке и восприятии этого фонтана. Базой этому был суфизм, который XУП-XX вв. был распространен повсеместно в мусульманском мире. В Крыму он продолжал жить вплоть до 20-х гг. XX в. Путешественники-европейцы смотрели на это как на местную экзотическую традицию, и поэтому описания радений дервишей можно найти как в иконографии, так и в мемуарной литературе. Ритуалы дервишей смотрели Раффе (XIX в.), Пассек, Филиппов. Последний видел их во дворце.

Суфизм, будучи связанным с мистикой, базировался на сверхрациональной интуиции. На этом же был основан и второй информационный уровень. "Мистик говорит особым образным языком видений, символов и мифов, с помощью которого он может выразить истины" (Трамингем I989,с.II3). Здесь следует обратить внимание на упоминавшиеся надписи на фонтане о том, что их автор видел Багдад и Дамаск, приглашая прийти и посмотреть "прекрасный фонтан", где "сам кран языком своим скажет хронограмму" (Борзенко I850, с.492). В "Салсабиле" ас-Синуси - источнике XIX в., в основе которого лежало произведение начала XУШ в., даны зикры (поминовения) сорока тарика (систем) суфиев, с описанием правил суфиев тихого зикра. Одно из них - сафар дар ватан (шестое из одиннадцати основных) означало путешествие по своей стране, а седьмое - наблюдение за своими шагами. "Да будет идущий мистическим путем всегда начеку во время путешествия...не спуская глаз с цели своего путешествия" (Трамингем I989, с.I67). Исследуя идеи суфизма Д.Трамингем (I989, с.I67) утверждает, что суфизм был не только доктриной, но и деятельностью, "своего рода паломничеством вглубь", "суфии не могли утаивать свой опыт, они должны были выражать его вер-

бально". Совершенно очевидно, что в понятии суфиев путешествие ассоциативно было связано с доктриной "пути"-системы (тарика). Мусульманин-мистик начинает с постижения таухида (единства) и ш'ар (данного в откровении закона), а затем во время прохождения мистического "пути" познания он стремится постичь их внутренний смысл (алма на-л-батини) (Трамингем I989, с.I20). "Никакое теоретическое знание о состоянии фана (перерождения своего "я") не поможет достичь его, необходимо наставничество под руководством опытного учителя".

Наставники придавали большое значение мистическим упражнениям, в числе которых были уход и отшельничество: это давало возможность соразмерить ношу с силами каждого индивида (Трамингем I989, с.I7).

Любопытна и еще одна особенность второго информационного уровня. Он органично связан с первым, вероятно потому, что истоком суфизма служила не только мистика, но и этнорелигиозные традиции, обычно замешанные на архаике. Рассматривая весь код знаков в контексте 2-го уровня, необходимо отметить, что идея сакральной символики фонтана I-го уровня, в основе которой была мысль единения с богом, являлась также краеугольным камнем учения суфи: "Стихию небытия можно устранить и прийти к союзу с богом через цепь исламских откровений".(Трамингем I989, с. I20).Но 2-й уровень значительно чаще моделирует ситуацию подсознания.Факт,отмеченный В.Н.Топоровым:"Различные геометрические символы во многих случаях становятся элементом художественной формы (блоки в архитектуре, орнаменте и т.п.). Геометрические символы образуют значительный слой мифопоэтических знаков и символов, которые влияя на соответствующие структуры психики могут моделировать и новые ситуации" (Топоров I987 б, с.272). Что в данном случае на фонтане прочитывается. Например, треугольники из чаш, обращенные вверх и вниз, перекрещивающиеся. О том, что знаки эти были объектом особого внимания в исламе, свидетельствует тот факт, что и в Малой и в Большой мечетях дворца была подвеска для светильников в виде двух скрещенных треугольников, образующих шестиконечную звезду, а также в орнаментике витража два треугольника, образующих шестиконечную звезду. Кроме того, стены мечетей и других построек, связанных с религиозно-общественной жизнью общества, содержат эти знаки, исполненные в виде граффити, такие же зна-

ки можно найти в свадебных ритуальных росписях (Бонч-Осмоловский 1926, с.42). Как правило, регулярные треугольники (именно такие на фонтане) по мнению В.Н.Топорова (1987, с.272) в различных мифопоэтических текстах означали плодоносную силу, брак, обеспеченность, бога, стабильность, рождение-жизнь-смерть, тело, ум, душу, небо-землю, нижний и верхний миры.

Необходимо отметить, что чаши в иной моделировке образуют слева и справа зигзагообразные лестницы-ступени. Такой же знак есть в граффити на малой дворцовой мечети, а также на защитном металлическом футляре старинной рукописи ХУШ в. (Инв.- 343), хранящейся в фондах Бахчисарайского музея. Идея восхождения по лестнице - путь, которым мистик может достичь бога, присутствует во всех суффиских доктринах. Древнейший образ лестницы означал связь верхнего и нижнего миров. В мистических концепциях возникает образ "духовной лестницы" восхождения как средства сублимации духа, иногда сопровождаемый перебиранием четок, как эквивалента. Вместе с тем "лестница" на фонтане двойная, зеркально отраженная. Этот факт обращает на себя внимание. Аналог этой традиции в изобразительном творчестве можно найти в большой дворцовой мечети в каллиграфии, исполненной арабской вязью. Надписи появились в правление хана Крым-Гирея. Свойства сакральности зеркала были отражены в представлениях доисламских культов. Идея зеркальности миров с космогонией и оберегающей силой и здесь находит свое представление в художественной традиции исламской культуры. Особенно любимые изречения Корана на предметах быта и архитектурных сооружениях звучали в зеркальном отражении. Мистик, говоривший языком символов, безусловно этот способ выражения должен был ввести в свой круг эсотерической мифологии. Совершенно очевидно, что этот мифологический образ, связанный еще в древности с религиозными обрядами, и в период монобожия нес тенденцию связи обряда с символом-видением, а также наоборот.

В этом аспекте, очевидно, следует обратить внимание на символ так называемой "спирали - волюты - улитки - змеи". Известно, что в радениях под музыку (сама) было три вида физических упражнений: танец, вращение и прыжок. Причем каждое движение является символом духовной сущности. Значительное место отводилось вращению. Считалось, что вращение передает отношение между духом и Аллахом в его внутренней природе и бытии (вуд-

жуд), смену кружения его видений и мыслей, а также его познание категорий реально существующих предметов. Знак волютообразной формы в ХУП-ХУШ вв. был излюбленным мотивом турецкого искусства (Эсад 1919, с.226).

Совершенно очевидно, что в мистическом опыте были сакрально отмечены и цифры 1,2,3,9. Именно такое количество чисел и знаков можно найти в граффити на стенах мечетей и дюрбе, в теонимах. Но конкретика их мистического содержания - вопрос, требующий дополнительного изучения.

Из всего вышесказанного ясно, что фонтан был сооружен как объект культово-сакральных ощущений. В своей трактовке он нес код исламской традиции, выросшей на почве более древних. Он включал как образы эсотерической, так и экзотерической мифологии.

Уже в понимании современников он стал неким символом. Механизм превращения памятника культуры в символ был таким же как и при формировании любого другого символа: предпочтение, стереотип, символ (Артюх, Космина, с.46), как проявление взаимодействия и взаимовлияния культурных традиций, в данном случае с Турцией, сначала на уровне высших слоев общества, а затем низов. Здесь имел значение тот путь, когда "наиболее типичные и выразительные формы компонентов жизнеобеспечения этноса и субэтноса постепенно стереотипизируются, а затем закрепляются в сознании носителей этой культуры как этнические символы".

Этап предпочтения именно этого образа фонтана для исполнения обрядов начинается во времена Крым-Гирея, когда было сильно турецкое влияние; этап стереотипизации для крымскотатарской культуры - с копии фонтана Слез, фонтана, ныне находящегося в Бассейном садике. Символом фонтан становится в конце ХУШ в. С последним связан процесс мифологизации фонтана-Себила и сложение мифа о фонтане Слез. Закрепление этого символа произошло после присоединения Крыма к России, когда образ теперь крымской исламской традиции был введен в новую таксономию. Это явление психовосприятия было связано с I-м уровнем информации и некой тайной вокруг хана Крым-Гирея, личностью яркой и значительной в истории Крымского ханства. Отметим, что на плане Дж.Тромбаро (1787), то есть спустя 20-25 лет после правления хана, нет обозначения данного фонтана как фонтана Слёз. А.Маркевич на основании архивных материалов ремонта 1783-1787г.

пишет: "В это же время был устроен (перенесен - Л.М.) во дворце тот фонтан, который называют фонтаном "Слез" или Марии Потоцкой" (Маркевич 1985, с.130). Не отмечен этот фонтан и современниками императрицы, побывавшими во дворце в 1787 г.

Излюбленный на Востоке сюжет любви восточного правителя к чужестранке-иноверке был также опоэтизирован в Европе. Конец XVШ-XIX вв. - время паломничества в Крым европейцев, время ослабления влияния суфизма, время сложения новых мифов. Тогда же появляются фонтаны - копии: фонтан в Бассейном садике, Голубой глаз в Соколином, в Алупке, в Зимнем. Здесь отчетливо видна история становления символа крымской традиции - фонтана Слез.

ЛИТЕРАТУРА

Артюх Л.Ф., Космина Т.В. Этнические символы в материальной культуре украинцев //СЭ.- 1989.- № 61.

Баранов Х.К. Арабско-русский словарь.- М., 1957.

Басилов В.Н. Мусульманская мифология //Мифы народов мира.- М., 1988.- Т.П.

Борзенко А.А. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи// ЗООИД.- Одесса, 1850.- Т.П.

Бонч-Осмоловский Г.А. Брачные обряды татар горного Крыма // ИГО.- № 1.- 1926.

Вся Россия.- Спб., 1901.- Т.II.

Зияддинов Д. Пушкин и бывший ханский дворец.- Симферополь, 1937-38.

Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье в XП-XУI вв.- Ростов-на-Дону, 1989.

Иванов В.В. Лунарные мифы //Мифы народов мира.- М., 1988.- Т.П.

Коран.- Казань, 1907.

Маркевич А. К истории ханского дворца //ИТУАК.- 1895.- №23.

Рыбаков Б.А. Космогонии и мифология земледельцев энеолита// СА.- 1965.- № 1.

Тарасонов В.М. Символы медицины как отражение врачевания древних народов.- М., 1985.

Трингем Дж. Суфийские ордены в исламе.- М., 1989.

Топоров В.И. Глаз// Мифы народов мира.- М., 1987 а.- Т.1.

Топоров В.Н. Геометрические символы //Мифы народов мира.- М., 1987 б.- Т.1.

Топоров В.Н. Лотос// Мифы народов мира.- М., 1988 а.- Т.П.

Топоров В.Н. Крест //Мифы народов мира.- М., 1988 б.- Т.П.

Топоров В.Н. Числа //Мифы народов мира.- М., 1988 в.- Т.П.

Фрезер Д. Золотая ветвь. - М.; Л., 1931.

Чепурина П.Я. Орнаментное шитье Крыма.- М.: Л., 1938.

Шукуров Ш.О. О понятии "птица" в искусстве Ирана (К проблеме взаимоотношений домусульманских изображений) //Взаимодействие культур Востока и Запада.- М., 1989.

Эсад Д. Константинополь.- М., 1919.

В.П.Казарин, Е.В.Андрейко, В.Г.Шавшин

ПУШКИН И ГЕОРГИЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

По окончании отдыха в Гурзуфе Н.Н.Раевский-старший, отправив жену и четырех дочерей морем в Севастополь, вместе с сыном - Н.Н.Раевским-младшим - и Пушкиным верхом трогаются в обратную дорогу до Симферополя. В пути, видимо, было три ночевки: первая, вероятно, в Алупке, последняя - в Бахчисарае. Местом второй ночевки был Георгиевский монастырь.

"Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина" датирует прибытие в Георгиевский монастырь вечером 6 (18 по н. ст.) сентября, отъезд - утром 7 (19 по н. ст.) сентября 1820 г. (Цявловский 1951, с.241, 754; Летопись 1991, с.227-228, 659). Само пребывание в монастыре раскрывается в "Летописи" следующим образом: "Георгиевский монастырь. Ночевка. Осмотр развалин около Георгиевского монастыря, по преданию - древнего храма Артемиды* и памятника дружбы, храма Орестеонов. Заезжают на мыс Фиолент (вблизи Георгиевского монастыря)" (Летопись 1991, с.227; Цявловский 1951, с.241).

Комментарий чрезвычайно скуп, отражая общую неразработанность вопросов путешествия Пушкина по Крыму. Тем более досад-

* Непонятно, почему М.А.Цявловский так безоговорочно пушкинское латинизированное именование богини - Диана - заменяет на греческое - Артемида. Это противоречит не только словоупотреблению поэта, но и словоупотреблению эпохи.

но, что "Летопись" не вобрала в себя даже тот фактический материал, который до нас доносит переписка поэта. В письме А.А.Дельвигу от XII.1824 - XII.1825 гг. из Михайловского читаем: "Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы (...)" (XIII, 252; см. также IУ, I76, УШ, 438)*.

В "Летописи" проигнорировано то общее "сильное впечатление" (в черновике даже - "единственное сильное впечатление", УШ, I000), которое оставило у поэта посещение монастыря. Упущены перечисляемые Пушкиным местные реалии: упомянуты "баснословные развалины храма Дианы", но отсутствует "крутая лестница к морю", которая свой нынешний "цивилизованный" вид обрела в год тысячелетия монастыря - в I89I г. Но и сейчас она производит очень сильное впечатление на посетителей своими несколькими сотнями ступенек, карабкающихся по обрывистому склону крутым серпантином. Можно только догадываться, насколько менее обустроенной и насколько более выразительной она была в пушкинские времена, ведь монастырские постройки расположены на крутом обрыве высотой более I50 м над уровнем моря. Показательно, что из посетителей I820 г. о лестнице пишет только молодой и склонный к риску поэт. Путешествовавшие почти одновременно с ним по Крыму самовлюбленно-чопорный Г.В.Гераков и педантично-академичный И.М.Муравьев-Апостол о ней просто умалчивают, что скорее всего свидетельствует о том, что они по этой лестнице не спускались.

Наконец, в черновике письма фигурируют "скала" и "черные скалы" (УШ, I000), легко привязываемые к реалиям бухты Георгиевского монастыря, в которой есть как отдельно стоящие скалы (Пушкин скорее всего имеет в виду скалу Георгиевскую, располагающуюся как раз напротив монастыря, но есть еще стоящая чуть западнее скала Крест), так и группа выразительных и достаточно зловещих при вечернем освещении скальных утесов, замыкающих с востока и с запада видимое глазу пространство.

* Здесь и далее все ссылки на сочинения Пушкина с указанием римской цифрой тома, арабской - страницы даются по изданию: Пушкин А.С. Полн.собр.соч.: В I6-ти тт.- АН СССР, I937-I949.

2I сентября - через I5 дней после Раевских и Пушкина - Георгиевский монастырь посещает Г.В.Гераков, оставивший следующее описание этого одного из красивейших в Крыму места:"(...) в I0 часов остановились у небольшого портика, со вкусом выстроенного; вошли в онный, и мы в Георгиевском монастыре, и вдруг глазам нашим явилось Черное море, крутые дикие берега, навислые огромные скалы, высунувшиеся в шумящую влагу граниты, в величественном и мрачном виде; единая уединенная церковь смиренно взирала на напрасные усилия вечных волн морских, стремящихся подмыть основу ея"* (Гераков I830, с.34).

Спустя еще два дня монастырь посещает И.М.Муравьев-Апостол, также испытавший большое впечатление от осмотра его местоположения:"... я пустился мимо неизвестных теперь развалин древнейшего Херсона, вдоль юго-восточного, постепенно возвышающегося берега, до мыса Феолента, за коим представляется позлащенный крест, воодруженный на самом краю утеса. Надобно близко подъехать, дабы выйти из обмана и увериться, что это крест церковной главы Георгиевского монастыря, стоящего на уступе горы, к коему ведет спуск крутой и опасный на лошадях. Небольшой домик, к стене прислоненный, жилище архиепископа .., за ним немногие кельи, над коими видны опустевшие, осыпающиеся пещеры, в коих прежние отшельники обитали; наконец небольшая чистенькая недавно построенная церковь,- вот все то, что составляет обитель Георгиевскую. Сойди несколько ступеней крыльца церковного и ты на террасе, как балкон висящий над ужасною пропастью... Не доверяй полусгнившим деревянным перилам! И когда ты насладишься произвольным трепетом, наслушаешься рева волн под ногами твоими, наглядишься на страшную скалу, как уголь черную, вокруг коей ярится море и покрывает его пеною: тогда обрати насыщенные ужасом взоры на картину спокойствия и тишины; посмотри на эти тополи, смоковни, коих вершины никогда не колебались от северного ветра; взгляни на этот источник, как кристалл чистый и прозрачный, вытекающий из щели каменной горы,- и вспомни Лукрециева мудреца, коего наслаждения возвышаются ощущением внутреннего спокойствия при созерцании вне бурь и треволнений. Если ты, друг мой, услышишь когда-нибудь, что я

* Здесь и далее в цитируемых дореволюционных книгах и архивных документах пунктуация и орфография в основном приведены в соответствие с современными нормами.

сделался отшельником, то ищи меня в Георгиевском монастыре: здесь медведица не видна и о севере слуха нет" (Муравьев-Апостол 1823, с.84-86).

Нет сомнения, что Раевские с Пушкиным, как и Г.В.Гераков с И.М.Муравьевым-Апостолом, осмотрели монастырь: братские кельи (как старые, так и новые), прекрасный источник чистой воды, некрополь и церковь св.Георгия. Безусловно, им рассказали основные предания и факты из истории монастыря, очень яркой и богатой.

Балаклавский Георгиевский монастырь принадлежит к числу главных и наиболее известных христианских святынь Крыма. Он особенно славился тем, что был единственным монастырем, не прекращавшим своей деятельности с XУ в. Что же касается его основания, то легенда связывает рождение обители с чудесным спасением византийских греков, корабль которых буря гнала прямо на скалы. Видя приближение своей гибели, моряки воззвали к св.Георгию, моля о спасении. Молитва была услышана: святой явился на большом камне, который возвышался посреди бушующего моря, и буря тотчас утихла. Спасенные нашли на камне икону великомученика Георгия, которую поместили в бывшей на берегу пещерной церкви. В 891 г. здесь был основан монастырь. Есть мнение, что пещерная церковь была основана значительно раньше - в I-У вв. (Россия 1910, с.729-730).

Овеянное преданиями и легендами прошлое, удивительной красоты природа и уединенность делали монастырь известным среди монашества. Многие иерархи, достигшие впоследствии высокого сана, начинали иноческую жизнь в Георгиевском монастыре. Не меньше сановного клира стремилось попасть сюда на закате жизни. Только за первую половину XIX в. из семи настоятелей монастыря четверо имели высокий сан архиепископа или митрополита. Дважды - 17 мая 1818 г. и 27 октября 1825 г. - монастырь посещал Александр I. В числе других знатных лиц в этой обители похоронен князь А.Н.Голицын (1773-1844), занимавший при Александре I посты обер-прокурора святейшего Синода и министра народного просвещения.

К началу XIX в. церковь св.Георгия и строения монастыря пришли, по словам настоятеля игумена Анфима, "в немалую обветшалость, и притом столь тесно, что едва способны помещать жи-

вущих" (СГГА, д.3, л.215). Был начат сбор добровольных пожертвований на обновление обители. Три тысячи рублей пожертвовал адмирал Ф.Ф.Ушаков (до этого бывший среди тех, из чьих даров образовалась принадлежащая монастырю земля), по сто - севастопольский купец Казн и великий князь Николай Павлович - будущий император Николай I. Деятельную и разнообразную помощь оказывал А.Н.Голицын. Было много других дарителей и помощников.

План храма в 1808 г. выполнил архитектор Иван Дамошников (СГГА, д.5, л.20). Он же осуществлял надзор за строительными работами. 27 июля 1809 г. Екатеринославская духовная консистория дала благословение на возведение нового храма, разрешив "монастырю вместо старой строить новую церковь и прочие каменные здания" (СГГА, д.5, л.3). Еще 2 марта 1809 г. митрополит Хрисанф заключил контракт с "турецкоподданным греком" Иоакимом Панаиоти. Подрядчик обязывался "старую церковь святого великомученика Георгия сего года апреля в последних числах сломать и построить новую по данному мне плану, длиною пяти с половиной, шириною трех с половиной, а вышиною двух-трех аршиновых саженей, с полукружным алтарем и с выведением под оным восьмиугольного купола с окошками восьмью, в алтарь одним; а церкви четырьмя стенах скласть толщиной в один с четвертью аршин, а купола толщина в шесть вершков. В церкви и алтаре пол выстлать плотным камнем и всю церковь с нутри и с наружи вышгукатурить и выбелить известью" (СГГА, д.5, л.20).

Камень для церкви использовали от прежнего храма, недостающую часть добывали в соседних каменоломнях. Всю работу планировали осуществить в течение 1809 г., но только в 1810 г. разобрали старый храм, а само строительство растянулось на несколько лет. При подготовке места для нового храма и расчистке горы строители наткнулись на засыпанную пещеру - остатки древнего пещерного храма, на месте которого, видимо, и был основан в 891 г. Георгиевский монастырь.

В 1814 г. церковь св.Георгия приняла верующих. Полностью же все работы были завершены только в 1816 г. (СГГА, д.74, л.1). Проект И.Дамошникова в процессе строительства претерпел изменения. Храм стал больше размером: длина - 7 саженей, ширина - 4 сажени. Окон оказалось десять вместо восьми. Купол церкви был установлен на цилиндрическом барабане со световыми

проемами. Вход оформлен портиком с дорической колоннадой (проемы между колоннами вскоре заложат каменными стенами с дверью и четырьмя окнами с решетками в виде креста) и треугольным фронтоном. Купол и крышу вместо черепицы покрыли железом, доставленным из Таганрога, и выкрасили зеленой краской. Рамы в окнах были чугунные, подоконники покоряли благородством белого мрамора.

У входа в храм путешественники могли увидеть вмонтированную плиту из белого мрамора с надписью: "Создан храм сей во имя великомученика и победоносца Георгия, проректорством и благодеянием князя Александра Николаевича Голицына, помощью же адмирала Ушакова, иеромонаха Анания и многих православных христиан, трудами и стараниями митрополита Хрисанфа, 1810 года" (СГГА, д.177, лл.64-65, 71-71об).

В храме Раевские и Пушкин могли видеть деревянный, резной, сверкающий позолотой иконостас, выполненный в Севастопольском адмиралтействе. Иконы Спасителя, трех святителей - Николая, Спиридона и Митрофана, семи священномучеников, в Херсоне епископствовавших, и др. были богато украшены золотом, серебром и драгоценными камнями. В алтаре в деревянной позолоченной раме находилась роспись (пять на четыре аршина) с изображением св.Марии Магдалины (СГГА, д.74, л.3).

В монастыре также хранились старинные греческие богослужебные книги XУI-XУII вв., некоторые другие предметы старины, археологические находки, обнаруженные в окрестностях обители (например, мраморная колонна с греческой надписью 1175 г.).

"Путевые записки" Г.В.Гераков позволяют выявить еще один предмет, который, видимо, осматривали Раевские и Пушкин в монастыре: "Митрополит Хрисанф показывал нам белый камень, отрытый при создании новой церкви, на коем только по-гречески начертан 1747 год. Старец сам недоумевал, что бы означал сей камень" (Гераков 1830, с.35).

Красивое местоположение монастыря - на высоком обрывистом берегу - было одновременно его бедой. Деятельность моря, ветров и оползней преждевременно старили строения обители. Не случайно Г.В.Гераков в своем отзыве особо подчеркивает хорошо поставленные Хрисанфом "контрфорсы". Каждый новый настоятель монастыря начинал с заявления о ветхости его построек и необходимости строительных работ. Через пять лет после посещения

монастыря Раевскими и Пушкиным преемник Хрисанфа митрополит Агафангел будет писать: "С вступлением моим в 1825 г. в монастырь сей в звание настоятеля застал я в нем келии монастырские, или лучше сказать лачуги, полуразрушенные, морской берег, на котором стоит монастырь, обвалившимся и угрожавшим опасностию монастырю, не было в нем ни ограды, ни врат, и одна только небольшая каменная церковь и ветхие настоятельские келии составляли все здание и украшение монастыря" (СГГА, Историческая справка, л.2). При Агафангеле вновь будут установлены контрфорсы для укрепления берега, путь к морю облегчат каменными ступенями, произведут другие строительные работы.

С Георгиевским монастырем была связана еще одна легенда, поразившая воображение поэта. Из исторических источников известно, что у одного из самых древних народов, обитавших в Крыму, оставившего память о себе в названии полуострова,- тавров,- существовал культ Девы, в котором, возможно, отразился круг преданий о легендарном народе амазонок (Фадеева 1987, с.21-23). Об обычаях, связанных с этим культом, подробно писал в У в. до н.э. Геродот: "У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибивают к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это - дочь Агамемнона Ифигения. С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной" (Геродот 1972, с.213).

Как видим, античное сознание отождествило свой культ Артемиды с Девой тавров, и местом действия широко известного предания об Ифигении, Оресте и Пиладе стала Таврия. Особую популярность в пушкинские времена этому преданию сообщало то обстоятельство, что оно стало исключительно распространенным в искусстве и литературе сюжетом, среди разработчиков которого

были Еврипид и Гете. Естественно, что с присоединением Крыма к России предметом особого интереса археологов и историков стали поиски места, где располагался легендарный храм богини Девы. Тем более, что туда, по преданию, с христианской проповедью приходил один из двенадцати апостолов - св. Андрей Первозванный.

Споры вокруг проблемы местоположения храма Девы стали одним из оснований для датировки пушкинского послания, связанного с Крымом,- "Чаадаеву" ("К чему холодные сомненья?"). Вслед за Б.В.Томашевским все исследователи и комментаторы полагают, что под "холодными сомненьями" подразумевается "мнение И.М.Муравьева-Апостола о том, что храм Дианы находился не у мыса Георгиевского монастыря". Эта точка зрения была изложена в книге "Путешествие по Тавриде" (1823 г.), которую Пушкин прочел в Михайловском в 1824 г. Следовательно, стихотворение, которое поэт постоянно и настойчиво представлял как написанное в 1820 г. в Крыму, на самом деле написано в 1824 г. в Михайловском (Пушкин 1949, т.П, с.427-428).

Эта цепь умозаключений была бы совершенно бесспорной, если бы И.М.Муравьев-Апостол был единственным полемистом в вопросе о местоположении храма. На деле же он был всего лишь одним из многих. И при этом далеко не самым первым, кто обратился к этой проблеме. К какому только месту ни привязывали расположение храма. Одни отождествляли его с мысом Айя. И.П.Бларамберг полагал, что он находился у подножия Аю-Дага в местечке Партенит. И.М.Муравьев-Апостол, исходя из своего толкования Страбона, считал, что мыс Партенион со святилищем Девы должен находиться недалеко от мыса Херсонес.

Наконец, даже среди тех,кто связывал храм Девы с окрестностями Георгиевского монастыря, не было единства. П.С.Паллас относил храм с развалинами, обнаруженными им между монастырем и мысом Фиолент. Следы этого мнения сохранились в современной топонимике тех мест: роща Дианы, балка Дианы, бухта Дианы. Характер пушкинского повествования ("Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы") позволяет сделать вывод, что поэт принимал именно эту точку зрения. По свидетельству более поздних путешественников, им еще показывали заросшие травой развалины вблизи монастыря.

Иные полагали (например, Ф.К.Брун), что храм располагался западнее, отождествляя Партенион с мысом Фиолент. Настоятель обители Хрисанф, не соглашаясь с другими мнениями, считал, что "нигде нельзя предполагать храма Ифигении, как на месте выстроенной им церкви" (Гераков 1830, с.35). Очевидно, митрополит отождествлял с храмом открытую при строительстве монастыря пещерную церковь.

О том, что вопрос о местоположении храма был предметом оживленной и деятельной полемики, пишут и Г.В.Гераков (Гераков 1830, с.35, 38-39), и И.М.Муравьев-Апостол (Муравьев-Апостол 1823, с.86-87). Поэтому поэту не нужно было ждать наступления 1824 г. и знакомства с книгой И.М.Муравьева-Апостола, чтобы вступить в спор с "холодными сомненьями". Этими "сомненьями" был предостаточным образом насыщен 1820 г.

Думается, что в целом стихотворение было задумано именно в крымский период. Анализ пушкинской лирики каждый раз обнаруживает подлинные личные впечатления поэта, давшие толчок созданию того или иного стихотворения. В данном случае таким толчком стала полемическая разноголосица мнений: настоятель монастыря был сторонником одной позиции, кто-то, сводивший Пушкина к развалинам, думал иначе. Знакомство с книгой И.М.Муравьева-Апостола, оживив былые впечатления, способствовало окончательному воплощению давно оформившегося образа. Совершенно аналогичную роль сыграло "Путешествие по Тавриде" в отношении легенды о "Митридатовом гробе" (Казарин 1991, с.161-164).

Действительно, именно при осмотре развалин могла возникнуть параллель с "обломками самовластья" из первого послания "К Чаадаеву"(1818). Именно для 1820 г. характерно предпочтение, оказываемое "мифологическим преданиям" перед "воспоминаниями историческими", ярким примером чего является"Бахчисарайский фонтан". В 1824 г., когда начата работа над "Борисом Годуновым", это уже, конечно, было не так.

Вряд ли следует так легко сбрасывать со счету то обстоятельство, что сам поэт в трех публикациях стихотворения "Чаадаеву" с 1825 по 1829 г. специальными пометами ("С морского берега Тавриды. 1820", "1820. Морской берег Тавриды") будет настоятельно подчеркивать факт написания послания именно в Крыму (П, 910, 1150).

В пользу мнения, что замысел стихотворения вызревал в сознании Пушкина задолго до 1824 г., косвенно говорит следующее обстоятельство. Описание храма Девы, вложенное в уста старого тавра, оставил в своем творческом наследии Овидий, изгнанный из Рима в город Томы в устье Дуная. В этом описании есть одна очень выразительная деталь:

"Камень алтарный, что был по природе своей белоснежным,
Красным от крови людей сделался, цвет изменив"
(Овидий 1982, с.126).

У И.М.Муравьева-Апостола свидетельство Овидия даже не упоминается. А в черновых редакциях стихотворения Пушкина между тем прорабатывались варианты упоминания об этом алтаре: "Вот он, сей алтарь", "Вот он, вот алтарь", "Здесь был алтарь где совершилось" (П, 909). Не исключено, что появление этих вариантов - след разъяснений неведомого нам провожатого возле "баснословных развалин". Но они также - результат изучения Овидия в кишиневский период:

"Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял (...)"
("К Овидию", П, 219).

Пушкинское послание очень созвучно Овидию не только своими фактическими деталями (например, уже отмеченный алтарь), но и общим пафосом. Овидий, переживший, как и Пушкин, предательство неверных друзей, делает акцент на благородстве душ Ореста и Пилада. Совершенно таков же и пафос стихотворения Пушкина. Случайное совпадение здесь тем более маловероятно, что письмо № 2 из третьей книги "Писем с Понта" в том же 1824 г. было в кругу внимания поэта в связи с работой над "Цыганами": "По-видимому, именно это стихотворение с античным мифом в устах варвара побудило Пушкина в "Цыганах" вложить такое же предание о самом Овидии в уста старого цыгана" (Овидий 1982, с.250).

Все изложенное выше свидетельствует, что 1824 г. стал лишь результатом долгого процесса рождения стихотворения, берущего свое начало у стен Георгиевского монастыря.

"Записки" Г.В.Геракова помогают приоткрыть завесу над весьма актуальной и, к сожалению, мало разработанной проблемой - окружения Пушкина в Крыму. Автор "записок" (в отличие, напри-

мер, от И.М.Муравьева-Апостола) говорит об обитателях монастыря и, в частности, называет греческого митрополита Хрисанфа, личность яркую и достаточно известную. К сожалению, в словаре Л.А.Черейского "Пушкин и его окружение" упоминания о гостеприимном хозяине, принимавшем Раевских и Пушкина в Георгиевском монастыре, нет. Приведем некоторые сведения об этом человеке.

В сентябре 1820 г. ему было 88 лет. Г.В.Гераков писал о нем: "Весело было душе моей внимать словам старца, уже готового соединиться с перстию и духом возлететь к Несозданному. Он бодр еще, несмотря на то, что обтек Индостан, берега Малабаргские и Коромандельские, Персию и Бухарию, часто был гоним судьбою; все почти европейские государства видели у себя сего почтенного архипастыря" (Гераков, с.35). Мы не располагаем документальными свидетельствами о заграничных странствиях Хрисанфа. Известно лишь, что в 1759 г. в Бухаресте Хрисанф постриг в монашество будущего настоятеля Георгиевского монастыря - игумена Анфима (СГГА, д.3).

Прибыл Хрисанф в Севастополь в 1804-1805 гг. из Индии (СГГА, д.3). В городе жила его племянница (СГГА, д.37) и, очевидно, почтенный старец остановился у нее. Посланный 20 марта 1805 г. указ Екатеринославского архиепископа Афанасия гласит, что необходимо отправить в Севастополь к преосвященному митрополиту Хрисанфу карету для того, чтобы он приехал в Екатеринослав (СГГА, д.3). В 1806 г. Хрисанф покупает дом неподалеку от монастыря (СГГА, д.37). В монастыре Хрисанф поселился в 1806-1807 гг. В 1808 г., после смерти настоятеля Дионисия, Хрисанф "ведал" какое-то время обителью до назначения нового настоятеля - архимандрита Евтихия. Официальным главой монастыря Хрисанф стал весной 1810 г. Митрополит, по отзывам современников, был рачительным хозяином. Он умер 18 февраля 1824 г., похоронен близ старой колокольни на скале. Его склеп сохранился до сих пор.

В "Путевых записках" Г.В.Геракова других имен, кроме Хрисанфа, нет, но есть сообщение, что всего в монастыре "десять монахов, греков, пришедших из разных стран греческих, и один малороссиянец" (Гераков 1830, с.36). "Формулярные ведомости" за 1820 г. позволяют установить, что в монастыре числились следующие служители: иеромонахи Парфений (35 лет), Платон

(45 лет), Моисей (49 лет), Исаакий (54 лет) и Гервасий (?), вольные священники Симеон Соколовский (30 лет) и Григорий Деминовский (45 лет), а также три послушника - Иоанн Пиколов (74 лет), Георгий Митриен (78 лет) и Дмитрий Чернов (83 лет) (СГГА, д.29). Всего десять человек. Называемая Г.В.Гераковым цифра - одиннадцать - получается, если мы примем во внимание иеромонаха Иоанна, уволенного из Георгиевского монастыря в другой монастырь 30 августа 1820 г.

Иеромонахи и священники входили в число флотского духовенства в соответствии с высочайше утвержденным решением Синода от 23 марта 1808 г. Этим решением было определено иметь в Георгиевском монастыре для нужд Черноморского флота 13 иеромонахов. Решение не выполнялось. В навигацию 1820 г. на 74-пушечном корабле "Максим Исповедник", на котором держал свой флаг командир Черноморской эскадры контр-адмирал П.М.Рожнов, ушел 11 июня в море иеромонах Платон. На аналогичном 74-пушечном корабле "Лесной" тогда же в плавание ушел священник Симеон Соколовский (ЦГА ВМФ, д.1271, л.26об). В конце июня Хрисанф дополнительно присылает на эскадру только-только переведенного в монастырь иеромонаха Исаакия, которого определяют на 74-пушечный корабль "Скорый" (ЦГА ВМФ, д.1271, л.42).

Но без священнослужителя проплавал навигацию 74-пушечный корабль "Николай", на котором держал свой флаг, находясь на эскадре, главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал А.С.Грейг. Так и не смогли найти иеромонаха на корабль "Норд-Адлер", отправившийся в дальнее плавание с незаполненной вакансией. И т.д.

Кто из служителей монастыря был на месте во время посещения обители Раевскими и Пушкиным?

Иеромонахи Платон и Исаакий, а также священник Симеон Соколовский были списаны на берег вместе со всей эскадрой по окончании летнего плавания 31 августа 1820 г. (ЦГА ВМФ, д.1271, л.174-174об, 209-209об). Следовательно, с 1 сентября они уже были в монастыре.

Видимо, не было в обители иеромонаха Гервасия, который числился при гребном флоте и нес службу за пределами Георгиевского монастыря. Он ежегодно присылал отчеты о своей службе.

Все остальные на начало сентября были в Георгиевском монастыре. По крайней мере, подписи Платона, Моисея, Исаакия, Парфения, Симеона Соколовского и Григория Деминовского стоят под обязательством от 18 сентября 1820 г. "проходить звание свое благочестиво" (СГГА, д.28, л.10). Следовательно, все они могли видеть и общаться с Раевскими и Пушкиным.

Кто из монахов мог быть спутником поэта в его экскурсии по окрестностям монастыря?

Если сам монастырь путешественникам мог показывать митрополит Хрисанф, то для прогулок по окрестностям препятствием был его почтенный возраст - 88 лет. Однозначно отпадают и трое послушников как люди преклонного возраста и, к тому же, совершенно необразованные. Нигде не обучался иеромонах Исаакий, к тому же переведенный в монастырь лишь в мае 1820 г. и все лето проведший в походе с эскадрой. Он просто сам еще не знал ни истории монастыря, ни его окрестностей. Не знал древних языков иеромонах Моисей, так же как и Парфений, переведенный в обитель лишь в январе 1820 г. Видимо, следует исключить из числа возможных провожатых и вольного священника Григория (очевидно, это тот самый монах-"малороссиянец", упоминаемый Г.В.Гераковым, - он был из малороссийских казачьих сынов), т.к. он был переведен в монастырь лишь 25 мая 1820 г.

Два человека являются наиболее подходящими кандидатурами: это иеромонах Платон и вольный священник Симеон Соколовский. Оба они из семьи священников, оба обучались в Киевской духовной академии классическим языкам, риторике, грамматике, поэзии, истории, философии и арифметике. Поэтому у них обоих мог быть интерес к прошлому монастыря и возможность глубже знакомиться с эти прошлым с помощью древних авторов. Не случайно именно Платон исполнял в монастыре обязанности казначея. Не случайно и то, что именно Платон был прикомандирован к флагманскому кораблю Черноморской эскадры контр-адмирала П.М.Рожнова. На столь же крупный корабль был определен и Симеон Соколовский, но его кандидатуру, видимо, следует снять, так как он попал в Георгиевский монастырь только в конце февраля 1820 г. и не имел достаточно времени для изучения его достопримечательностей (лишь три месяца: март, апрель, май), тем более, что все лето провел в походе (июнь, июль, август). Платон же был из числа старожилов - он в монастыре с 1810 г., т.е. со времени вступления в должность главы обители Хрисанфа. Скорее всего именно

ему митрополит доверял исполнение самых ответственных дел, в частности, "экскурсии" с именитыми гостями монастыря.

Должность казначея включала в себя исполнение самых разных обязанностей: ведение хозяйственной документации, расчет с поденными рабочими, закупка продовольствия. В отсутствии Платона эти обязанности исполнял иеромонах Парфений. Сохранившаяся "Книга Балаклавского Георгиевского монастыря о приходе, расходе и остатке монастырских сумм" за 1820 г. позволяет выяснить, что было закуплено из провизии незадолго до приезда Раевских и Пушкина, а значит, чем кормили наших путешественников 6-7 сентября. В августе для монастыря были закуплены говяжье сало, сахар, сок, чай, кофе, икра, лук. 19 августа Парфений делает новые закупки - 3 фунта маслин (около 1,5 кг), 3 фунта пшена. (в следующий раз его закупят в таком же количестве 12 сентября), 11 фунтов (около 4,5 кг) коровьего масла, пуд (свыше 16кг) масла конопляного. Всегда в монастыре было парное молоко из своего коровника и свежий виноград со своего виноградника. У балаклавских греков 4 сентября (вероятно, это уже делал вернувшийся из плавания Платон) в очередной раз закупили свежей рыбы на довольно большую сумму - 4 рубля (для сравнения: 17 августа рыбы закупили на 1 рубль, 19 августа - на 1 рубль), которая, судя по всему, быстро разошлась, т.к. 7 сентября, в день отъезда Раевских и Пушкина, свежую рыбу закупили вновь - на 3 рубля (СГГА, д.30). Как видим, стол в монастыре был достаточно обильный и разнообразный.

Где Раевские и Пушкин расположились на ночлег?

Хрисанф, конечно, старался оказать им гостеприимство, но сделать это было не просто. В обветшалой гостинице, построенной на склоне горы к 1806 г., слева от храма, имелось всего лишь несколько комнат-келий с земляным полом. Пришлось довольствоваться этим.

В "Летописи" есть следующая запись: "Заезжают на мыс Фиолент (вблизи Георгиевского монастыря)". Непонятно, на чем она основана. Мыс Фиолент отстоит от монастыря на 3-4 версты (Россия 1910, с.729-730). Поэтому никаким особым путешествием посещение его стать не могло. Если Пушкин посетил балку Дианы, то он преодолел половину этого расстояния.

7 сентября Раевские и Пушкин, минуя Севастополь, отправились старым екатерининским трактом мимо Мангупа на Бахчисарай и Симферополь.

ЛИТЕРАТУРА

Гераков Г.В. Продолжение путевых записок по многим Российским губерниям, 1820-го и начала 1821 -го.- Петроград, 1830.

Геродот. История. В девяти книгах.- Л.: Наука, 1972.

Казарин В.П., Яковенко Э.В. Пушкин и легенда о "Митридатовом гробе" // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.- Симферополь: Таврия, 1991.- Вып.2.

Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина: 1799-1826 / Сост. М.А.Цявловский.- Изд. 2-е, испр. и доп. /- Л.: Наука, 1991.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 годе.- Спб., 1823.

Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта.- М.: Наука, 1982.

Пушкин А.С. Полн.собр.соч. в 10-ти т.- М.-Л.: АН СССР, 1949.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. / Под ред. В.П.Семенова-Тян-Шанского /- "Новороссия и Крым".- СПб., 1910.- Т.XIУ.

Севастопольский городской государственный архив (СГГА).- Ф.20.- Оп.1.

Фадеева Т.М. По горному Крыму.- М.: Искусство, 1987.

Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина.- М.: АН СССР, 1951.- Т.1.

Центральный государственный архив (ЦГА) ВМФ.- Ф. 243.- Оп.1.

А.Г.Зарубин, В.Г.Зарубин

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 - НАЧАЛЕ 1918 г.

После Февральской революции, легализовавшей все доселе подпольные национальные политические группы и организации, демократически настроенные лидеры крымскотатарского движения развивают максимальную активность. Это тем более примечательно, что основную массу (65% крестьян) крымских татар (216968 человек, включая турок, 26,8% крымского населения) составляли безземельные; число ремесленников, мелких торговцев и особенно рабочих было крайне невелико; исключительный вес имели духовенство и помещики-мурзаки, приверженцы архаичных норм, умевшие ладить с царскими властями. Носителем антифеодальных требований стала немногочисленная (большей частью учителя) интеллигенция, еще до войны поставившая свою энергию и образованность на службу национально-культурному пробуждению крымскотатарского народа.

Основным объектом внимания революционных демократов явилась экономическая база традиционалистов - вакуфное имущество, которое, будучи формально общей собственностью, находилось в распоряжении духовенства. В качестве второй кардинальной задачи выдвигалось просвещение безграмотного в своей массе народа. Собственно национальные задачи пребывали первоначально на заднем плане.

25 марта 1917 г. в Симферополе открылось общее собрание мусульман Крыма (от 1,5 до 2 тыс. делегатов по разным источникам), на котором оформился Временный крымскотатарский (мусульманский) исполнительный комитет (50 человек). "Членами его ЦК первоначально были: Б.А.Меметов, М.Сыдкы Эфенди, М.Енилеев, А.Зекиян, А.Лятиф Эфенди, А.Озенбашлы (ЦГАК Ф.Р.-1694.- Оп.1.- Д.31.- Л.241)". Одной из задач ИК провозглашалось "ознакомление мусульманского населения Крыма с происшедшим государственным переворотом и подготовка его к предстоящему учредительному собранию" (Южные Ведомости 1917, 22 апреля). Секретарь ИК А.Боданинский[1] разъяснял: цель комитета - "неуклонное стремление...к организации демократических татарских масс, стремление к внедрению среди них сознательного и преданного отношения к идеям общерос-

сийской и, в частности, крымскотатарской революции, стремление ...стать во всех проявлениях татарской жизни центром, не повелевающим, не распоряжающимся, а регулирующим и контролирующим" (Боданинский 1917).

Таким образом, Мусисполком не противопоставлял себя Временному правительству, равно как и российской демократии в целом, и был признан правительством высшим органом крымских татар. В мае ИК сфокусировал культурную, религиозную, политическую и идейную деятельность среди своего народа, сделавшись одним из авторитетнейших центров общественно-политической жизни Крыма. Летом функционировало уже 44 местных мусульманских комитета. Центральным органом ИК стала газета "Миллет" ("Нация", редактор А.С.Айвазов), дополненная еженедельной на русском языке - "Голос татар" (редакторы А.Боданинский, Х.Чапчакчи).

Ведущее положение в Мусисполкоме занимают: Нуман Челеби Джихан (Челеби Челебиев)[2] - председатель, комиссар Духовного правления, первый демократически избранный муфтий (духовный глава крымских мусульман); Дж.Сейдамет[3] - комиссар Вакуфной комиссии; А.С.Айвазов, М.Кыпчакский, члены бюро мусульманской секции IУ Думы; С.Дж.Хаттатов (Хаттат). Они же составили ядро возникшей в июле 1917 г. Национальной партии - Милли-фирки (Зарубин 1991, с.73-76; 1992), ставшей идейным стержнем крымскотатарского национального движения.

Первый вариант программы новой партии был выдержан в общедемократическом духе с социалистическим оттенком. Программа провозглашала суверенитет народа, равенство всех граждан перед законом, демократические выборы в государственные учреждения, политические свободы, отмену сословных различий, паспортов, неприкосновенность личности, жилища, писем. Декларировалась социализация фабрик и заводов. Ликвидировалось вакуфное землевладение: 87614 десятин, а также 1,5 тыс.домов и лавок перешло в фактическое ведение партии и сдавалось в аренду беднейшему крестьянству и пр. (вырученные средства шли на содержание партии, ее вооруженных сил, культурно-просветительские цели).

"Вся земля принадлежит общинам",- заявляла программа. Выдвигался принцип: каждому землевладельцу столько земли, сколько он может обработать без применения наемного труда.

Что касается национально-государственного устройства, то преамбула программы гласила: "Россия должна быть демократической федерацией национальностей. Каждой живущей в России народности, независимо от обитаемой ими территории, должно предоставить автономную группу (так в тексте.- Авт.), которая решает все свои национальные задачи совершенно самостоятельно. ... В государстве все языки должны быть равны" (ЦГАК, 1917, л.112-114).

Особо оговаривались культурно-просветительские цели: создание национальных школ (на основе обязательного, всеобщего и бесплатного обучения). Предусматривалось введение делопроизводства на родном языке, формирование вооруженных сил на добровольческой основе. Прогрессивный характер имели провозглашение равноправия женщин и активное привлечение их к общественной и политической жизни (пожалуй, в такой решительной форме - впервые в мусульманском мире).

Какой виделась крымскотатарским активистам судьба Крыма? Программа Милли-фирки об этом умалчивает - и не случайно. Вопрос оставался неясным, дискуссионным, прежде всего потому, что татары не составляли на полуострове большинства. Однако события 1917 г. развивались под знаком национального пробуждения окраин страны. Национальный вопрос обрастал все новыми гранями. Так было и в Крыму.

По меньшей мере до лета имела хождение идея культурно-национальной автономии. Национальная партия, как свидетельствует текст программы 1917 г. (в 1919 г. появляется второй ее вариант) (Бочагов 1930, с.101-113), придерживалась курса на создание Российской Федерации, отводя Крыму тем самым роль суверенного субъекта этой федерации.

Идея федеративного государства активно отстаивалась крымскотатарской делегацией на Съезде народов России в Киеве 5-6 сентября. Представитель Мусисполкома А.Озенбашлы, будущий замнаркома финансов Крымской АССР и политический узник (см. Керимова 1992), подчеркивал в своей речи: "Если когда-то наши ханы заключали союзы с украинцами, поляками, русскими и другими народностями для покорения и угнетения ... то свободные сыны отныне свободного татарского народа протягивают вам руку с лозунгом демократической федеративной республики для счастливой

дружеской жизни в будущем" (Ибадуллаев 1991; Керимова 1992). А на совещании представителей демократических и революционных организаций, а также социалистических партий 15-16 ноября в Симферополе Дж.Сейдамет, который в самом скором времени станет вождем "непримиримых" националистов, разъяснял: "Мы против татаризации Крыма, но мы против суверенной власти какой бы то ни было другой национальности над Крымом. Если мы созываем татарское национальное учредительное собрание "Курултай", то только для того, чтобы выяснить для себя и выявить перед другими волю татарской национальности, но и голос татар еще не есть голос всего Крыма. Для этого необходимо общекрымское учредительное собрание, в котором должны принять участие все народности, населяющие Крым", предложив "обсудить вопрос ... о желательности выделения Крыма в федеративную краевую единицу" (Южные Ведомости 1917, 18 ноября).

Чуть ли не все наблюдатели и участники событий 1917 г. в Крыму отмечали сравнительно спокойную атмосферу, замкнутость жителей городов и селений, озабоченных прежде всего проблемой резкого падения уровня жизни (Гавен 1922, с.5; Деникин 1992, с.138). Однако и сюда начали доноситься первые раскаты приближавшейся гражданской войны.

18 июня мусульманский военный комитет принял решение о выделении солдат-татар в одну часть. Этим было положено начало формированию мусульманских отрядов из крымских татар и переводу их на полуостров, что, как мы считаем, было вполне естественным в условиях, когда почти все политические силы стремились опереться на собственные воинские подразделения. 23 июля по инициативе губкомиссара Временного правительства Н.Н.Богданова контрразведка арестовала, обвинив в "государственной измене", Ч.Челебиева, которого, под сильнейшим давлением снизу, пришлось через два дня освободить. Это обострило отношения крымскотатарского движения с правительственной партией кадетов. Тем не менее, Мусисполком высказал полную готовность поддержать Временное правительство в августе, во время корниловского мятежа.

1-2 октября Крымскотатарский мусульманский съезд (Симферополь) одобрил постановление о созыве в ближайшие дни (до начала работы Всероссийского Учредительного собрания) Курултая.

На съезде выявилось противоречие между теми, кто отстаивал "интересы рабочих и крестьян и всей нашей голытьбы" (особенно рьяно – В.И.Ибраимов, будущий видный большевик, председатель КрымЦИКа, расстрелянный по ложному обвинению в 1928 г.), и теми, кто призывал высоко нести "эмблему татаризма – голубое знамя Чингиза" (Возгрин 1992, с.390-391). Это было одно из первых, но далеко не последнее проявление в крымскотатарском движении острой дилеммы, раздиравшей все национальные течения на территории бывшей Российской империи: социальное-национальное. Если одну часть его активистов полностью поглощает борьба за национальную самоидентификацию, единство народа как целого, то другая – все пристальнее всматривается в планы и тактику большевиков, стремясь увлечь массы социальными перспективами.

Большинство съезда поддержало линию Ибраимова. Форум, тем не менее, подтвердил необходимость права на самоопределение для всех наций – "жертв европейского империализма". Была создана комиссия по созыву Курултая. Мусисполком сыграл свою подготовительную роль.

В середине сентября, как попытка вернуть катастрофически быстро теряемые позиции, возникает традиционалистский "Союз улемов" (богословов) во главе с имамом И.Тарпи. Однако, очутившись в практически полном политическом вакууме, "Союз" распался. Ч.Челебиев дезавуировал само понятие "улем", заявив, что таковых среди крымскотатарского духовенства просто нет. В дальнейшем консервативные круги татарского общества несколько оживлялись только при белых режимах. Но земельный вопрос деятелям Милли-фирки решить так и не удалось.

Между тем процесс распада бывшей империи, а с I сентября – республики, ставил крымское население в положение все большей изоляции от центра. В ноябре свежеиспеченная Украинская Народная Республика, образование которой приветствовали, кстати, как Мусисполком, так и крымские большевики, включила в свой состав три северных уезда Таврической губернии. Крыму стала грозить незавидная роль разменной монеты в надвигавшихся столкновениях.

Октябрьский переворот 25 октября вызвал негативную реакцию практически всех общественно-политических сил Крыма (даже части большевиков), включая крымскотатарскую сторону. Последняя делегировала своих деятелей в созданный 20 ноября губернским съездом представителей городских и земских самоуправлений временный (до крымского учредительного собрания) Таврический губернский совет народных представителей (СНП). Это коалиционное образование имело в своем распоряжении более чем шеститысячное войско, до половины которого (и самой надежной) составляли татарские кавалеристы – эскадронцы. Штаб крымских войск возглавил Дж.Сейдамет. Тогда же, в ноябре-декабре, большевики, устанавливая контроль над значительной частью Черноморского флота и Севастопольским Советом, начинают планомерную акцию по подчинению себе всего Крыма.

4 ноября в воззвании Мусисполкома впервые прозвучал инспирированный Ч.Челебиевым лозунг "Крым для крымцев" (где под "крымцами" подразумевалось все население полуострова). Воззвание предостерегало: "недопущение главенства в Крыму какого-либо одного народа, недопущение подчинения Крыма какому-либо государству.." (П.Б. 1917). Лозунг, таким образом, нацеливал уже не столько на федерацию, становившуюся все более эфемерной, сколько на решение крымских проблем самими крымчанами, недопущение на полуострове братоубийственной войны.

Новый лозунг вызвал крайнюю настороженность либеральных кругов Крыма. "В недоумение приводит ... лозунг "Крым для крымцев",- писал анонимный автор.- До сих пор мы знали, что крымским хлебом, крымскими фруктами питается вся Россия, что всю Россию Крым снабжает вином и табаком, что вся Россия лечится на крымских курортах. В то же время мы знаем, что уголь, мануфактуру и другие предметы Крым получал и получает из России. Крым и остальная Россия были для нас связаны неразрывными узами, и вряд ли мы можем ответить раньше на вопрос: Крым для России или Россия для Крыма?" (П.Б. 1917).

Видимо, стоит согласиться с В.Е.Возгриным: платформа "Крым для крымцев" была в тот момент единственной, способной в условиях отсутствия какой-либо защиты со стороны центральной власти сплотить крымчан перед угрозой захвата, анархии или гражданской бойни.

Мусисполком все явственнее начинает выражать претензии на роль верховной власти и защитника населения полуострова, пере-

давая эстафету Курултаю. Духовно-политическим центром национального движения становится открытый в ноябре 1917 г. в Ханском дворце г.Бахчисарая национальный музей. Именно ИК, взяв дворец в свое ведение и развернув работу по его восстановлению (заведующим избирается художник У.Боданинский), спас этот ценнейший памятник истории и культуры от разграбления (Ялыбойский 1992).

На открытии национального музея с яркой программной речью выступил Ч.Челебиев:

"Наш народ желает созвать Курултай не только для учреждения своей власти, он желает совместно трудиться и с другими жителями Крыма. Он берет на себя ответственность и за другие народы, он уважает их права, равно, как и свои. Он желает вместе с другими жителями Крыма достойную жизнь превратить в реальность.

В Крыму есть много цветов, у них разные краски, разные ароматы. Эти цветы - нации, которые живут в Крыму,- крымские татары, русские, евреи, греки, немцы и другие. Цель Курултая - собрать их вместе и сделать из них прекрасный букет и превратить Крым в настоящую культурную Швейцарию" (Кандымов 1990).

Однако заманчивой парадигме "Крым - вторая Швейцария" суждено было, к сожалению, остаться не более чем словесным оборотом.

На выборах во Всероссийское Учредительное собрание (ноябрь), в которых участвовало 54% населения Таврической губернии, крымским мусульманам удалось занять вторую позицию - 64880 голосов, пропустив вперед социалистов-революционеров (291549) и обогнав украинских эсеров (61177), не говоря уже о кадетах (38108) и большевиках (31154) (Южные Ведомости 1917, 12 декабря). Депутатом от них был выдвинут Дж.Сейдамет. Поглощенный местными событиями, он, впрочем, в Петроград не поехал.

К концу года Сейдамет сосредоточил в своих руках все нити реальной власти в национальном движении, обнаружив диктаторские поползновения и став на путь воссоздания на полуострове, с помощью Германии и Турции, крымскотатарского государства. В первом Татарском национальном правительстве, избранном Курултаем, он занял пост директора (начальника) управления внутренних и внешних сношений и военного руководителя.

Курултай открылся 26 ноября в Бахчисарае в здании музея

как учредительное собрание крымскотатарского народа, и продолжил работу как постоянно действующий орган, мусульманский парламент, приняв Конституцию и создав правительство. Конституция фиксировала организацию высших национальных инструментов власти. В статье 16 объявлялась Крымская Народная (Демократическая) Республика (упоминалась и в статье 8), однако 12-я статья - входя в противоречие с названными - гласила: "... Форма управления в Крыму может быть определена Крымским Учредительным собранием." ("... Вопросы, относящиеся к жизни края, как финансовые, политические и земельные, могут быть решены только Крымским Учредительным собранием",- дополняла статья 13).(Кандымов 1991).

Правительство (Директорию), помимо Дж.Сейдамета, составили: председатель и начальник управления юстиции Ч.Челебиев, по делам религии - А.Шукри, просвещения - А.Озенбашлы, финансов и земледелия - С.Дж.Хаттатов.

Но прав А.Мальгин (1992): попытка Курултая конституировать государство в Крыму (при наличии прочих органов власти: СНП, земства и думы, Советы, Военно-революционный комитет в Севастополе) не удалось. Да и не могла удастся. КНР осталась только в тексте Конституции. С 22 декабря начались столкновения между большевиками, игнорировавшими национальные стремления крымских татар, и эскадронцами. Вспыхнула "уродливая большевистско-татарская борьба." (Елагин 1923, л.67 об.), как называл ее очевидец и участник событий.

Муфтий и глава правительства Ч.Челебиев пытается предотвратить взаимоистребление. 11 декабря , на заседении Курултая "Челебиев выступил и сказал, что нам нужно идти вместе с большевиками, что нам нужно изменить ориентацию",- вспоминал первый большевик из крымских татар И.К.Фирдевс (Керимджанов) (Фирдевс 1926, л.6). Челебиева поддержала немногочисленная левая группа (А.Боданинский, С.М.Меметов, С.И.Идрисов[4] и др.). Однако доминировал брутальный курс Сейдамета, опиравшегося на строгую дисциплину и централизм внутри Милли-фирки.

Челебиев, чуждый вооруженной борьбе, все более оттеснялся на периферию событий. "Я застал (его),- свидетельствует об одной из декабрьских встреч с муфтием Фирдевс,- в полном состоянии разложения внутреннего, в полном состоянии медитации, отсутствия...воли. ... Я убедился,-сказал он,-что большевики...

представляют такую силу, которую никаким оружием нельзя усмирить" (Фирдевс 1926, л.3-4).

Потерпев неудачу в своей миротворческой миссии, уступая насилию с обеих сторон, Ч.Челебиев в ночь на 4 января 1918 г. подает в отставку с поста председателя Директории. Буквально на неделю его сменил воинственно настроенный Дж.Сейдамет, бежавший 12 января в Турцию.

В результате ожесточенных боевых действий 5-13 января (занятие Симферополя), унесших сотни жизней, на полуострове установилась продержавшаяся до конца апреля 1918 г. Советская власть, а точнее - диктатура большевиков и левых эсеров.

Так начиналась в Крыму гражданская война.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Боданинский Али (1865-1920). Сын известного просветителя, учитель. Испытал сильное воздействие идей члена мусульманской фракции II Думы радикального демократа Р.Медиева, был его помощником. Активист Мусисполкома, Милли-фирки; секретарь Курултая. Занимал крайне левую позицию, сторонник сотрудничества с большевиками. На сентябрьской сессии Курултая в 1918 г. вместе с другими крымскотатарскими деятелями левого толка, С.М.Меметовым, С.И.Идрисовым, братом У.Боданинским, заявил о выходе из Курултая. В октябре-ноябре эта группа скрывается в подполье и вливается в ряды большевиков. В апреле-июне 1919 г. - управделами СНК Крымской ССР. В 1919-1920 гг. в рядах Красной Армии. Погиб на фронте (см. У.Б. 1928).

2 Челеби Джихан Нуман (Челеби Челебиев) (1885-1918). Родился в дер.Сонак Перекопского уезда в семье крупного землевладельца. Получил высшее (юридическое и богословское) образование в Константинопольском университете, учился в Петроградском университете. В национальном движении - с 1906 г., подвергался репрессиям. В годы первой мировой войны - вольноопределяющийся. Занимая высшие посты в органах крымскотатарского движения, последовательно отстаивал умеренную позицию. Убит севастопольскими матросами 23 февраля 1918 г. (н.ст.) (см. Асанин 1991; Зарубин 1991).

3 Сейдамет (Сейдаметов) Джафер (1889-1960). Родился в дер. Кизилташ Ялтинского уезда, сын зажиточного крестьянина. Политическую деятельность начал вместе с Н.Челеби Джиханом в Константинопольском университете, где окончил юридический факультет. Автор книги "Угнетенный татарский народ" (1910). Учился в Сорбонне и Петербургском университете. С начала войны - в юнкерском училище. В конце 1917-1918 гг. проводит жесткую линию в крымскотатарском движении, лидер "непримиримых", сторонник воссоздания, с помощью Германии и (или) Турции, Крымского национального государства. Министр иностранных дел в Краевом правительстве М.А.Сулькевича (июнь-август 1918 г.). В эмиграции (с 1918 г.) - бескомпромиссный противник Советской власти.

4 Идрисов Сулейман Измайлович (1878- ?). Родился в дер. Мамак Симферопольского уезда в семье батрака. Учитель. С 1904 - в революционном движении. В 1905 г. - социалист-революционер, в 1906-1907 гг. - максималист. Привлекался к суду. С начала войны - на фронте. В 1916 г. - дезертир. Примыкал к левому крылу Милли-фирки, в начале 1918 г. сделал попытку основать т.н. Крымскую социалистическую партию трудящихся. В качестве помощника наркома иностранных дел и национальностей входил в правительство Советской Социалистической Республики Тавриды (1918 г.). Член РКП(б) с октября 1918 г. Наркомзем в СНК Крымской ССР (1919 г.). Затем - управделами отдела народов Востока при ЦК РКП(б), член Крымревкома, заведующий Крымземотделом, на хозяйственной работе. Исключен из ВКП(б) во время чистки 1934 г., репрессирован.

ЛИТЕРАТУРА

Асанин И. Клянусь, обещаю умереть ради нации (на крымскотат.яз.) //Достлукъ.- 1991.- 22 февраля.

Боданинский А. Ответ г.-скому (Письмо в редакцию) // Южные Ведомости.- 1917.- 15 июля.

У.Б. (Боданинский У.). Али Боданинский (в оригинале: "Бадаинский".-Авт.) //Революция в Крыму.- Симферополь: Крымгиз, 1928.- № 8.

Бочагов А.К. Милли фирка. Национальная контрреволюция в Крыму.- Симферополь: Крымгиз, 1930.

Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар.- М.: Мысль, 1992.

Гавен Ю. Октябрь в Крыму //Революция в Крыму.- Симферополь: Крымгиз, 1922.- № 1.

Деникин А.И. Очерки русской смуты //Вопросы истории.- 1992. - № 2-3.

Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в период соц. революции (1917-1918 гг.) (Рукопись 1923 г.) //Центральный государственный архив Крыма (ЦГАК).- Ф.П.-1.- Оп.1.- Д.109.

Зарубин А. А он, мятежный... //Крымский комсомолец.- 1991.- 11 мая.

Зарубин А. К истории Милли-фирка //Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов научной конференции (23-28 сентября).- Симферополь, 1991.- Вып.2.

Зарубин А. Милли-фирка: отбросив ярлыки //Крымские известия.- 1992.- 2 апреля.

Ибадуллаев Н. Крым 1917-го: март-декабрь //Авдет.- 1991.- 14 июня.

Кандымов Ю. Курултай. Как это было //Авдет.- 1991.- 12 апреля.

Керимова Г. К юбилею Амета Озенбашлы //Авдет.- 1992.- 3 сентября.

Мальгин А. Республика, которой не было //Таврические ведомости.- 1992.- № 5, 6, 7.

П.Б. "Крым для крымцев" //Южные Ведомости.- 1917.- 6 ноября.

Программа Милли-фирка //ЦГАК.- Ф.П-1.- Оп.1.- Д.776.

Фирдевс И.К. Воспоминания 1926 г. //ЦГАК.- Ф.П-1.- Оп.1.- Д.776.

Южные Ведомости.- 1917.- 22 апреля; 18 ноября; 12 декабря.

Ялыбойский Э. Как спасали Ханский дворец // Мераба.- 1991.- № 1.

Ю.М.Могаричев

К ДИСКУССИИ О СКАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ КРЫМА

В последнее время в научной литературе вновь развернулась дискуссия о времени возникновения пещерных монастырей в горной Юго-Западной Таврике. В ряде наших публикаций была подвергнута критике так называемая "иконопочитательская" теория: письменные источники не дают основания предполагать о сколько-нибудь заметной иммиграции в Крым преследуемых иконопочитателей и тем более о появлении в связи с ней пещерных монастырей. Анализ архитектурных особенностей и топография этих памятников указывают на более позднюю дату их создания - X-XII вв. (Герцен, Могаричев 1990; 1991; Могаричев 1992, с.84-95).

Ю.С.Воронин и В.Н.Даниленко, рассмотрев истоки "традиции пещерожительства" на основании подъемного, к сожалению, неопубликованного материала, обнаруженного ими в районе Шулдана, Чилтер-кобы, Чилтер-Мармары, сочли возможным заявить:"Таким образом археологический источник указывает на УП в., как на время, в которое или позже которого возникли монастыри"(1992, с.179).

В настоящем сборнике публикуется статья В.Ф.Филиппенко "К истории Инкерманского пещерного монастыря", большая часть которой посвящена критике наших взглядов и защите традиционной иконопочитательской версии.

Поэтому мы еще раз возвращаемся к данному вопросу и отвечаем на замечания оппонентов.

Первый аспект, который необходимо затронуть,- методический: возможна ли датировка пещерных монастырей по археологическим данным? Совершенно очевидно, что археологическая датировка будет обоснованной только тогда,если удастся обнаружить комплексы, непосредственно связанные с пещерными сооружениями. В самих помещениях культурный слой практически отсутствует, но рядом исследователей были предприняты попытки археологического изучения пещерных монастырей.

Эски-керменской экспедицией 1931-1933 гг. проводились работы на Шулдане - был зачищен пол, раскопаны могилы в церкви и на скальной площадке. Немногочисленная, в основном поливная керамика датируется поздним временем (Бабенчиков 1935, с.99-100). Ю.С.Ворониным исследовался Чилтер-коба. Насколько нам известно, находок ранее XII-XIII вв. обнаружено не было. Появись такие материалы, Ю.С.Воронин и В.Н.Даниленко наверняка указали бы на них или в "Археологических открытиях" (1979, с.314-315), или в своей статье (1992) и в настоящем сборнике.

Археологические работы проводились в пещерном монастыре на южном обрыве Мангупского плато. Выявлены лишь материалы, относящиеся к XIУ-XУ вв. (Веймарн и др. Архив БГИКЗ, д.32). Таким образом, в результате археологических работ на пещерных монастырях раннесредневековых комплексов обнаружено не было.

Не смогли представить никаких убедительных материалов и другие авторы, доказывавшие иконопочитательское происхождение пещерных монастырей (Веймарн, Чореф 1978; Беляев, Бушенков 1986).

Ю.С.Воронин и В.Н.Даниленко в своих выводах ссылаются на находки из округи пещерных монастырей. В данном случае необходимо выделить два аспекта: 1. Может ли в качестве датирующего использоваться подъемный материал? 2. Может ли как датирующий использоваться материал из округи?

1. Горная Юго-Западная Таврика была заселена человеком с эпохи палеолита. Поэтому естественно, что среди подъемного материала, а нередко и в слое, встречаются разновременные фрагменты. Например, на Мангупе известны энеолитические находки (Герцен 1990, с.105), а на Чуфут-кале - мустьерские (по данным наших исследований). Но это, естественно, не доказывает, что крепость или пещеры возникли здесь в эти эпохи. Поэтому и довольно немногочисленные находки УI-УII вв. из округи Чилтер-кобы или Шулдана говорят лишь о заселенности людьми этой местности, но никак не о возникновении собственно пещерных монастырей.

2. Скальные монастыри расположены или в районе торговых путей, или недалеко от укрепленных поселений, часто рядом с источниками, в густо заселенных, особенно в раннем средневековье, местах. Вблизи Чилтер-кобы находится Сюреньская крепость, возникшая вероятно в раннем средневековье (Якобсон 1964, с.11; Воронин и др. 1979, с.313), а в ближайшей округе несколько раннесредневековых сельских поселений. Рядом с Успенским монастырем расположено городище Чуфут-кале и поселение Мариам-поль, датирующееся, очевидно, УШ-IX вв. (Романчук, 1980, с.82). Недалеко от пещерных монастырей в Инкермане находится крепость Каламита и несколько раннесредневековых сельских поселений. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и на других памятниках.

Но можно ли из этого сделать вывод о возникновении и пещерных монастырей в данный период? Естественно нет, так как связь их со скальными комплексами недоказуема. Пещерные монастыри могли возникнуть на месте более ранних поселений, или "пещерный этап" в жизни какого-то монастыря не был начальным.

Таким образом, убедительных археологических материалов, доказывающих раннесредневековое происхождение пещерных монастырей , нет. Все находки, полученные при исследовании собственно помещений или связанных с ними комплексов, датируются не ранее XI-XIII вв.

Большое значение для определения хронологии пещерных монастырей приобретает архитектурный анализ помещений, особенно храмов, который нашими оппонентами почему-то отвергается. Отметим, что датировка, например, малоазийских пещерных церквей производится, как правило, на основании искусствоведческого анализа фресок и архитектурного обследования помещений.

С этих позиций и попытаемся рассмотреть памятники, датируемые В.Ф.Филиппенко УШ-IX вв. Но сначала обратимся к аргументам в пользу иконопочитательской гипотезы.

Для доказательства своих выводов исследователь привлекает "Житие Иоанна Готского" в трактовке И.А.Баранова: восстание Иоанна Готского - демонстрация населения Готской епархии Вселенскому собору 787 г. "силы и единства иконопочитателей в Крыму" (с.2). Однако выглядят сомнительными такие факты: дата восстания - 787 г., существование Готской епархии при Иоанне Готском, большое число сторонников иконопочитательской линии, поддержавших Иоанна (Герцен, Могаричев 1991, с.120-121). Наоборот, попытка епископа поднять антихазарское восстание под иконопочитательскими лозунгами привело к тому, что он, "преследуемый собственным народом бежал в Амастриду" (Васильевский 1878, с.147).

Справедливо замечание В.Ф.Филиппенко о невозможности считать "церковно-монастырскую жизнь Готии периода иконоборчества как движение в одном направлении" (с.3). Мы отнюдь не считаем, что в горном Крыму в УШ–IX вв. жили только иконопочитатели или только иконоборцы, ведь в самой Византии они порой мирно сосуществовали (*Ahrweiler* 1977, p.27). Главное, на что мы обращаем внимание – отсутствие достоверных свидетельств о массовом бегстве иконопочитателей в Таврику (Могаричев 1992, с.89–94).

Выглядит неубедительной и попытка противопоставить иконоборческий Херсон и иконопочитательскую Таврику (с.3), особенно в отношении Инкермана. Можно спорить о степени подчинения Мангупа или Эски-кермена Херсону, но о вхождении Инкерманской долины в сферу его влияния сомневаться не приходится. Источники – Жития Иоанна Готского, Стефана Нового, Андрея Первозванного , Письма Феодора Студита и другие – недвусмысленно говорят о господстве в Таврике именно иконоборцев.

Вряд ли правомерно замечание В.Ф.Филиппенко о невозможности переноса примеров из жизни готских монастырей начала IX в. на весь период иконоборчества. Если даже в начале IX в. в Таврике практически отсутствовали традиции монастырской жизни, то о каком большом количестве монастырей и беглых иконопочитателей в УШ в. может идти речь?

Заканчивая рассмотрение источниковедческого анализа, проведенного В.Ф.Филиппенко, хочется указать на недопустимость привлечения в качестве доказательств материалов из коллекции А.С.Фирковича без специального изучения и экспертизы (с.9–I0) (хотя в данном случае автор делает это вслед за И.А.Барановым) (I990, с.I5I–I52). По мнению многих серьезных исследователей значительная ее часть, особенно что касается Крыма, была частично или полностью подделана (*Harkavy* I876; Лебедев I987; Чесноков I989, с.9–I8).

Теперь обратимся к археологическим данным, привлекаемым В.Ф.Филиппенко для обоснования массовой иммиграции в Крым беглых схимников. Фактически это повторение гипотезы О.И.Домбровского, Е.А.Паршиной и И.А.Баранова о связи с иконопочитателями части поселений Южного берега Крыма и особенно плитовых могильников.

Однако А.И.Айбабин, на наш взгляд, убедительно показал, что плитовые могилы появились в Южной Таврике уже во второй половине УП в. в связи с процессом христианизации. Хоронили в них представителей всех этнических групп (I990, с.69).

В монографии В.Л.Мыца "Укрепления Таврики X–XУ вв." представлен подробный анализ практически всех средневековых поселений Южного берега Крыма и выяснилось, что большинство из них, в том числе и часть датированных О.И.Домбровским и Е.А.Паршиной УШ–IX вв. (Домбровский I974; Домбровский, Паршина I973), относятся ко времени не ранее конца IX–X вв. (I99I, с.I40–I52).

Таким образом, убедительных археологических доказательств в пользу массовой иммиграции иконопочитателей в Крым нет. Это не означает, что нами полностью отрицается вообще какое-либо переселение в Крым выходцев из других областей Византии. Этот процесс, вероятно, происходил на протяжении всего периода средневековья, но говорить о всплеске его в период иконоборчества нет оснований.

Теперь непосредственно обратимся к скальным памятникам. Как уже отмечалось, большое значение для датировки культовых пещерных сооружений имеет архитектурный анализ, который показывает, что все, по крайней мере сохранившиеся пещерные церкви Крыма относятся ко времени не ранее XI–XП вв. (в отдельных случаях не исключен и X в.). Сторонниками иконопочитательской гипотезы предпринимались попытки обосновать более ранние даты.

Н.И.Репников (I932, с.209) и Е.В.Веймарн (I958, с.25–26) на основании археологического материала из усыпальниц и хронологии оборонительных сооружений датировали пещерные храмы в районе подъемной дороги Эски-кермена УШ–IX вв. А.И.Айбабин, детально проанализировав находки из усыпальниц, пришел к выводу, что храмы могли быть вырублены не ранее конца IX в. (I992, с.47). Учитывая археологическую ситуацию на городище и бесспорную связь храмов с зарождением и развитием городской жизни на плато Эски-кермена, более вероятная датировка их XI–XП вв., которой не противоречит и упомянутый археологический материал[I].

[I] Этому вопросу будет посвящена отдельная статья.

В.Ф.Филиппенко, ссылаясь на В.В.Латышева, датирует надпись из "храма с крещальней" в Инкермане 821 г. (с.7-8). Более того, им было выдвинуто оригинальное предположение об идентификации погребенного в храме Косьмы Афки с известным по херсонской печати ипатом и комитом Косьмой (с.8-11). Однако в данном предположении, на наш взгляд, слишком много допущений. Действительно, В.В.Латышев, возражая А.Л.Бертье-Делагарду, справедливо сомневался в датировке надписи 1821 г. (1896, с.41), но и по поводу ее датировки 821 г. недвусмысленно замечал: "Весь характер письма надписи ... препятствует отнести ее к столь отдаленному времени" (с.41). Ученый видит аналогии в написании фамилий и имен, встречающихся в надписи с именами из приписок XI-XУ вв. на полях Судакского синаксаря (с.42).

Рассмотренные обстоятельства хорошо согласуются с архитектурными особенностями памятника. Ко времени выхода в свет работы А.Л.Бертье-Делагарда (1886) храм частично был разрушен: сохранились, в основном, алтарная часть (1886, рис.10-12; Филиппенко рис.5; 6, 2). Ее решение довольно редкое для скальной архитектуры Крыма. Наиболее близкая датированная аналогия - пещерный храм XIУ-XУ вв. в монастыре, расположенном в южном обрыве плато Мангупа (Домбровский 1966, с.80) (Рис.1,1,2). Таким образом, выводы В.В.Латышева, А.Л.Бертье-Делагарда и наши не позволяют относить храм с крещальней к 821 г. Наиболее реальная дата - XIII-XIУ вв.

А.Л.Якобсон, доказывая иконопочитательское происхождение пещерных монастырей, находил всего две церкви, по его мнению возникшие в УШ-IX вв. (1964, с.50-52; 1970, с.178) - тепе-керменскую и базилику св.Климента (Георгия) в Инкермане.

Церковь Тепе-кермена была датирована на основании поперечного расположения нефа, характерного для раннесредневековой архитектуры Византийского Востока (Брунов 1935, с.459-465). Таких храмов в Крыму известно еще два: один находится в Инкермане (Бертье-Делагард 1886, с.225, рис.13; 14), другой (уже упоминавшийся) - в районе подъемной дороги Эски-кермена (Репников 1935, с.36, рис.11). Время его создания - вероятно XI-XП вв. (но не ранее конца IX в.). Пещерные церкви с поперечным расположением нефа, датирующиеся X-XI вв., известны и в Каппадокии (*Jerphanion* 1925, p*l*..28; *Rodley* 1985, p.152, 165, 216; *Epstein* 1986).

Тепе-керменская пещерная церковь - уникальный памятник, и ее архитектурному анализу должна быть посвящена отдельная работа. В настоящей статье хочется лишь отметить, что форма храма, характер расположения абсиды, другие детали находят аналогии в пещерных церквях XП-XIII вв. и более позднего времени.

Обратимся к монастырю в обрыве монастырской скалы и его самому замечательному памятнику - базилике св.Климента (Георгия) (Филиппенко рис.1,1; 2). Церковь длиной 10,6 м имеет одну абсиду и три нефа, разделенные тремя парами колонн с капителями. В конхе абсиды выделяется большой рельефный процветший крест с расширяющимися концами и примыкающими к ним маленькими крестами в круге. Потолки между нефами выполнены в форме полуциркульных сводов.

А.Л.Якобсон считает такой тип храма раннесредневековым (1964, с.51) и находит близкие аналогии среди пещерных церквей Каппадокии.

Необходимо отметить, что датировка ранним средневековьем только на основании базиличной формы не выдерживает критики. Базилика, как тип христианского зодчества, оставалась известной в Крыму на протяжении всего средневековья (Домбровский 1986, с.541; Бармина 1983, с.21-22). В византийских провинциях они часто строились и в XI-XП вв. (*Delvoye* 1967, p.232-233). Более того, в период развитого средневековья в скальной архитектуре вполне могли повторить определенный наземный храм построенный в УI-УП вв., если он имел какое-то важное для строителей значение.

Среди аналогий инкерманской базилике А.Л.Якобсон называет пещерные церкви Каппадокии -Айналы Килисе, и особенно близкое сходство он наблюдает с Безир Хане (1964, с.161, прим.125). Кроме того, исследователь находит еще одну пещерную церковь "очень схожую с базиликой в Каламите" в пещерном монастыре во Фракии (1964, с.51). Отметим, что Айналы Килисе датируется серединой-концом XI в. (*Rodley* 1985, p.63), "особенно близкая по форме" Безир-Хане - XI в. (*ibid*, p.33), упоминаемый пещерный монастырь во Фракии очевидно относится к XП в. (*Dirimtekin* 1967). В числе каппадокийских пещерных церквей известны и другие базилики XI в. (например, Селиме Килисе) (*Rodley* 1985, p.235). Таким образом, среди аналогий инкерманской базилике имеются только памятники XI-XП вв.

Весомым аргументом в пользу раннесредневекового происхождения базилики А.Л.Якобсон считал процветший крест в конхе абсиды (1964, с.51; Филиппенко рис.7) (Рис.I,3).

Действительно, обычно рельефное изображение креста в православных церквях связывают или с ранним временем, или очень поздним (конец ХУШ-XIX вв.). Против поздней датировки говорит следующее: крест в конхе абсиды мог быть сделан только одновременно с храмом (Бертье-Делагард 1886, с.210), следов перестроек в церкви нет. Ничего не известно о ремонтах церкви в конце ХУШ-XIX вв., за исключением проведенного в 1867 г. Д.Струковым, но крест тогда уже был. В 1634 г., во время посещения монастыря священником Иаковом, храм существовал в настоящем виде, а монастырь уже практически не действовал (Оболенский 1850, с.685-692).

Но можно ли на этом основании датировать церковь иконоборческим временем? Конечно, изображение креста в храме, особенно рельефного, довольно долго толковали как иконоборческий символ (*Epstein* 1977, p.104). А.Эрштейн, проанализировав так называемые классические иконоборческие церкви, довольно убедительно датировала их концом IX-началом X вв. (*ibid*, p.111). Ею было подчеркнуто, что кресты оставались заметными в украшении зданий Средней Византии и известны в провинциальных византийских церквях в X, XI и XII вв. (*ibid*, p.104). Таким образом, крест в пещерной церкви св.Георгия мог появиться в любой период средневековья.

Рассмотрим форму креста. На наш взгляд, А.Л.Бертье-Делагарду удалось убедительно доказать, что такая форма крестов появилась в XI в. и получила широкое распространение в ХШ-ХУ вв. (1886, с.211), что согласуется с его совершенно "новым" видом (вряд ли крест УШ-IX вв. мог так хорошо сохраниться). К периоду после XI в. относятся и другие типы крестов, изображенные в храме (там же, с.211-212).

Выскажем еще одно предположение. Действительно, изображение рельефного креста, особенно в абсиде, не получило широкого распространения в средне- и поздневизантийских церквях. Но подобные изображения широко известны в армянских. Отметим, что кресты, аналогичные инкерманскому, имеются на армянских памятниках XI-ХУ вв. (там же, с.211).

Представляется, что вышесказанное снимает многие противоречия и соединяет воедино позднюю форму церкви, позднюю форму креста и факт его изображения в конхе абсиды.

Конечно, маловероятно, чтобы храм св.Георгия первоначально принадлежал армянам, хотя последние проживали в инкерманских монастырях еще в ХУП в. (Оболенский 1850, с.689). Более реально, на наш взгляд, создание базилики армянским мастером, который соединил в ней черты провинциально-византийской и армянской архитектуры.

Попытаемся установить более точную дату возникновения церкви. Несомненно, что за нижнюю хронологическую границу надо принять XI в. Верхняя, по всей видимости, ограничивается 1475г., то есть временем захвата турками Крыма, после которого прекратилось крупное христианское церковное строительство на полуострове.

При рассмотрении монастыря в обрыве Монастырской скалы и его трех пещерных храмов (св.Климента (Георгия), Мартина и часовни) очевидно, что они составляют один комплекс и, по всей видимости, возникли на протяжении одного узкого хронологического этапа, хотя более ранняя, несомненно, церковь св.Георгия (Филиппенко рис.I,1).

Монастырь построен по одному плану, соединен с Каламитой и, вероятно, имел богатых ктиторов. Значительный объем скальных работ (один из самых больших пещерных храмов в Крыму), фресковая роспись, редко встречающаяся в пещерных церквях Таврики (кроме Инкермана, храмы Трех всадников, Донаторов и Успения на Эски-кермене, церковь в Шулдане, храм пещерного монастыря под южным обрывом Мангупа, церковь в Килисе-дере под Мангупом), требовали больших материальных затрат, которые могло себе позволить только лицо, стоящее во главе относительно сильного государственного образования, или само государство. Непосредственная связь монастыря с Каламитой наводит на мысль, что таким лицом скорее всего был один из правителей Феодоро. Таким образом, храм св.Георгия и весь монастырь можно датировать XIУ-ХУ вв., на чем и настаивали А.Л.Бертье-Делагард (1886, с.214), И.Толстой и Н.Кондаков (1891, с.28). Эту дату подтверждает и наличие внутреннего архитектурного декора в церкви, который совершенно отсутствует в пещерных храмах XI-XII вв.

(например, на Эски-кермене), но имеется в памятниках времени Феодоро (упомянутая мангупская церковь).

В связи с вышеизложенным не такой уж маловероятной представляется гипотеза А.Л.Бертье-Делагарда, что за образец для инкерманской базилики был взят главный храм княжества - мангупская базилика (с.212).

Возрождение правителями Феодоро Каламиты, как символа мощи государства и выхода к морю, требовало отражения этого факта в церковной архитектуре: основании нового храма или монастыря. Таким монастырем, по-видимому, и стал комплекс в монастырской скале.

Очевидно, что упомянутый монастырь не был первым христианским скальным памятником в Инкермане. В храме св.Евграфия известна надпись 1272 г. (Латышев 1896, с.37-40; 1897, с.150-151). Степень сохранности и архитектурные особенности ряда церквей также позволяют говорить о более ранней их датировке. По нашим наблюдениям, первые пещерные церкви здесь появляются, вероятно, в X-XI вв., и основаны они были, скорее всего, выходцами из Херсона. Однако для окончательного выяснения данного вопроса необходимы дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.- Симферополь: Таврия, 1990.- Вып.1.

Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии.- Симферополь: Таврия, 1991.- Вып.2.

Бабенчиков В.П. Пещерный комплекс Шулдана //ИГАИМК.- Л., 1935.- Вып.117.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья.- Киев: Наук.думка, 1990.

Бармина Н.И. Историческое место мангупской базилики в христианской архитектуре Таврики: Автореф.дис. ... канд. ист. наук.- М., 1983.

Беляев С.А., Бушенков В.А. Исследования пещерного комплекса Чилтера в 1973-1981 гг.// ВВ.- 1986.- № 46.

Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма// ЗООИД.- Одесса, 1886.- Т.14.

Брунов Н.И. Византийская архитектура// Очерки по истории архитектуры.- М.: Л., 1935.- Т.2.

Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского //ЖМНП.- Спб., 1878.- Ч. СХСУ.- Январь.

Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции)// История и археология средневекового Крыма.- М., 1958.

Веймарн Е.В., Лобода И.И., Герцен А.Г., Чореф М.Я. Отчет о работе Мангупского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР// Архив БГИКЗ.- Д.32.

Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии.- Тбилиси: Мецниереба, 1978.- № 7.

Воронин Ю.С., Даниленко В.Н., Кутайсов В.А., Михайловский Е., Мыц В.Л., Петрова Э.Б. Работы в Бахчисарайском районе// АО 1978 г.- М., 1979.

Воронин Ю.С., Даниленко В.Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма// Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, 1992.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.- Симферополь: Таврия, 1990.- Вып.1.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени возникновения пещерных монастырей Крыма// Проблемы археологии Северного Причерноморья: Тез.докл.- Херсон, 1990.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике// Материалы по истории археологии и этнографии Таврии.- Симферополь: Таврия, 1991.- Вып.2.

Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма.- Киев: Наук. думка, 1966.

Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" Крымского Южнобережья// Феодальная Таврика.- Киев: Наукова думка, 1974.

Домбровский О.И. Средневековый Херсонес// Археология Украинской ССР.- Киев: Наук.думка, 1986.- Т.3.

Домбровский О.И., Паршина Е.А. Опыт хронологизации средневековых памятников на территории Крымского Южнобережья// АДСВ.- Свердловск, 1973.- Вып.10.

Латышев Б.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России.- Спб., 1896.

Латышев В.В. Заметки к христианским надписям из Крыма// ЗООИД.- Одесса, 1897.- Т.20.

Лебедев В.В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А.С.Фирковича// Палестинский сборник.- Л., 1987.- Вып. 29(92).

Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ юго-западного Крыма// Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, 1992.

Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XУ вв.- Киев: Наук. думка, 1991.

Оболенский М. Сказания священника Иакова// ЗООИД.- Одесса, 1850.- Т.2.- Отд. II-III.

Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена// ИГАИМК.- 1932.- Т.XП.- Вып.1-8.

Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена// ИГАИМК.- 1935.- Вып. 117.

Романчук А.И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции// Античный и средневековый город.- Свердловск, 1990.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства.- Спб., 1891.- Вып.4.

Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука в России 60-70 годов XIX века.- Воронеж, 1989.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым.- М.: Л.: Наука, 1964.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики.- МИА.- 1970.- № 168.

Ahrweiler H. The Geography of the iconoclast world// Iconoclasm.- Birmingham, 1977.

Delvoye C. L'architecture byzantine au XIe siecle// Proceedings of the XIIIth international congress of Byzantine studies.- London, 1967.

Dirimtekin T. Les monasteres et les Eglises Rupestres dans la region d'incegiz// Turk arkeoloji dergisi.- Ancara, 1957.- T. VII.

Epstein A.W. The 'iconoclast' churches of Cappadocia// Iconoclasm.- Birmingham, 1977.

Epstein A.W. Tokali Kilise. Tenth-centry metropolitan art in Byzantine Cappadocia.- Washington, 1986.

Harkavy A.J. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abram Firkowitsch// Memories de L'Academie Imperiale des Sciences.- St. Petersburg, 1876.- s.VII. - T.XXIV. - N.1.

Jerphanion G. Nouvelle province de L'art Byzantin. Les eglises rupestres de Cappadoce.- Paris, 1925.- Alb. 1.

Rodley L. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia.- London, 1985.

А.В.Белый

ФЕНОМЕН ТРАНСУРБАНИЗАЦИИ В ТАВРИКЕ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

На заре становления феодального византийского города практически на всей территории империи распространилось необычное явление движения городов (Медведев 1969, с.79-90). В период с УП по IX в. многие, как правило, возникшие в предшествующую историческую эпоху старые городские центры перемещаются на другое место, часто отстоящее от прежнего на расстояние не более нескольких километров. Учитывая массовый характер, И.П.Медведев назвал это явление феноменом трансурбанизации.

Большинство исследователей объясняли перемещение городов соображениями безопасности или военными нуждами. Чаще же всего оно являлось результатом не одной, а комплекса причин. По мнению Д.Закифиноса, переселение на новое место могло быть продиктовано не только военно-политическими и административными целями, но и такими факторами, как упадок старого города, исчерпавшего возможности дальнейшего развития, создание или перенесение резиденции епископа, изменение в направлении торговых путей и другими (там же, с.82-83).

И.П.Медведев рассматривает данное явление с точки зрения внутреннего социально-экономического развития института города при переходе от античности к средневековью. В этот период происходит разрушение традиционной структуры позднеантичного

полиса и появляется типичный для всей последующей истории Византии город-крепость. Путем пространственного и топографического перемещения закладывалась новая социальная структура будущего феодального города.

Следует отметить, что аналогичный факт движения городов имел место в большинстве стран средневековья, в том числе и на Руси (Дубов 1983, с.70-82). В отечественной историографии перенос городов рассматривается как сложное социально-экономическое и политическое явление, проявившееся в процессе феодализации древнерусского общества. В условиях безсинтезного перехода восточных славян к феодализму новые города возникают в противовес старым племенным центрам (протогородам), что, очевидно, в подобной форме происходило и у других варварских народов.

В свете изложенного можно предположить, что широко распространившееся "бродяжничество" городов должно было затронуть и территорию Таврики.

Основным источником для изучения проблемы генезиса и становления средневековых городов Крыма служат материалы археологических раскопок. Наиболее яркие памятники средневековья сосредоточены в юго-западной части полуострова: это преемник античного Херсонеса византийский Херсон и являющиеся непосредственным объектом нашего внимания так называемые "пещерные города".

Они протянулись цепочкой на северо-восток от Севастополя и, не выходя за пределы Внутренней Крымской гряды, сравнительно компактными группами сконцентрированы в бассейнах рек Черной, Бельбека, Качи и Бодрака. Е.В.Веймарн, длительное время занимавшийся "пещерными городами" Юго-Западного Крыма, установил, что возникают они неодновременно и различаются типологически. Четыре наиболее крупных городища, имеющие близкую структуру внутренней планировки,- Эски-кермен, Мангуп, Кыз-кермен и Чуфут-кале - отнесены к категории средневековых городов (Веймарн 1958, с.71-79). В их расположении Е.В.Веймарн отмечает любопытную особенность. Они размещены как бы попарно: к юго-западу от реки Бельбек - Эски-кермен и Мангуп, в бассейне реки Качи - Кыз-кермен и Чуфут-кале. По его мнению, приуроченные к древним путям сообщения и расположенные поблизости друг отдруга

большие средневековые городища не могли возникнуть и существовать одновременно. Согласно предложенной хронологической последовательности, на подступах к Херсонесу, со стороны степей, Мангупу предшествовал Эски-Кермен, а Чуфут-Кале, как укрепленный населенный пункт на оживленном перекрестке дорог из степей в Херсонес и на Южный берег Крыма появился после гибели соседнего и более раннего Кыз-кермена (Веймарн 1968, с.71-79).

Зададимся вопросом: а не является ли сформулированный Е.В.Веймарном принцип последовательности в возникновении средневековых городов-крепостей Юго-Западного Крыма проявлением более широкого, охватившего Византию и ее провинции, процесса трансурбанизации? В поисках ответа рассмотрим хронологическую пару Кыз-кермен - Чуфут-кале, при исследовании которых получен достаточный фактический материал для наполнения во многом схематических построений Е.В.Веймарна конкретным историческим содержанием.

Оба городища-укрепления мысового типа, расположенные на плато обрывистых отрогов Внутренней гряды. Они близки по величине и планировке, что облегчает их сопоставление и помогает проследить эволюцию развития.

Археологические раскопки, проведенные на Кыз-Кермене в 1961-1962 гг. (Якобсон 1970, с.103-110, 152-154) и в 1980-1985 гг. (Белый 1981, с.229-230; 1983, с.242; 1984, с.243; 1985, с.259-260; 1986, с.213; 1987, с.304-305) дают отчетливое представление о его хронологии и архитектурно-планировочной структуре.

Древнейшее укрепление на перешейке мыса появилось еще в античную эпоху (Белый 1988, с.233-236). Остатки оборонительных стен эллинистического времени и рубежа нашей эры перекрыты средневековой крепостной оградой. Последовательное возникновение защитных сооружений Кыз-кермена в эллинистическую, раннеримскую и средневековую эпохи объясняется не только природной неприступностью выбранного места, но и стратегическим расположением городища на перекрестке древних сухопутных дорог из степей в Херсонес и на Южный берег Крыма.

Прилегающая к крепостной стене жилая территория занята обширными огражденными усадьбами, состоящими из большого двора

и нескольких каменных построек. Единовременно сложившийся комплекс жилых и оборонительных сооружений датируется УШ-IX вв. Незаселенная, резервная часть городища, очевидно, служила убежищем.

Чрезвычайно важное значение для понимания типолого-функционального назначения памятника имеет открытие в 1985 г. большой многокамерной постройки, топографически доминирующей в планировке поселения. Усложненность архитектурной формы, в частности, устройство галерей, что является отличительным атрибутом дворцовых сооружений[1], а также ассортимент находок дают основание для ее интерпретации как дома правителя (Белый, 1987, с.304-305). Появление такого главного сооружения (замка, кремля или дворца правителя), служившего центром притяжения общественной жизни, считается характерным сопутствующим признаком зарождающегося города (Бархин 1986, с.20, 155).

Другое естественное следствие образования города - вынужденная ограниченность внутреннего пространства, регламентирующая построение городской структуры. До достижения предельно допустимой плотности застройки и заселенности ее формирование происходило в жестких рамках созданного укрепления. Как уже говорилось, на Кыз-кермене сложилась двухчастная структура внутренней планировки (зона жилой застройки и территория убежища).

Благодаря сочетанию целого ряда факторов (расположение на перекрестке дорог, удобный подъезд, естественная неприступность и надежность обороны, солидный резерв защищенной территории, близость источников воды), поселение раннегородского типа на плато Кыз-кермена обладало значительными потенциальными возможностями для дальнейшего развития. Однако несмотря на это, не позднее середины - конца IX в. оно прекращает свое существование.

Данные археологических раскопок не позволяют считать причиной гибели городища событие военного характера или возможное изменение природно-климатических условий. По нашему мнению, оставление жителями такого хорошо укрепленного и обжитого места как Кыз-Кермен связано с изменением политической ситуации в Таврике во второй половине IX в. (Якобсон 1964, с.35).

[1] Ближайшая аналогия - жилой дворец в Плиске (Краткая история, 1969, с.74-75, рис.61).

Происшедшие перемены были вызваны новой расстановкой политических сил в Северном Причерноморье и, прежде всего, ослаблением Хазарского каганата, территория которого значительно сократилась.

Воспользовавшись трудным положением хазар, Византия усиливает свое влияние в Таврике, пытаясь укрепиться в этом стратегически важном для нее районе. Система византийских опорных пунктов с контролируемой ими территорией и путями сообщения, которая начала складываться здесь еще при Юстиниане I, получила официальное политическое оформление в результате учреждения в 834 г. фемы Климатов, преобразованной позднее в фему Херсона (Якобсон 1964, с.35, 53-56; Соколова 1973, с.211; Анохин 1977, с.110-124).

Стремление Византии упрочить свои позиции в Таврике, совпавшее с возрастающей печенежской активностью, могло привести не только к дополнительному усилению боевых стен существовавших к тому времени крепостей Юго-Западного Крыма и прежде всего самого Херсона (Антонова 1990, с.22-23), но и, что вполне вероятно, вызвать передислокацию отдельных укреплений в соответствии со сложившейся тогда обстановкой.

В изменившихся условиях, при постоянно сохраняющейся угрозе нападений кочевников, городище Кыз-кермен, расположенное в глубине горной части Качинской долины, утрачивает свое прежнее стратегическое значение, и в рамках новой организации края устроенная значительно севернее крепость Чуфут-кале получала возможность для более эффективного контроля над окрестной территорией, а также прилегающими с севера степными районами. Таким образом, вместо покинутого Кыз-Кермена, на стыке древних транспортных коммуникаций из степей в Херсонес и на Южный берег Крыма сооружается крепость Чуфут-кале, просуществовавшая с IX (Белый 1990, с.205-210) до середины XIX в.

В облике этого города-крепости наблюдается преемственность в развитии градостроительных тенденций, не реализовавшихся на Кыз-Кермене. У главного входа первоначального укрепления располагались жилые кварталы "старого" города, за которыми находилось свободное от построек пространство (Бурунчак). Когда количество населения и плотность застройки достигли предельно допустимой нормы, перед "средней" оборонительной сте-

ной выраstает посад "нового" города, для защиты которого возводится восточная крепостная стена. Секториальная планировка Чуфут-кале, обусловленная территориальными ограничениями мысового расположения, является частным случаем концентрически-кольцевой структуры развития города.

Рассматривая последовательное функционирование Кыз-кермена и Чуфут-кале как пример феномена трансурбанизации на территории Юго-Западного Крыма, сформулируем причины и остановимся на особенностях его проявления в Таврике.

В контексте сопровождавших организацию фемы мероприятий по повышению обороноспособности Херсона и его округи можно назвать два основных взаимодействующих фактора, определивших перемещение города на новое место: административно-политический и военно-стратегический. Однако едва ли было бы правильным расценивать появление Чуфут-кале только как результат односторонней стратегической акции правительства Византии. Военная угроза, нависшая со стороны степей, скорее указывает на совпадение интересов местного населения и византийской администрации в этом регионе во второй половине IX в.

Распространение на Таврику административно-политического устройства Византии нарушило, но не остановило процесс возникновения местных городов. Соответственно обстановке, вместо прекратившего существование городища Кыз-кермен, сооружается унаследовавшее его прежние функции новое укрепление - Чуфут-кале. Со временем на основе этой византийской крепости формируется настоящий феодальный город, в архитектурно-планировочной структуре которого получает завершение градостроительная эволюция, начавшаяся на Кыз-кермене.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса.- Киев: Наук.думка, 1977.

Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) //Византия и сопредельный мир.-Свердловск: Уральский государственный университет, 1990.

Бархин М.Г. Город. Структура и композиция.- М.: Наука, 1986.

Белый А.В. Работы Бахчисарайского музея //АО 1980.- М., 1981.

Белый А.В. Раскопки на городище Кыз-Кермен // АО 1981.- М., 1983.

Белый А.В. Раскопки на городище Кыз-Кермен // АО 1982.- М., 1984.

Белый А.В. Раскопки усадьбы УШ-IX вв. на городище Кыз-Кермен // АО 1983.- М., 1985.

Белый А.В. Раскопки городища Кыз-Кермен // АО 1984.- М., 1986.

Белый А.В. Раскопки на городище Кыз-Кермен //АО 1985.- М., 1987.

Белый А.В. О датировке ранних строительных периодов оборонительной стены Кыз-Кермена //Тезисы докладов Крымской научной конференции "Проблемы античной культуры".- Симферополь, 1988.- Ч.Ш.

Белый А.В. К вопросу о датировке "средней" оборонительной стены Чуфут-кале //ВВ.- 1990.- № 51.

Веймарн Е.В. "Пещерные города" Крыма в свете археологических исследований 1954-1955 гг. //СА.- 1958.- № I.

Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма.- Киев: Наук.думка, 1968.

Дубов И.В. К проблеме "переноса" городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России.- Л.: Наука, 1983.

Краткая история болгарской архитектуры.- София, 1969.

Медведев И.П. Феномен трансурбанизации и его роль в становлении феодального византийского города //АДСВ.- Свердловск: Уральский государственный университет, 1969.- Вып.6.

Соколова И.В. Администрация Херсона в IX-XI вв. по данным сфрагистики //АДСВ.- Свердловск: Уральский государственный университет, 1973.- Вып.10.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым.- М.: Л.: Наука, 1964.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики //МИА.- 1970.- № 168.

А.Г.Герцен, Ю.М.Могаричев

ТРАНСУРБАНИЗАЦИЯ ИЛИ ТРАНСПЛАНТАЦИЯ?

Проблема зарождения и развития средневековых городов в Таврике требует серьезного внимания. Недостаточность публикаций, посвященных фактическому материалу и теоретическим разработкам, приводит к попыткам решать ее путем прямого проецирования на Крым явлений, отмеченных на территории развитых областей Византии.

В помещенной в настоящем сборнике статье А.В.Белого выдвигается гипотеза о существовании в раннесредневековой Таврике эффекта так называемой "трансурбанизации", то есть перемещения городов в пространстве со старого на новое место. В Византии это явление было связано с превращением античных городских поселений в средневековые феодальные города.

В медиевистику данное понятие ввел Д.Закифинос, попытавшийся в докладе на XI международном византиноведческом конгрессе в Мюнхене (1961 г.) определить различные варианты трансформации городов. Затем эту мысль развил И.П.Медведев, приведя ряд новых примеров в ее поддержку. Однако он в полной мере осознавал "сугубо гипотетический характер" данного положения (1966, с.85).

Теоретическая основа статьи А.В.Белого состоит из этой гипотезы и другой, о том, что в средневековой Таврике существовали и другие города, помимо Херсона: Эски-кермен, Мангуп, Кыз-кермен, Чуфут-кале. Автор последней гипотезы Е.В.Веймарн (1958) предполагал, что на определенном этапе, в X-XI вв., происходило угасание одного и возникновение по соседству с ним другого поселения. Так Мангуп наследовал Эски-кермену, а Чуфут-кале Кыз-кермену.

Слабая обоснованность данного положения, принятого А.В.Белым в качестве постулата, была показана в статье, посвященной вопросу о дате средней оборонительной стены Чуфут-кале. Можно констатировать, что в свете современных археологических исследований данных о такой преемственности, по крайней мере для раннего средневековья, нет (Герцен, Могаричев 1992).

Нет оснований видеть в этих городищах, по крайней мере на

раннем этапе их существоавния, поселения городского типа.

Конечно, заимствование цельных в методическом отношении идей вполне оправдано и распространено в практике научных исследований. Однако в данном случае гипотетическая конструкция примеряется к еще более гипотетическому исходному положению о том, что на рубеже античной и средневековой эпох горная Юго-Западная Таврика была чуть ли не "страной городов". Это при том, что с полным основанием здесь можно указать только одно поселение действительно городского типа - Херсон. Что касается так называемых "пещерных городов", то вопрос об их типологизации к сожалению остается в состоянии лишь постановки проблемы, как и в конце 50-60-х гг., когда появились первые публикации на эту тему (Веймарн 1958; Талис 1969).

Тем не менее очевидно, что в раннесредневековой Таврике отнюдь не было тесно городам. Если в Малой Азии и на Балканах античная застройка в ряде случаев не позволяла развиваться поселению с новой социальной и хозяйственной структурами, то в глубине Таврики места для этого было сколько угодно. В районе, где отмечается наибольшая густота средневековых памятников (так называемое юго-западное нагорье), неизвестно ни одного укрепленного поселения античной эпохи, которое имело бы городской характер.

Перенаселенность или густота застройки никак не могли помешать развитию города на плато Кыз-кермена, где А.В.Белый проводит раскопки. Здесь выявлены остатки не более десятка усадеб сельского типа, большую же часть плато занимал пустырь.

Нет также оснований сколько-нибудь обоснованно говорить о "переезде" Кыз-кермекского поселения на плато Чуфут-кале, где заметная застройка появилась не ранее XIУ в. (Герцен, Могаричев 1992). Заметим, что с этого времени в Юго-Западной Таврике существует еще один город - столица княжества Феодоро - Мангуп, появившийся в пределах ранневизантийской крепости. Что касается Эски-керменского и Баклинского городищ, то процесс урбанизации прослеживается здесь с IX-X вв. В конце XIII в. он был прерван разгромным походом на Крым эмира Ногая.

Итак, нет каких-либо реальных оснований для переноса на Таврику трансурбанизационного подхода. Он требует слишком много допущений, оторванных от реальной исторической ситуации.

В то же время, статья А.В.Белого полезна как иллюстрация кризиса теоретических изысканий в крымской медиевистике по проблеме перехода от античности к средневековью. Заимствование существующих в историографии подходов вступает в острое противоречие с накопленным к настоящему времени фактическим материалом, который отторгает "трансплантацию" хотя и эффектной, но органически не совместимой с ним идеи.

ЛИТЕРАТУРА

Веймарн Е.В. "Пещерные города" Крыма в свете археологических исследований 1954-55 гг.// СА.- 1958.- № 1.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале// Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, 1992.

Медведев И.П. Феномен трансурбанизации и его роль в становлении феодального византийского города// АДСВ.- 1969.- Вып. 6.

Талис Д.Л. О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма// Экспедиции ГИМ.- М., 1969.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ю.М.Могаричев

НАУЧНЫЙ АРХИВ Е.В.ВЕЙМАРНА В БАХЧИСАРАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

В Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике хранится научный архив известного археолога, исследователя крымских древностей Евгения Владимировича Веймарна (1905-1990)[1].

[1] Подробно биография и научная деятельность Е.В.Веймарна рассматривалась в специальных статьях И.С.Пиоро (1990) и А.Г.Герцена (1992).

Архив в количестве 95 дел передавался Бахчисарайскому музею (впоследствии заповеднику) в течение 1979-1987 гг.: в 1979 г. - 51 единица, 1980 - 21 единица, 1987 - 22 единицы.

Материалы архива отражают без исключения все направления научной деятельности ученого, но, естественно, наиболее полно представлены те памятники, которые исследовал сам Евгений Владимирович - Эски-кермен, Мангуп, Чуфут-кале, Каламита, Скалистинский могильник, Чернореченский могильник и др.

Условно архив можно разделить на следующие группы: материалы по "пещерным городам", позднеантичным и средневековым могильникам, исследованных автором, археологическая карта Крыма, неизданные работы и варианты опубликованных, разное.

Материалы по "пещерным городам" Крыма составляют большую часть собрания: лучше других представлены Эски-кермен, Чуфут-кале, Мангуп, Каламита.

Эски-керменская коллекция составляет 12 единиц хранения (Д.15/1 - 15/11; 5). Больше места в архиве занимают памятники, изучением которых Е.В.Веймарн занимался непосредственно - оборонительная система городища (Д.15/2 - 15/3) (1958), жилые усадьбы (Д.15/6; 15/7; 5) (1982), пещерные сооружения (Д.15/4 -15/5, 15/8-15/9). Особую ценность представляют материалы по изучению эски-керменских искусственных пещер, собранные в 20-х гг. Севастопольским музеем краеведения. Весь архив музея погиб во время Великой Отечественной войны (Веймарн 1982, с.88), но часть его (в копиях) была сохранена Евгением Владимировичем и передана Бахчисарайскому заповеднику (Д.15/8-15/9).

Отдельные тома посвящены эски-керменскому некрополю (Д. 15/10), базилике (Д.15/4), окрестностям городища (Д.15/11).

Материалы эски-керменского раздела составляют планы, рисунки, фотографии памятников, сделанные как самим ученым, так и другими исследователями. Значительную ценность представляют выписки из археологических отчетов, полевых дневников Н.И.Репникова, других членов эски-керменской экспедиции 20-30-х гг., книг и статей авторов XIX-XX вв.

Материалы по Мангупу состоят из 9 единиц хранения (Д.15/12 -15/20). Условно их можно разделить на две группы. I. Общие материалы (Д.15/12-15/13). Здесь представлены выписки из археологических отчетов, копии статей различных авторов, науч-

ная переписка по поводу реставрации памятников городища, газетные публикации, планы, фотоснимки, общие виды Мангупа.
2. Картотека (Д.I5/I4-I5/20) - своеобразная археологическая карта, в которой собраны архивные данные, гравюры, литографии, фотографии XIX-XX вв., выписки из статей, археологических отчетов, описаний путешественников XVШ - начала XX вв. по всем памятникам городища.

Особенно ценны фотографии и чертежи, скопированные с публикаций и архивных материалов исследователей Мангупа XIX-начала XX вв. - Ф.А.Брауна и Р.Х.Лепера.

Широко представлены также материалы археологических исследований городища, проведенных под руководством самого Евгения Владимировича, как опубликованные (I953, I974), так и хранящиеся в архивах.

Материалы по Чуфут-кале составляют 7 единиц хранения (Д.I5/2I-I5/25, I5/3I-I-I5/3I-2). Дело I5/2I - общие материалы по истории городища: фотографии, планы, выписки из работ А.Л.Бертье-Делагарда, научная переписка. Дело I5/22 посвящено оборонительным сооружениям Чуфут-кале. В него вошли материалы археологических исследований I956-I959 гг., различные планы, фотографии, реконструкции Средней и Восточной оборонительных стен. В деле I5/23 можно найти данные о различных постройках, сохранившихся на плато - мавзолее Джанике-ханым, мечети, кенассам, дому А.С.Фирковича, а также остаткам усадеб. В деле I5/24 находятся материалы о раскопках I956-I959 гг. и сведения о некрополе в Иосафатовой долине. В деле I5/25 сосредоточены графические материалы исследований Средней оборонительной стены I956-I958 гг. Могильнику, расположенному в балке Майрам-дере под юго-западным обрывом плато Чуфут-кале, посвящены дела I5/33-I и I5/33-2. Здесь сосредоточены выписки из археологических отчетов В.В.Кропоткина, рисунки и фотографии находок, планы погребальных сооружений.

Крепости Каламита и ее округе посвящены материалы дел I5/29-I5/32. Здесь представлены фото и графические материалы, выписки из работ различных исследователей, посвященные Каламите, ее слободе, пещерному монастырю в Монастырской скале. Особо ценны материалы археологических исследований крепости и ее округи, проведенных под руководством Е.В.Веймарна.

Данные по другим пещерным городам в архиве представлены в незначительном объеме (Д.I5/26-I5/28, I5/66-I5/67). Стоит отметить собранные Евгением Владимировичем материалы по Качи-кальену, которому он совместно с М.Я.Чорефом посвятил книжку (I976), и монастырю Чилтер-Мармаре, обмеры которого были сделаны в период работы эски-керменской экспедиции I93I-I933 гг. и опубликованы Е.В.Веймарном и М.Я.Чорефом в I978 г. (I978).

Особый раздел архива составляют материалы раскопок позднеантичных и раннесредневековых могильников, в исследовании которых принимал участие Евгений Владимирович: у высоты Сахарная головка (Д.I5/6I, I5/62), Инкерманского (Д.I5/5I-I5/53), Чернореченского (I5/60), Скалистинского (Д.I2-I4,I9). Здесь представлены выписки из полевых дневников, археологических отчетов, фотографии, графические материалы, часть которых не вошла в отчеты.

Очень интересный и познавательный раздел - материалы к археологической карте (Д.I5/42-I5/50, I5/68-I5/72), в котором можно найти данные о многих памятниках Крыма. Но, естественно, (это соответствует научным интересам Е.В.Веймарна) больше всего сведений собрано по Бахчисарайскому району (Д.I5/42-I5/44, I5/68, I5/70, I5/7I), округе Севастополя (Д.I5/45, I5/69), Южному берегу Крыма (I5/46, I5/72) и Симферопольскому району (Д.I5/47).

Особый и очень ценный раздел составляют тома, содержащие варианты уже опубликованных исследований и наброски незавершенных работ ученого. Много интересного, хоть и не бесспорного, содержится в незавершенной монографии Е.В.Веймарна и М.Я.Чорефа "Пещерные города Крыма" (Д.4). Здесь достаточно полно отражены представления авторов о процессе создания внутрискальных памятников и городища Эски-кермен (Могаричев I992, с.30,44).

Крайне интересными для исследователей представляются неопубликованные статьи Евгения Владимировича "Средневековые памятники долины реки Качи" и "К вопросу о времени становления христианства в Юго-Западном Крыму".

В материалах архива содержатся и материалы, собранные к монографии "Мангуп. Очерк истории княжества Феодоро" (Д.I0).

Особый интерес представляют рукописные варианты готовящей-

ся к изданию монографии Е.В.Веймарна и А.И.Айбабина "Скалистинский могильник" (Д.I5-I8).

Исследователям небезинтересно и полезно будет ознакомиться с ранними, неизданными монографиями Евгения Владимировича - "Аборигенные культуры Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья" и "Предварительная сводка материалов по истории военно-инженерного дела в Крымской АССР" (Д.I5/35), а также рядом других работ (Д.I5/54-I5/57).

Много ценного можно почерпнуть при ознакомлении с первоначальными вариантами различных опубликованных работ Е.В.Веймарна, часть которых не по вине автора была сокращена при издании, например, первоначальный вариант книги "Корабль на Каче" (Д.9) и другие.

В раздел "разное" мы отнесли не менее ценные материалы по различным проблемам истории и археологии Крыма. Например, собрание различных карт полуострова и отдельных его частей (Д. I5/4I, 6), выписки из опубликованных работ и архивных материалов по различным проблемам крымской медиевистики (Д.II, I5/34, I5/38), материалы создания экспозиции музея пещерных городов в I940 и I949 гг. (Д.I5/63), вырезки из газет I949-I979 гг. (Д.I5/64-I5/65), материалы Международного симпозиума "Проблемы методики, охраны и реставрации пещерных ансамблей" (Ереван-Тбилиси I982) (Д.I).

В заключение отметим, что в данной публикации даны лишь наиболее общие представления о материалах из архива Е.В.Веймарна. Учитывая, что большинство из них не утратили своего научного значения до сих пор, мы в дальнейшем намерены продолжить начатую работу (Веймарн I992) по их изданию.

ЛИТЕРАТУРА

Веймарн Е.В. Разведки оборонительных стен и некрополя// МИА.- М., I953.- № 34.

Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции)// История и археология средневекового Крыма.- М., I958.

Веймарн Е.В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища// Византия и ее провинции.- Свердловск, I982.

Веймарн Е.В. "Пещерные города" Крыма// Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, I992.

Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро// Феодальная Таврика.- Киев, I974.

Веймарн Е.В., Чореф М.Я. "Корабль на Каче.- Симферополь: Таврия, I976.

Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму// Пещеры Грузии.- Тбилиси: Мецниереба, I978.- № 7.

Герцен А.Г. Вступление// Проблемы истории "Пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, I992.

Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма// Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, I992.

Пиоро И.С. Складна доля археолога// АрхеологIя.- I990.- № 4.

О.Б.Белый

НАУЧНЫЙ АРХИВ Л.И.КАЯ В БАХЧИСАРАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

Лев Исаакович Кая - сын известного крымчакского просветителя, краеведа и этнографа И.С.Кая - большую часть своей жизни посвятил поиску и сбору материалов по истории Крыма и этнографии народов, его населяющих. Он родился в I9I2 г. в Симферополе. Получил техническое образование (окончил Ленинградский химико-технологический институт). Период с I942 по I95I г. Л.И.Кая провел в лагерях ГУЛАГа,будучи осужден тройкой ОСО "за контрреволюционную агитацию" без предъявления обвинения. После освобождения Л.И.Кая жил на Северном Кавказе, а в I953-54 гг. переселяется в Симферополь, где и проводит оставшиеся годы жизни.

Вскоре после смерти И.С.Кая (I956 г.) Лев Исаакович начинает интересоваться занятиями отца, его архивом и т.д. В ре-

зультате он и сам заинтересовался доселе ему неизвестной областью человеческого знания. И если первоначально Лев Исаакович проявлял интерес, в основном, к истории своего родного народа - крымчаков, то впоследствии его научные интересы значительно расширились и включили многие отрасли исторического крымоведения.

Основной комплекс проблем, его интересовавших, был связан с восточно-европейскими караимами (крымскими, литовскими, польскими, западноукраинскими и т.д.). Значительная часть материалов его архива посвящена этой тематике. Но привлекали также Льва Исааковича и другие проблемы, в частности, события последней войны - трагической судьбы крымчаков и евреев в Крыму, фактически полностью уничтоженных фашистами.

Научными изысканиями Лев Исаакович занимался до самой смерти (30 сентября 1988 г.).

В мае-июне 1992 г. в Бахчисарайский историко-культурный заповедник поступила на хранение значительная часть научного архива Л.И.Кая. У этого собрания нелегкая судьба. Лев Исаакович собирал свой архив по крупинкам годами, и к концу его жизни это было прекрасное собрание, отлично систематизированное и разобранное, включающее в себя самые разнообразные группы документов. Автор настоящего очерка в последние годы жизни исследователя имел возможность познакомиться с его научным архивом. Особый интерес представляли копии архивных документов, которые Лев Исаакович сделал во время работы с собраниями дел Таврического караимского духовного правления (ЦГАРК), а также с архивами Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Немало было собрано различных раритетов, рукописных работ. Обширна была переписка Льва Исааковича.

К сожалению, вскоре после смерти жены Анны Федоровны (скончалась в январе 1988 г.) значительная часть архива, включающая большинство архивных документов, многие рукописные работы (И.Синани, М.Э.Хафуза и др.), литературные раритеты (в частности подшивки журналов "Караимская жизнь"- М., 1911-1912 гг., "Известия Одесского и Таврического караимского духовного правления", редкие книги и т.д.), каталог литературы и архивных документов и многое другое оказались за пределами страны. Систематика архива была нарушена, новые поступления прекратились.

Впоследствии Лев Исаакович не раз высказывал сожаление о случившемся.

После смерти Л.И.Кая его архив, прежде чем попасть в БГИКЗ, сменил нескольких хранителей, что сказалось на его состоянии. Практически на нет сведена его систематика, многое утрачено, папки смешаны и разрознены.

В настоящее время в архиве выделяется несколько групп хранения.

Первую группу представляют рукописные работы самого Льва Исааковича Кая. Нужно отметить цикл из трех работ, объединенных общим подзаголовком - "Очерки по истории караимов в России". Очевидно, первой из этого цикла является работа "О так называемом караимском языке", написанная, по-видимому, в конце 70-х - начале 80-х гг. Здесь автор на основании ряда исторических фактов, преимущественно связанных с политической историей восточно-европейских караимов XIX-XX вв., ставит под сомнение правомерность и обоснованность выделения рядом советских и зарубежных тюркологов караимского языка как самостоятельного тюркского языка, считая его не более чем обыкновенным татарским языком".

С близких позиций написана и последующая работа Л.И. Кая "Оплошность караимского раввина Фенерли. Эпизод из времен судебного дела Бейлиса", законченная около 1980 г. Статья эта впоследствии была опубликована в самиздатовском издании "Еврейский исторический альманах" (Составитель А.Разгон.- М., 1987.- С.37-45). В этой работе автор приводит документальные свидетельства времен знаменитого "дела Бейлиса", когда харьковский караимский газан Фенерли на вопрос репортера газеты "Утро" "о применении крови в иудейской обрядности" в своем ответе среди прочих мыслей высказал мнение о сходстве в основных положениях караимской и иудейской религий. Этот ответ вызвал негодование определенной части харьковской караимской общественности в лице некоего Турщу, который обратился с письмом в Одесское и Крымское караимское духовное правление с требованием пресечь все попытки смешения караимов и евреев.

Автор приводит целый ряд интересных архивных документов, делая при этом разбор состояния и настроений, царивших в российском обществе и караимской общине в этот период. Однако

глобальные выводы, сделанные автором на основе анализа этого материала, по-видимому, несколько поспешны и недостаточно аргументированы.

Последняя работа этого цикла - "Баловни судьбы", законченная Львом Исааковичем незадолго до смерти (май 1988 г.), во многом является итогом многолетних его изысканий, в ней как в зеркале отразились все слабые и сильные стороны взглядов автора. Работа освещает преимущественно политическую историю восточноевропейских караимов на протяжении XIX-XX вв. и касается преимущественно взаимоотношений караимской общины сначала с Российским императорским двором и губернскими властями, а впоследствии с советскими властями и официальной наукой. Особое внимание уделяется эпизоду, связанному с положением караимов во время второй мировой войны и в оккупации. Несомненно сильной стороной работы является источниковедческая база. Приведенные документы, материалы, описанные факты интересны и представляют несомненную ценность, введение их в научный оборот можно всячески приветствовать. Большой интерес представляет документальное освещение некоторых малоизвестных моментов истории восточноевропейских караимов в XIX-XX вв. Все вновь приведенные документы снабжены ссылочным аппаратом с упоминанием их местонахождения.

Но наряду с сильными сторонами работы нужно отметить и ряд ее недостатков, в частности, отмечается некоторая односторонняя увлеченность своими теоретическими построениями, пожалуй, несколько поспешны попытки только на основании политической истории (без всестороннего и обоснованного исторического, этнографического, языковедческого и источниковедческого разбора) однозначно решить такие запутанные и сложные проблемы, как этногенез и этническая история восточноевропейских караимов, вопросы, связанные с языковой ситуацией и т.д.

В папке под названием "С.И.Кушуль. Собрание сочинений" содержится 3 варианта русского текста статьи Л.И.Кая, опубликованной в журнале "Советиш Геймланд" (Советская Родина.- 1979.- № II.- С.65-66) на идиш. Название статьи - "Немного из истории Чуфут-кале". В статье приводятся интересные, ранее не опубликованные архивные документы.

Две работы - "Деревня Раатлыкой" и "Личные имена крымчаков" - посвящаются крымчакам. Первая работа - одному из эпизодов

жизни крымчакской общины, а именно - основанию земледельческой крымчакской колонии в Западном Крыму в первой половине XIX в. Работа базируется на документах, хранящихся в Крымском республиканском государственном архиве.

Во второй работе приводится список из 64 мужских и 64 женских имен, списку предпосланы предисловие и пояснительная записка. Подобная же работа, только в более значительных масштабах, проводилась Л.И.Кая, очевидно, по сбору и систематизации караимских фамилий и имен. В его архиве хранится их каталог, датированный 1968 г., но он пояснениями не сопровождается, авторство Л.И.Кая предположительное.

Следующую группу представляют рукописные работы различных авторов - как краеведов, так и ученых. Тематика их самая разнообразная, хотя преимущественно внимание уделяется трем направлениям: караимской и крымчакской проблематике, иудаистике.

В караимской проблематике выделяются работы караимских авторов. В архиве содержатся работы С.М.Шапшала, С.И.Кушуль, Б.Я.Кокеная. Работы С.И.Кушуль выделены в отдельную папку, здесь представлены несколько основных работ автора, написанных до 1989 г., а также сопутствующие материалы (переписка, рецензии и др.).

Труды С.М.Шапшала представлены несколькими небольшими неопубликованными статьями, а также введением к его основному труду "История тюрков-караимов в Крыму, Литве, Польше". Работа эта датируется примерно 1949 г. Она никогда не публиковалась, известна в рукописных списках под названием диссертации или монографии С.М.Шапшала.

К указанной группе работ примыкают работы двух других авторов - С.Б.Ефетова "Крымские караимы в свете этнологических данных" и А.И.Полканова "Крымские караимы". Работы во многом схожи. Сам Л.И.Кая, ссылаясь на мнение В.И.Филоненко, считал, что работа А.И.Полканова написана в годы оккупации Крыма фашистами и почти полностью идентична работе С.Б.Ефетова.

Крымчакская проблема представлена статьей Б.М.Ачкинази "Имена крымчаков" (датирована 4 октября 1979 г.), а также целым рядом вариантов статей И.Б.Котлера, посвященных фамильному фонду крымчаков, и работами В.Ю.Чернина, как неопубликованными, так и различными вариантами печатных.

В рукописи работы Д.Г.Маггида "Евреи в Крыму" (около 1921 г.) рассматриваются различные историографические и источниковедческие аспекты проблемы евреев в Крыму с античного времени до начала XX в.

Статья М.Н.Макушкина "Введение в эпиграфику ивритоязычных памятников Табана-Дере" знакомит с надгробными памятниками караимского кладбища Мангуп-кале и авторской концепцией их интерпретации.

Целый ряд статей посвящен иудаистике: В.Ю.Чернина, М.А.Членова, И.Крупника, А.М.Хазанова, Г.М.Маневича, а также еврейские альманахи, изданные в самиздате : "Еврейский исторический альманах" (составил А.Разгон)- М., 1987 (№ 5748); "Ленинградский еврейский альманах".- Л., 1987.- Вып. 15 и др.

Третью группу представляют переводные материалы. Это, как правило, статьи и монографии отечественных и зарубежных авторов, посвященные караимской и крымчакской проблемам, на русском языке не издававшиеся: например, А.Я.Гаркави "Древнееврейские надписи из Крыма" (1876) (перевод В.Вихновича). Представлены также работы Симона Шишмана - современного караимского исследователя из Франции - монография "Караимизм - его доктрины и его история" (1980) в переводе Д.Н.Кондратьевой, ряд статей: "О рукописях Фирковича" из журнала "Археология".- 1975.- № 78.- Январь; "Надгробные надписи, открытые А.Фирковичем" из "Азиатского журнала".- Париж.- 1975; "Где произошло обращение в другую веру хазарского царя Булана" и др.

Имеются также переводы фрагментов работ: А.Зайончковского - польского исследователя - "Караимы в Польше. История, язык, фольклор, наука" в переводе с английского Ю.М.Боришполец (Варшава, 1961), переведены введение, главы I, 2, 3; Цви Анкори "Караимы в Византии".- Нью-Йорк, 1959. (выдержки перевода); А.С.Фирковича - "Сефер Авнэ Зиккарон". Перевод Газов-Гинзберга.- Вильно, 1872; отдельные фрагменты из книги израильского исследователя Ицхака бен Цви - "Нидхей исраэл" (Рассеянные и возвращенные племена) - главы о караимах и крымчаках.

В четвертую группу входят материалы из личных архивов И.Синани, И.С.Кая, Е.Пейсаха.

В архив Л.И.Кая эти материалы попали после смерти владельцев, которые находились или в родственных, или в дружеских отношениях с Л.И.Кая. Нужно отметить, что первоначально эта под-

борка материалов была значительно больше, но, к сожалению, к моменту передачи архива в БГИКЗ их осталось немного: это отдельные тетради с конспектами, заметками и черновиками из архива И.Синани; отдельные выписки, конспекты и некоторые рукописи работ из архива Е.Пейсаха, переводы, оригиналы некоторых рукописей и выписки из архива И.С.Кая.

Пятую группу составляют копии архивных документов, этнографические материалы. Сюда входят документы, связанные с льготами, данными караимам Российскими императорами (копии прошений, ответов и т.д.), папка с документами древнееврейской графики, озаглавленная "Дело о разводе археолога А.С.Фирковича с женой", документы из переписки караимской общественности с советскими, государственными и научными учреждениями в 60-80 гг. XX в. Каталог караимских фамилий и имен, датированный 1968 г., сборник рецептов караимской кухни и др.

Шестая группа включает архив фотодокументов. Это как современные копии редких фотографий, преимущественно по караимской тематике, так и оригинальные снимки многих памятников Крыма 60-70 гг., сделанных либо самим Л.И.Кая, либо по его просьбе (виды Чуфут-кале, Мангуп-кале, караимских кладбищ в Симферополе, Севастополе, Одессе и др.).

Седьмую группу представляет переписка Льва Исааковича со своими корреспондентами: В.В.Лебедевым, К.Б.Старковой, В.И.Филоненко, Я.Р.Дашкевичем, А.М.Хазановым, А.Н.Торпусманом, М.Н.Макушкиным, А.В.Суперанской, Э.Е.Пейсахом, И.Н.Рабей, С.Я.Боровым, М.Е.Полинской, Г.С.Канович и другими. Переписка Л.И.Кая неплохо систематизирована, собрана в папки по периодам и адресатам и содержит, наряду с письмами, адресованными Л.И.Кая, и копии его ответов адресатам. Она обширна и затрагивает широкий спектр проблем, в том числе и научных. Хотя, как правило, основной упор делается на караимскую, еврейскую и крымчакскую проблематику. Преимущественно караимской эпиграфике и проблеме А.С.Фирковича посвящена переписка с К.Б.Старковой, М.Н.Макушкиным, Л.К.Дашкевичем и др. Судьба архива известного крымчакского исследователя Е.С.Пейсаха отражена в переписке его с сыном Э.Е.Пейсахом. Интересные вопросы крымчакской этнографии и языкознания обсуждаются в переписке с А.Н.Торпусманом, М.Е.Полинской и др.

Самый широкий спектр вопросов освещен в многолетней переписке с К.Б.Старковой, В.И.Филоненко, В.В.Лебедевым, с которыми Л.И.Кая связывали долгие годы дружбы и сотрудничества.

Судьба утраченной части архива Л.И.Кая в некоторой мере проясняется из переписки с А.Разгоном. Довольно оживленная переписка велась между Л.И.Кая и молодыми учеными, интересующимися караимской и крымчакской историей и этнографией,- В.Черниным, М.Куповецким, И.Котлером и др.

Кроме вышеописанных групп, в архиве находятся книги из личной библиотеки Л.И.Кая, а также огромное количество выписок, конспектов, копий и редких статей, работ, освещающих вопросы истории и этнографии караимов, крымчаков, евреев и др.

В заключение отметим, что данная публикация - лишь первый опыт обзора материалов архива Л.И.Кая, не утративших своего научного значения до сих пор. В дальнейшем мы надеемся продолжить начатую работу.

Е.И.Лазаренко

ЛАПИДАРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ БАХЧИСАРАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗАПОВЕДНИКА. КАТАЛОГ

Собрание лапидарных памятников Бахчисарайского заповедника является одним из уникальнейших в Крыму и представляет большой научный интерес.

Всестороннее исследование и новая интерпретация этих ценных вещественных источников может значительно дополнить и объяснить полученные на основе изучения археологических комплексов сведения об экономике, идеологии, генезисе и культурных связях древнего населения полуострова.

Коллекция лапидарных памятников (основной и научно-вспомогательный фонды включают около 500 единиц хранения) накоплена за длительное время с момента создания Бахчисарайского музея в 1917 г. и по сегодняшний день. Входят в нее и дореволюцион-

ные материалы. Все они-результат многолетних археологических разведок и раскопок, этнографических экспедиций, а также случайные находки.

Материалы лапидария имеют большой хронологический диапазон: Ш-П тыс. до н.э. - ХУШ в. н.э.

В данном каталоге представлена не вся коллекция лапидарных памятников заповедника. Часть из них не включена по причине отсутствия точных сведений об источнике их поступления. Беспаспортный материал, особенно довоенного времени, хранящийся в научно-вспомогательном фонде заповедника, требует тщательного исследования и изучения, лишь после этого будет возможно перевести его в основной фонд хранения и запаспортизировать

Лапидарные памятники имеют разную степень сохранности: целые и фрагменты. В шести разделах каталога материалы распределены согласно годам обнаружения или поступления в коллекцию.

В I раздел включены анэпиграфные надгробные памятники и погребальные сооружения: языческие, мусульманские, иудейские.

П раздел содержит антропоморфные памятники, плиты с рельефами и знаками.

В Ш разделе представлены эпиграфические памятники - плиты с надписями на греческом, арабском, древнееврейском и других языках.

Архитектурные детали - капители, фрагменты базилики, детали часовни, содержащиеся в IУ разделе,- дают представление о богатстве архитектурного оформления древних сооружений.

В У разделе - предметы быта и производственной деятельности человека, в частности, тарапаны, жернова, зернотерки.

И завершает каталог УI раздел, где представлены орудийные снаряды, а именно ядра.

Надеемся, что предлагаемый каталог привлечет внимание исследователей и станет еще одним шагом к полному введению в научный оборот всех материалов фондовых коллекций Бахчисарайского заповедника.

№ п/п	Описание памятника	Количество	Размеры (в см)	Материал	Место нахождения и источник поступления	Год нахождения или поступления	Автор находки	Номер по книге поступления	Инвентарный номер	Номер коллекцион. или полевой описи	Старый номер	Датировка	Основные публикации	Примечание
I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
	I. Анэпиграфные надгробные памятники							и погребальные сооружения						
I	Плита кеми-обинского погребального ящика с росписью охрой и сажей	I	86x55xI7	известняк	Бахчисарайский район, археологические разведки	I953	А.А.Щепинский Е.В.Веймарн	н/в фонд	-	-	-	Ш-нач. П тыс. до н.э.	I)Щепинский I963, с.4I-42. 2)Щепинский I966, с.I9. 3)Формозов I969, с.I62	
2	Плита кеми-обинского погребального ящика	I	84x54x6	известняк	Белогорский район (курган Кеми-Оба), археологические раскопки	I957	А.А.Щепинский	н/в фонд	-	-	-	Ш-нач. П тыс. до н.э.	I)Щепинский I96I, прим.7, с.229. 2)Щепинский I963, с.40-4I. 3)Щепинский I966, с.I5. 4)Щепинский Архив ИА АН УССР. 5)Щепинский, Черепанова I972, с.I0-I3,37-38. 6)Драчук I97I, с.I5, рис.5. 7)Щепинский I970	
3	Плиты кеми-обинского погребального ящика	7	60x47xI4; 83x58xI5; 72x57xI4; I25x90x25; I06xI07xI4; 73xI08x25; I03x6IxI5.	известняк	с.Долинка Красноперекопского района, археологические раскопки (курган Курбан-Байрам)	I965	А.А.Щепинский	н/в фонд	-	-	-	Ш-нач. П тыс. до н.э.	I)Драчук I97I, с.I4, рис.4. 2)Щепинский, Черепанова I972, с.I2-I4,55. 3) Архив ИА АН УССР	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
4	Плиты кеми-обинского погребального ящика	8	I93xI0Ix90	известняк	с.Танковое Бахчисарайского района, археологические раскопки	1967	И.И.Лобода, В.Н.Хоменко	н/в фонд	-	-	-	Ш-П тыс. до н.э.	-	
5	Плиты погребального ящика с росписью	4	80x90xI6; 82x95x25; 2Ix96xI98; I84x89x26.	известняк	с.Казанки Бахчисарайского района, археологические раскопки	70-е гг. XXв.	В.Н.Хоменко	н/в фонд	-	-	-	Ш-П тыс. до н.э.	-	
6	Фрагменты плит погребального ящика, кенотаф	4	85x78xII; 9IxI70xI0; 83x77xI3; I40x97.	известняк	ст.Сюрень Бахчисарайского района, археологические раскопки	70-е гг. XXв.	В.Н.Хоменко	н/в фонд	-	-	-	Ш-П тыс. до н.э.	-	
7	Кромлех, два погребальных ящика		Ø=700	песчаник	с.Вилино Бахчисарайского района (курган), археологические раскопки	I983	И.И.Лобода, В.Н.Хоменко	н/в фонд	-	-	-	Ш-П тыс. до н.э.	-	
8	Менгир (фрагмент)	I	88x77x9	известняк	с.Казанки Бахчисарайского района (курган), археологические раскопки	50-е гг. XXв.	А.А.Щепинский	н/в фонд	-	-	-	Ш-I тыс. до н.э.	Архив ОАСА ИА АН УССР	
9	Плиты с чашевидными углублениями для жертвенных возлияний	2	45x44xI2; 42x38xI5.	известняк	ст.Сюрень Бахчисарайского района, археологические разведки	70-е гг. XXв.	В.Н.Хоменко	н/в фонд	-	-	-	Ш-П тыс. до н.э.	-	

I	2	3	4	5	6	7	8
I0	Фрагмент надгробия. С трех сторон изображены рельефные кресты	I	44x29x22	известняк	Керменчик, случайная находка	I898	А.И.Маркевич
II	Надгробие кубической формы с высеченным крестом	I	70x30x20	известняк	с.Кудрино Бахчисарайского района	I940; I9.I2 I945	-
I2	Надгробие христианское	I	42x30x22	известняк	с.Кудрино Бахчисарайского района	I940; I9.I2 I945	-
I3	Надгробие в виде бассейна	I	46x47	известняк	с.Кудрино Бахчисарайского района	I940; I9.I2 I945	-
I4	Надгробие с изображением креста на торцовой стороне	I	68x39x24	известняк	с.Кудрино Бахчисарайского района, археологические разведки	I954; I6.05 I956	Н.А.Богданова, Е.В.Веймарн
I5	Фрагмент стелы	I	3Ix22xI2	известняк	Инкерман (могильник у Загайтанской скалы), археологические раскопки	I950	Е.В.Веймарн, Н.А.Богданова
I6	Двойное надгробие на подставке	I	88x44xI6; размеры подставки 48x55x24.	известняк	с.Горянки (Лаки), археологические раскопки	I954; I6.I0 I956	Е.В.Веймарн

9	I0	II	I2	I3	I4	I5
н/в фонд	-	-	-	позднее средневековье	I)Маркевич I899, с.I03	
63I9	АВ П-I3009	п.о. II603	МПГ 4224	позднее средневековье	-	
6320	АВ П-I30I0	п.о. II604	МПГ 4225	позднее средневековье	-	
н/в фонд	-	-	МПГ 4220	позднее средневековье	-	
6I00	АЖ I-I990	к.о. I990; п.о. 592	5824	позднее средневековье	Архив БГИКЗ, д.55, л.38	
н/в фонд	-	-	-	УШ в. н.э.	I)Репников I906, с.30. 2)Веймарн I963, с.72-73, рис.22	
6I00	АЖ I-I964	к.о. I964; п.о. 580	5824	позднее средневековье	Архив БГИКЗ, д.55, л.52	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
I7	Надгробие в виде столба. С трех сторон кресты, с четвертой - изображение стилизованного кипариса	I	72x25xI7	известняк	с.Горянки (Лаки), археологические раскопки	I954; I6.I0 I956	Е.В.Веймарн, Н.А.Богданова	6I00	АЖ I-I946	к.о. I946; п.о. 570	5824	позднее средневековье	Архив БГИКЗ, д.55, л.5I	
I8	Надгробие. На выпуклой части плиты изображение ножниц и измерительной линейки длиною в 52 см	I	I58x65x29	известняк	с.Верхоречье Бахчисарайского района, археологические разведки	I954	Е.В.Веймарн, Н.А.Богданова	н/в фонд	-	-	-	позднее средневековье	Архив БГИКЗ, д.55, л.39	
I9	Надгробия христианские	5	59x27xII; 3Ix24xI7; 30xI6xI6; 65x26xI8; 53x23xI7.	известняк	Чуфут-кале (могильник под юго-западным обрывом), археологические раскопки	50-е-60-е гг. XXв.	Е.В.Веймарн, В.В.Кропоткин	н/в фонд	-	-	-	УI-IX вв. н.э.	Кропоткин I965, с.II0	
20	Надгробия христианские	9	62x44xI5; 58x36x; 64x37xI3; 60x20; 30x27; 45x30; 25x24; 70x50; 49x25.	известняк	с.Скалистое Бахчисарайского района (могильник, Бакла), археологические раскопки	I958-I960; 29.08 I972	Е.В.Веймарн	627I	АБ Ш-39II-39I3; 39I6, 3922, 3924, 3926-3928	к.о. 2899-290I; 2904, 29I0, 29I2, 29I4-29I6 п.о. I5I, 43I, 634, I927, I250, I252, I253, I432, 2759.	-	IУ-IX вв. н.э.	I)Архив БГИКЗ, д.I7/I, л.2I3-2I4. 2)Архив БГИКЗ, д.I7/5. 3)Архив БГИКЗ, д.2I, табл.64, 300	

I	2	3	4	5	6	7	8
21	Фрагмент надгробия с резным орнаментом	I	7x6	известняк	Мангуп-Кале, археологические раскопки	I974; 2I.03 I980	Е.В.Веймарн
22	Блоки с крестами	4	43x26x5; 52x23xII,5; 67xI2xI9,5; 44x36xI5	известняк	Бакла (храм), археологические раскопки	I979; 2.I2 I979	В.Е.Рудаков
		I	40x24xI4	песчаник	Бакла (посад), археологические раскопки	I980; 29.08 I980	В.Е.Рудаков
23	Фрагменты надгробия. В средней части крест, вписанный в круг	3	59x23xI2 R круга= =6,5	известняк	Бакла (храм), археологические раскопки	I980	В.Е.Рудаков
24	Стела с изображением креста, покрытого розовой краской	I	95x22	известняк	с.Мало-Садовое Бахчисарайского района (часовня)	70-е гг. XXв.	-
25	Мусульманские надгробия с орнаментом	I3	90x55; 200x68; I95x75; 230x67; 85xI7; 35xI7; 70x24; Ø=32;	известняк, мрамор	Эски-Юрт, археологическая экспедиция	I924	А.С.Башкиров, У.А.Боданинский

9	I0	II	I2	I3	I4	I5
6420	АВ УП-I8987	к.о. 7; п.о. 22.	-	средневековье	-	
6397	АБ Ш-4202-4205	к.о. II4-II7; п.о. I07, I08, II0, III.	-	XI-XIII вв. н.э.	I)Архив БГИКЗ, д.I6/I, л.28. 2)Архив БГИКЗ, д.I6/2, л.LШ-LУ, рис.88-92	
6426	АБ IУ-4345	к.о. 76; п.о. 24.	-	X-XIII вв. н.э.	Рудаков I984, с.49-54, рис.6	
6426	АБ IУ-4264	к.о. 50; п.о. 27; 38,I9.	-	XI-XIII вв. н.э.	Рудаков I984, с.49-54, рис.6	
н/в фонд	-	-	-	XII-XIII вв. н.э.	-	
I663; I667-I673; I676-I679; I68I	I0; I4-25	-	-	XIУ-XУ вв. н.э.	I)Башкиров, Боданинский I925, с.295-3II. 2)Иванов I989, с.24-3I	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
			53x18; I46x18; ∅ =I00; 70x35; I48x67.											
26	Фрагмент надгробия с изображением семисвечника и тамги	I	32x38x6	известняк	Мангуп-кале (в верховьях балки Табана Дере (?)	I937 (?)	Н.И.Репников (?)	н/в фонд	-	-	-	средневековье	Архив БГИКЗ, д.I5/I9, л.55	Вероятно, это обломок надгробия, обнаруженный Н.И. Репниковым в I928 г. и переданный им в Севастопольское музейное объединение в I937 г.
					П. Антропоморфные памятники,			плиты с рельефами и знаками						
27	Фрагмент плиты с орнаментом и изображением византийского герба	I	55x42xI8	известняк	Мангуп-Кале, археологические раскопки	I9I2; 30.08 I945	Р.Х.Лепер	н/в фонд	-	-	-	XIУ-XУ вв. н.э.	I)Лепер I9I3, с.I53, рис.8. 2)Бахчисарай, I986.	
28	Фрагменты антропоморфной стелы. В нижней части под поясом изображены два рельефных человечка	2	I45x29xI5	диорит	с.Казанки Бахчисарайского района, случайная находка	I956	-	н/в фонд	-	-	-	эпоха бронзы	I)Богданова, Мануйлова I96I, с.I0. 2)Богданова, Лобода I965, с.I3. 3)Щепинский I958,с.I43-I48. 4)Щепинский I963,с.4I-44.	аналогична стеле №40

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
29	Антропоморфная стела. На туловище с лицевой стороны ритон и кинжал в ножнах	I	III x 26 x I8	известняк	с.Заветное Бахчисарайского района (могильник), археологические раскопки	I958	Н.А.Богданова	6I09	АА I-573	к.о.I п.о.I	5825	I-П вв. н.э.	5)Щепинский I966, с.I0,I5,I9. 6)Щепинский, Черепанова I972, с.I3, 44-45,48. 7)Драчук I97I, с.I3-I4 I)Богданова I96I, с.249-252. 2)Шульц I967, с.I99, рис.4	Аналогична стелам № 32 и 33
30	Надгробия со знаками (целые и фрагменты)	3	58x23; 40x23; 32x23	известняк	с.Скалистое Бахчисарайского района (могильник, Бакла), археологические раскопки	I958-I960	Е.В.Вейнарн	627I	АБ Ш-39I4, 39I7, 3923	к.о. 2902, 2905, 29II п.о. I247, 2404, I928.	-	IУ-IX вв. н.э.	Архив БГИКЗ, д.2I, табл.I27	
3I	Антропоморфная стела со схематичной мужской фигурой, в правой руке которой копье, в левой - круглый щит	I	90x3Ix I7	известняк	с.Заветное Бахчисарайского района (могильник), археологические раскопки	I959	Н.А.Богданова	6II3	АА I-966	к.о.- I62; п.о.- I6I.	5827	не ранее П в. н.э.	I)Богданова I96I, с.249-252. 2)Гущина I967, с.5I. 3)Бахчисарай, I976	
32	Стела, изображающая мужскую фигуру без головы. В левой руке ритон	I	95x45x I7	известняк	с.Заветное Бахчисарайского района (могильник), археологические раскопки	I962	Н.А.Богданова	н/в фонд	-	-	-	I-П вв. н.э.	I)Богданова I965, с.233-237. 2)Гущина I967, с.5I	Аналогична стелам № 29 и 33

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
33	Сарматская стела со схематичным изображением рук с растопыренными пальцами. В правой руке ритон, в левой - длинное копье. Над ритоном знак	I	78x43xI3	известняк	с.Заветное Бахчисарайского района (городище), археологические раскопки	I962	Н.А.Богданова	н/в фонд	-	-	-	I-Ш вв. н.э.	I)Богданова I965, с.233-237. 2)Шульц I967, с.I96-20I, рис.4,I0 на с.I99. 3)Соломоник I983, с.85	Аналогична стелам № 29 и 32
34	Верхняя часть скифской стелы с изображением фигуры мужчины с остроконечным головным убором	I	68x45xI0	известняк	с.Заветное Бахчисарайского района (могильник), археологические раскопки	I963	Н.А.Богданова	н/в фонд	-	-	-	первые вв. н.э.	I)Богданова I965, с.236, рис.3	
35	Сарматская стела со схематичным изображением человеческой фигуры. На одной из сторон процарапаны два знака	I	6Ix30xI3	известняк	с.Заветное Бахчисарайского района (могильник), археологические раскопки	I963	Н.А.Богданова	н/в фонд	-	-	-	первые вв. н.э.	I)Богданова I965, с.236, рис.3. 2)Шульц I967, с.I96-20I	
36	Антропоморфная стела с сарматским знаком	I	60xI8x8	камень (природный круглый валун)	с.Скалистое Бахчисарайского района (Бакла, могильник), археологические раскопки	I958-I960; 29.08. I972	Е.В.Веймарн	6271	АБ Ш-39I0	к.о. 2898, п.о. I50.	-	IУ-IХ вв. н.э.	I)Соломоник I962, с.I63-I64. 2)Шульц I967, с.I99, рис.4	

I	2	3	4	5	6	7	8
37	Антропоморфная стела	I	выс.=62	известняк	с.Скалистое Бахчисарайского района (могильник, Бакла), археологические раскопки	I958-I960; 29.08. I972	Е.В.Веймарн
38	Антропоморфная стела с изображением креста	I	52xI9xI2	известняк	с.Скалистое Бахчисарайского района (могильник, Бакла), археологические раскопки	I958-I960	Е.В.Веймарн
39	Верхняя часть стелы (голова)	I	28x25x9,5	известняк	с.Скалистое Бахчисарайского района (могильник Озерное П), археологические раскопки	I965	И.И.Лобода
40	Антропоморфная стела, в нижней части изображены две человеческие фигурки	I	выс.=I50; ширина плеч=28	диорит	Бахчисарай, случайная находка	I966 (?) I3.0I. I97I	

9	I0	II	I2	I3	I4	I5
627I	АБ Ш-3915	к.о. 2903; п.о. I549.	-	IУ-IX вв. н.э.	I)Архив БГИКЗ, д.I7/I, л.2I3-2I4. 2)Архив БГИКЗ, д.I7/5. 3)Архив БГИКЗ, д.2I	
627I	АБ Ш-3925	к.о. 29I3; п.о. I253.	-	УI-УП вв. н.э.	I)Архив БГИКЗ, д.I7/I, л.2I3-2I4. 2)Архив БГИКЗ, д.2I. 3)Архив БГИКЗ, д.I7/5	
6II0	АБ I-60I	к.о. 89; п.о. I64.	5838	П-Ш вв. н.э.	-	
6279	АД IУ-4I46	-	5848	Ш-П тыс. до н.э.	I)Щепинский, Черепанова I972, с.45-46. 2)Бахчисарай, I976. 3)Бахчисарай, I983	Аналогична стеле № 28

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
4I	Фрагменты стелы сарматного круга с рельефами двух всадников на конях. На груди одного из всадников знак	3	I54x87x25	белый мшанковый известняк	близ г.Бахчисарая (урочище Рамазан-Сала), охранные раскопки	I969; I3.I0 I969	М.Я.Чореф	6277	АД IУ-4I44	-	5845	П-Ш вв. н.э.	I)Чореф I970, с.2I. 2)Чореф, Шульц I972, с.I35-I45. 3)Бахчисарай, I976. 4)Бахчисарай, I983. 5)Бахчисарай, I986	
42	Фрагменты стелы сарматного круга с рельефным изображением человеческой фигуры в нише	2	53x36xI8	мшанковый известняк	близ г.Бахчисарая (урочище Рамазан-Сала), археологические разведки	I970	М.Я.Чореф	н/в фонд	-	-	5870	первые вв.н.э.	Чореф I975, с.260-264	
43	Стела сарматского круга с рельефными фигурами 3-х мужчин	I	I20x80xI5	белый мшанковый известняк	с.Предущельное Бахчисарайского района, археологические разведки	I97I; 6.I2. I97I	М.Я.Чореф	6278	АД IУ-4I45	-	5855	первые вв.н.э.	I)Чореф I975, с.260-264. 2)Бахчисарай, I983	
44	Антропоморфная плита с изображением примитивного человеческого лица	I	68x42xI0	известняк	с.Тенистое Бахчисарайского района, археологические разведки	I97I; 2I.I0 I97I	М.Я.Чореф	н/в фонд	-	-	-	первые вв.н.э.	Архив БГИКЗ, I97I, л.I	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
45	Фрагмент стелы с рельефным изображением всадника	I	77,6x63xI5,2	известняк	с.Красная Заря Бахчисарайского района (Краснозорьевское городище), археологические разведки	I972; 29.04. I972	М.Я.Чореф	6284	АД IУ-4653	-	5856	первые вв. до н.э. - первые вв.н.э.	Архив БГИКЗ, I972, л.9, фото 28	
46	Антропоморфная стела, изображающая верхнюю часть туловища человека	I	II4x50,6x2I,8	известняк	с.Красная Заря Бахчисарайского района (Краснозорьевское городище), археологические разведки	I972; 29.04 I972	М.Я.Чореф	6285	АД IУ-4654	-	5857	П-Ш вв. н.э.	Архив БГИКЗ, I972, л.9	
47	Верхняя часть антропоморфной стелы сарматского круга (торс без головы)	I	76,5x50x20,9	известняк	с.Красная Заря Бахчисарайского района (Краснозорьевское городище), археологические разведки	I972; 26.04 I972	М.Я.Чореф	6288	АД IУ-4657	-	5857	первые вв.н.э.	Архив БГИКЗ, I972	
48	Верхняя часть стелы (голова)	I	выс.=47	известняк	с.Железнодорожное Бахчисарайского района (курган), археологические раскопки	I975	Л.И.Лобода В.Е.Кононенко	н/в фонд	-	-	-	первые вв.н.э.	I)Бахчисарай, I983. 2)Ольховский, Храпунов I990	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
49	Фрагменты скифской стелы с изображением меча	2	I60x76x28	известняк	Усть-Альма (городище), археологические раскопки	I976; 26.04 I980	Т.Н.Высотская	6423	АЕ IУ-II392	к.о. I69; п.о. 94	-	первые вв.н.э.	-	
50	Блоки со знаками (целые и фрагменты)	2	66x6Ix8; 63x56x8	известняк	Кыз-Кермен (городище, завал оборонительной стены), археологические раскопки	I980	А.В.Белый	н/в фонд	-	-	-	УШ-IX вв. н.э.	Белый I98I, с.34	
		I	60x36xI5	известняк	Кыз-Кермен (усадьба), археологические раскопки	I98I	А.В.Белый	708I	АГ УI-8026	к.о. 34; п.о. 329	-	УШ-IX вв. н.э.	Белый I992, с.I32-I42	
		I	4Ix27x2I	известняк	Кыз-Кермен (городище), археологические раскопки	I98I	А.В.Белый	708I	АГ УI-8057	к.о. 65; п.о. 399	-	УШ-IX вв. н.э.	Белый I992, с.I32-I42	
		2 фрагмента	32x27x2I	известняк	Кыз-Кермен (городище), археологические раскопки	I98I	А.В.Белый	708I	АГ IУ-8058	к.о. 66; п.о. 400	-	УШ-IX вв. н.э.	Белый I992, с.I32-I42	
5I	Камень с врезным изображением птицы	I		известняк	с.Мало-Садовое Бахчисарайского района, археологические раскопки	I982; 26.03 I983	Д.Ф.Омельянова	6939	АМ П-5275	к.о. 4	-	средневековье	-	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
52	Стелы и плиты со знаками	6	35x3IxI5; 60x33xI6; 75x48xI4; 43x36x4; 48x45xI4; 36x35xI8.	известняк	с.Вилино Бахчисарайского района (курган), археологические раскопки	I985	И.И.Лобода, В.Н.Хоменко	н/в фонд	-	-	-	Ш тыс. до н.э.	-	
					Ш. Эпиграфические памятники									
53	Фрагменты плиты с 6-строчной греческой надписью	2	I37x46x20	известняк	Инкерман (Каламита)	I890; I8.I2 I945	Пожертвована в музей ТУАК П.В.Давыдовым	628I	АД I-I	-	МПГ 42I9	I427 г.	I)Кеппен I837, с.220,прим.3I8. 2)Бертье-Делагард I886, с.I90,2I2. 3)Латышев I896, № 45. 4)Бертье-Делагард I9I8, с.2-3. 5)Малицкий I933, с.26	
54	Верхняя часть христианского надгробия с 3-строчной греческой надписью	I	76,5x28xI8	известняк	Инкерман (близ высоты Сахарная головка), археологические раскопки	I952	В.В.Веймарн	н/в фонд	-	-	-	УI-IX вв.н.э.	I)Веймарн I963, с.5I, рис.I0. 2)Соломоник I986, с.2I5-2I6	
55	Фрагмент плиты с 8-строчной надписью	I	70x35xI2	белый мрамор	Мангуп-кале (башня в балке Табана-дере) археологические раскопки	I890; I8.I2 I945	Ф.А.Браун	6295	АВ I-I352	-	МПГ-42I2	начало или конец XIУ в. н.э.	I)Протоколы заседаний ТУАК I89I, с.I55. 2)Латышев I896, с.54-55. 3)Малицкий I933, с.5.	
56	Плита с плохо сохранившейся 9- строчной греческой надписью	I	66,5x36,5x xI3	песчаник	Мангуп-кале (в завале башни в Табана-дере), археологичес. раскопки	I890; I8.I2 I945	Е.В.Стевен	6294	АВ I-I353	-	МПГ-42II	конец XIУ или начало XУ в. н.э.	I)Латышев I896, с.56-57. 2)Малицкий I933, с.I8-I9	

I	2	3	4	5	6	7	8
57	Фрагменты нижней части христианского надгробия с 5-строчной греческой надписью	2	I80x55x4I	известняк	Мангуп-кале (городище), археологические раскопки	I9I2; I8.I2 I945	Р.Х.Лепер
58	Фрагменты правой половины плиты с рельефной 5-строчной греческой надписью	2	80x36,5x25	известняк	Мангуп-кале (городище), археологические раскопки	I9I2	Р.Х.Лепер
59	Фрагменты христианского надгробия в виде орнаментированного 4-гранного столба с 6-строчной греческой надписью	2	I58x37x x29	мшанковый известняк	с.Горянка (Лаки)	I898; I8.I2 I945	А.Л.Бертье-Делагард
60	Плита с двумя 5-строчными греческими надписями	I	I30x34,5x xI2	известняк	с.Кудрино (б.Шурю), Бахчисарайского района	-	-
6I	Плита в виде вертикальной стелы с рельефными крестами и 6-строчной греческой надписью.	I	74x3Ix20	известняк	с.Кудрино (б.Шурю), Бахчисарайского района	нач. XX в.	-

9	I0	II	I2	I3	I4	I5
6297	АВ I-I354	п.о. 2I2	МПГ 42I6	I457 г.	I)Лепер I9I3, с.I49. 2)Герцен, Махнева I989, с.8I	
6296	АВ I-I355	п.о. 2II	МПГ 42I5	I425 г.	I)Лепер I9I3, с.78, рис.7. 2)Бертье-Делагард I9I8, с.30-3I. 3)Латышев I9I8, с.I8. 4)Малицкий I933, с.33. 5)Герцен, Махнева I989, с.88	
6291	АЖ I-2343	-	МПГ 4208	I364 г.	I)Латышев I898, с.235-236. 2)Маркевич I899, с.I02	
н/в фонд	-	-	-	-	I)Латышев I896, с.64. 2)Бертье-Делагард I9I0, с.58	
н/в фонд	-	-	МПГ 4222	позднее средневековье	Латышев I9I0, с.4-5, рис.I2	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
62	Верхняя часть христианского надгробия с 3-строчной греческой надписью	I	62x40x22	известняк	с.Кудрино (б.Шурю) Бахчисарайского района.	I9.I2 I945	А.Л.Бертье-Делагард	63I8	АВ П-I3008	п.о. II602	МПГ 4223	XIУ в. (I328 г.)	I)Латышев I896, с.6,I28. 2)Маркевич I899, с.I04-I05	
63	Плита с греческими надписями	I	53x62x30	известняк	Кучук-Мускомья (?)	I9.I2 I945	-	63I5	АВ У-I6556	-	МПГ 4226	-	-	
64	Фрагмент церковного входа в виде аркообразной плиты. На плите несколько греческих надписей и граффити	I	75x62xI6	известняк	с.Лесниковое (б.Стили) Бахчисарайского района.	-	-	н/в фонд	-	-	-	позднее средневековье	I)Сумароков I80I, с.20I. 2)Кеппен I837, с.I6-I7. 3)Латышев I896, с.37. 4)Спиридонов I928, с.99	
65	Плита с однострочной греческой надписью	I	I28x35x xI5	сероватый мрамор	Бахчисарайский дворец (раскопки беседки Селямет-Гирей-хана)	I960	Е.В.Вейнарн	н/в фонд	-	-	-	конец IУ-начало УI в. н.э.	Соломоник I99I, с.I74-I75	
66	Надгробие в виде вертикальной плиты с неразборчивой надписью (армянской?)	I	I32x34x9	известняк	-	I8.I2 I945	-	6314	АВ У-I6555	-	МПГ 42I0	позднее средневековье	-	
67	Плита с однострочной арабской надписью	I	I06x45x6	мрамор	Бахчисарайский дворец (мавзолей Диляры Бикеч)	-	-	н/в фонд	-	-	-	XУШ в. н.э.	Бахчисарайские... I850, с.525-526, № 7	

I	2	3	4	5	6	7	8
68	Надгробия мусульманские	II4	разные	мрамор	Бахчисарайский дворец (Ханское кладбище)	-	-
		I4	I80x65; I80x67; I63x55; I60x54; 200x58; 200x49; I80x50; I78x60; 200x60; 205x60; I90x55; 203x50; I58x58; 200x75.	мрамор, известняк	Эски-Юрт, археологическая экспедиция	I924	А.С.Башкиров, У.А.Боданинский
		I	II2x35	известняк	Чуфут-кале (городище), археологические раскопки	I987	Д.М.Могаричев
69	Фрагменты архитектурных деталей с граффити	2	33xI7,5x x3I; 32,5x32x x2I,5.	песчаник	Бакла (городище), археологические раскопки	I980	В.Е.Рудаков

9	I0	II	I2	I3	I4	I5
н/в фонд	-	-	-	XУ-XУШ вв. н.э.	I)Бахчисарайские.. I850, с.499-524. 2)Богданова, Мануйлова I96I, с.33-34. 3)Бахчисарайский... I972, фото 8. 4)Бахчисарай, I976. 5)Бахчисарай, I983.	Находятся на Ханском кладбище Бахчисарайского дворца
I654-I662; I664-I666; I682-I683	I-9 II-I3; 26-27	-	-	XIУ-XУ вв. н.э.	I)Башкиров, Боданинский I925, с.295-3II. 2)Иванов I989, с.24-3I	
н/в фонд	-	-	-	I пол. XУ в. н.э.	Архив БГИКЗ, I987	
6496	АБ IУ-4343, 4346	к.о. 74, 77; п.о. I,43.	-	X-XIII вв. н.э.	-	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
					IУ. Архитектурные детали									
70	Фрагмент капители	I	выс.=I6; Ø=3I	мрамор	Мангуп-Кале (городище), археологические раскопки	I9I2	Р.Х.Лепер	н/в фонд	-	-	-	УI в. н.э.	I)Лепер I9I3, с.I48, рис.3. 2)Бертье-Делагард I9I8, с.43-44	
7I	Капитель	I	22x22x20	известняк	Мангуп-кале, археологические раскопки	I938	А.Л.Якобсон	н/в фонд	-	-	МПГ-4259	ХУ в. н.э.	Якобсон I953	
72	Капители	2	85x57x29; 76x47x30	мрамор	Мангуп-кале (храм), археологические разведки	I983	А.Сидоренко	н/в фонд	-	-	-	УI-УП вв. н.э.	-	
73	Капители (целая и фрамгмент)	2	89x56x28; 67x56x28	мрамор	Чуфут-кале (южное подножие, кладка стены), случайная находка	I927	У.А.Боданинский, В.А.Сидоренко, Б.Н.Засыпкин	н/в фонд	-	-	МПГ 4258 4257	У-УI вв. н.э.	I)Боданинский, Засыпкин I929, с.I73 2)Пиоро I990, с.76,78, рис.I5(I-2)	
74	Капитель	I	80x54x50	мрамор	Эски-Кермен, археологические раскопки	I930; 20.I2 I945;	Ф.И.Шмит	6317	АМ I I64	-	МПГ 4256	УI-УП вв. н.э.	I)Богданова, Лобода I965, с.I9	
75	Фрагмент профилированной плиты от алтарной преграды	I	выс.=45	мрамор	Мангуп-Кале (городище), археологические раскопки	I938; 2I.II I944	Севаст. муз. объединение	[illegible]46	АВ-П I2993	п.о. II587	МПГ 426I	УI-УП вв. н.э.	-	

I	2	3	4	5	6	7	8
76	Колонна от престольной стены	I	выс.=50	известняк	Эски-Кермен, археологические раскопки	I936	Н.И.Репников
77	Фрагменты архитектурных деталей	3	28x26xI5; 34xI8x2I; I9x23xI5	известняк, мрамор	Мангуп-кале, археологические раскопки	I9I2; 26.08, 29.08 I945	Р.Х.Лепер
78	Фрагменты архитектурной детали в виде арки	3	I55x43xI8	известняк	Мангуп-кале, археологические раскопки	I938	А.Л.Якобсон
79	Архитектурные детали	8	I4xI9x5; I5,5x7,5; толщ.=8,5; толщ.=I0; толщ.=8,9; I9xI6; 26x29; 9xI3	известняк	Мангуп-кале (базилика), археологические раскопки	I968; 2.08. I978	Е.В.Веймарн
80	Фрагменты архитектурных деталей	2	60x6xI2,5; 38xI0,9	известняк	Бакла (храм), археологические раскопки	I979; 2.I2. I979	В.Е.Рудаков

9	I0	II	I2	I3	I4	I5
н/в фонд	-	-	МПГ 4I97	XII-XIII вв. н.э.	-	
н/в фонд	-	-	МПГ 4I65, 4I66, 4I70.	УI-ХУ вв. н.э.	I)Лепер I9I3, с.76, рис.4, с.I48, рис.2, с.I52, рис.7 2)Бертье-Делагард I9I8, с.38, рис.9	
630I-6303	АВ I I40I I403	-	МПГ-42I2	ХУ в. н.э.	Якобсон I953, с.39I-393, рис.4	
6352	АВ П I3273, I3507, I3528-I353I; I3608, I36II	к.о. 70, 325-328; 304, 405, 408	-	XIУ-ХУ вв.	-	
6397	АВ Ш-42I2, 42I3	к.о. I24 I25 п.о. I52	-	XI XIII вв. н.э.	I)Архив БГИКЗ, д.I6/I, л.27-28. 2)Архив БГИКЗ, д.I6/2, л.4-4/, рис.82-87	

I	2	3	4	5	6	7	8
8I	Фрагменты архитектурных деталей	2	58,5x30xII	известняк	Бакла (храм), археологические раскопки	I980; 29.08 I980	В.Е.Рудаков
82	Архитектурные детали	4	I03x22xI9; 57xI8,5xI6; 70x22x2I; 8Ix44x28	известняк	Мало-Садовое Бахчисарайского района (часовня)	70-е гг. XX в.	-
					У. Предметы быта		
83	Зернотерки (целые и фрагменты)	2	I7x27; Ø=36	известняк	Совхоз "Коминтерн" Бахчисарайского района (курган), археологические раскопки	I952	Е.В.Веймарн
		I/2	38,2xI9,4x xI0,I	диорит	с.Красная Заря Бахчисарайского района (Краснозорьевское городище), археологические разведки	I972; 29.04 I972	М.Я.Чореф
		I	40,4x37,8x xI5,7	диорит	с.Красная Заря Бахчисарайского района (Краснозорьевское городище), археологические разведки	I972; 29.04 I972	М.Я.Чореф

9	I0	II	I2	I3	I4	I5
6426	АБ-IУ 4266	I-к.о. 52; п.о. 2.	-	XI-XIII вв. н.э.	Рудаков I984, с.49-54, рис.6	
-	-	-	-	XII-XIII вв. н.э.	-	
и производственной деятельности						
н/в фонд	-	-	МПГ 58II	-	-	
6206	АД IУ-4655	-	5858[б]	П-Ш вв. н.э.	Архив БГИКЗ, I972	
6207	АД IУ-4656	-	5858[а]	П-Ш вв. н.э.	Архив БГИКЗ, I972	

I	2	3	4	5	6	7	8
84	Тарапаны	2	II8x97xI3; 77x53x8	известняк	с.Заветное Бахчисарайского района, археологические раскопки	I954, I959	Н.А.Богданова
		2	I25xI85x75; 96x76xI60	известняк	с.Вилино Бахчисарайского района (территория частной усадьбы), этнографическая экспедиция	I99I	БГИКЗ
85	Жернова (целые и фрагменты)	I	I7x30	известняк	Чуфут-кале (городище), археологические раскопки	I959; 2.04 I978	Е.В.Веймарн
		I	Ø=37,8, тол.3,8	известняк	Бакла (городище), археологические раскопки	I979; 2.I2. I979	В.Е.Рудаков
		8	R=29, тол.=7,6; R=2I,5, тол.=6; R=24, тол.=8,5; R=I9, тол.=6; R=2I, тол.=6; R=24,5, тол.=7,5; R=25, тол.=9,5; R=25, тол.=7	известняк	Бакла (городище), археологические раскопки	I980; 2.09. I98I	В.Е.Рудаков

9	I0	II	I2	I3	I4	I5
н/в фонд	-	-	-	первые вв. н.э.	-	
н/в фонд	-	-	-	позднее средневековье	-	
6344	АГ У-603I	к.о. 88, п.о. 84	-	позднее средневековье		
6396	АБ Ш-4088	к.о. I59, п.о. 5	-	X-XIII вв. н.э.	Архив БГИКЗ, д.I6/I	
6430	АБ IУ-45I4--452I	к.о. I45-I52.	-	X-XIII вв. н.э.	-	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
86	Чан для дубления кожи	I	II8x76x72	известняк	с.Мало-Садовое Бахчисарайского района, археологические раскопки	80-е гг. XXв.	Л.А.Омелькова	н/в фонд	-	-	-	средневековье	-	
87	Гиря для тарапана	I	Ø=65	известняк	Мариамполь (район Успенского монастыря)		-	н/в фонд	-	-	-	УШ-IX вв. н.э.	-	
						УI. Ядра								
88	Ядра	2	Ø=7; Ø=7,2	известняк	Балаклавский утес	I925-I926; 26.03 I945	Передано из Севастопольского музея краеведения	6I20	АЖ I-2206	к.о. I56	МПГ 3462	-	-	
				известняк	Гераклея	I4.03 I945		6I05	АЛ I-380	к.о. I4I; п.о. 3I64	-	-	-	
89	Ядра	4	Ø=6; Ø=7,5; Ø=5; Ø=7	известняк	Эски-кермен, археологические раскопки	I936-I937	Н.И.Репников	н/в фонд	-	-	МПГ-25I6, 25I7, 2602, 4I83	XП-XШ вв. н.э.	-	
90	Ядра пушечные с тщательно обработанной шероховатой поверхностью (Турция)	3	Ø=4I; Ø=42; Ø=42	диорит	Мангуп-Кале	I940	-	6I90-6I99	АВ I-1404-1406	-	МПГ 42I3	XУ в. н.э.	I)Богданова, Мануйлова I96I, с.28 2)Бахчисарай, I98?	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5
9I	Ядра (целые и фрагменты).	4	7,5х6,8; 5,3х5; 6,4х6; Ø=6,7	диорит, галечник; мраморовидный известняк; мрамор,	Мангуп-кале, археологические раскопки	I969; 29.07 I972	О.А.Гребенников, Э.И.Витриченко, Ю.И.Шутов, Ю.А.Полканов	6054	АВ П I305I; I3I89; I3I90; I3I63	к.о. 4I, I79, I80, I53	5862	ХУ в. н.э.	-	
92	Ядра	3	Ø=7,5; Ø=7; Ø=7,5	известняк	Чуфут-кале (городище), археологические раскопки	I958-I959; I5.03 I978, 2.04 I978	Е.В.Веймарн	6343, 6344	АГ IУ-5838; 4943. АГ У-6798	к.о. 45; 855; I; п.о. 426; 690; I	-	позднее средневековье	-	
		I	Ø=4	известняк	Чуфут-кале (городище), случайная находка	I97I; I0.05 I976	И.Я.Чорей	6349	АГ IУ-4992	к.о. -50; п.о. -50	-	позднее средневековье	Архив БГИКЗ, д.34, л.8, рис.6	

ЛИТЕРАТУРА

Альбом иллюстраций к отчету В.Е.Рудакова о раскопках городища Бакла и окрестностей в 1979 г.// Архив БГИКЗ.- Д.16/2.

Бахчисарай. Фотоальбом //Киев: Мистецтво, 1976.

Бахчисарай. Фотоальбом //Киев: Мистецтво, 1983.

Бахчисарай // Симферополь: Таврия, 1986.

Бахчисарайские арабские и турецкие надписи// ЗООИД.- Одесса, 1850.- Т.2.

Бахчисарайский музей. Путеводитель.- Симферополь: Таврия, 1972.

Башкиров А., Боданинский У. Памятники Крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток.- М., 1925.- Кн. 8-9.

Белый А.В. Работы Бахчисарайского музея// АО 1980 г.- М.: Наука, 1981.

Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кызкермен. Постройка № 1 //Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.- Симферополь: Таврия, 1992.

Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма //ЗООИД.- Одесса, 1886.- Т.XIУ.

Бертье-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму // ЗООИД.- Одесса, 1910.- Т.XXУШ.

Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро //ИТУАК.- Симферополь, 1918.- № 55.

Богданова Н.А. Две стелы из могильника у с.Заветное в Крыму// СА.- 1961.- № 2.

Богданова Н.А. Скифские и сарматские стелы Заветненского могильника //СА.- 1965.- № 3.

Богданова Н., Мануйлова В., Фатеева В., Козлова Г. Бахчисарайский историко-археологический музей. Путеводитель.- Симферополь: Крымиздат, 1961.

Богданова Н.А., Лобода И.И. Бахчисарайский историко-археологический музей."Пещерный город" Чуфут-кале. Путеводитель.- Симферополь: Крым, 1965.

Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928-29 гг.)// ИТОИАЭ.- 1929.- Т.Ш.

Веймарн Е.В. Отчет о работах горного отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР и БИАМ в 1954 г.// Архив БГИКЗ.- Д.55.

Веймарн Е.В. Отчет о работах Баклинской археологической экспедиции ИА АН УССР и БИАМ в 1958-60 гг.// Архив БГИКЗ.- Д.17/1.

Веймарн Е.В. Материалы к отчету о работе Баклинской экспедиции в 1958-60 гг.// Архив БГИКЗ.- Д.17/5.

Веймарн Е.В. Иллюстрации к отчету о работе Баклинской экспедиции в 1958-60 гг.// Архив БГИКЗ.- Д.21.

Веймарн Є.В. АрхеологічнІ роботи в районІ Інкермана// АрхеологічнІ пам'ятки.- КиІв, 1963.- Т.ХШ.

Герцен А.Г., Махнева О.А. Пещерные города Крыма// Симферополь: Таврия, 1989.

Городище Мангуп. Картотека// Архив БГИКЗ.- Д. 15/19.

Гущина И.И. О сарматах в юго-западном Крыму// СА.- 1967.- № 1.

Домбровский О., Махнева О. Столица феодоритов// Симферополь: Таврия, 1973.

Драчук В. Шаг в неведомое// Симферополь: Крым, 1971.

Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в ХП-ХУ1 вв.- Ростов-на-Дону, 1989.

Кеппен П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических.- Спб., 1837.

Кропоткин В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму// КСИА.- 1965.- Вып.100.

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России.- Спб., 1896.

Латышев В.В. Заметки к христианским надписям из Крыма// ЗООИД.- Одесса, 1898.- Т.XXI.

Латышев В.В. Новые надписи из деревни Шурю// ИТУАК.- Симферополь, 1910.- № 44.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России// ИАК.- Пд., 1918.-Вып. 65.

Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. (предварительное сообщение)// ИАК.- Спб., 1913.- Вып.47.

Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году (второе предварительное сообщение)// ИАК.- Спб., 1913.- Вып. 47.

Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа// ИГАИМК.- Л., 1933.- № 71.

Маркевич А.И. Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара// ИТУАК.- Симферополь, 1899.- № 29.

Могаричев Ю.М. Отчет об археологических работах на городище Чуфут-Кале в 1987 г.// Архив БГИКЗ.- 1987.

Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия// Симферополь: Таврия, 1990.

Отчет о работах Северо-Крымской археологической экспедиции за 1965 г.// Архив ИА АН УССР.

Пиоро И.С. Крымская Готия.- Киев: Лыбидь, 1990.

Протоколы заседаний ТУАК. Заседание 5 сентября 1890 г.// ИТУАК.- Симферополь, 1891.- № 11.

Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов// ИАК.- Спб., 1906.- Вып. 19.

Рудаков В.Е. Отчет о раскопках городища Бакла и окрестностей в 1979 г.// Архив БГИКЗ.- Д. 16/1.

Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X-XIII вв.// Античная и средневековая идеология.- Свердловск, 1984.

Соломоник Е.І. Нові пам'ятки з сарматськими знаками// Археологічні пам'ятки.- Київ.- Т.XI.

Соломоник Э.И. Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые вв. н.э.- Киев, 1983.

Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма// ВВ.- 1986.- Т.47.

Соломоник Э.И. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма// Византийская Таврика.- Киев, 1991.

Спиридонов Д.С. Заметки из истории эллинства в Крыму// ИТОИАЭ.- Симферополь, 1928.- Т.П.

Сумароков П. Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду.- Спб., 1801.- Ч.I.; Спб., 1805.- Ч.2.

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству// МИА.- 1969, - № 165.

Чореф М.Я. Новая стела Бахчисарайского историко-архитектурного музея// Археологические открытия на Украине в 1969 г.- Киев, 1970.

Чореф М.Я. Отчет об археологических работах на средневековом городище Чуфут-Кале в 1971 г.// Архив БГИКЗ.- Д.34.

Чореф М.Я. Отчет об эпизодических охранных археологических работах в Бахчисарайском районе в 1971 г.// Архив БГИКЗ.- 1971.

Чореф М.Я. Отчет об охранных археологических работах в Бахчисарайском районе в 1972 г.// Архив БГИКЗ.- 1972.

Чореф М.Я., Шульц П.Н. Новый рельеф сарматского круга// СА.- 1972.- № 1.

Чореф М.Я. Два новых рельефа сарматского круга// СА.- 1975. - № 1.

Щепинский А.А. Отчет о раскопках длинного кургана Кеми-Оба у Белогорска в 1957 г.// Архив ИА АН УССР.

Щепинский А.А. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму// СА.- 1958.- № 2.

Щепинский А.А. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма// СА.- 1961.- № 2.

Щепинский А.А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму// СА.- 1966.- № 2.

Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму// СА.- 1963.- № 3.

Щепинський А.О. Кемі-обинська культура// Радянська енциклопедія історії України.- Київ, 1970.- Т.П.

Щепинский А.А. Отчет о раскопках курганов у с.Казанки Бахчисарайского района// Архив ОАСА ИА АН УССР.

Щепинский А., Черепанова Е. Степные курганы// Симферополь: Таврия, 1972.

Шульц П.Н. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке// ЗОАО.- Одесса, 1967.- Т.П.

Якобсон А.Л. Дворец// МИА.- 1953.- № 34.

Якушева Е., Нижура А. "Пещерные города" Крыма. Путеводитель - Симферополь: Таврия, 1972.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП - Античные города Северного Причерноморья
АДСВ - Античная древность и средние века
АО - Археологические открытия
АП УРСР - АрхеологIчнI пам'ятки УРСР
БГИКЗ - Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
БИАМ - Бахчисарайский историко-архитектурный музей
ВВ - Византийский временник
ВДИ - Вестник древней истории
ВИА - Военно-исторический архив
ГИМ - Государственный исторический музей
ЖМНП - Журнал министерства народного просвещения
ЗИРАО - Записки императорского русского Археологического общества
ЗОАО - Записки Одесского археологического общества
ЗООИД - Записки Одесского общества истории древностей
ИА АН СССР- институт археологии АН СССР
ИАК - Известия археологической комиссии
ИБИД - Известия на българското историческо дружество
ИВГО - Известия всесоюзного географического общества
ИГАИМК - Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК - Институт истории материальной культуры
ИНМВ - Известия на народния музей Варна
ИОАИЭ - Известия общества археологии, истории и этнографии
ИРАИК - Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК - Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРГО - Известия Российского географического общества
ИТОИАЭ - Известия Таврическсго общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК - Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИФЖ - Историко-филологический журнал
КСИА - Краткие сообщения института археологии

КСИИМК - Краткие сообщения института истории материальной культуры
МАИЭТ - Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГУ - Московский государственный университет
МИА - Материалы и исследования по археологии
МПГ - Музей пещерных городов
Н/в фонд - научно-вспомогательный фонд
ОАСА ИА АН УССР - Отдел античной и средневековой археологии института археологии АН УССР
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
СЭ - Советская этнография
ТУАК - Таврическая Ученая архивная комиссия
ХГИАЗ - Херсонесский государственный историко-археологический заповедник
ЦГАРК - Центральный государственный архив Республики Крым
ЦВМА - Центральный военно-морской архив

I. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым)

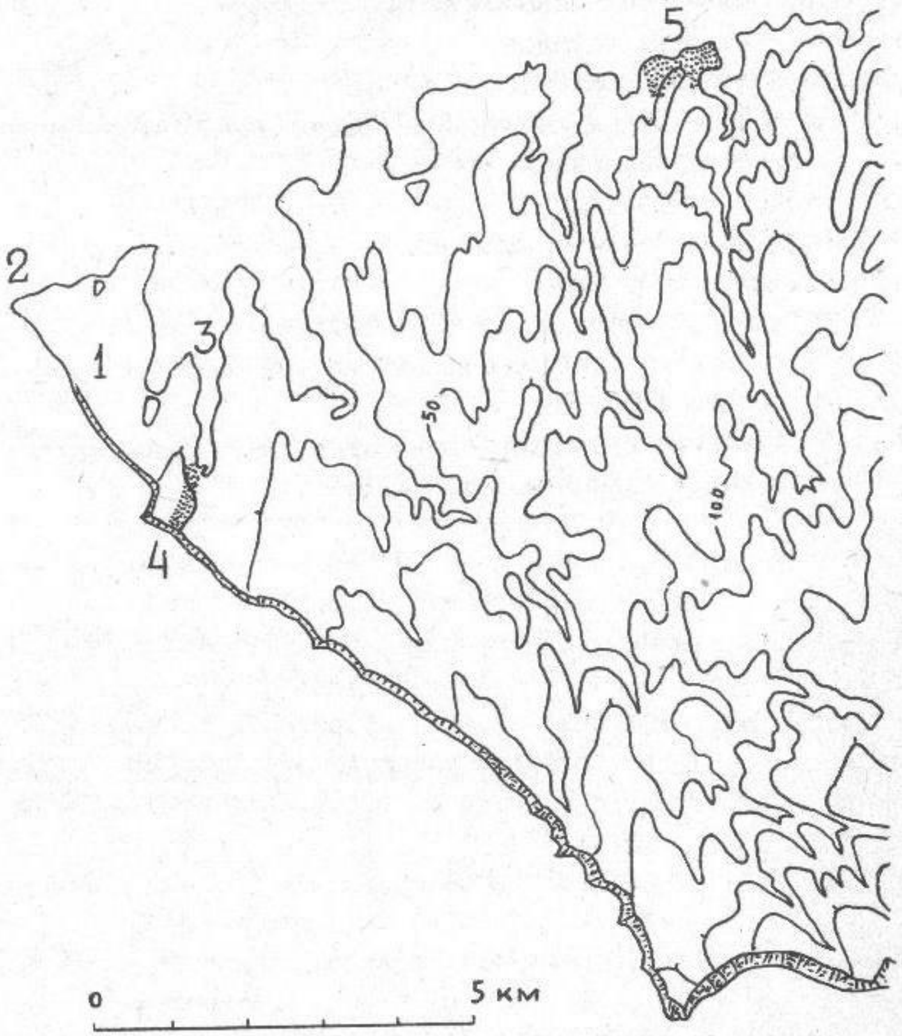


Рис. 1. Гипсометрическая карта-схема западной части Гераклейского полуострова. 1 – Маячный полуостров, 2 – мыс Херсонес, 3 – Казачья бухта, 4 – укрепление на перешейке ("старый" Херсонес), 5 – Херсонесское городище

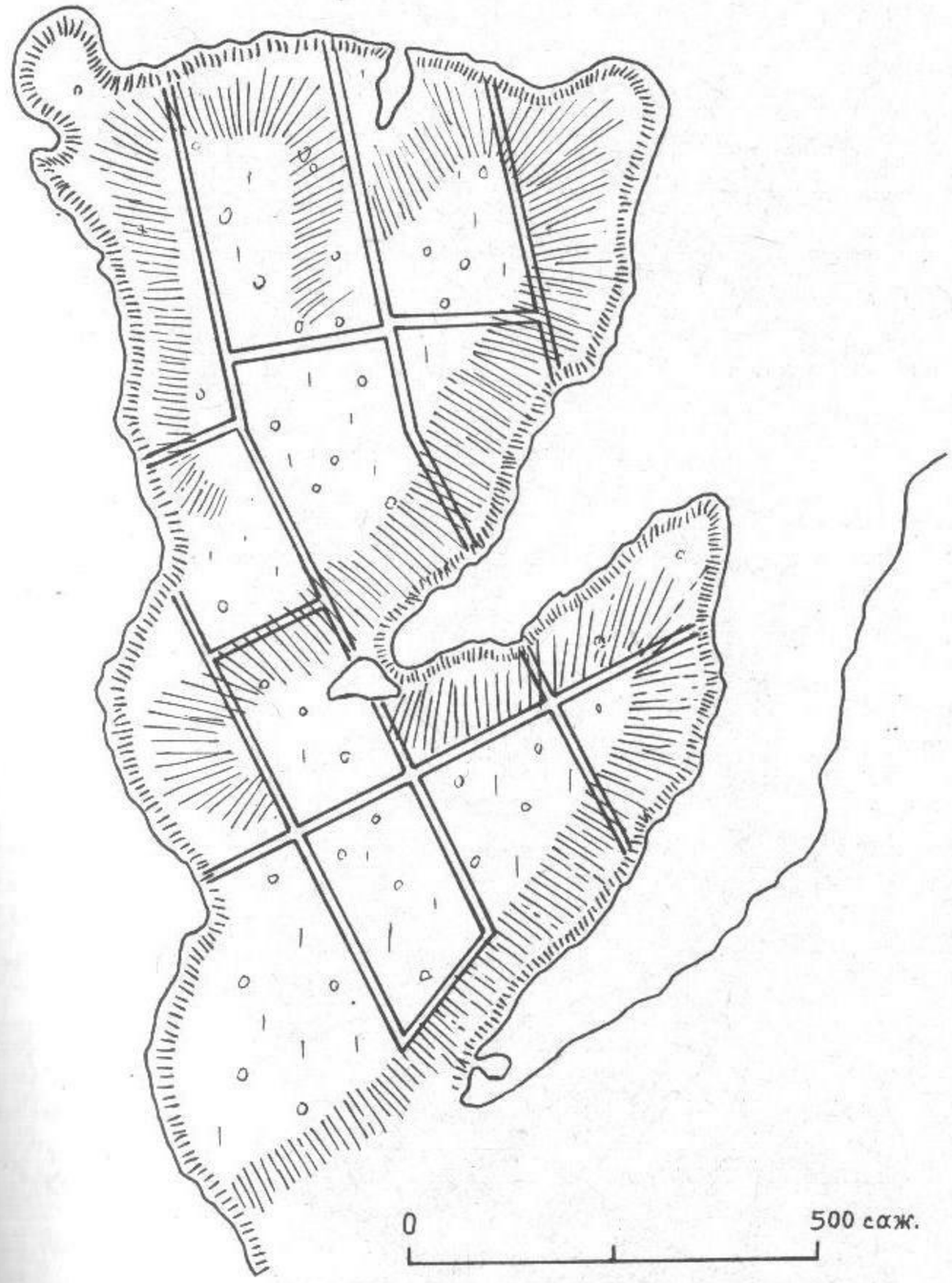


Рис. 2. Система древних дорог на Маячном полуострове по съемке 1786 г. Фрагмент копии плана А.Строкова (Архив ГХИАЗ, № 182)

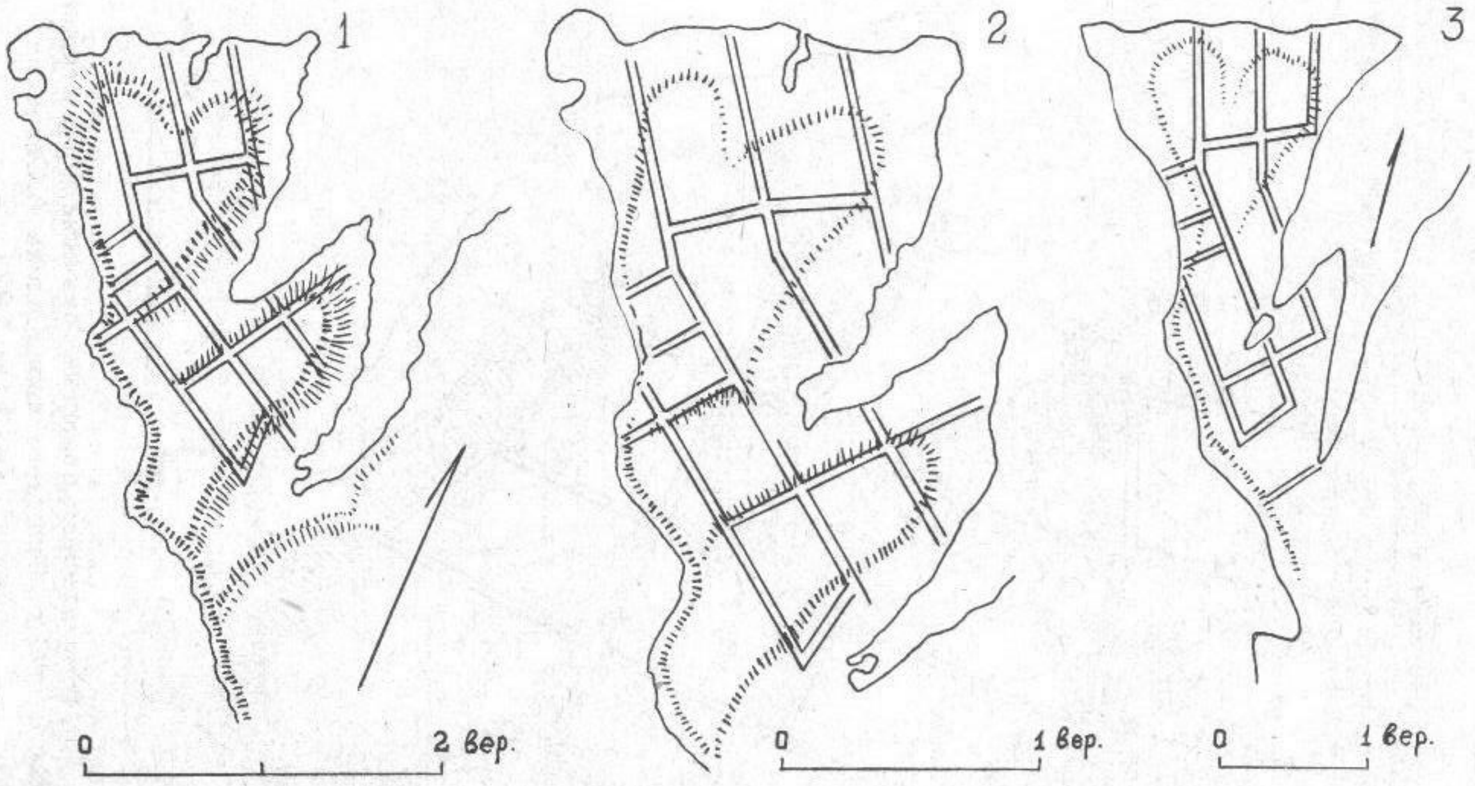


Рис. 3. Маячный полуостров. Варианты карты 1786 г. 1 – фрагмент карты, изданной Болховитиновым в 1822 г., 2 – фрагмент карты Попелева (ЦВИА, ф. ВУА, д. 22741), 3 – фрагмент карты, гравированной Прохоровым (ЦВМА, ф. 1331, оп. 1, № 191, д. 627)

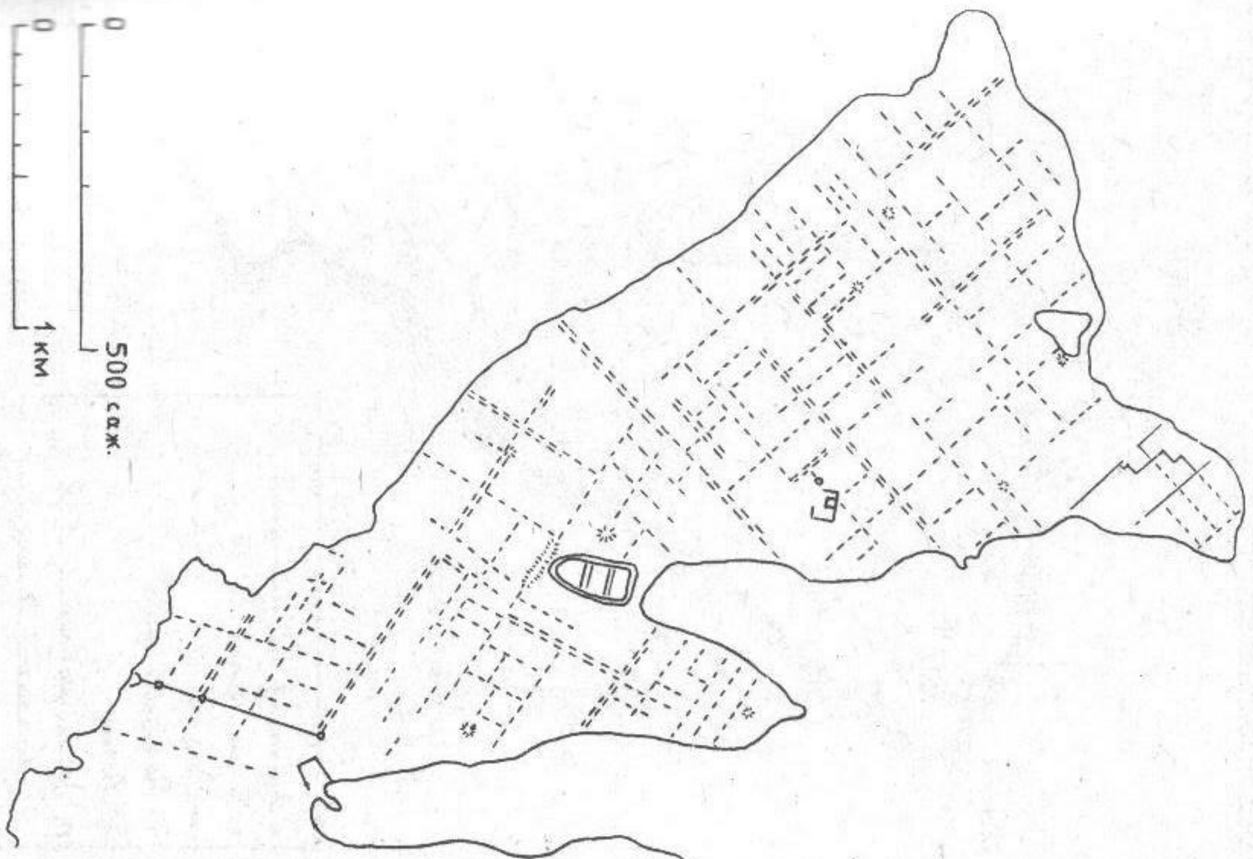


Рис. 4. Античная межевая система на Маячном полуострове. Фрагмент карты 1886 г. (по копии Бертье-Делагарда, Архив ИИМК, ф.27, д.4, л.23)

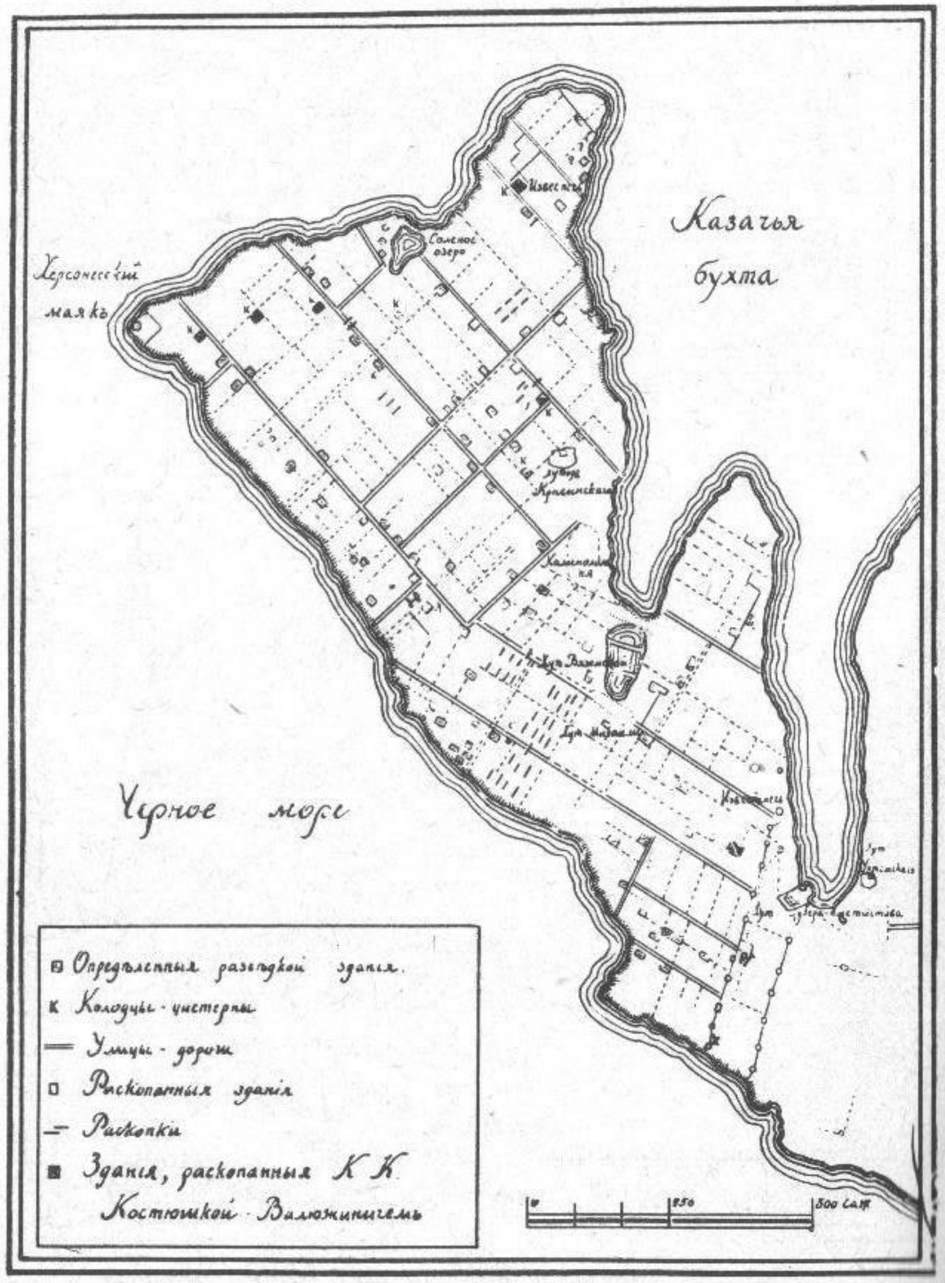


Рис. 5. Археологический план Маячного полуострова 1910 г. (Печенкин, 1911, табл. III)

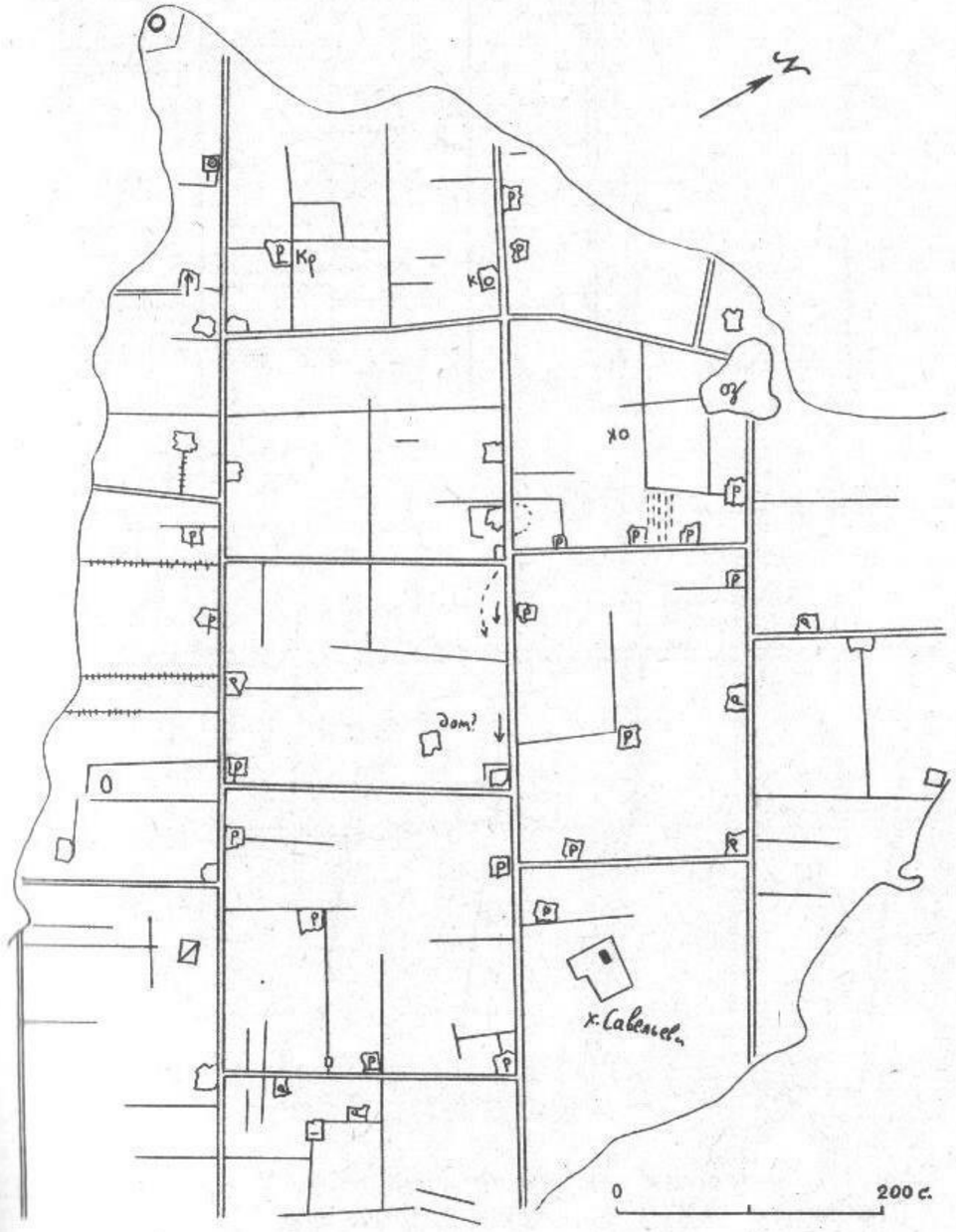


Рис. 6. Фрагмент чернового плана Печенкина 1911 г. (Архив ИИМК, ф.27, д.8, л.2)

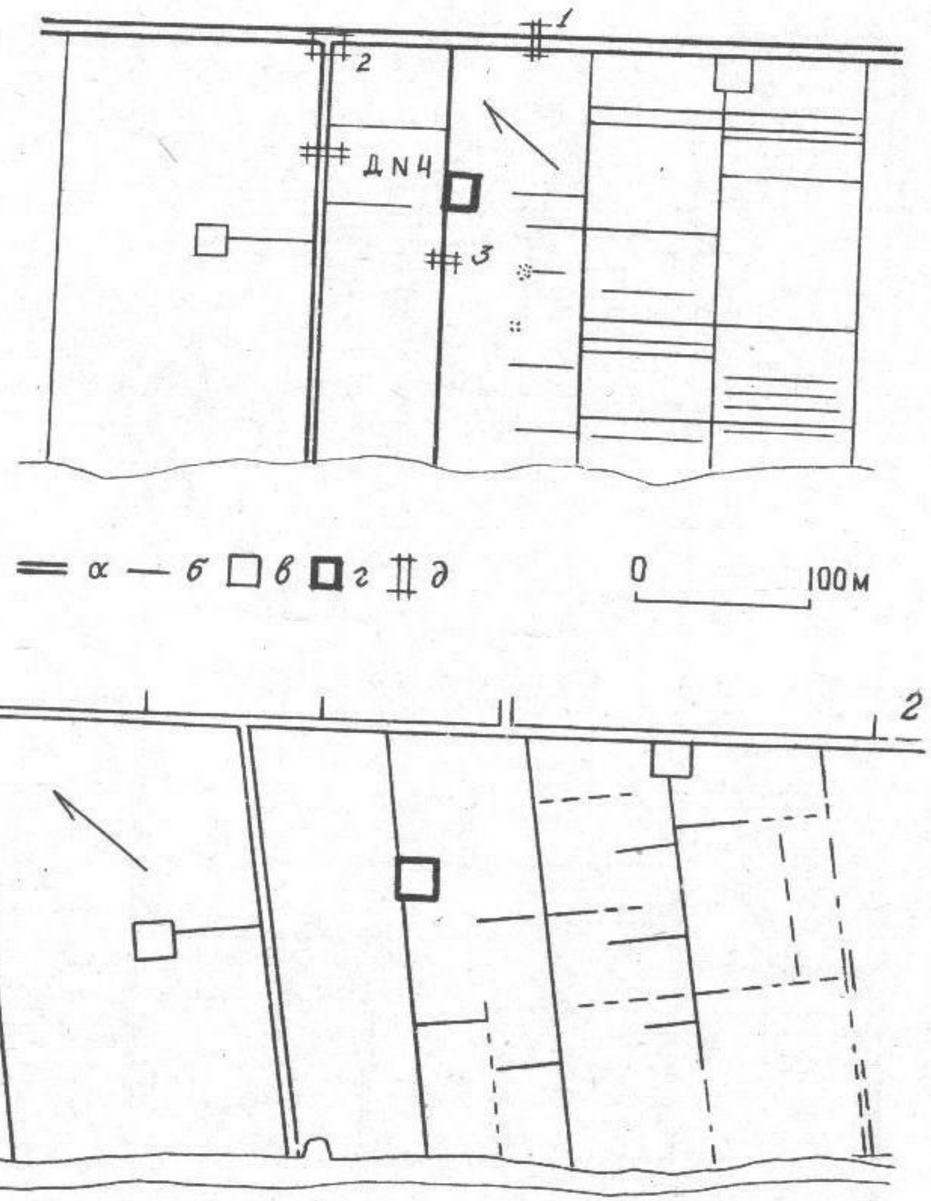


Рис. 7. Земельные участки у дома № 4. 1 – по обмеру С.Некрасова, 1911 г. (Архив ИИМК, Р-1, № 78, л.9), 2 – по аэросъемке 1961 г. и обмерам А.Шеглова 1963г.: а – дороги, б – межевые и плантажные стены, в – сельские дома (усадьбы), г – дом, раскопанный Печенкиным, д – шурфы и раскопы 1911г.

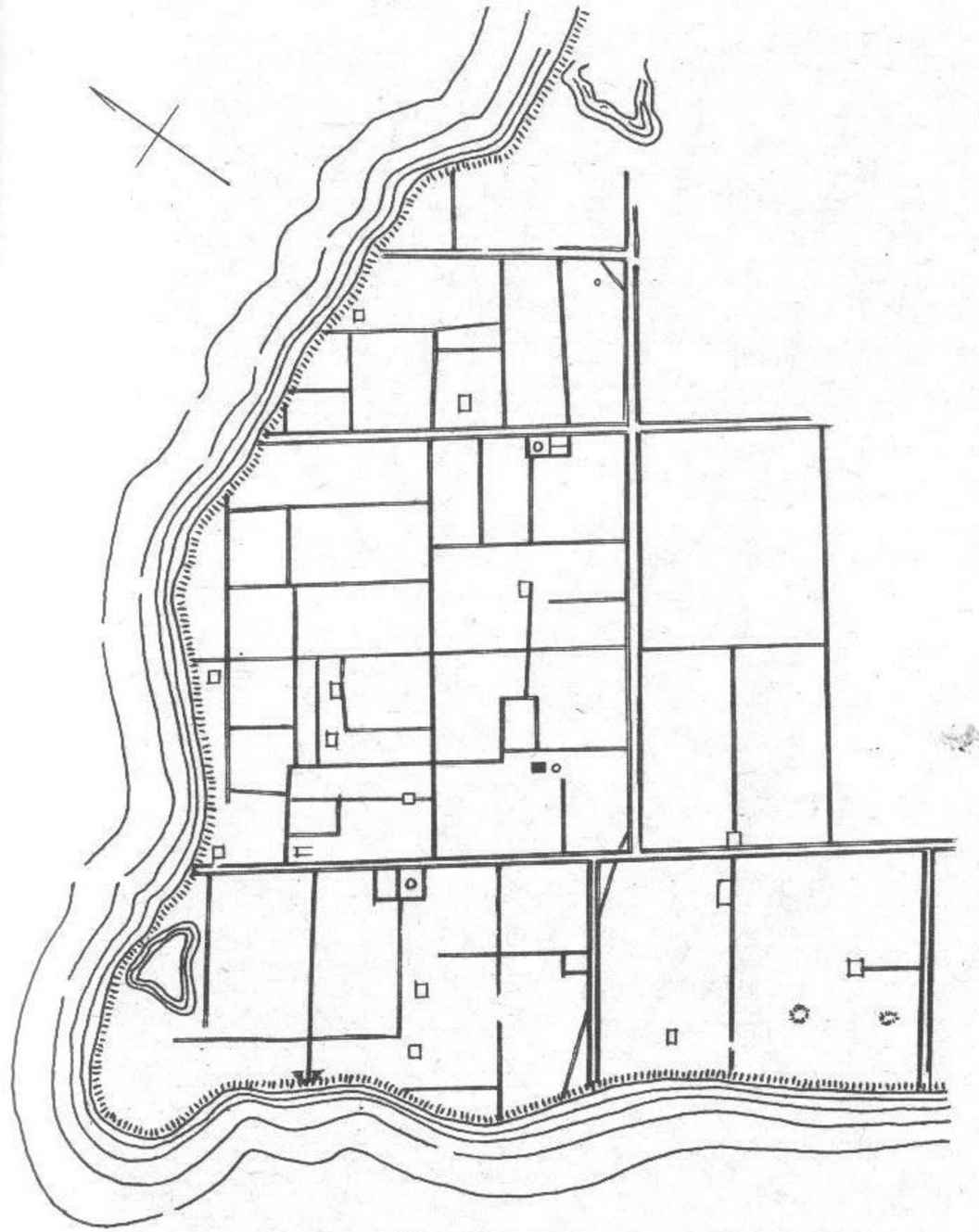


Рис. 8. План земельных участков у Херсонесского мыса. Обмеры П.Касаткина (по: Гриневич 1931, табл.2)

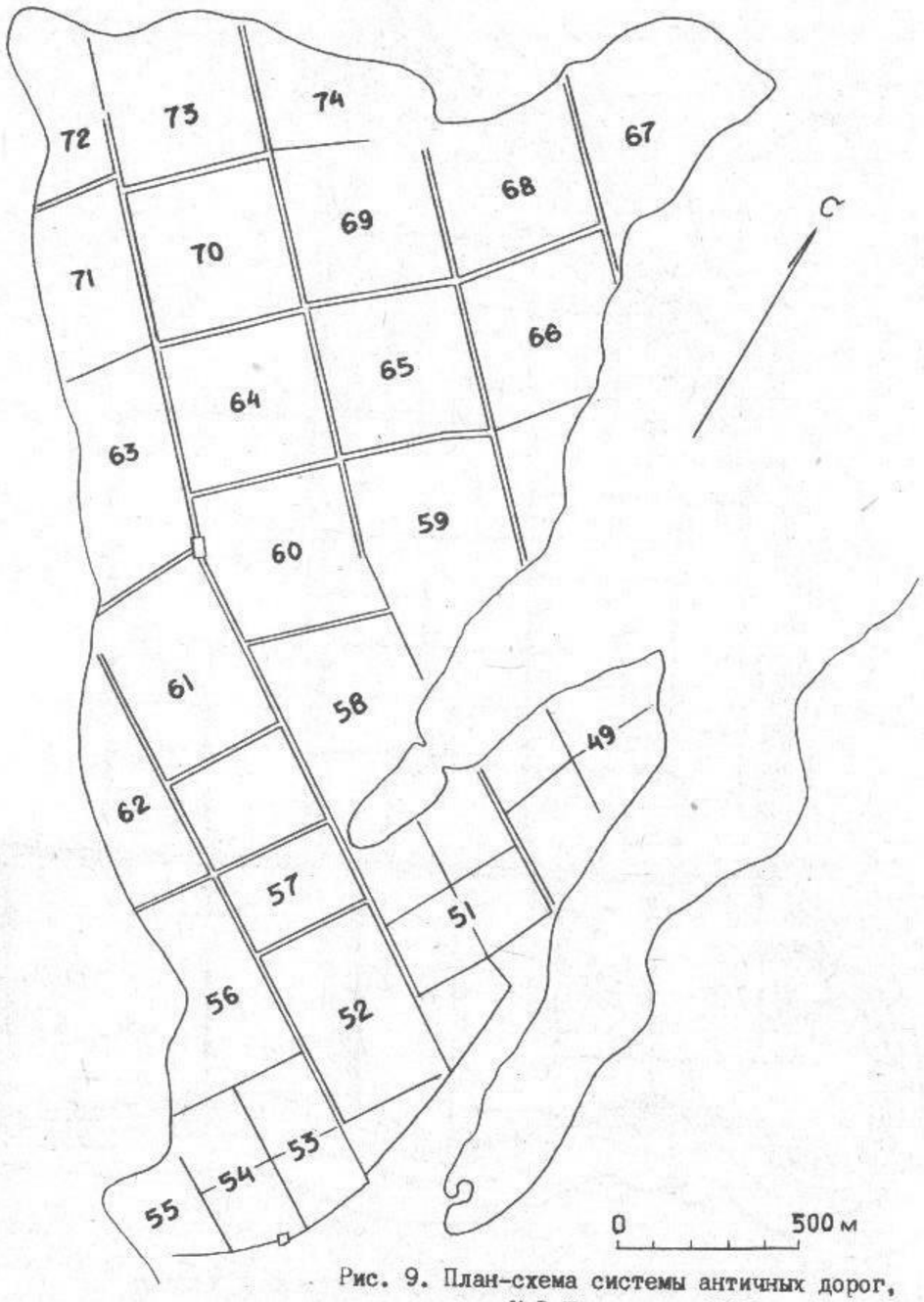


Рис. 9. План-схема системы античных дорог, составленная К.В.Шишкиным в 1979 г. по материалам аэрофотосъемки 1961 г.

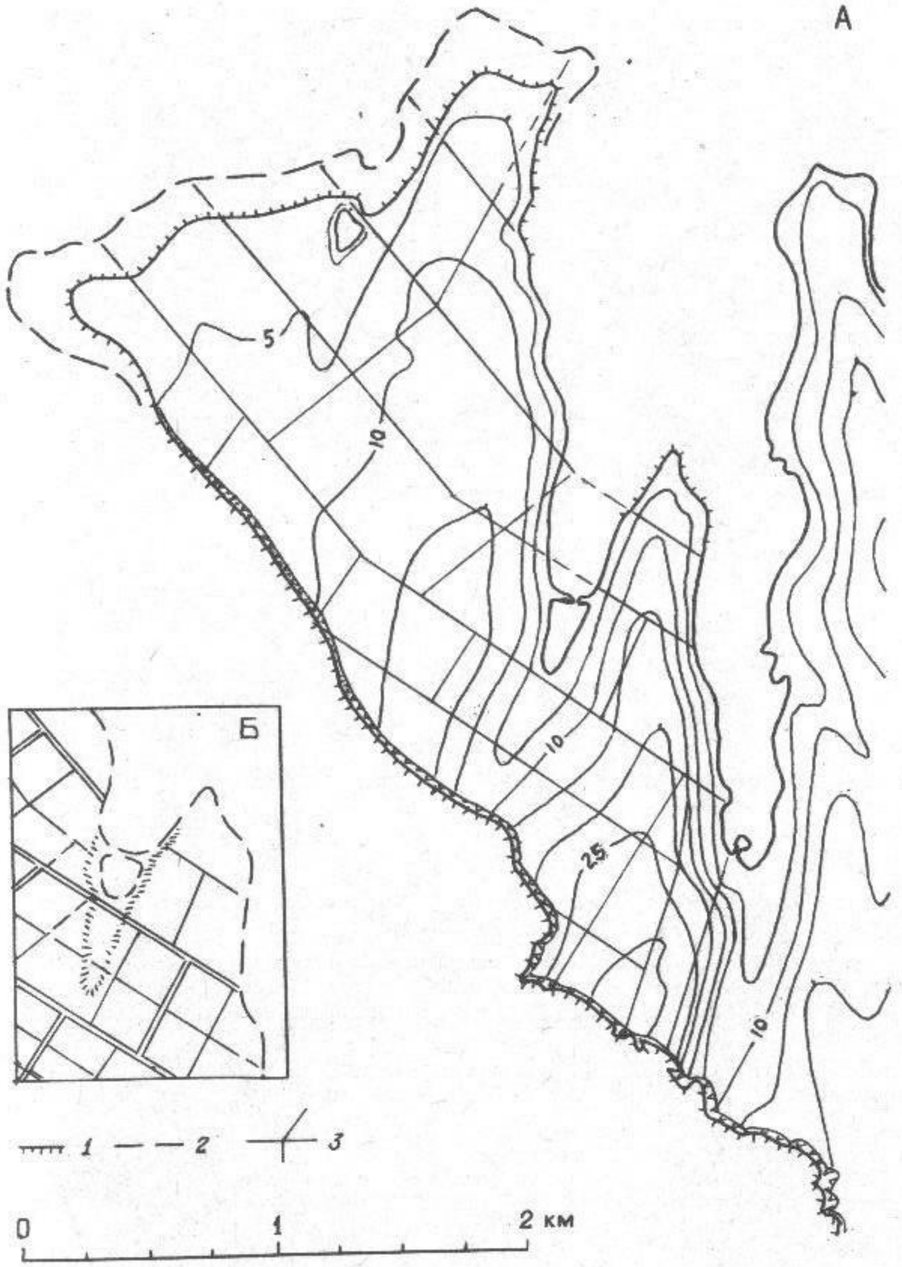


Рис. 10. Маячный полуостров. А - геоморфологическая карта-схема, Б - примерная реконструкция района озера Соленое. 1 - абразионные берега, 2 - примерная реконструкция береговой линии на этапе фанагорийской регрессии, 3 - главные планировочные оси древних дорог

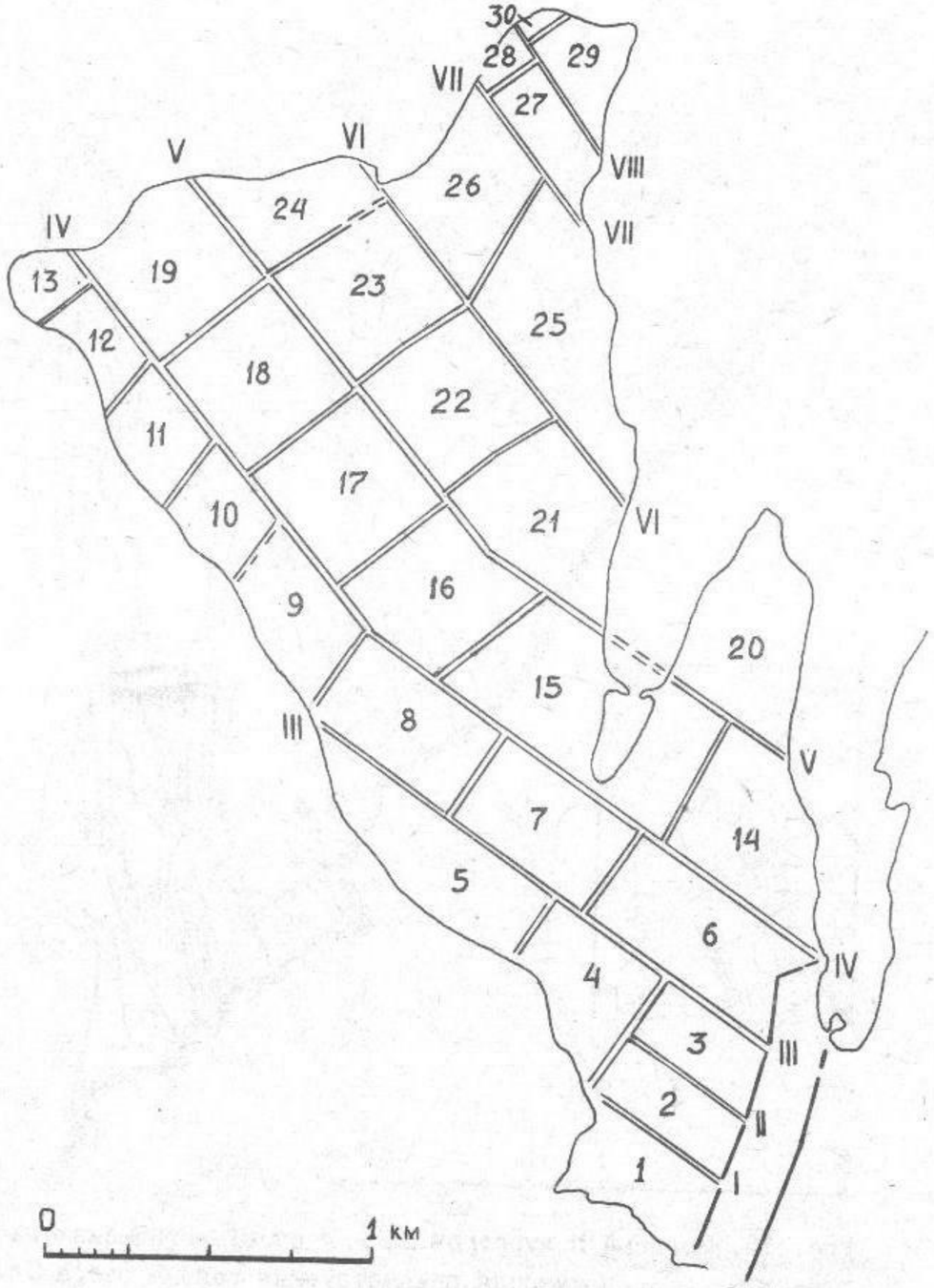


Рис. 11. Система древних дорог и земельных площадей на Маячном полуострове. Карта-схема. I-VIII - магистральные дороги, 1-30 - земельные площади

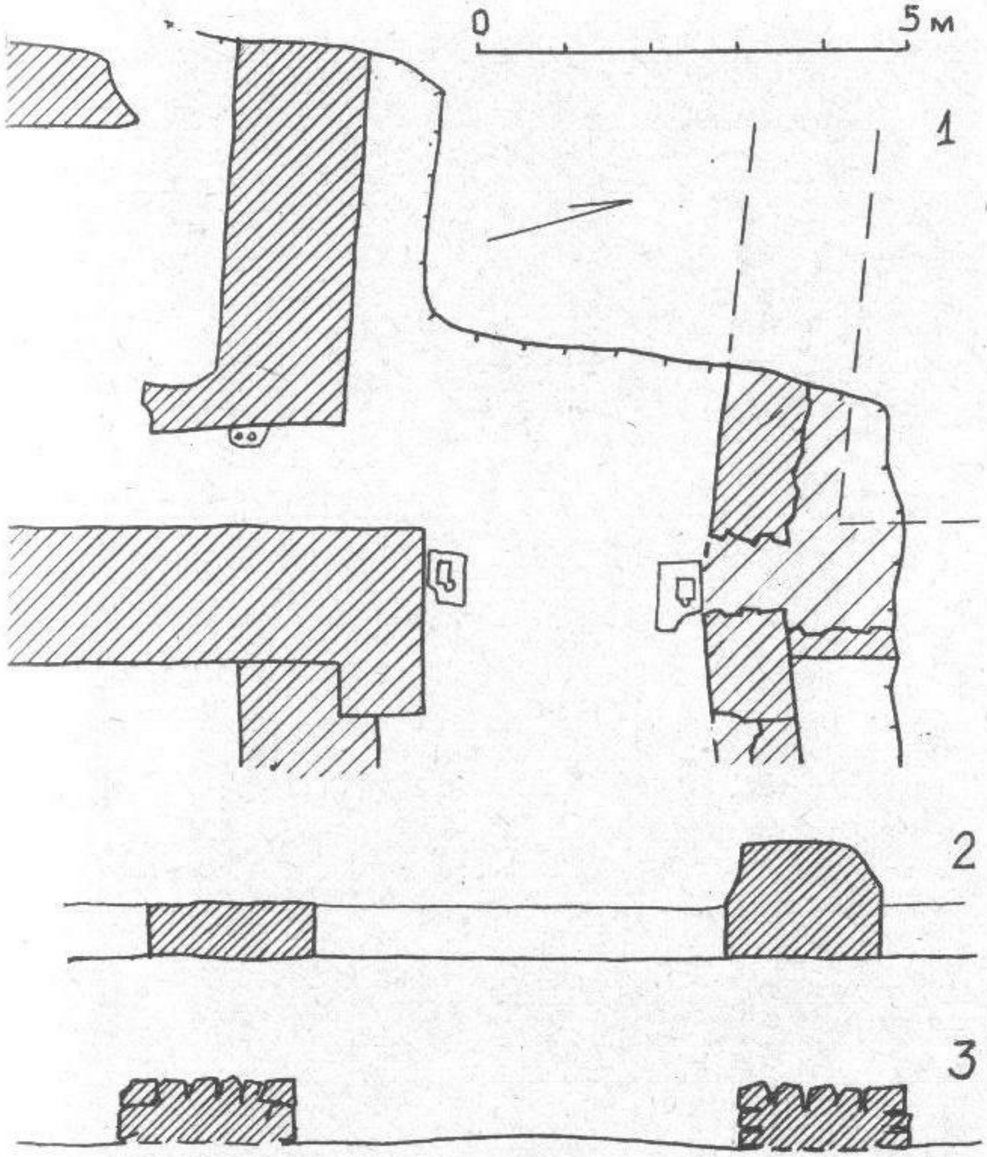


Рис. 12. Ограды дорог. 1 - у южных ворот укрепления на перешейке (дорога 1), 2 - дорога У, 3 - дорога УI. (По чертежам Печенкина, Архив ИИМК)

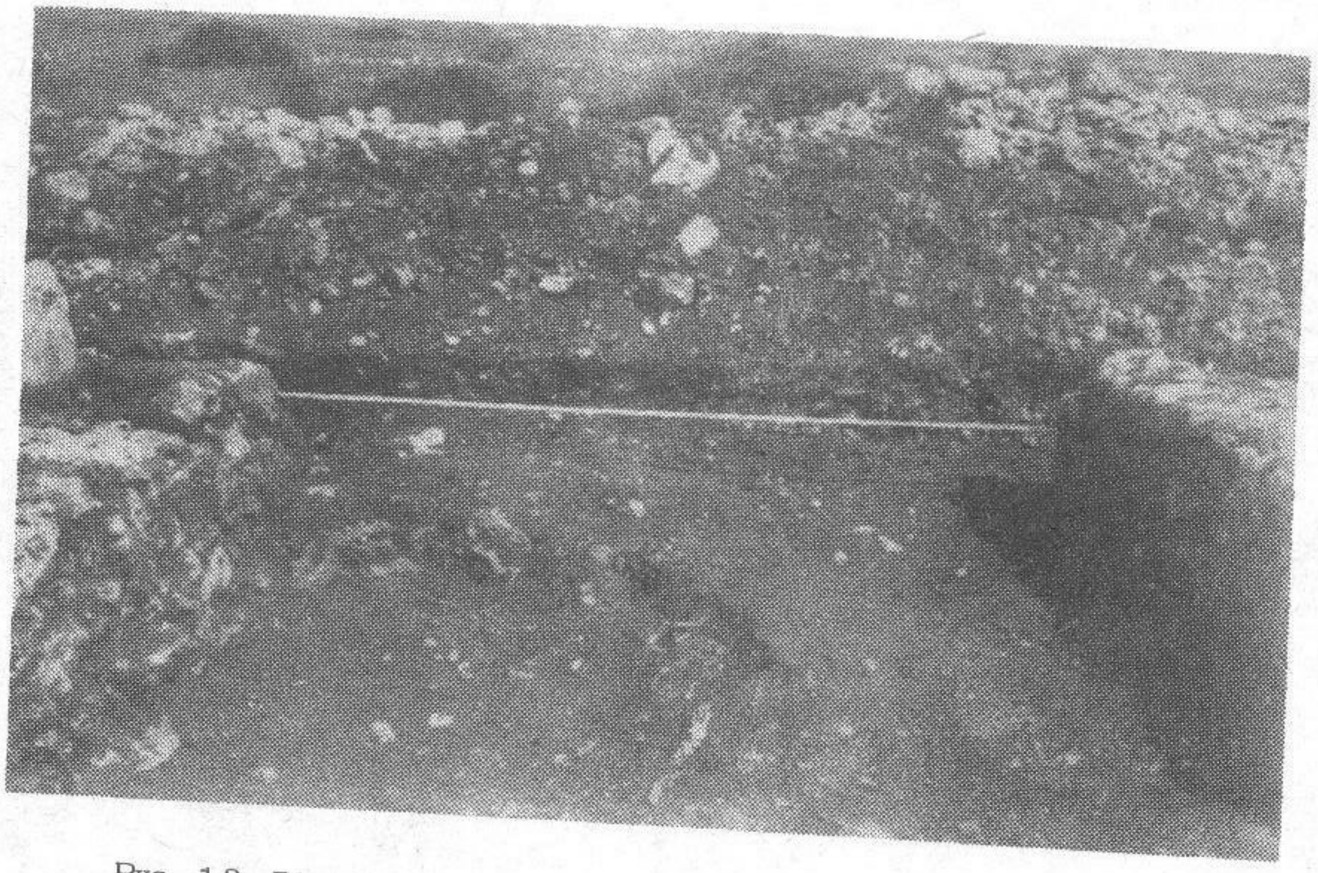


Рис. 13. Дорога между площадями 10 и 11. Раскоп № 2, 1911.
Фото Печенкина. (Фотоархив ИИМК, О.701.20)

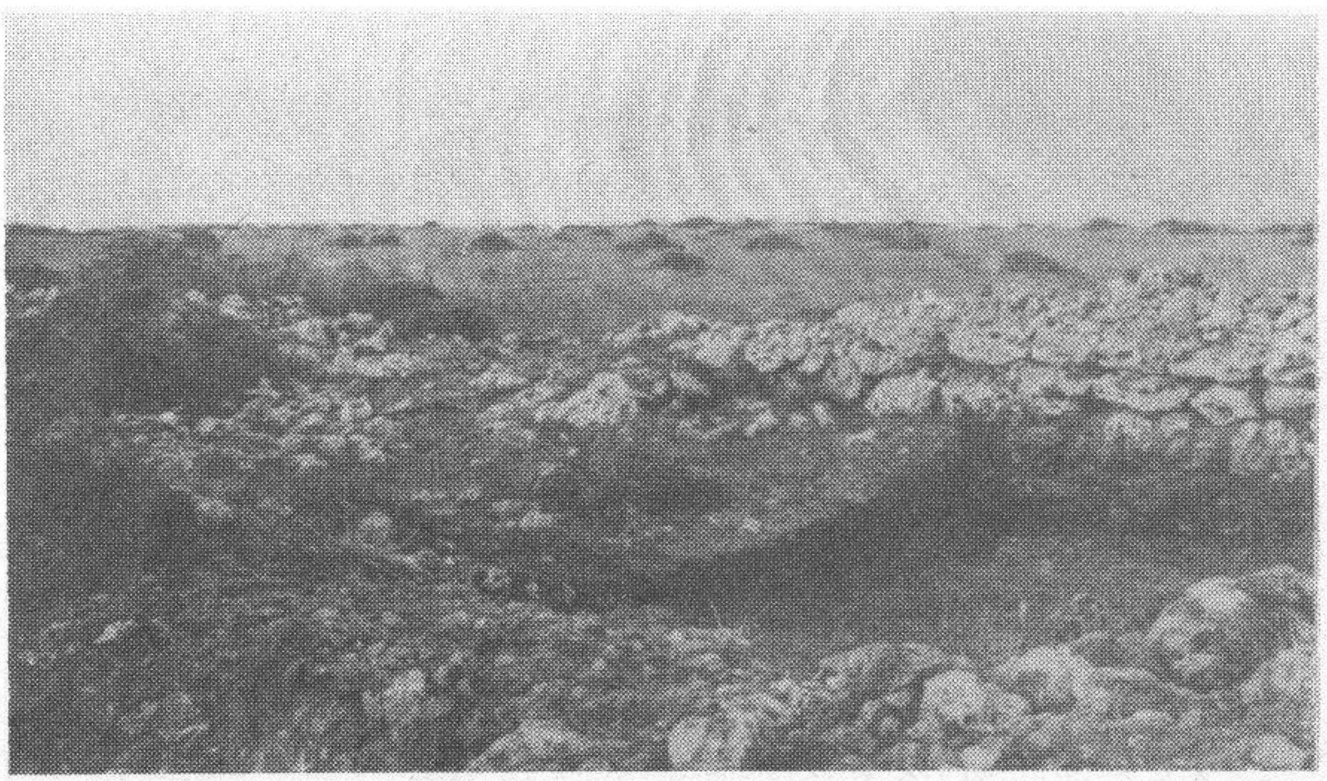


Рис. 14. Раскоп № 1, 1911 г. на дороге IУ.
Фото Печенкина. (Фотоархив ИИМК, О.701.21)

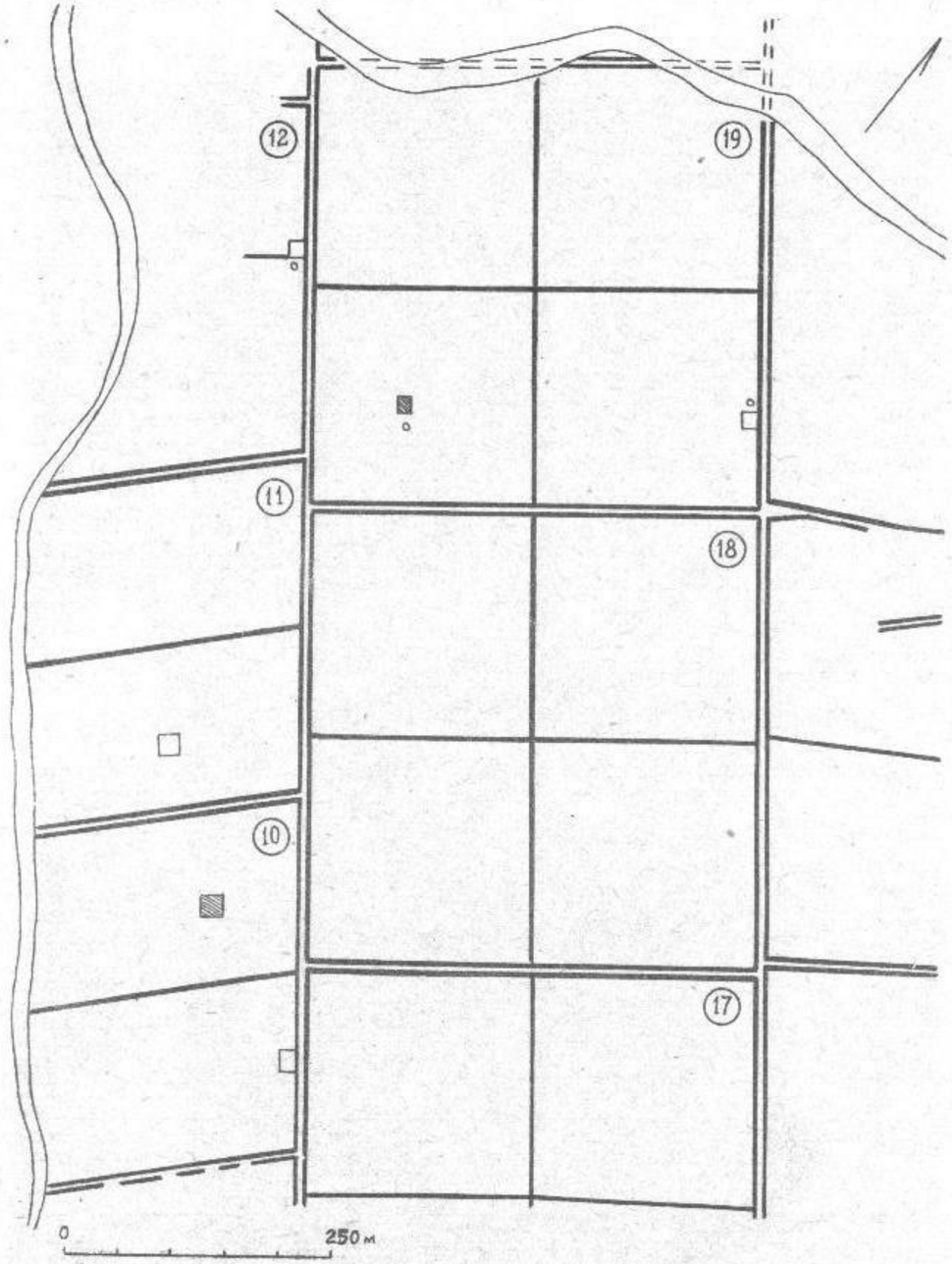


Рис. 15. Главные (каркасные) элементы планировки в северо-западной части Маячного полуострова

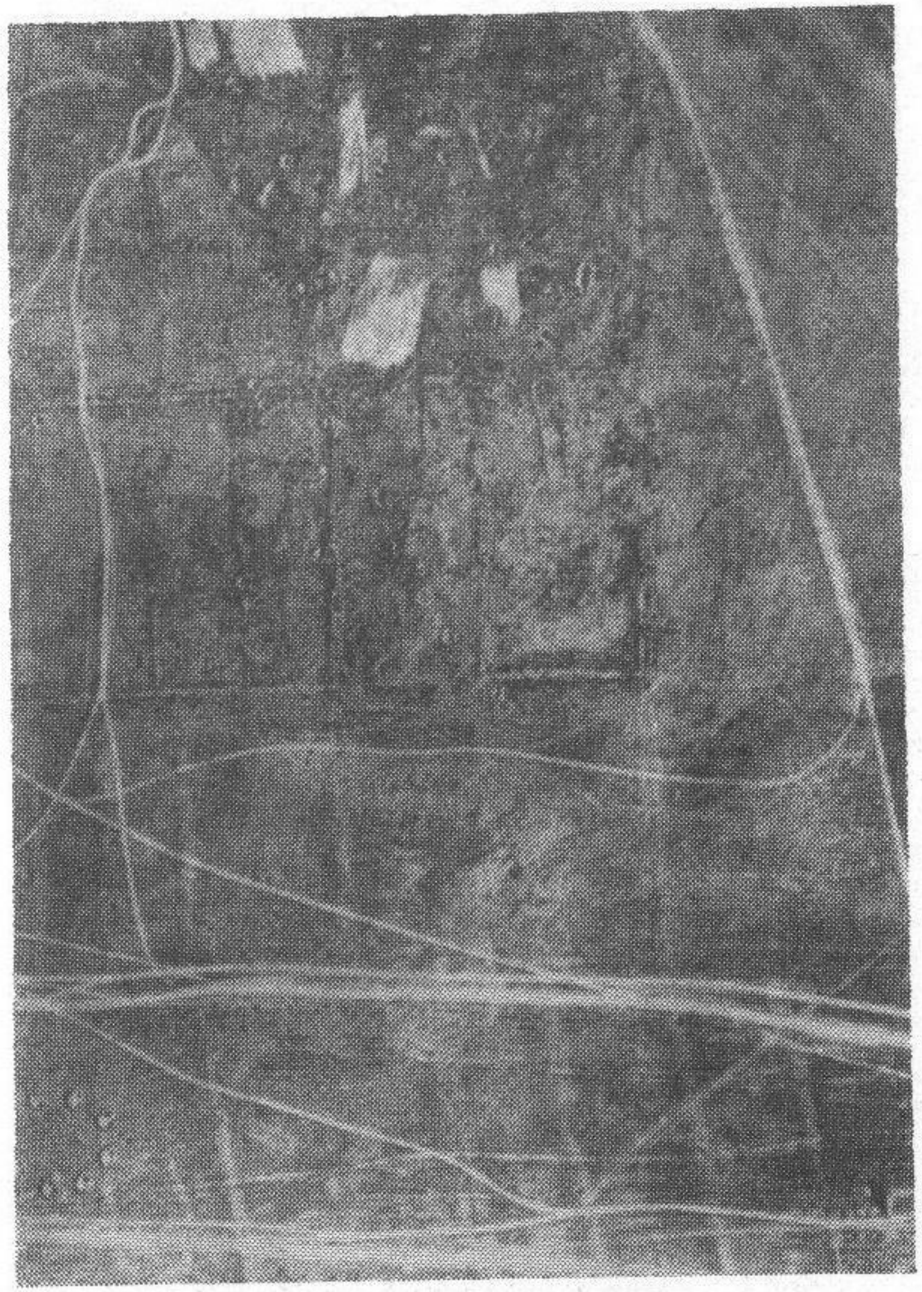


Рис. 16. Площади 10,11,18. Аэроснимок 1961 г.

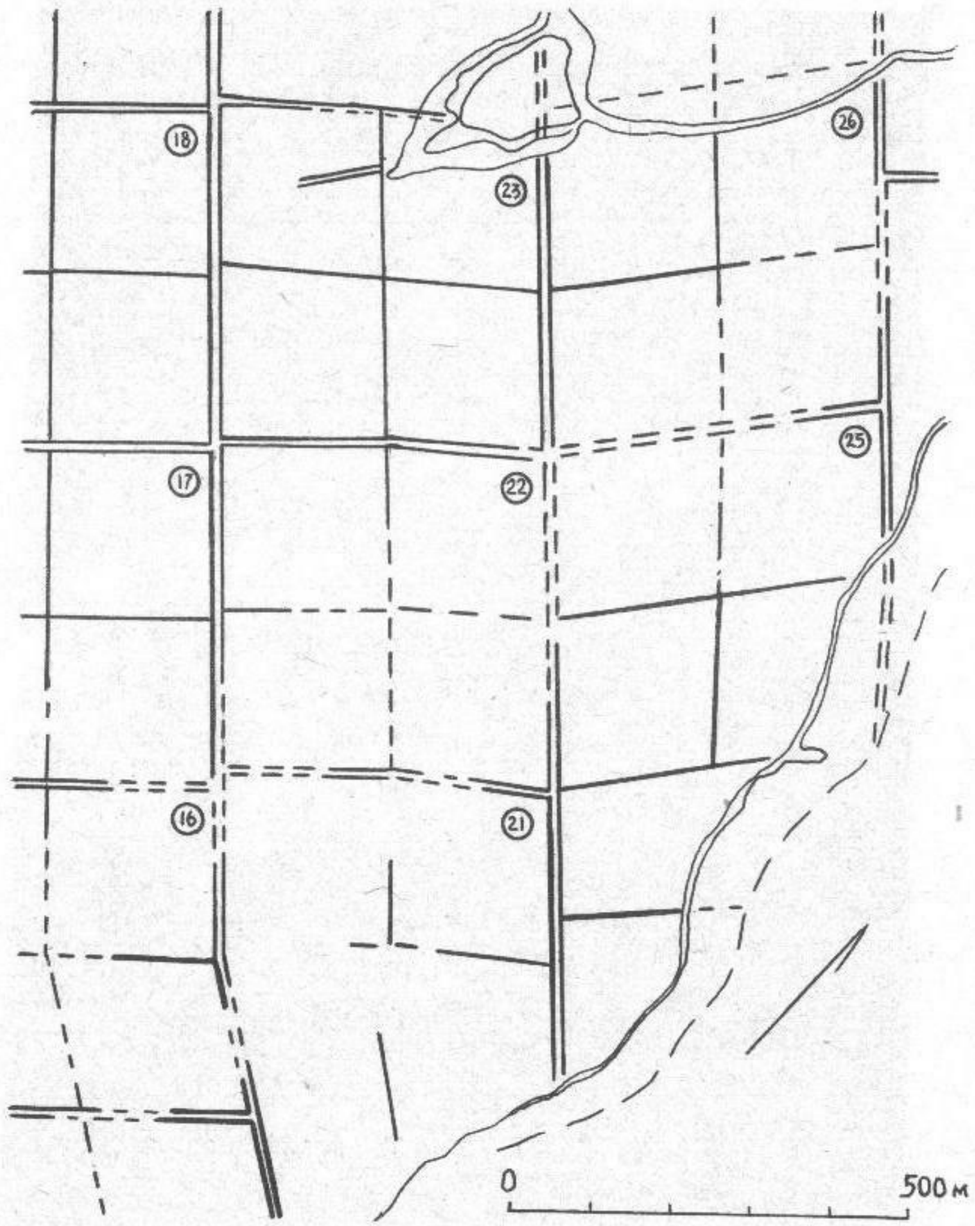


Рис. 17. Главные (каркасные) элементы планировки в северной части Маячного полуострова

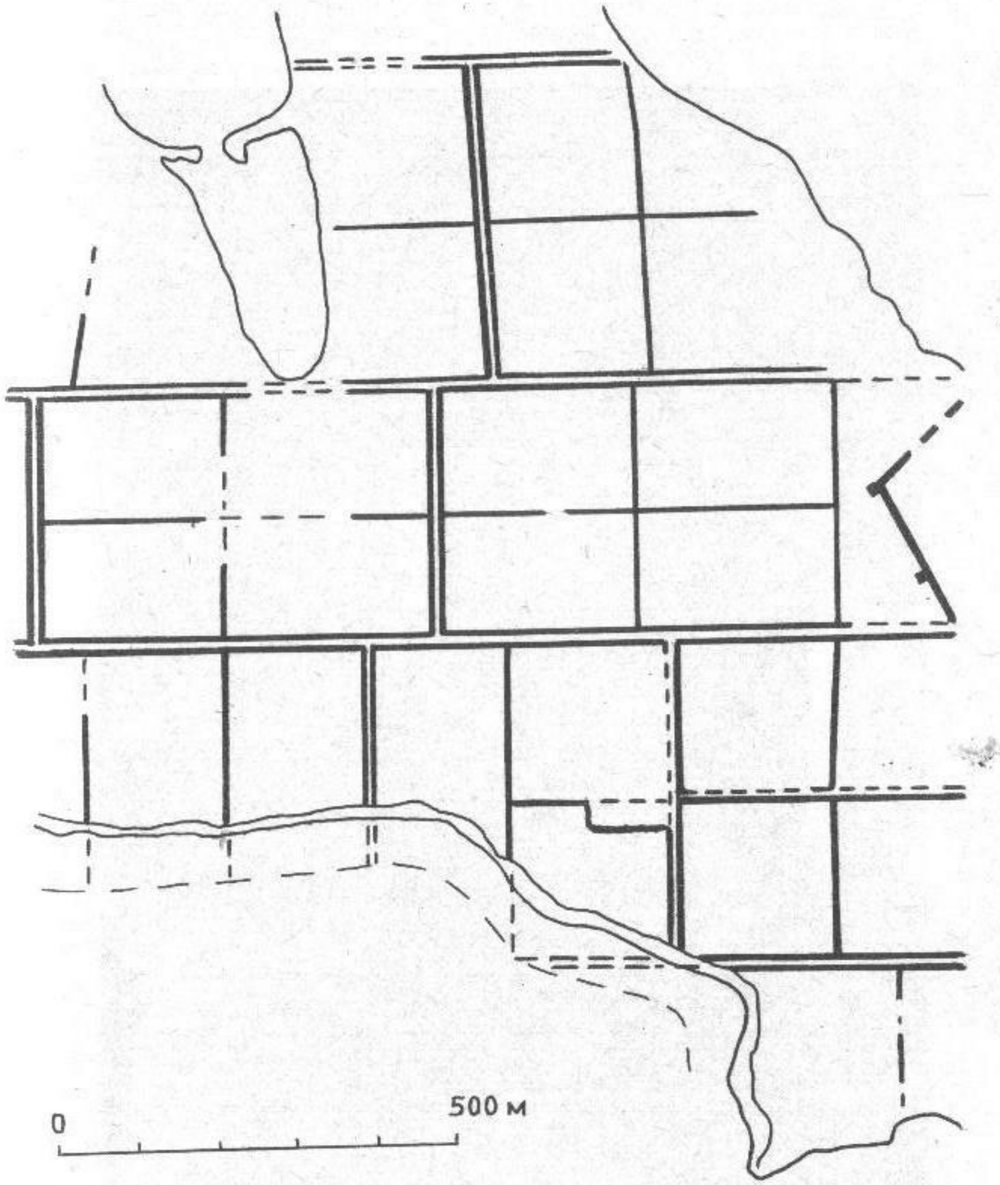


Рис. 18. Главные (каркасные) элементы планировки в южной части Маячного полуострова

Рис. 19. Площади 2,4,6. Аэроснимок 1961 г.

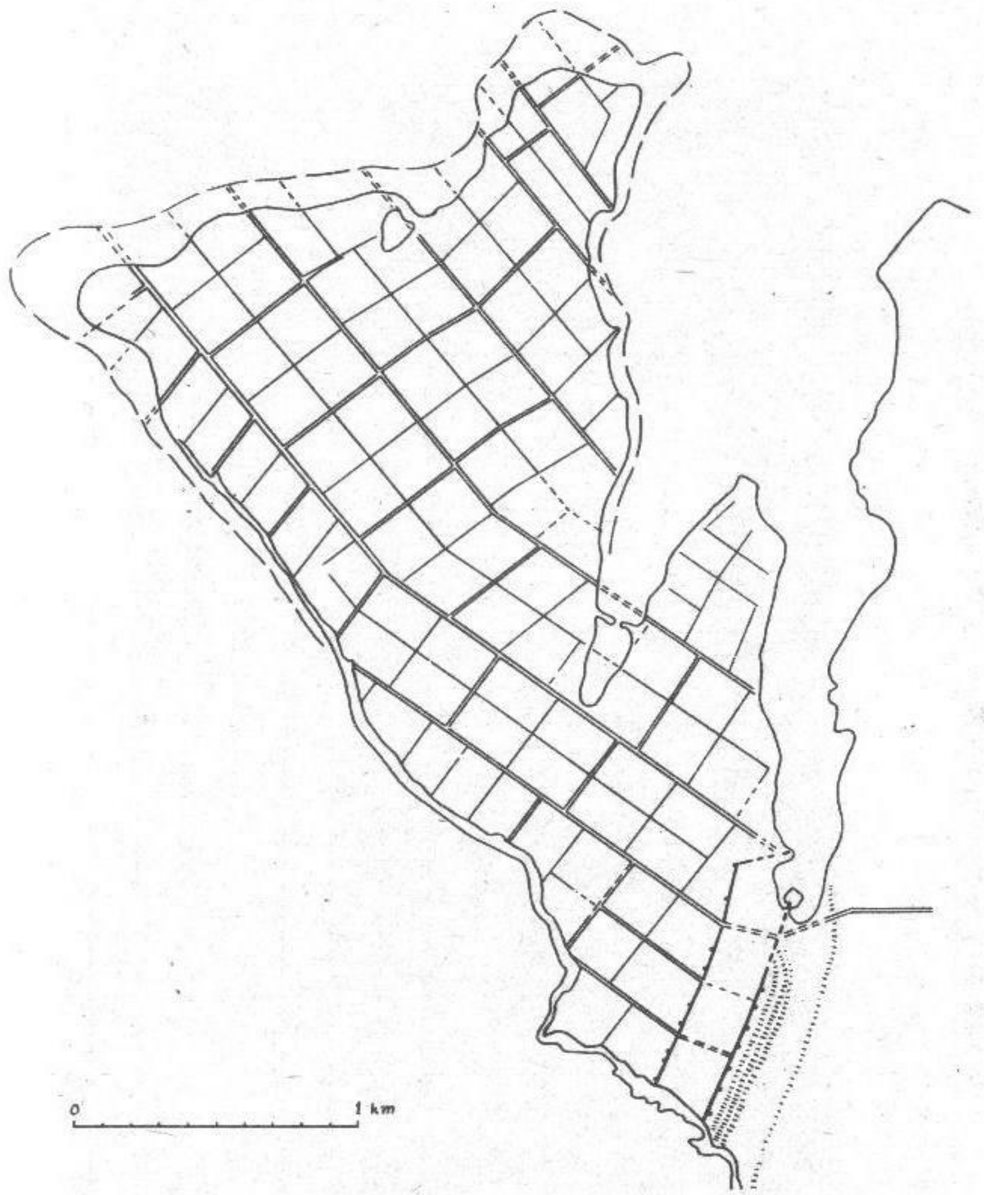


Рис. 20. Первоначальная межевая система на Маячном полуострове. План-схема

2. "К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища"

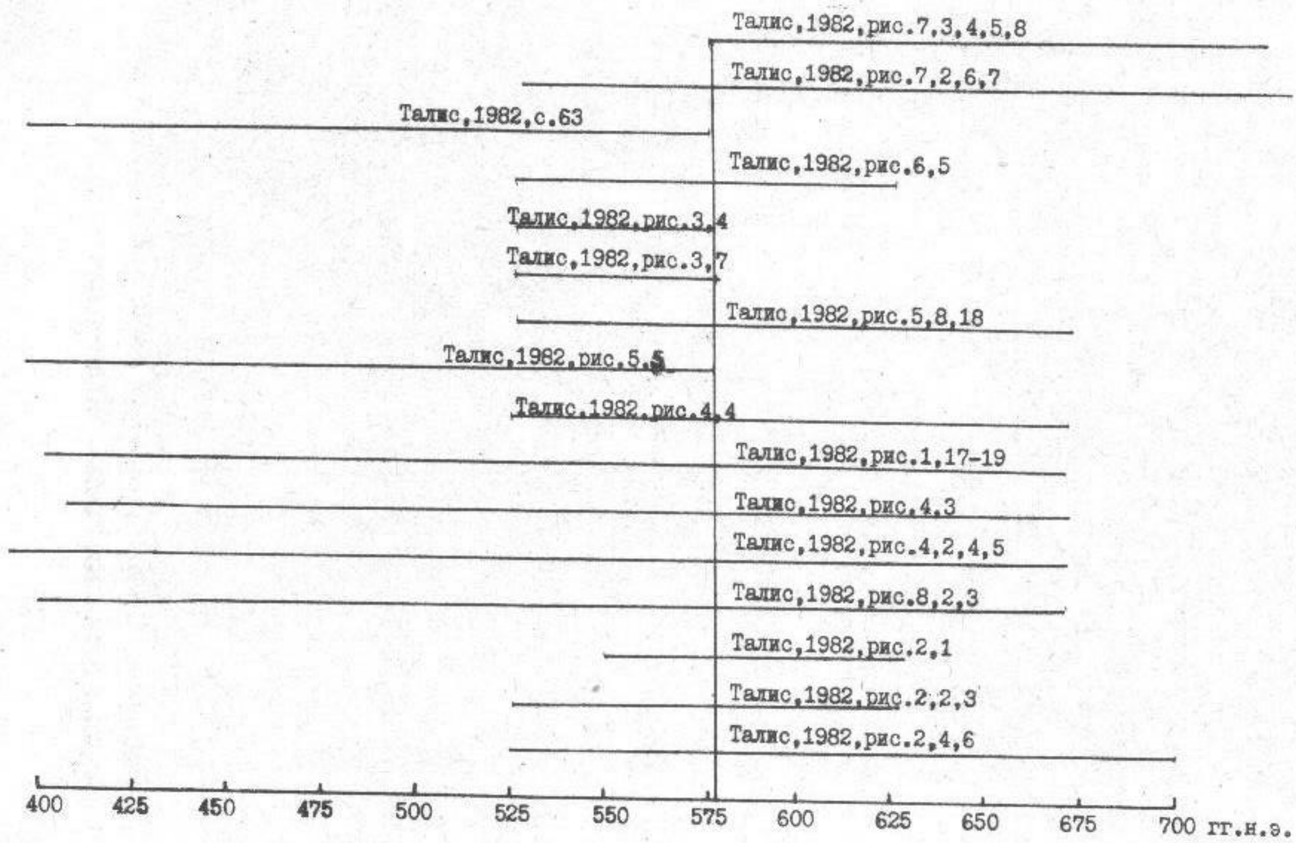


Рис. I. Сочетание циклов вещей из "зеленого слоя" Баклинского городища. Номера рисунков соответствуют нумерации в статье Д.Л.Талиса (1982)

3. "Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка № 2"

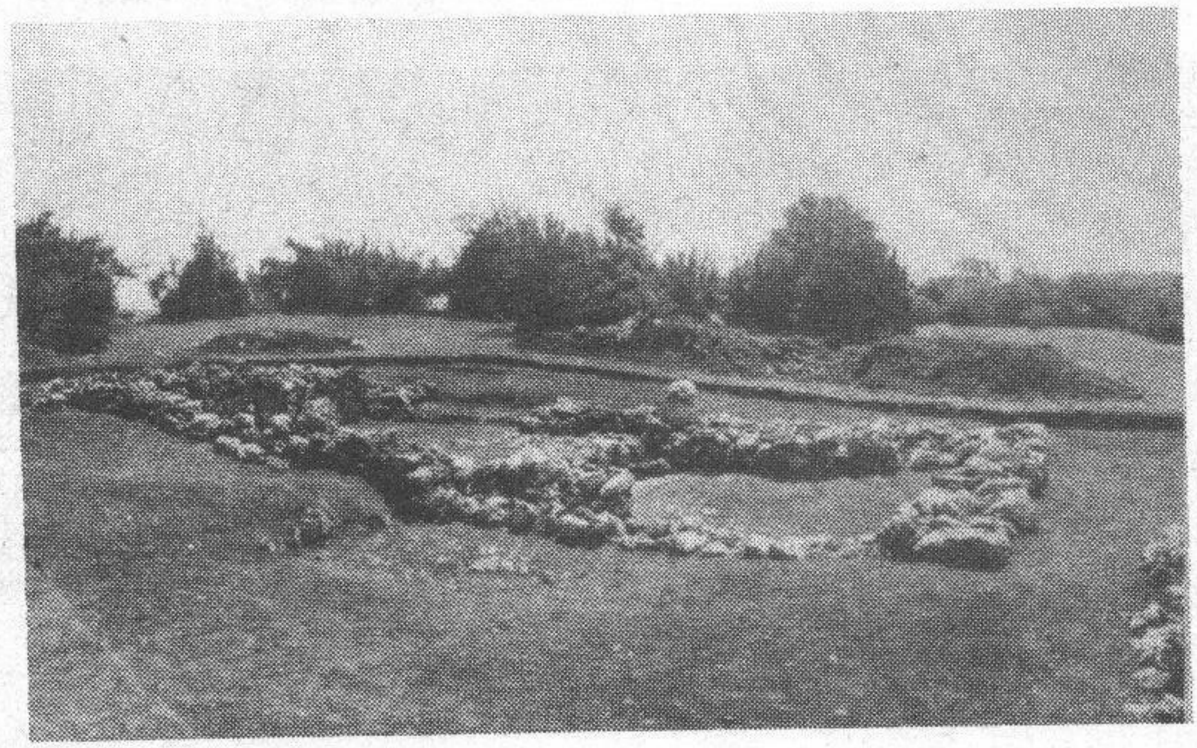


Рис. 1. Постройка № 2. Вид с северо-запада (уровень окружающей дневной поверхности времени гибели постройки)

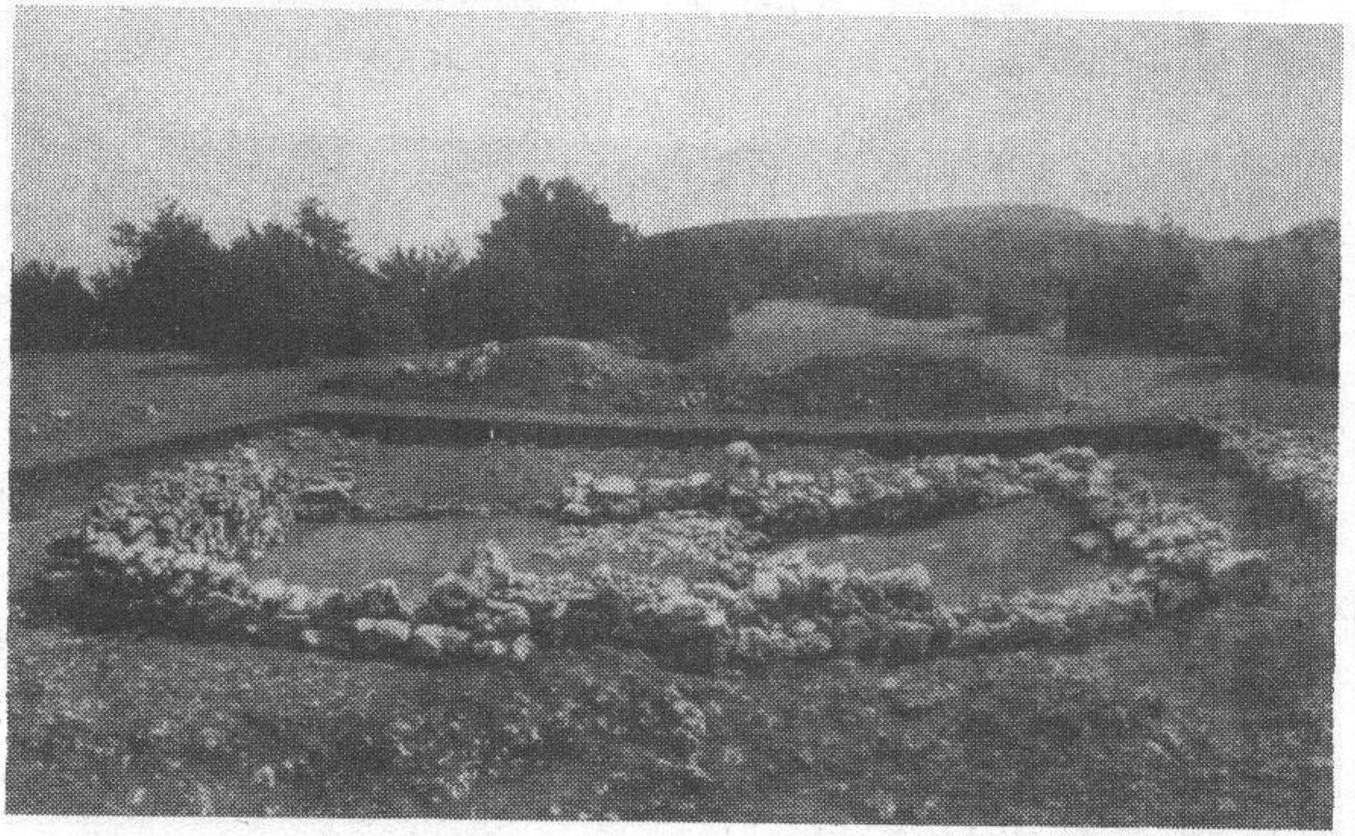


Рис. 2. Постройка № 2. Вид с севера (уровень окружающей дневной поверхности времени сооружения постройки)

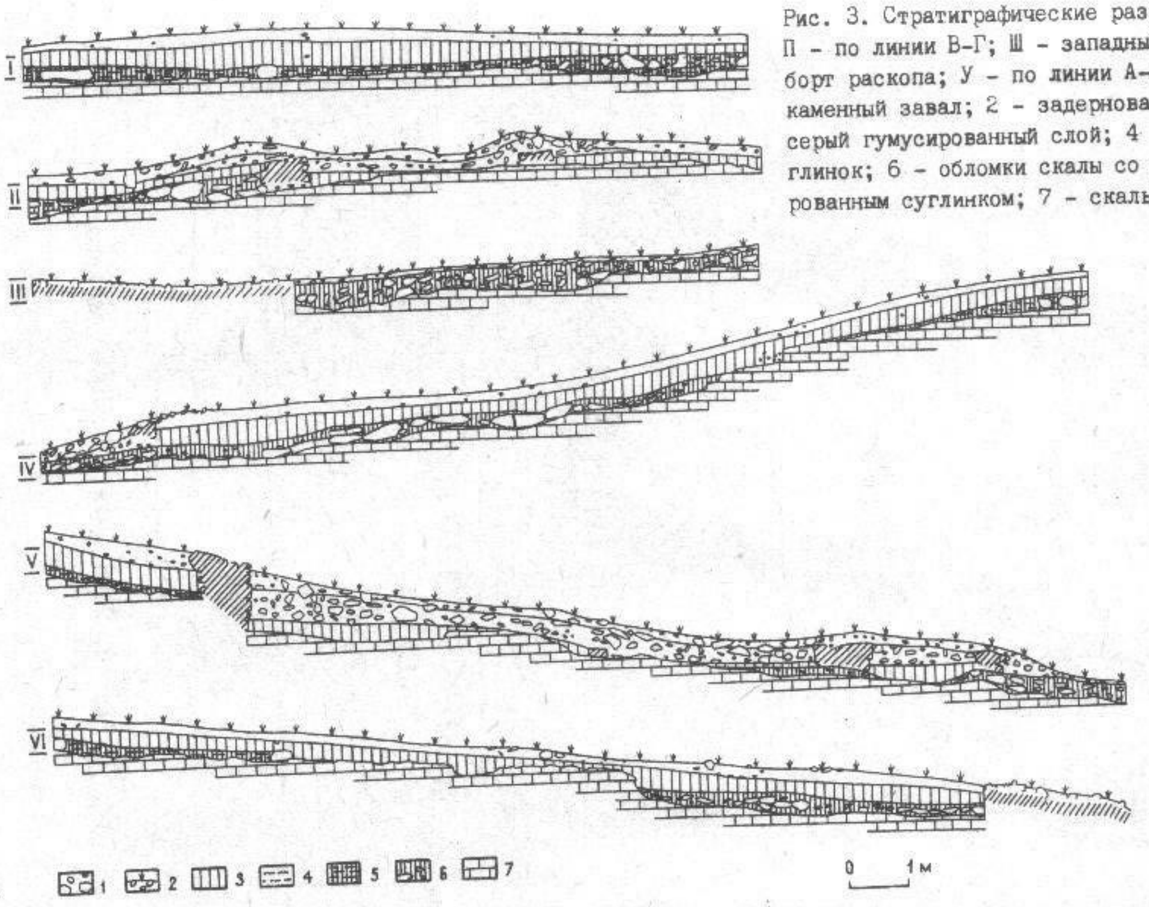


Рис. 3. Стратиграфические разрезы. I - восточный борт раскопа; II - по линии В-Г; III - западный борт раскопа; IУ - северный борт раскопа; У - по линии А-Б; УI - южный борт раскопа. 1 - каменный завал; 2 - задернованная часть завала; 3 - темновато-серый гумусированный слой; 4 - зола; 5 - коричневый тяжелый суглинок; 6 - обломки скалы со щебнем и коричневато-серым гумусированным суглинком; 7 - скальное основание плато (известняк).

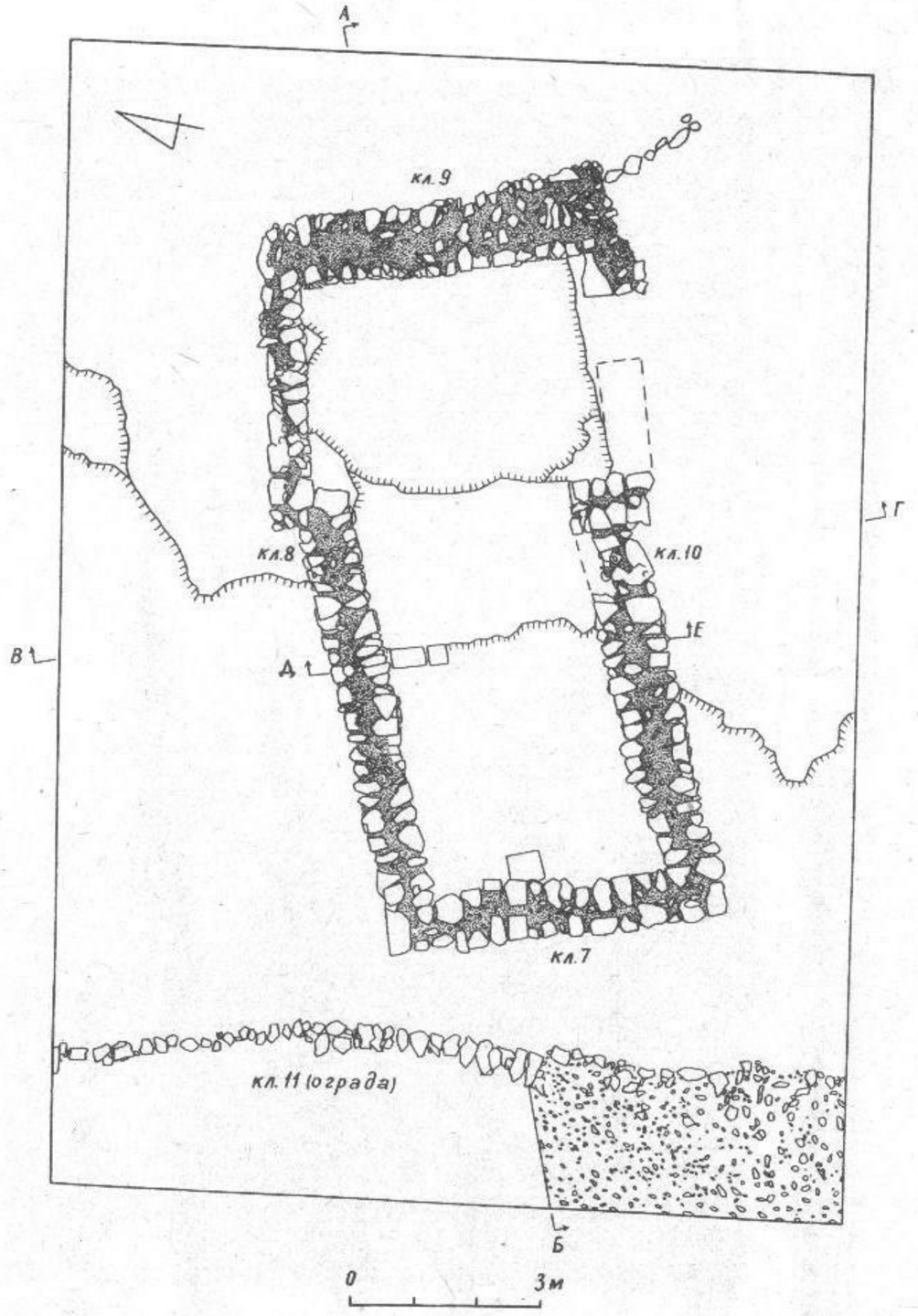


Рис. 4. Постройка № 2. План раскопа

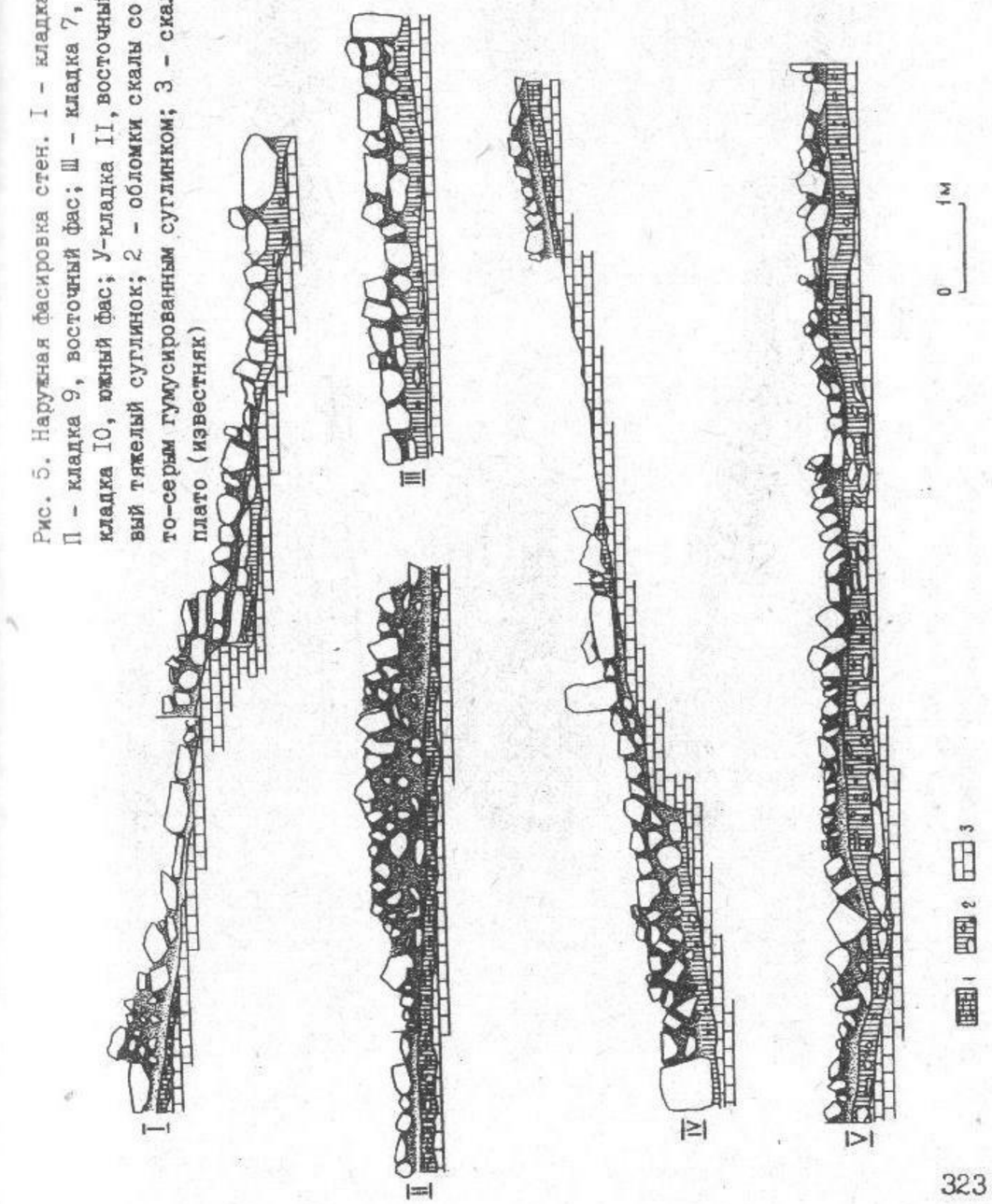


Рис. 5. Наружная фасировка стен. I - кладка 7, северный фас; П - кладка 9, восточный фас; Ш - кладка 7, западный фас; IУ - кладка I0, южный фас; У-кладка II, восточный фас. I - коричневый тяжелый суглинок; 2 - обломки скалы со щебнем и коричнево-серым гумусированным суглинком; 3 - скальное основание плато (известняк)

Рис. 6. Внутренняя фасировка стен. I - кладка 8, южный фас; П - кладка 9, западный фас; Ш - кладка 7, восточный фас; IУ - кладка I0, северный фас; У - разрез по линии Д-Е. I - коричневый тяжелый суглинок; 2 - обломки скалы со щебнем и коричневато-серым гумусированным суглинком; 3 - скальное основание плата (известняк)

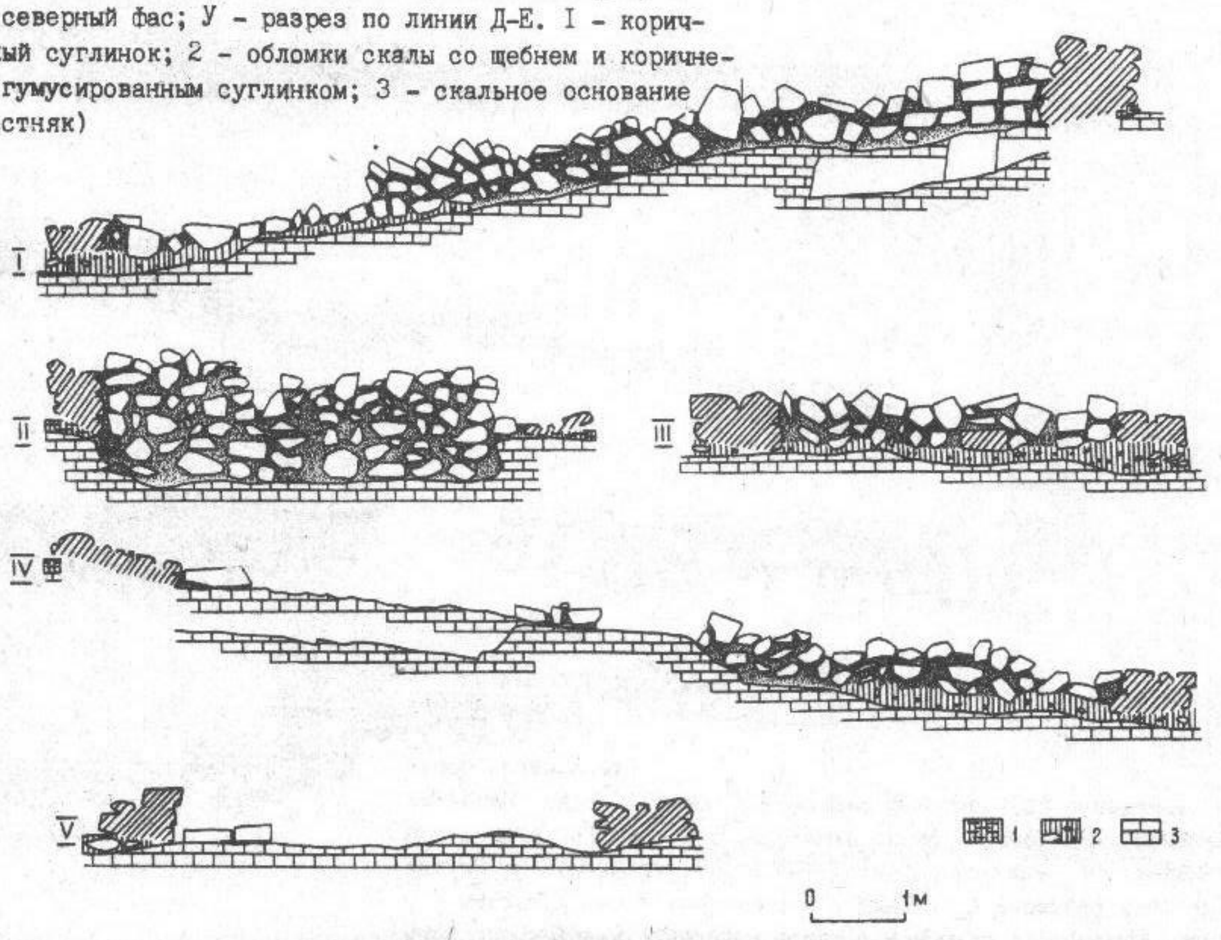


Рис. 7. Известняковый блок у западной стены

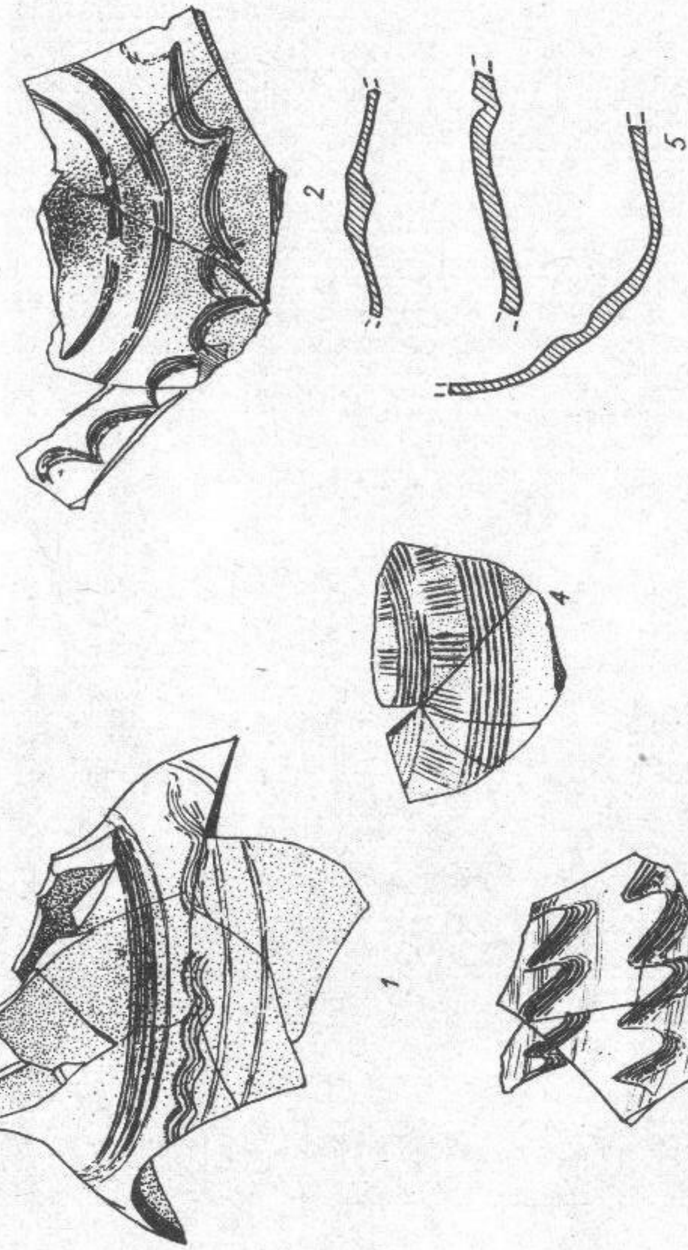


Рис. 8. Фрагменты амфор

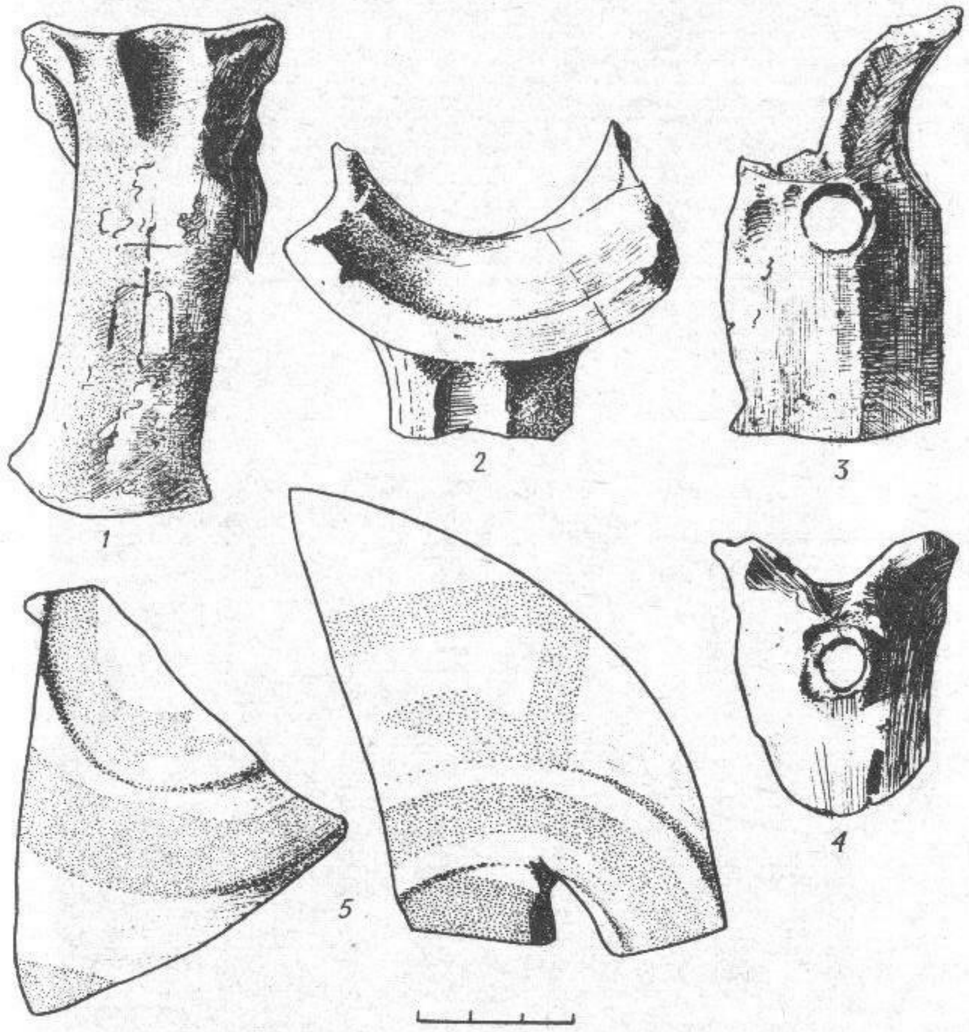


Рис. 9. Фрагменты гончарной керамики

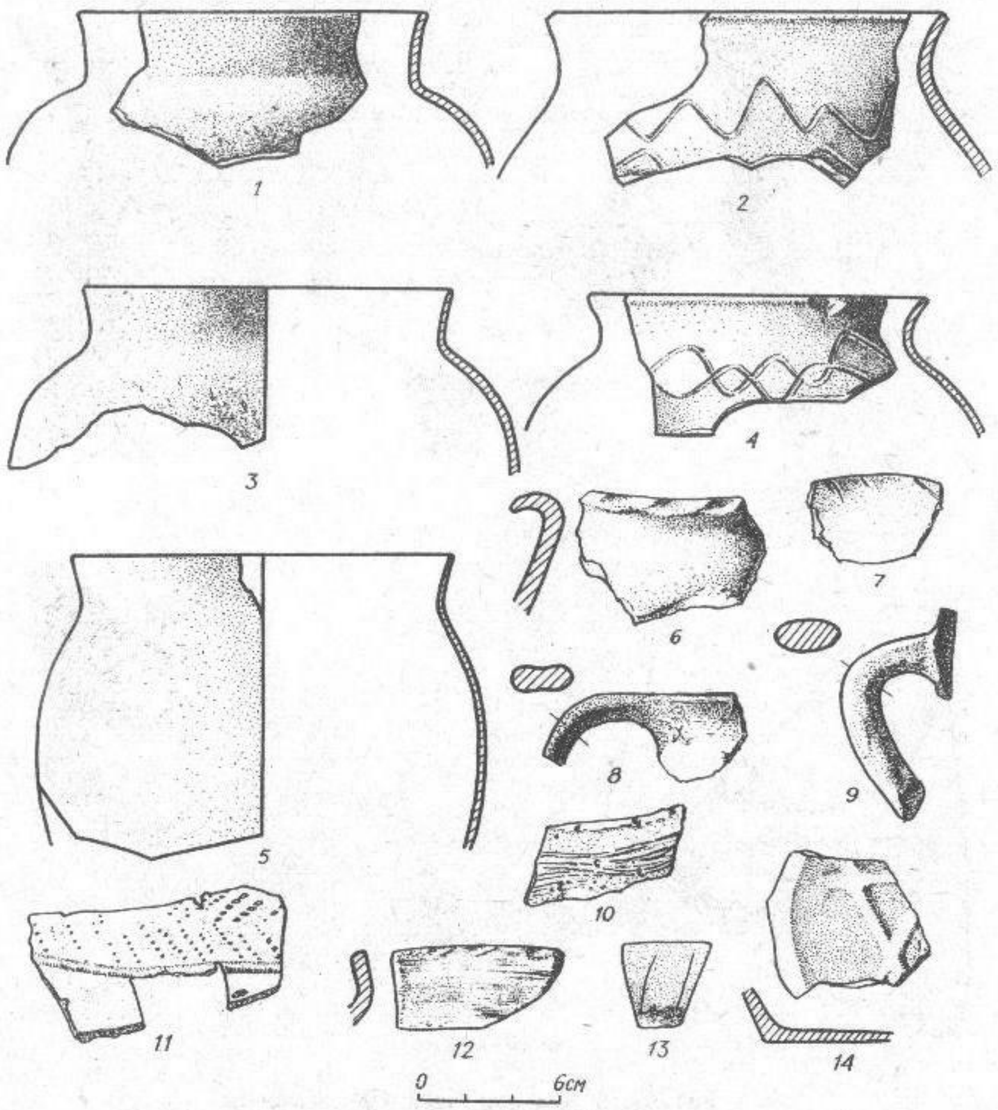


Рис. 10. Кухонная посуда

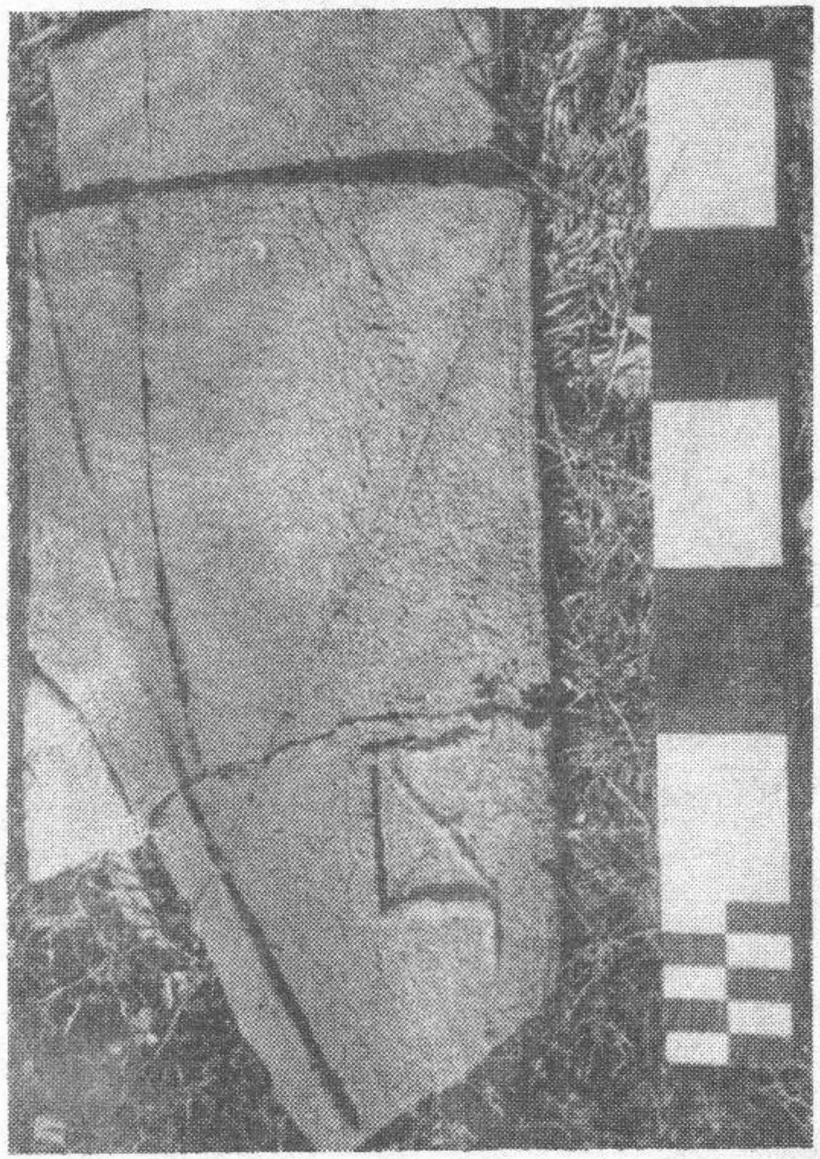


Рис. 11. Калиптер с меткой

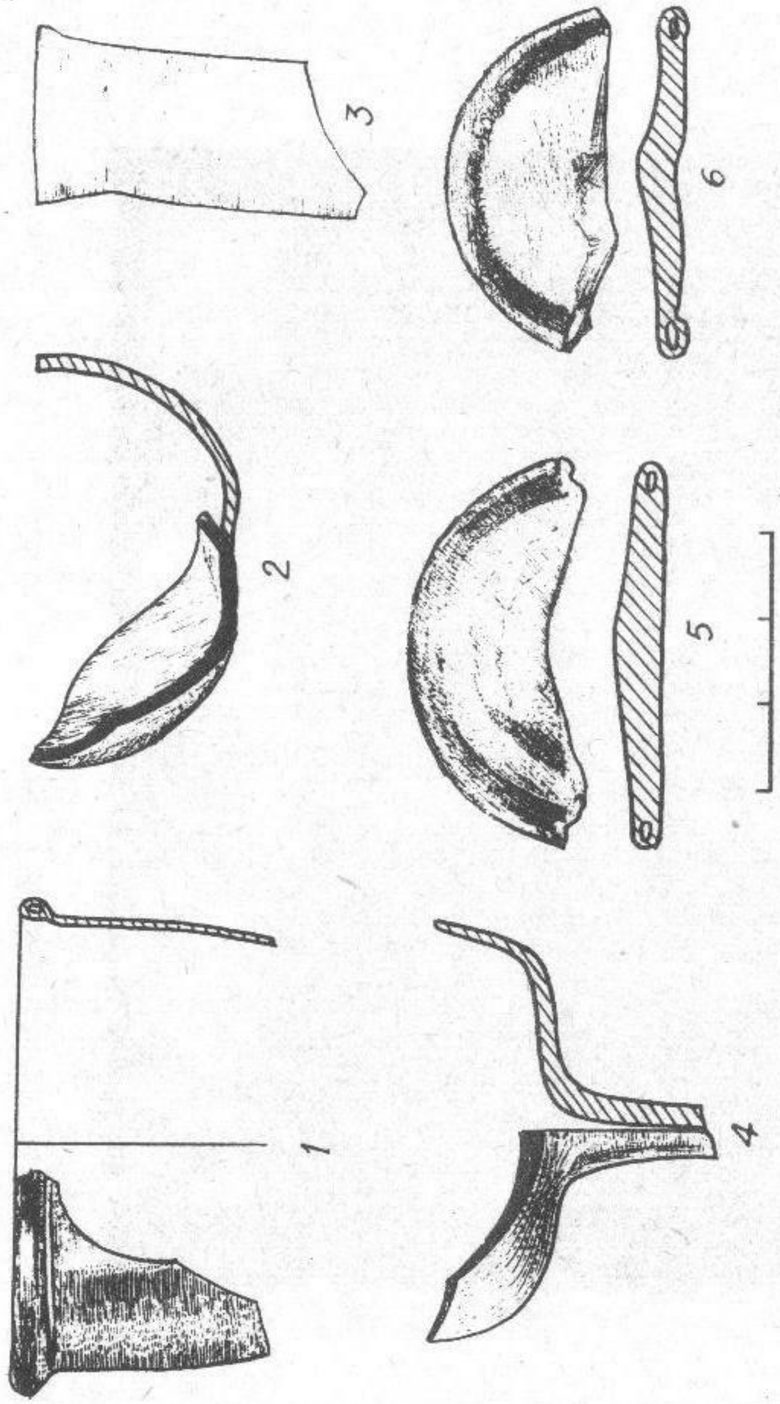


Рис. 12. Обломки стеклянных сосудов

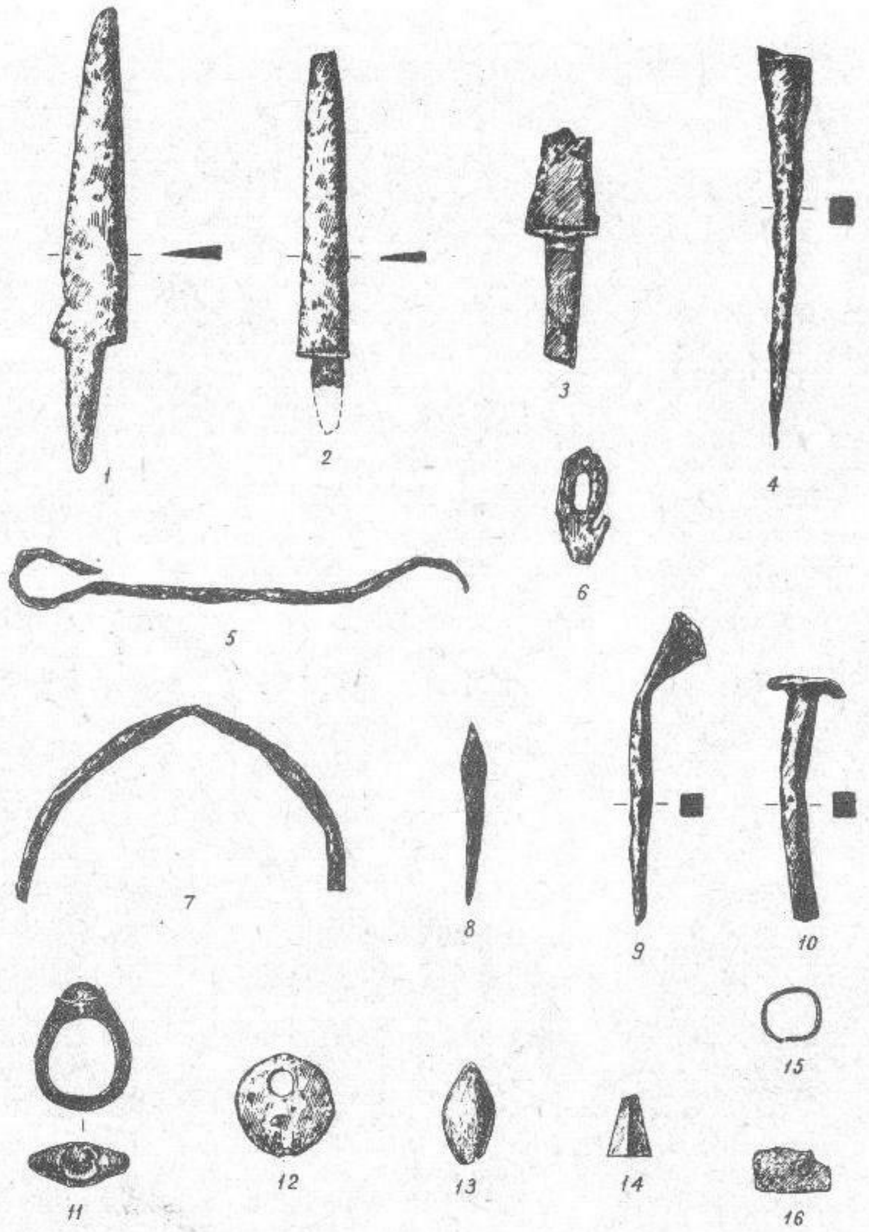


Рис. 13. Изделия из металла и украшения. 1-3 - ножи, 4 - пробойник, 5 - крючок, 6 - пластинка с прорезью и крючком, 7 - дужка, 8 - шило, 9,10 - гвозди, 11 - перстень, 12 - монета-подвеска, 13 - бусина, 14 - подвеска, 15 - колечко, 16 - накладка с гвоздиком. 1-10 - железо, 11 - свинец, стекло, 12,15,16 - бронза, 13. 14 - стекло

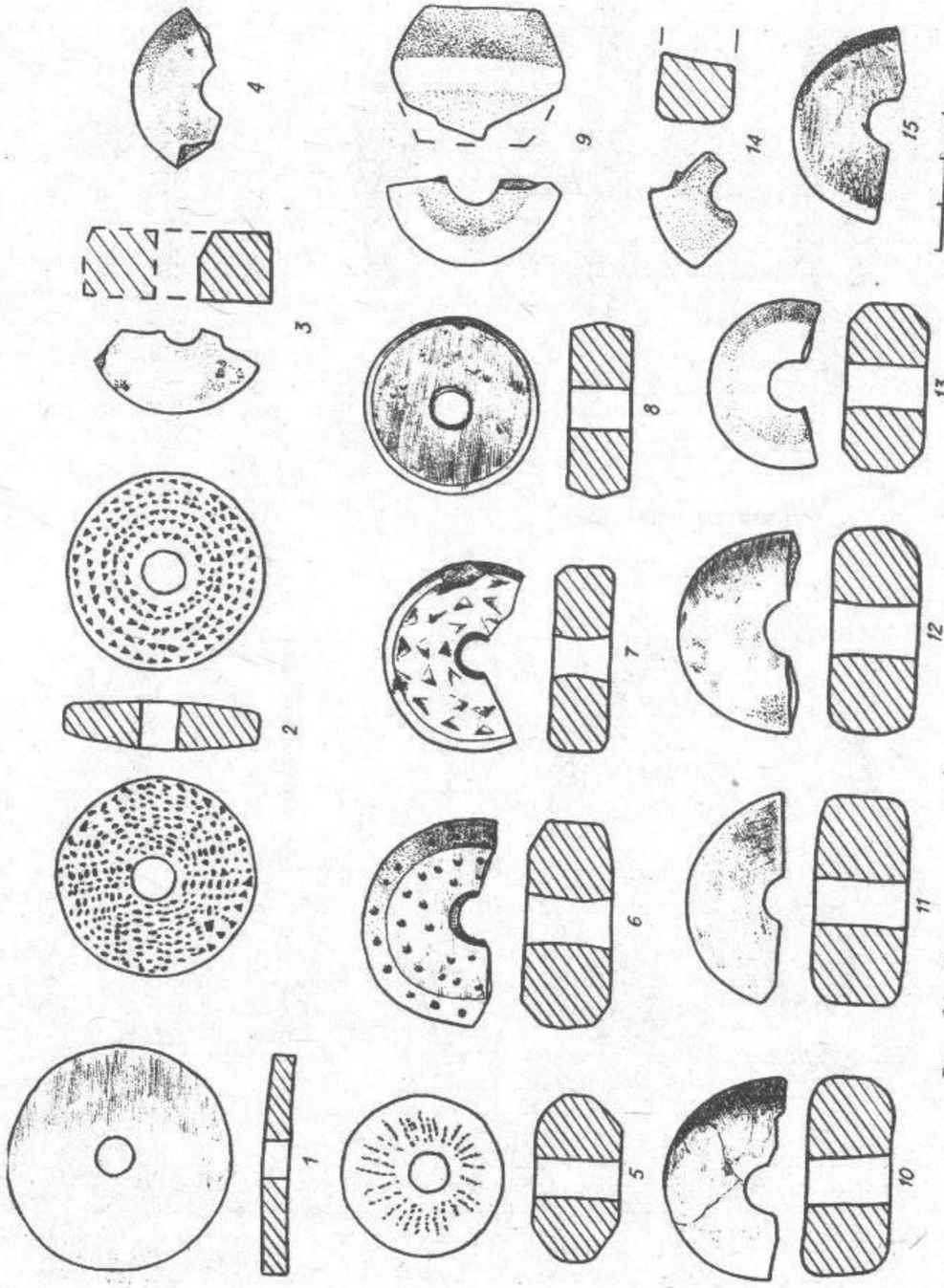


Рис. 14. Керамические (I-8,I0) и мергелевые (9,II-I5) пряслица

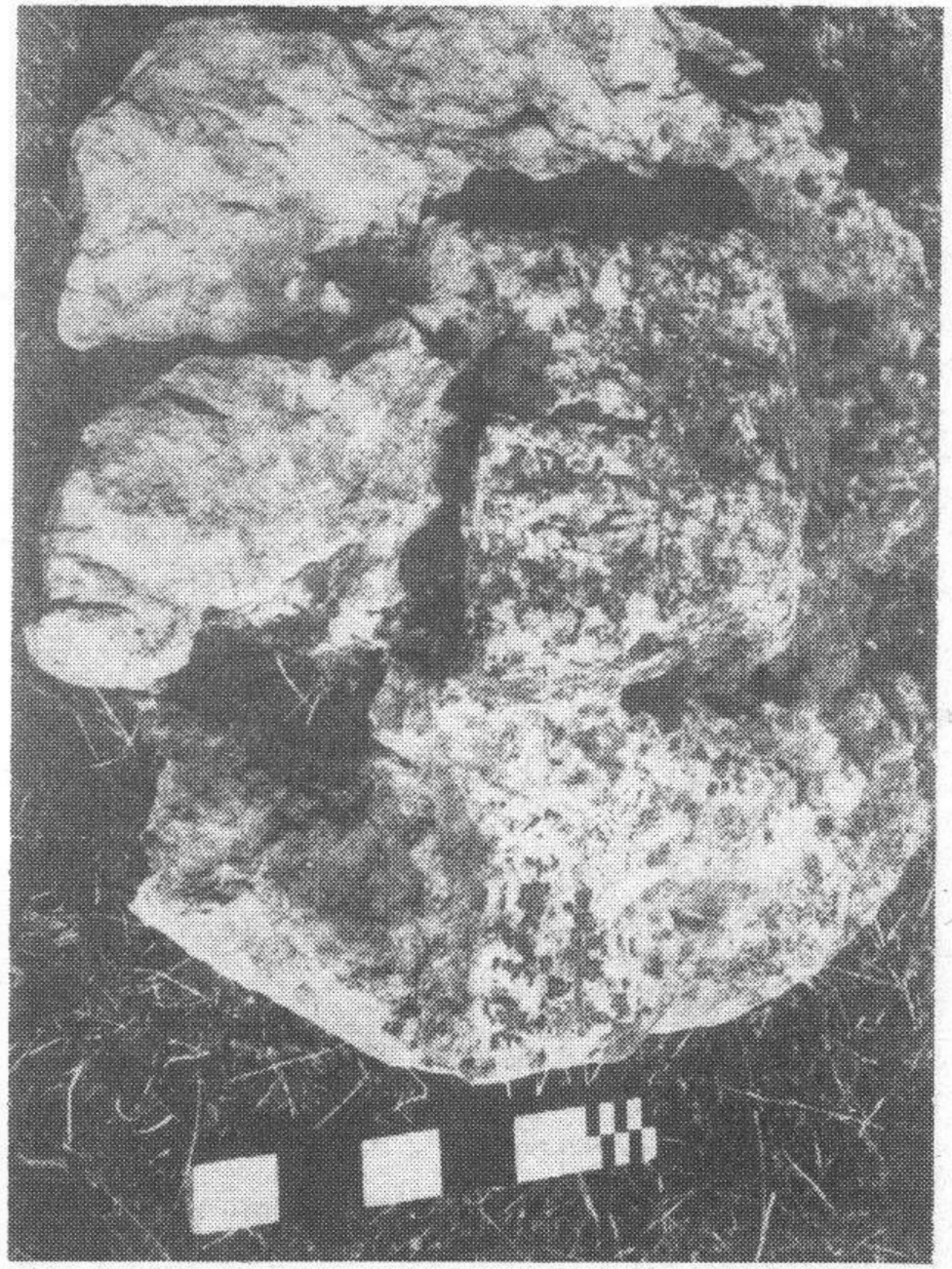


Рис. 15. Известняковое изделие

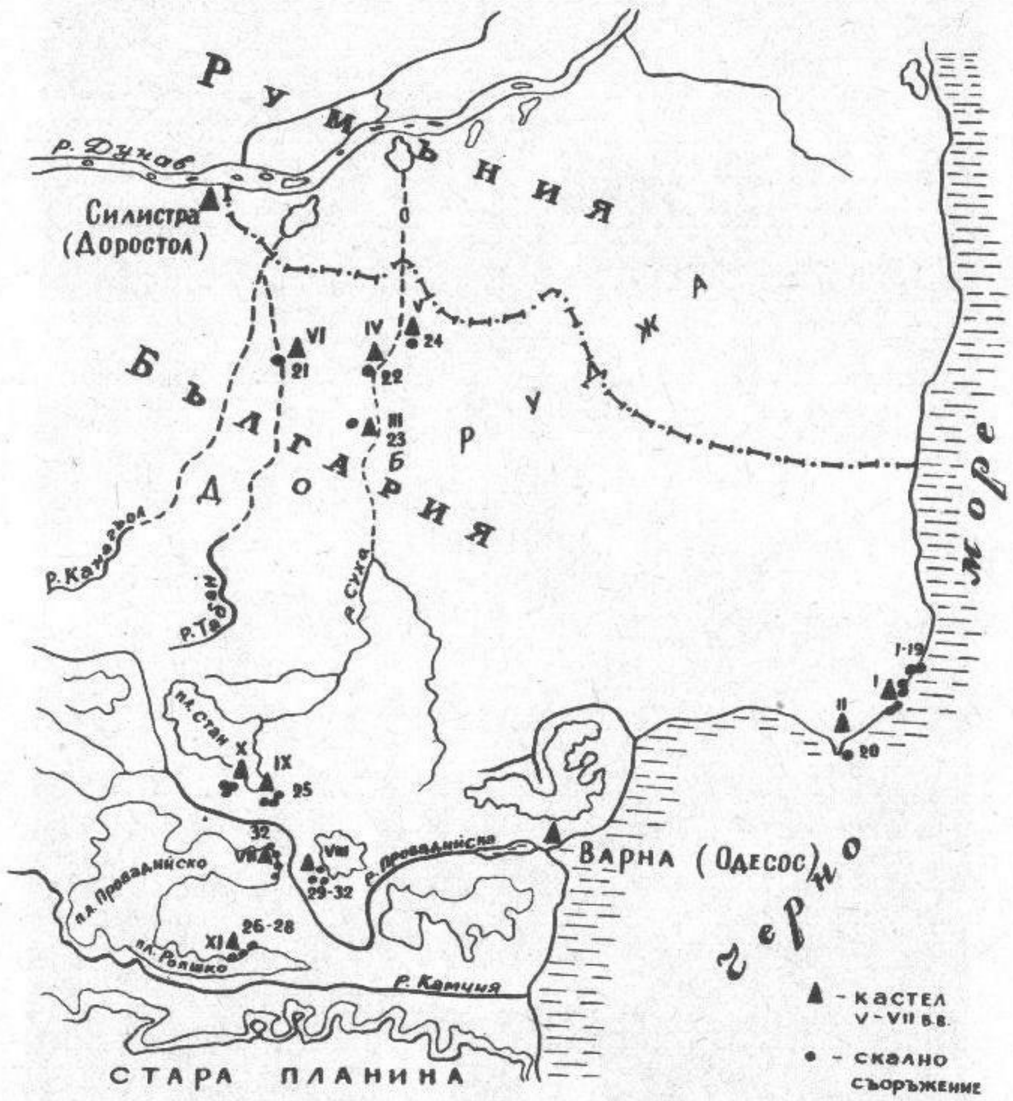
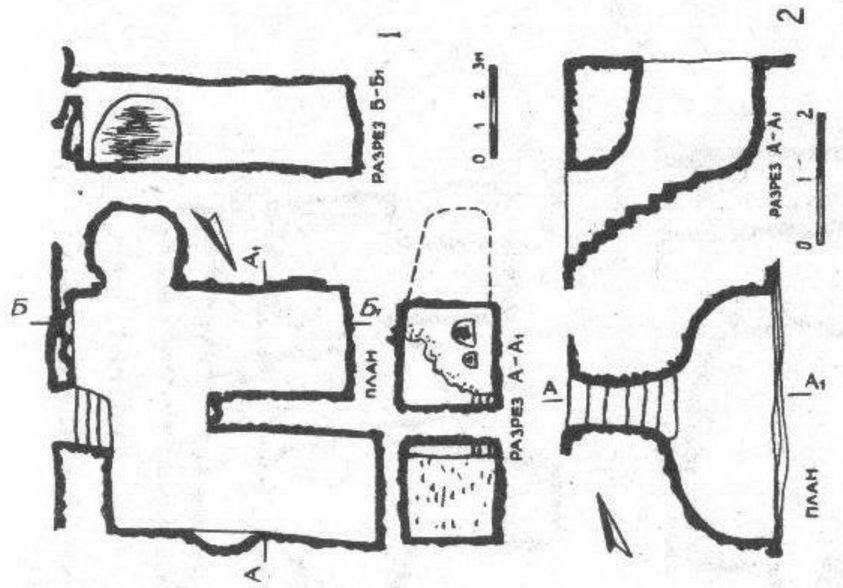


Рис. I. Карта ранневизантийских крепостей и скальных сооружений в северо-восточной Болгарии



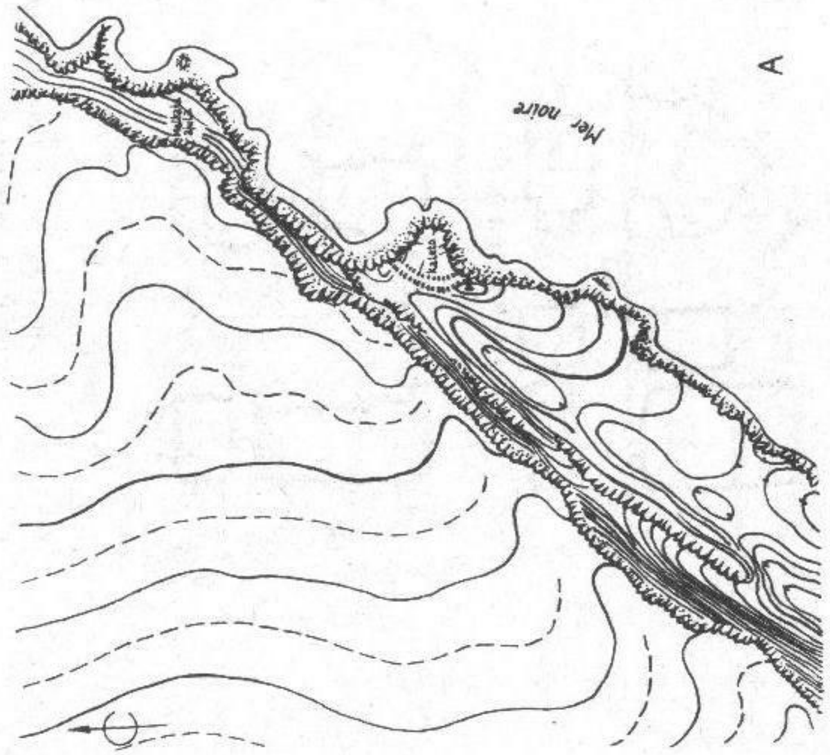


Рис. 2. Ситуационный план крепости Яйла. I,2 - скальные сооружения в окрестностях крепости Яйла

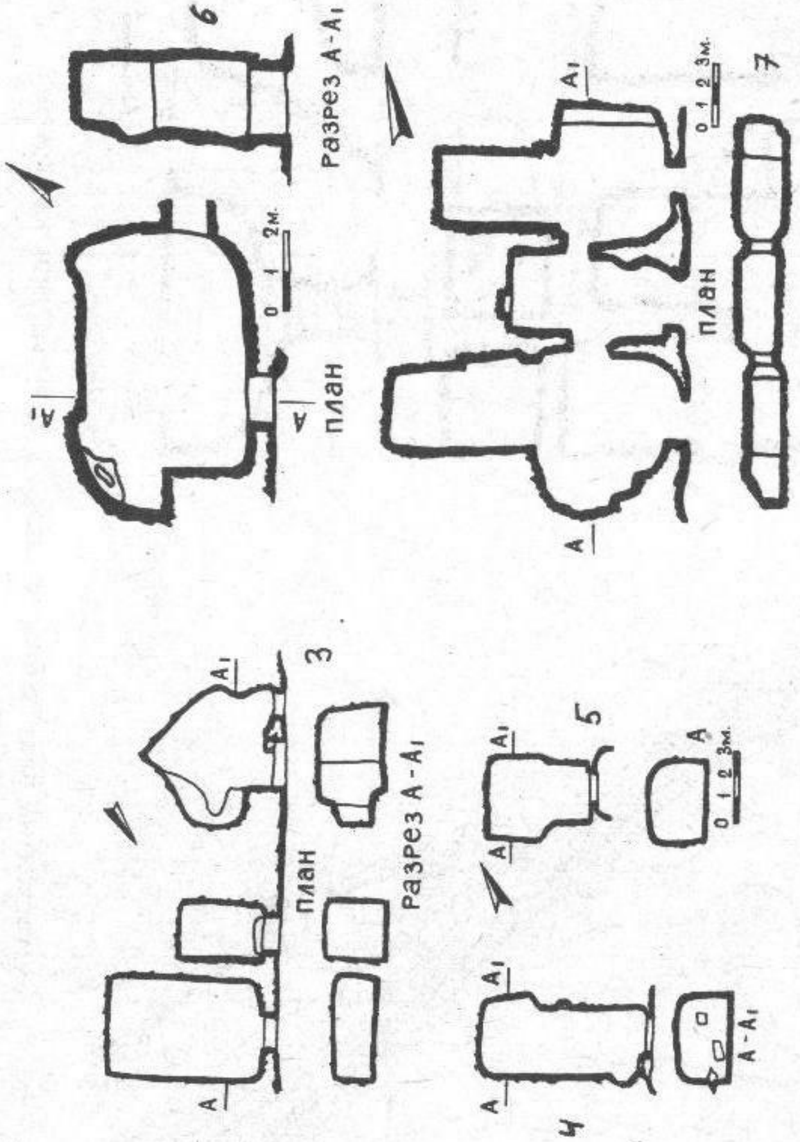
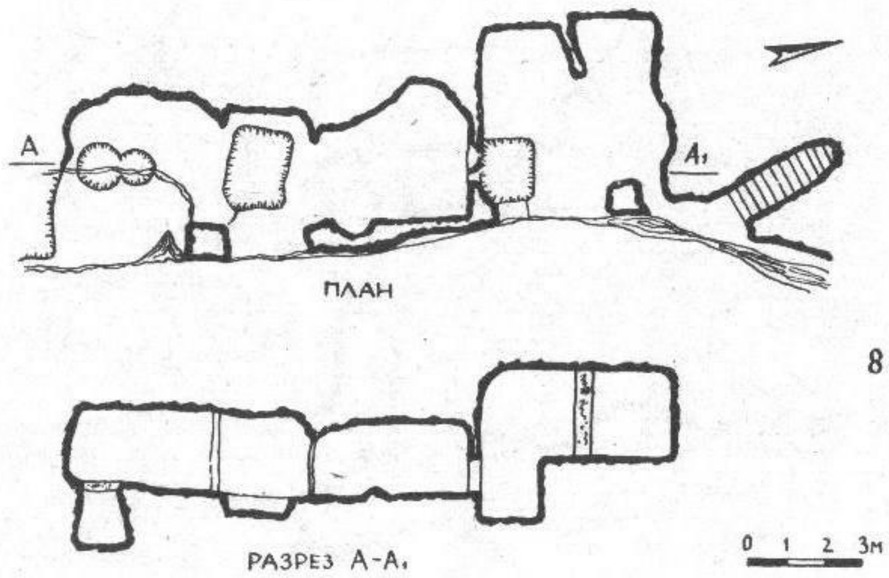


Рис. 3. 3-7 - Скальные складские и хозяйственные сооружения в окрестностях крепости Яйла



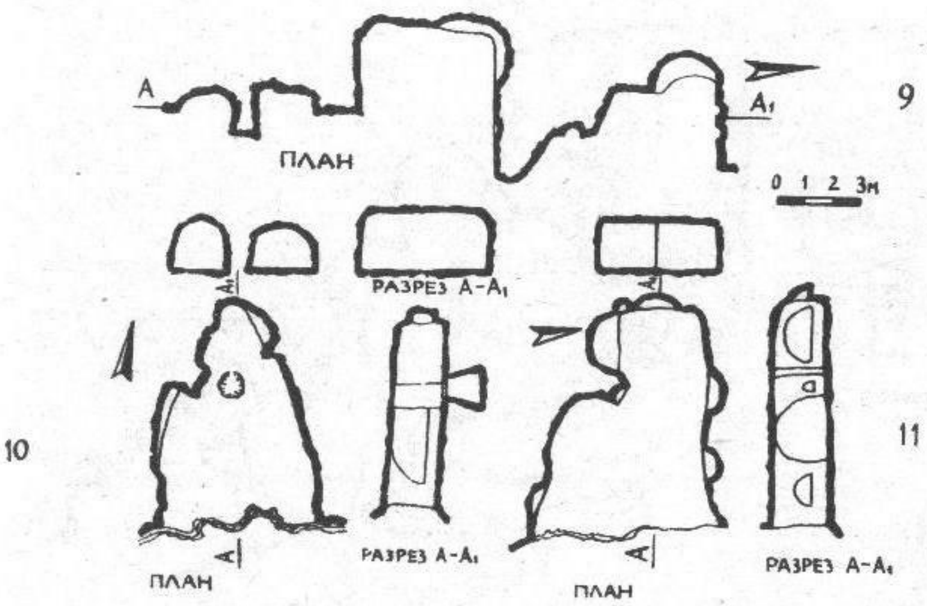
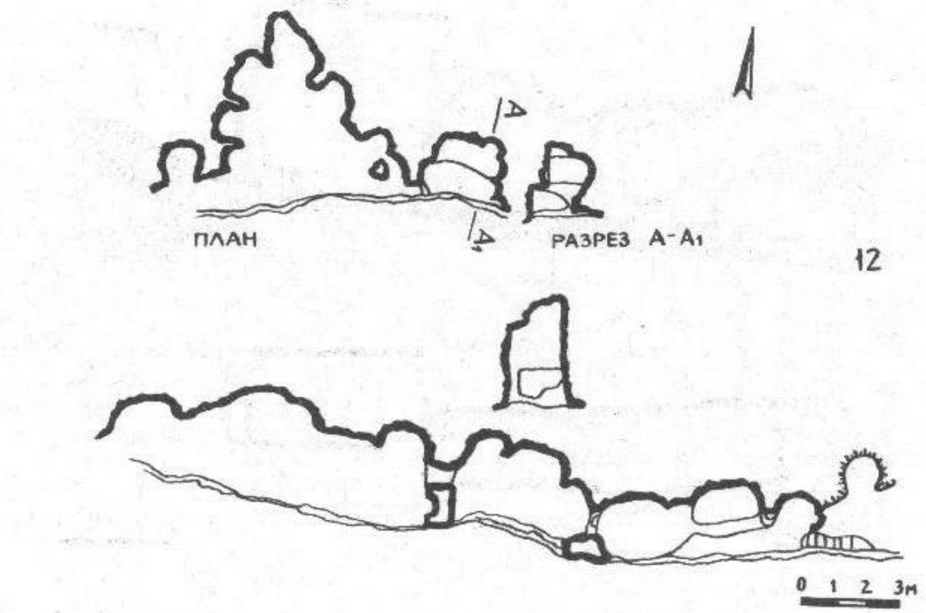


Рис. 4. 8-II - Скальные дозорные сооружения к северу от крепости Яйла



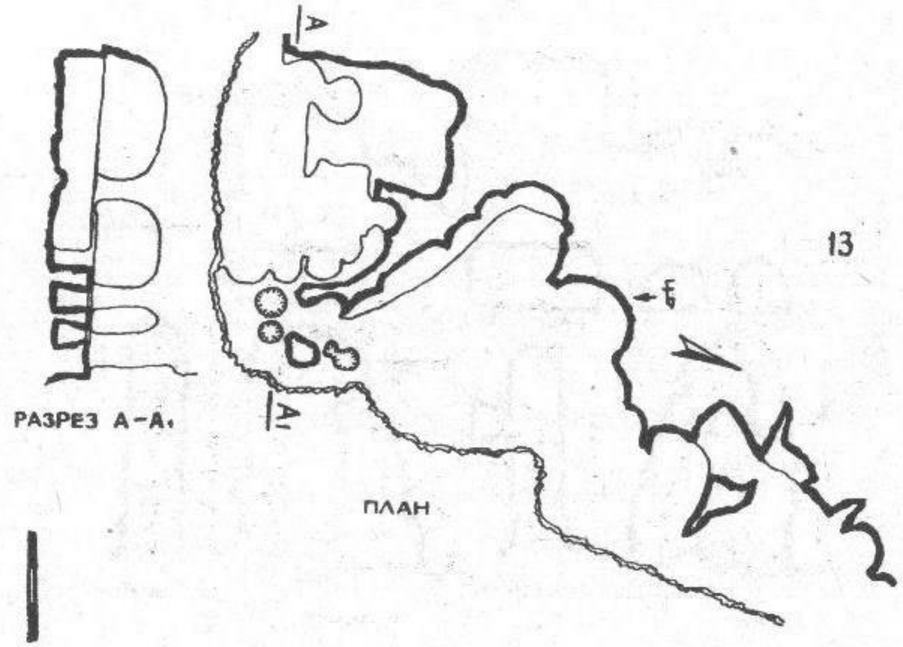
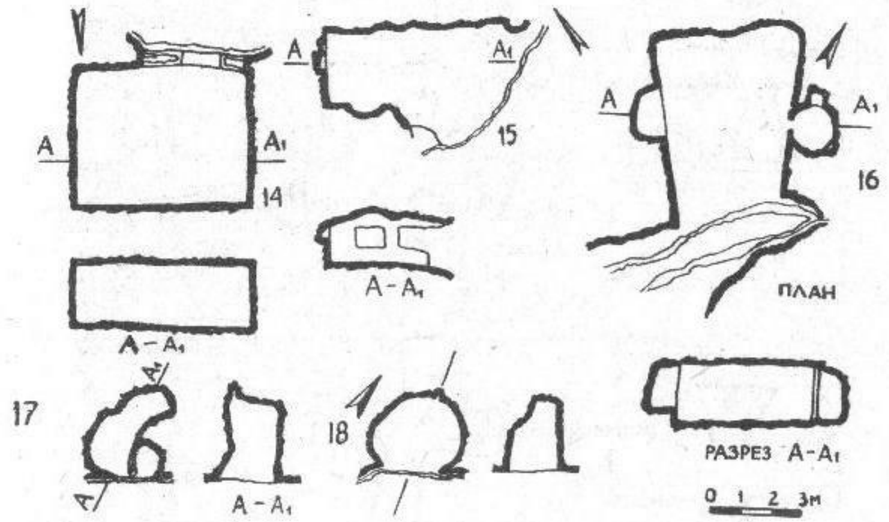


Рис. 5. I2-I3 - Скальные дозорные сооружения к северу от крепости Яйла



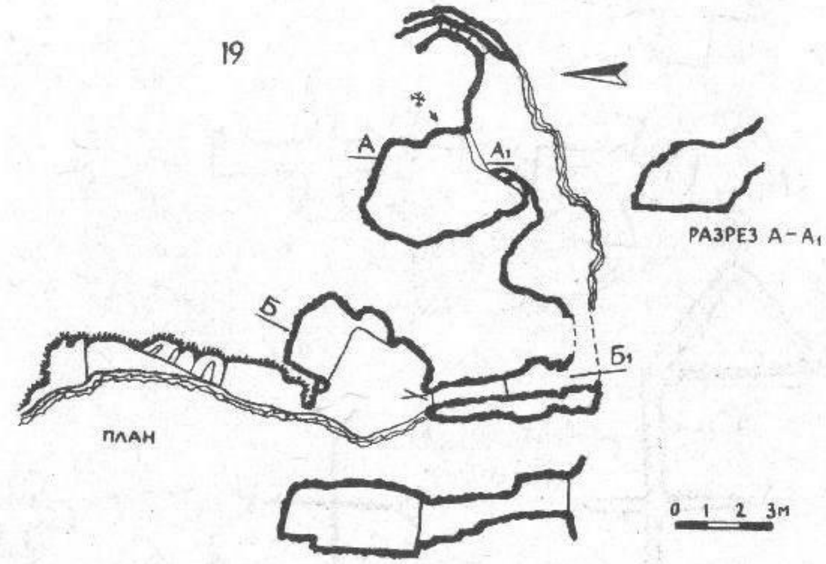


Рис. 6. I4,I5,I7-I9 - Скальные дозорные сооружения к северу от крепости Яйла.
I6 - Скальная церковь к северу от крепости Яйла

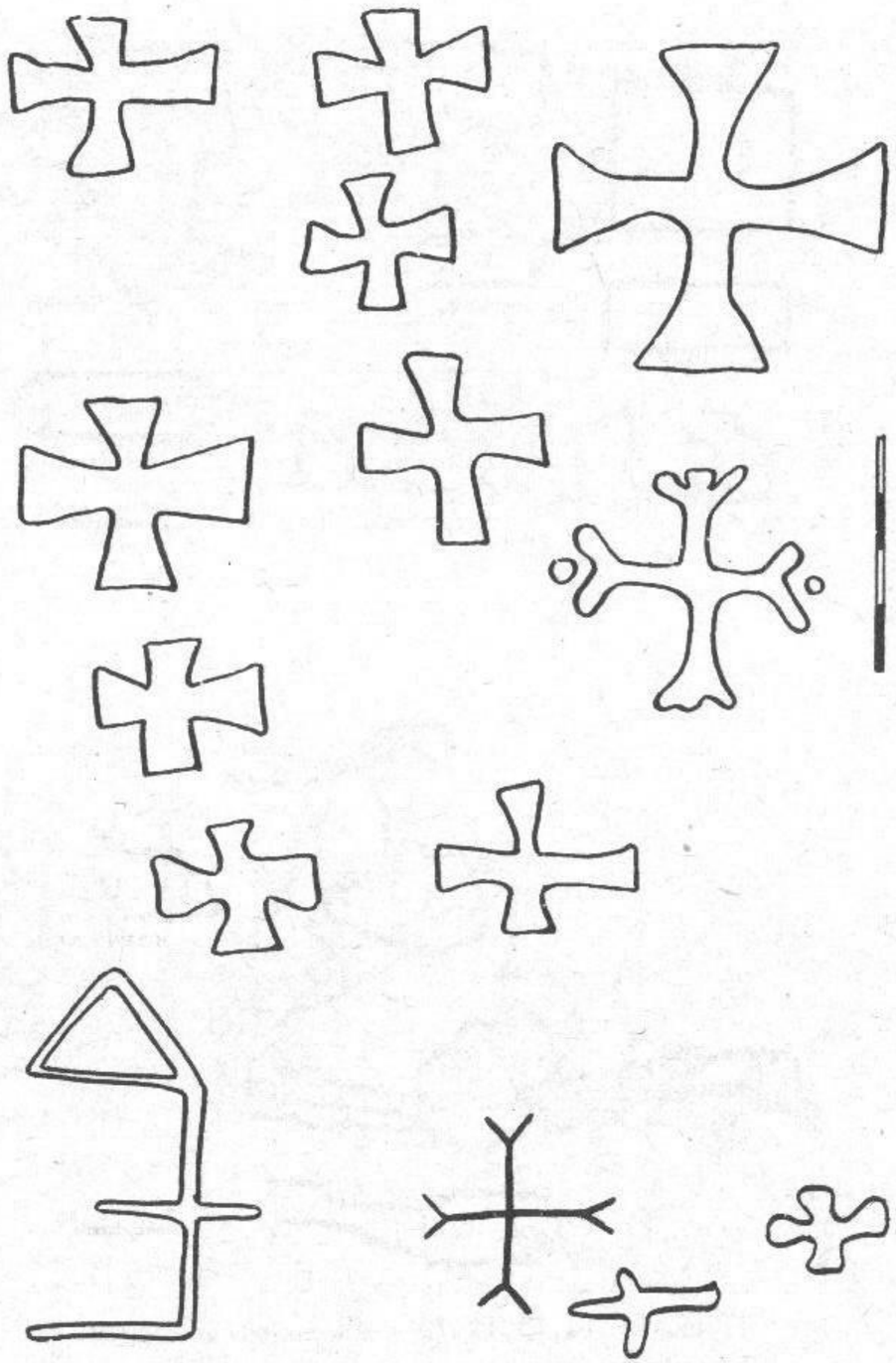
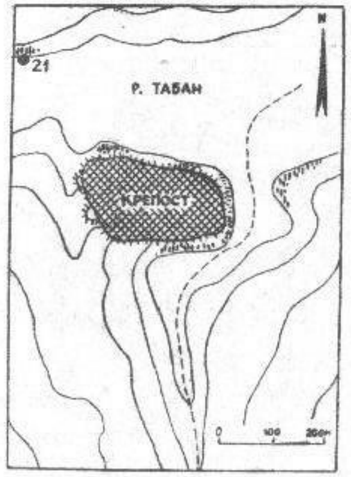
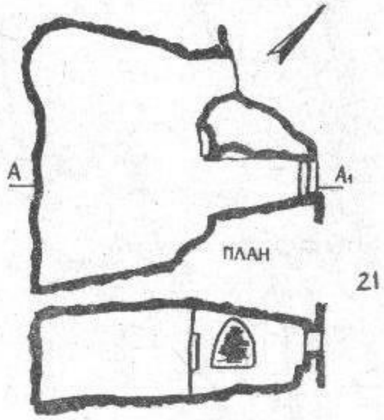


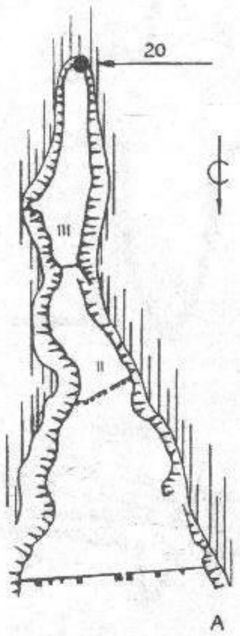
Рис. 7. Графитти на стенах скальных сооружений в окрестностях крепости Яйла



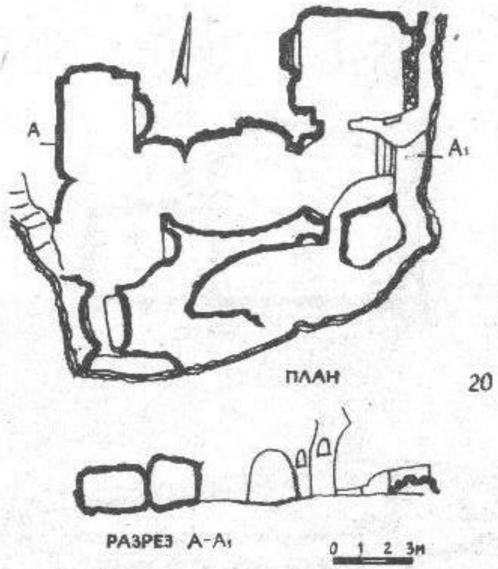
Б



РАЗРЕЗ А-А₁



А



РАЗРЕЗ А-А₁ 0 1 2 3м

Рис. 8. А - План ранневизантийской крепости Калиакра; Б - План ранневизантийской крепости Поп Русаново; 20 - Скальные дозорные сооружения в крепости Калиакра; 21 - Скальное дозорное сооружение напротив крепости Поп Русаново

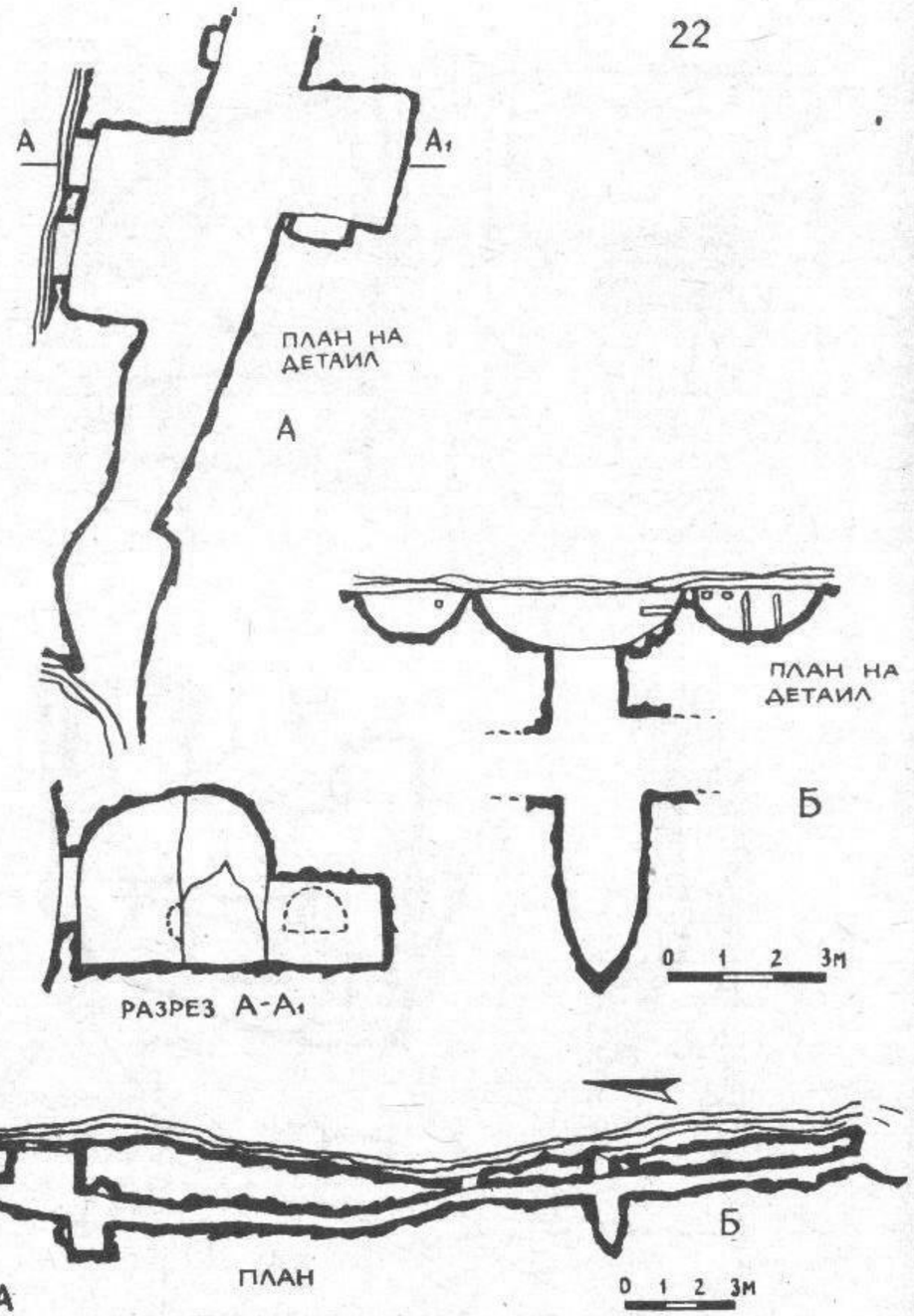


Рис. 9. 22 – Скальное дозорное сооружение в окрестностях крепости Оногур

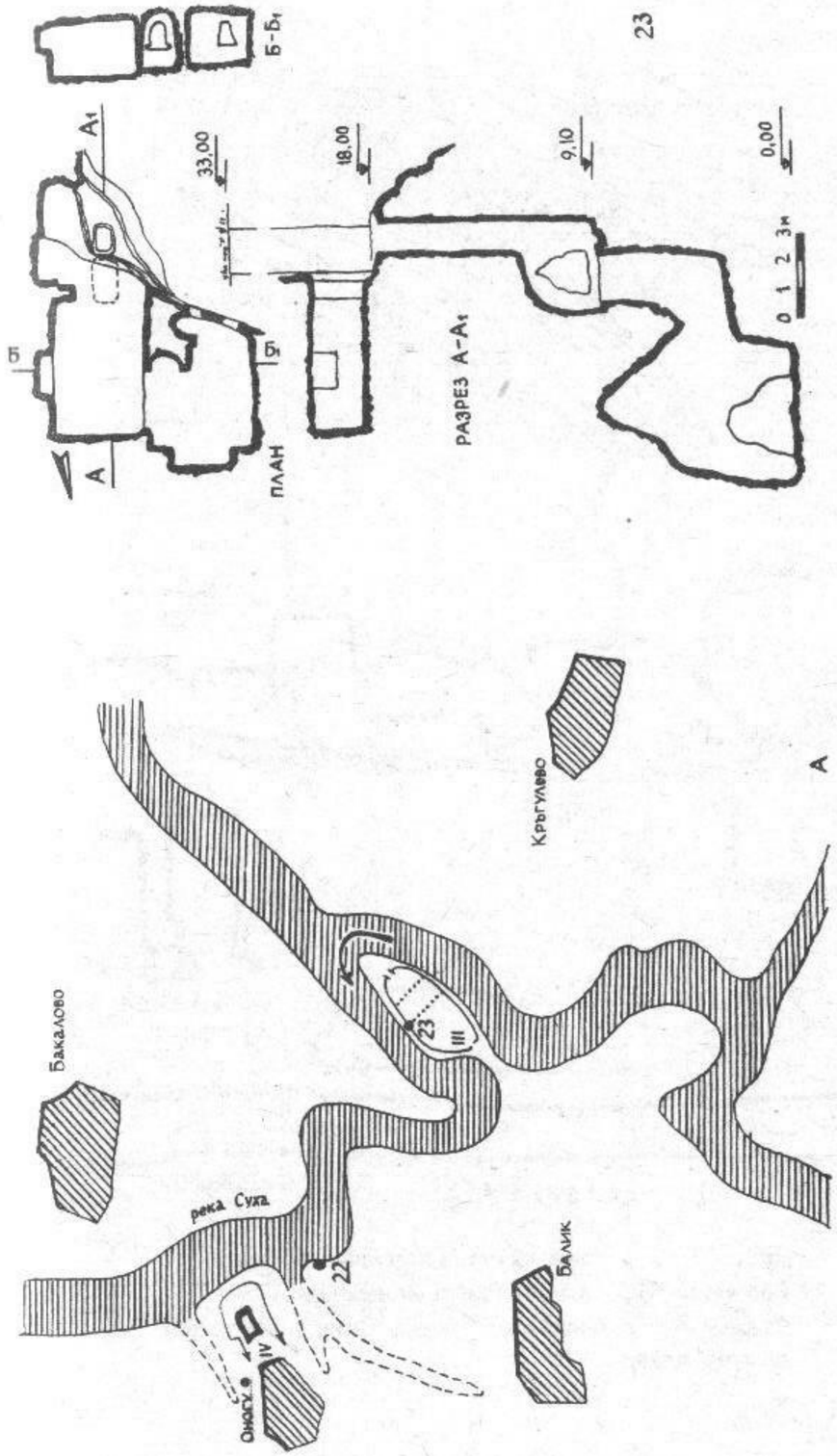


Рис. IO. А – План расположения ранневизантийских крепостей и скальных сооружений в окрестностях сел Балик и Оногур; 23 – Водозаборное скальное сооружение в крепости Балик.

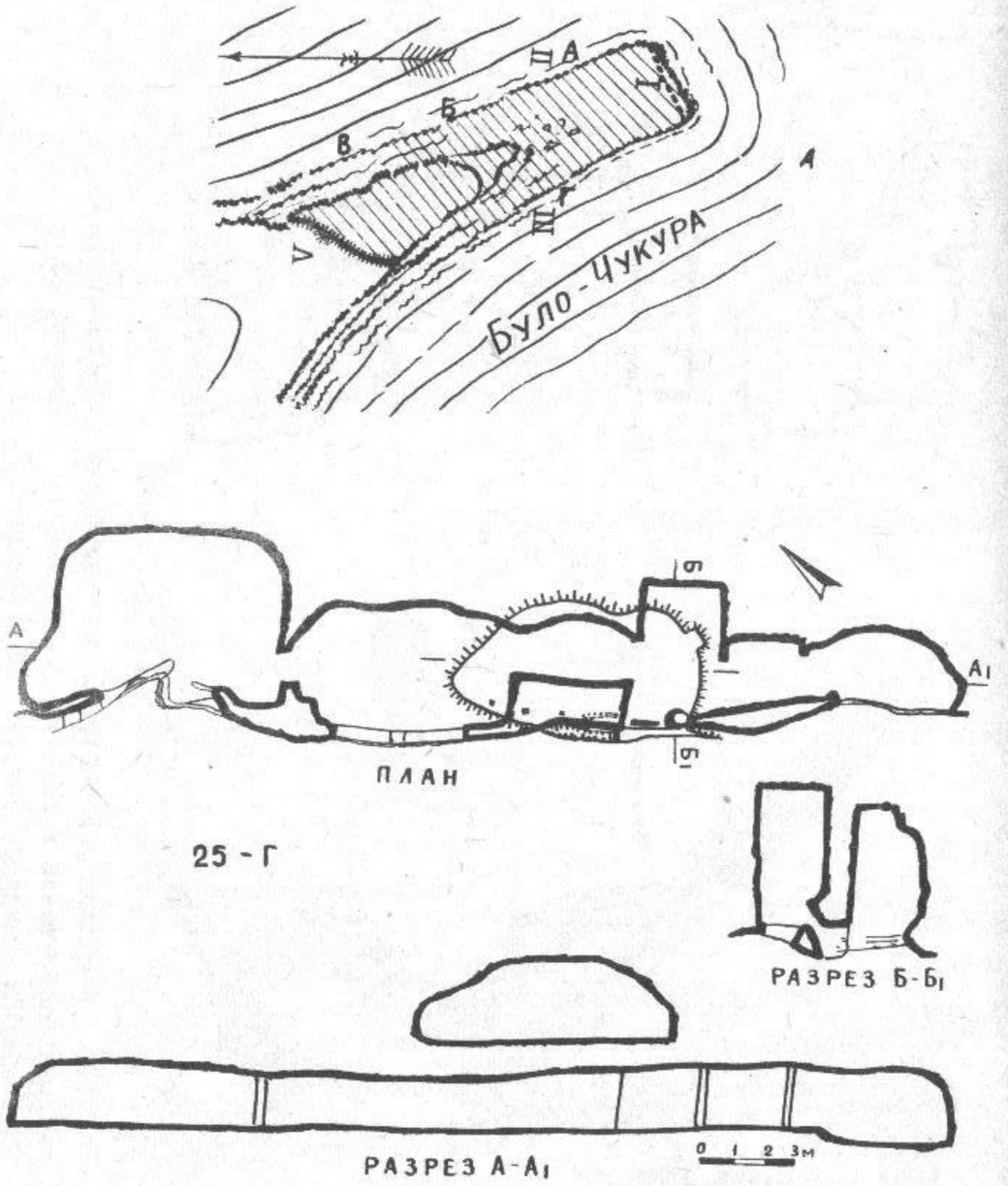


Рис. II. А - План ранневизантийской крепости Голямото Було в Провадийском дефиле; 25-Г - Скальное оборонительное сооружение в западном обрыве плато

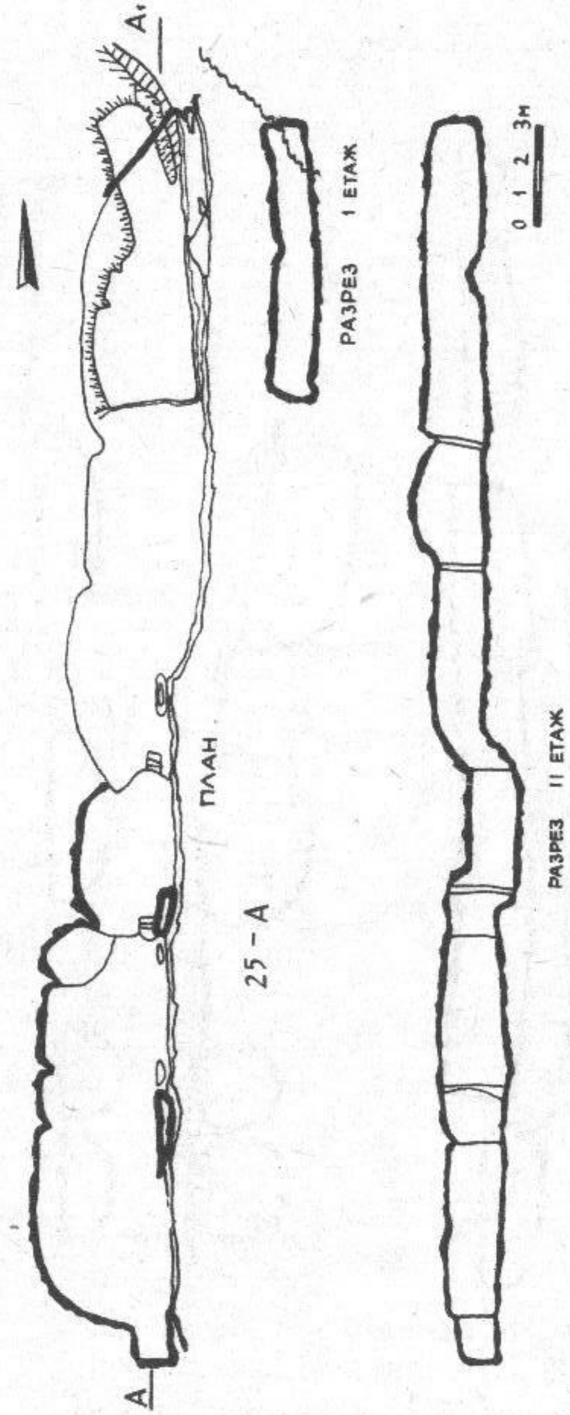


Рис. I2. 25-А - Скальное оборонительное сооружение на восточном обрыве плато крепости Голямото Було

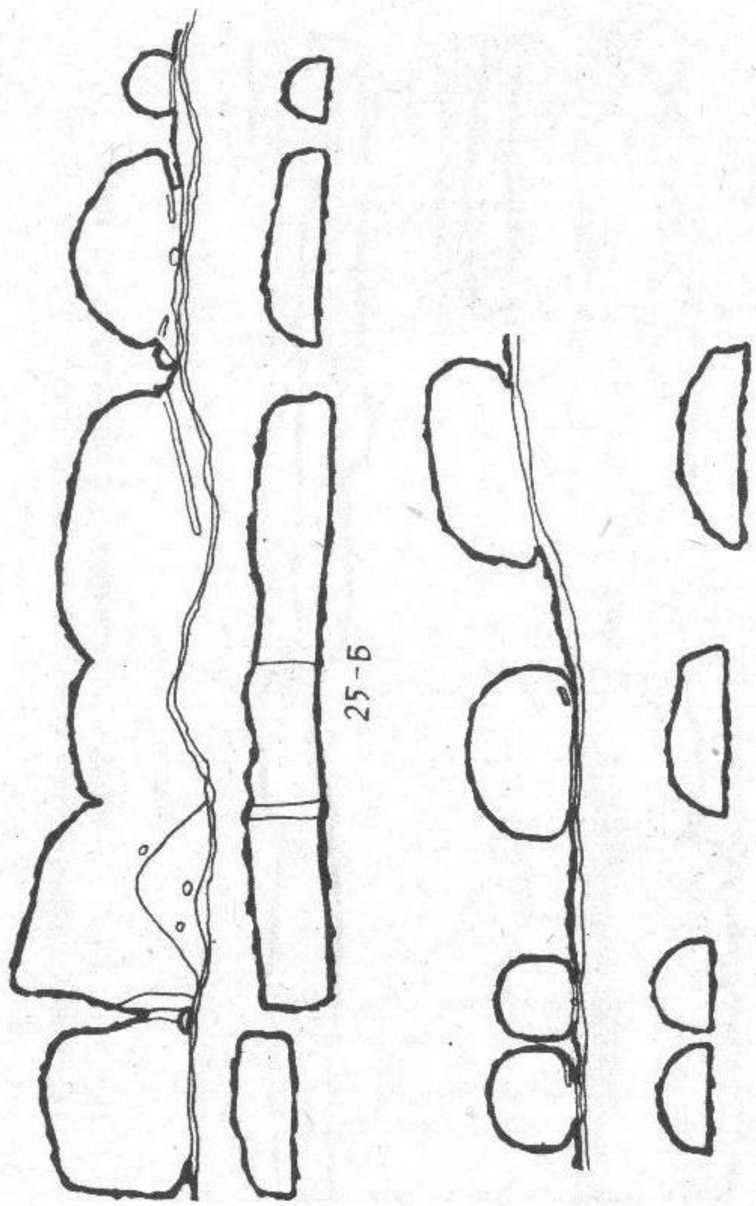
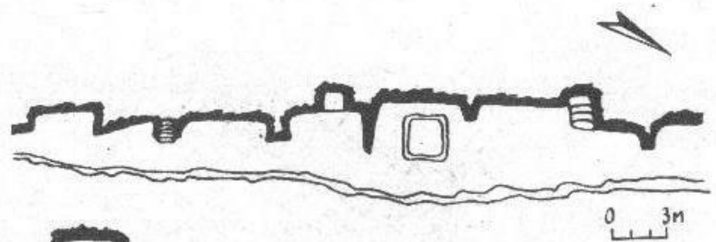
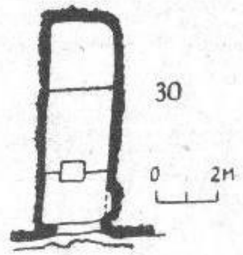
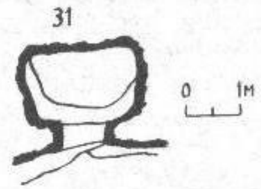


Рис. I3. 25-Б,В - Скальные оборонительные сооружения на северо-восточном обрыве плато крепости Голямото Було







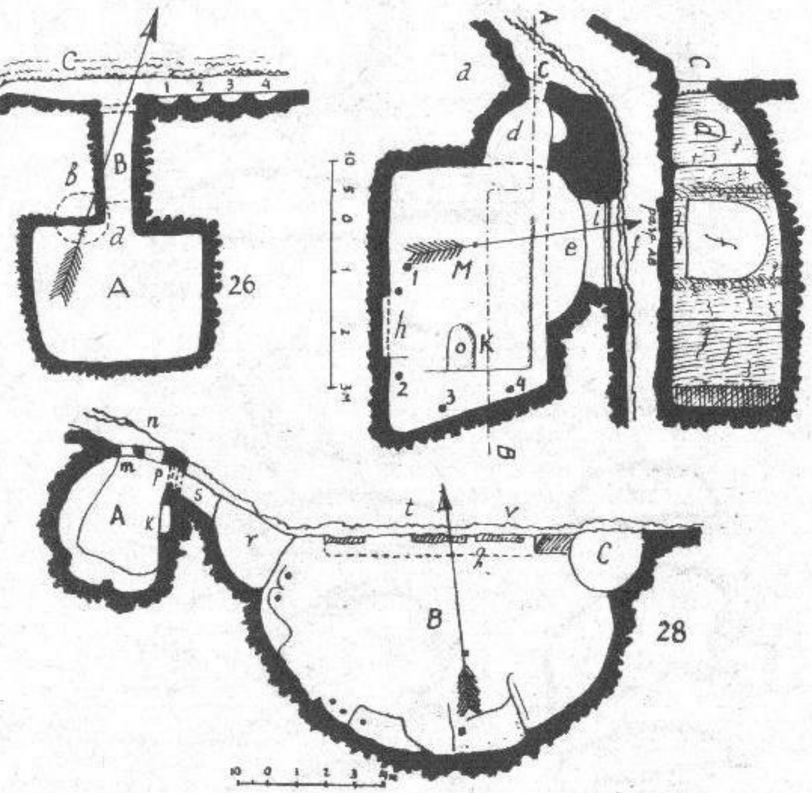


Рис. I4. 26-28 - Скальные сооружения в обрыве плато крепости у с.Китен в Провадийском дефиле; 29-3I - Скальные сооружения в обрыве плато крепости Таш-Хисар около г.Провадия

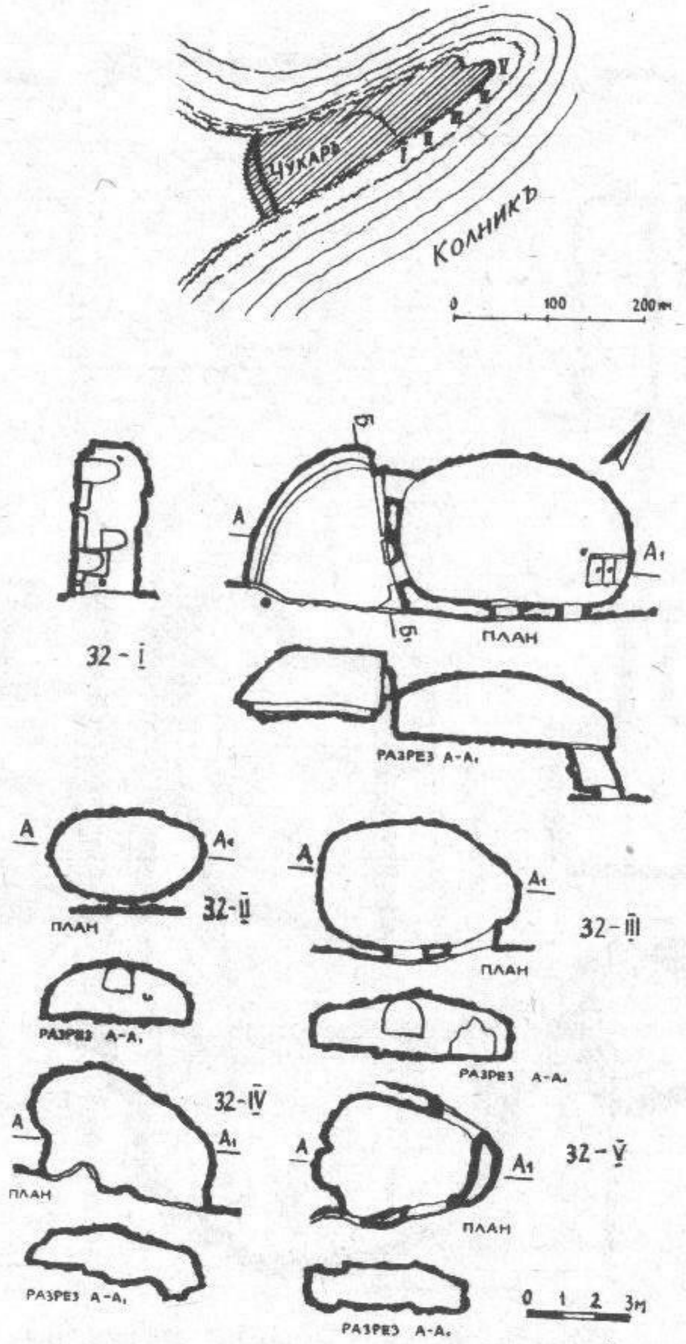


Рис. 15. А - План ранневизантийской крепости Чукар в Провадийском дефиле; 32 - Скальные сооружения в обрыве плато крепости Чукар

5. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект

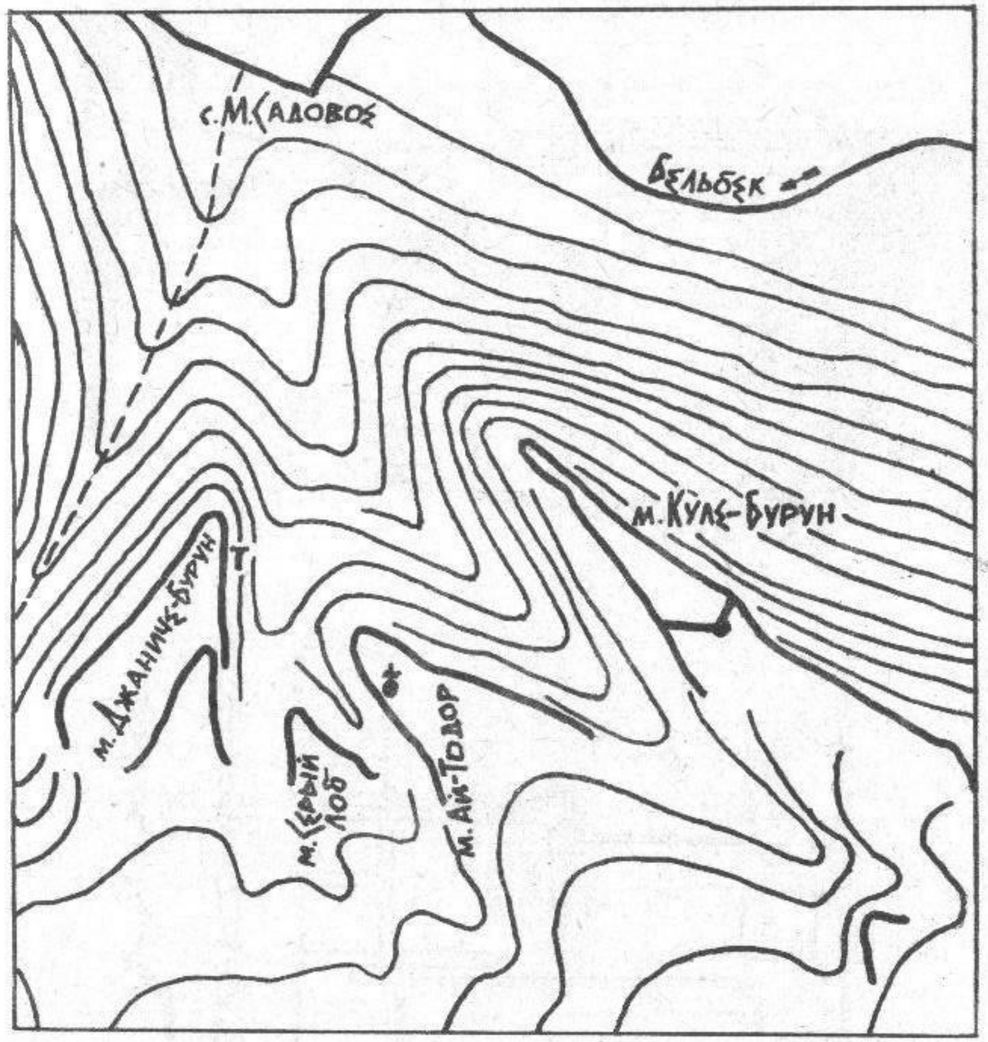


Рис. I. План окрестностей монастыря Чильтер-коба.
- ♝ - монастырь
- т - группа тарапанов

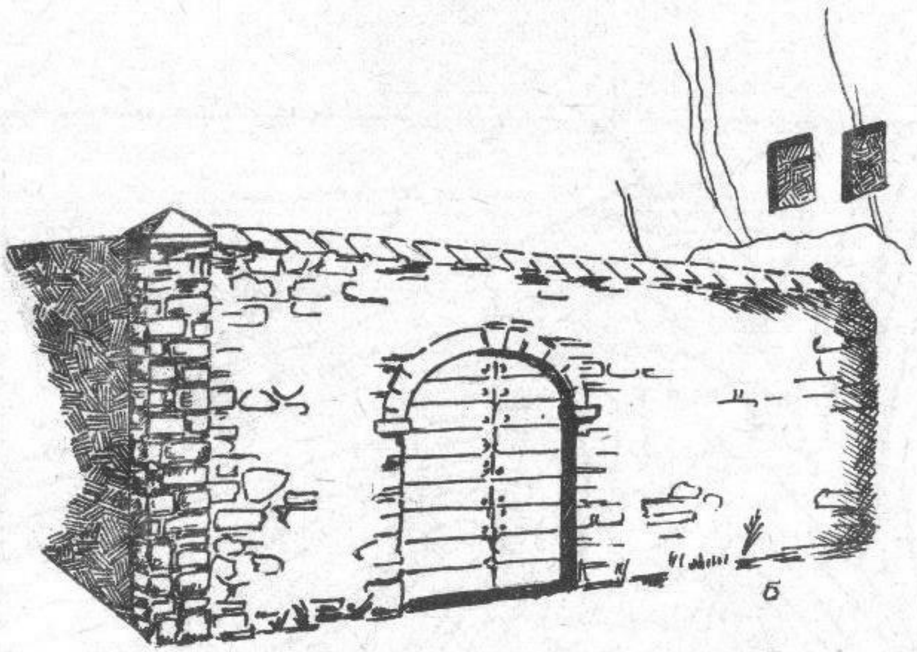


Рис. 2. Въездные ворота в монастырь.
а - схема вырубов в основании ворот
б - реконструкция

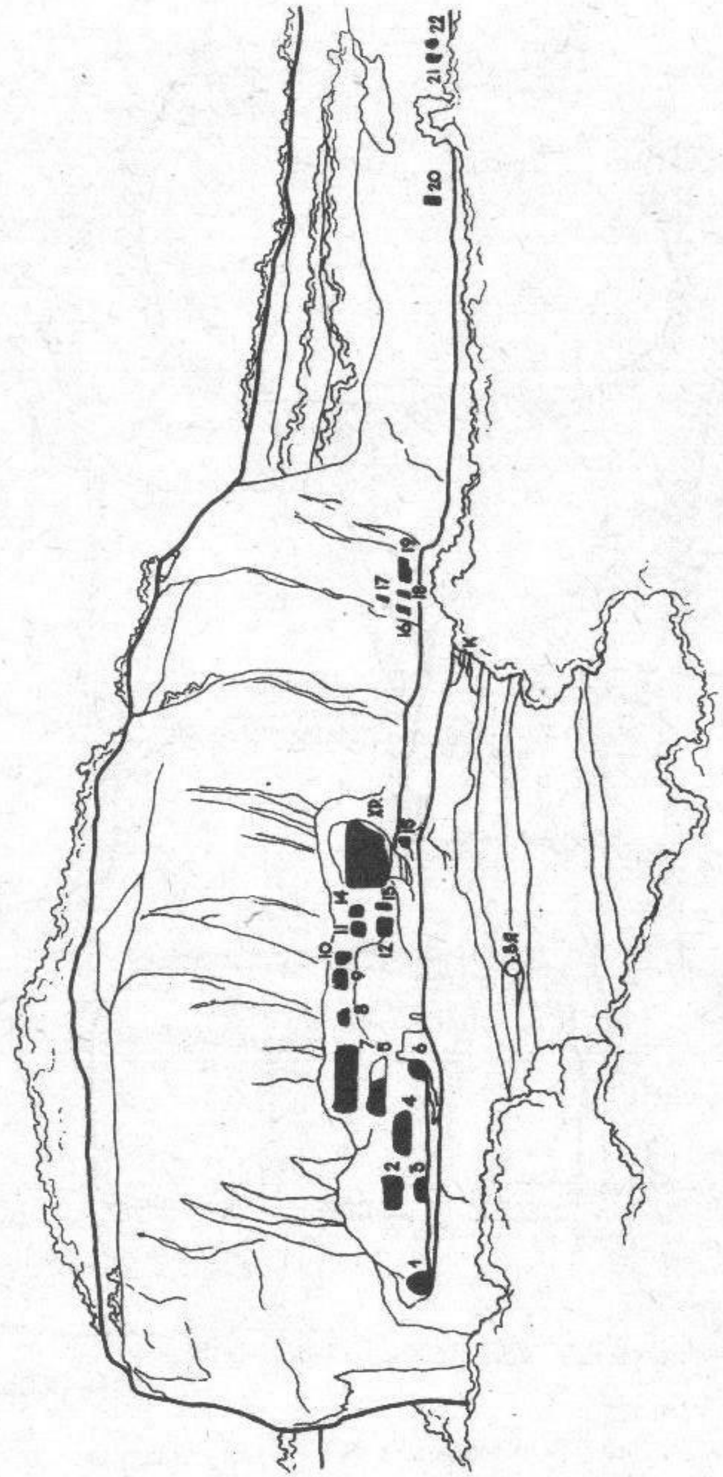


Рис. 3. Мыс Ай-Тодор. Рисунок. Вид с Ю-З

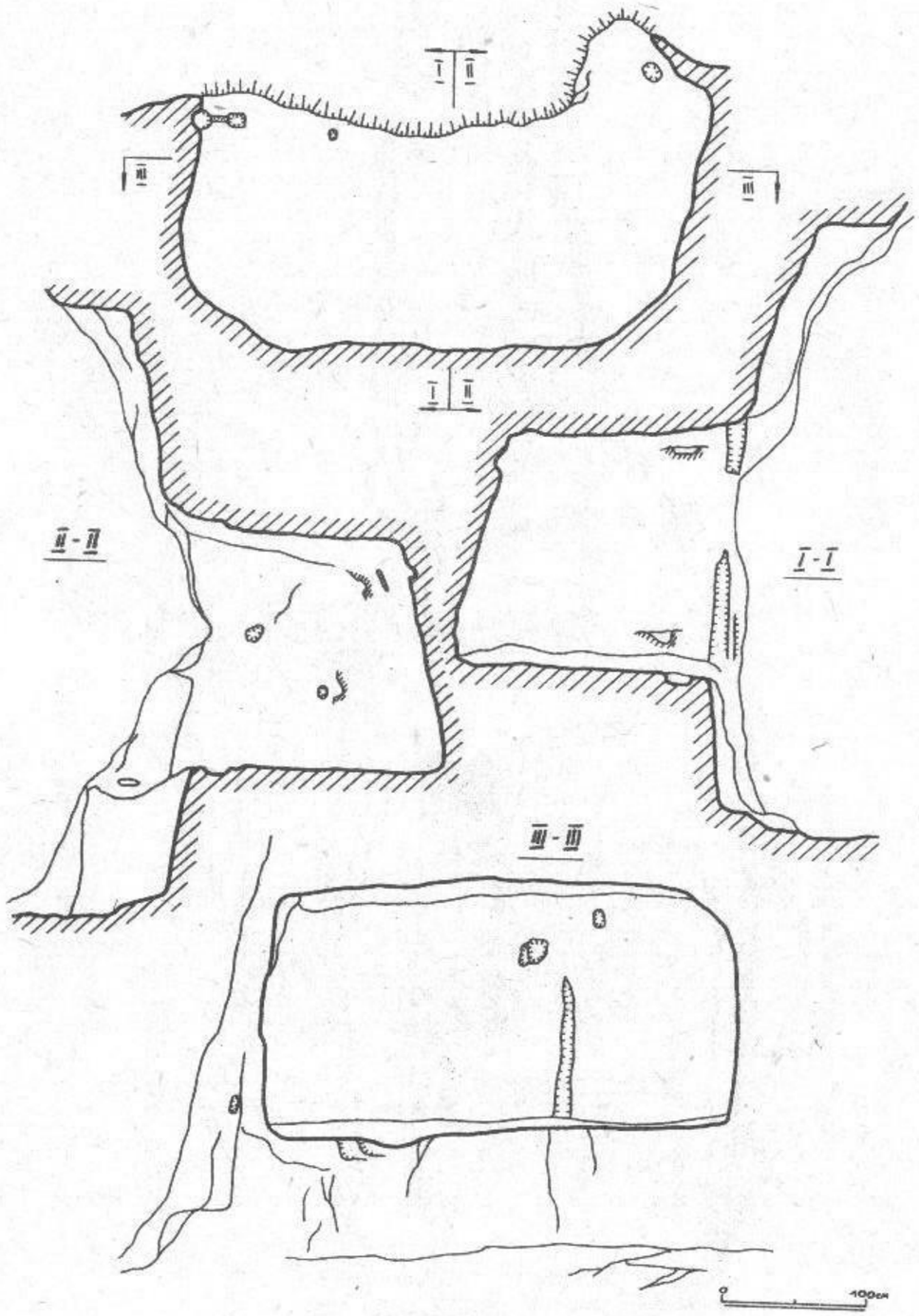


Рис. 4. Помещение № I. План, разрезы

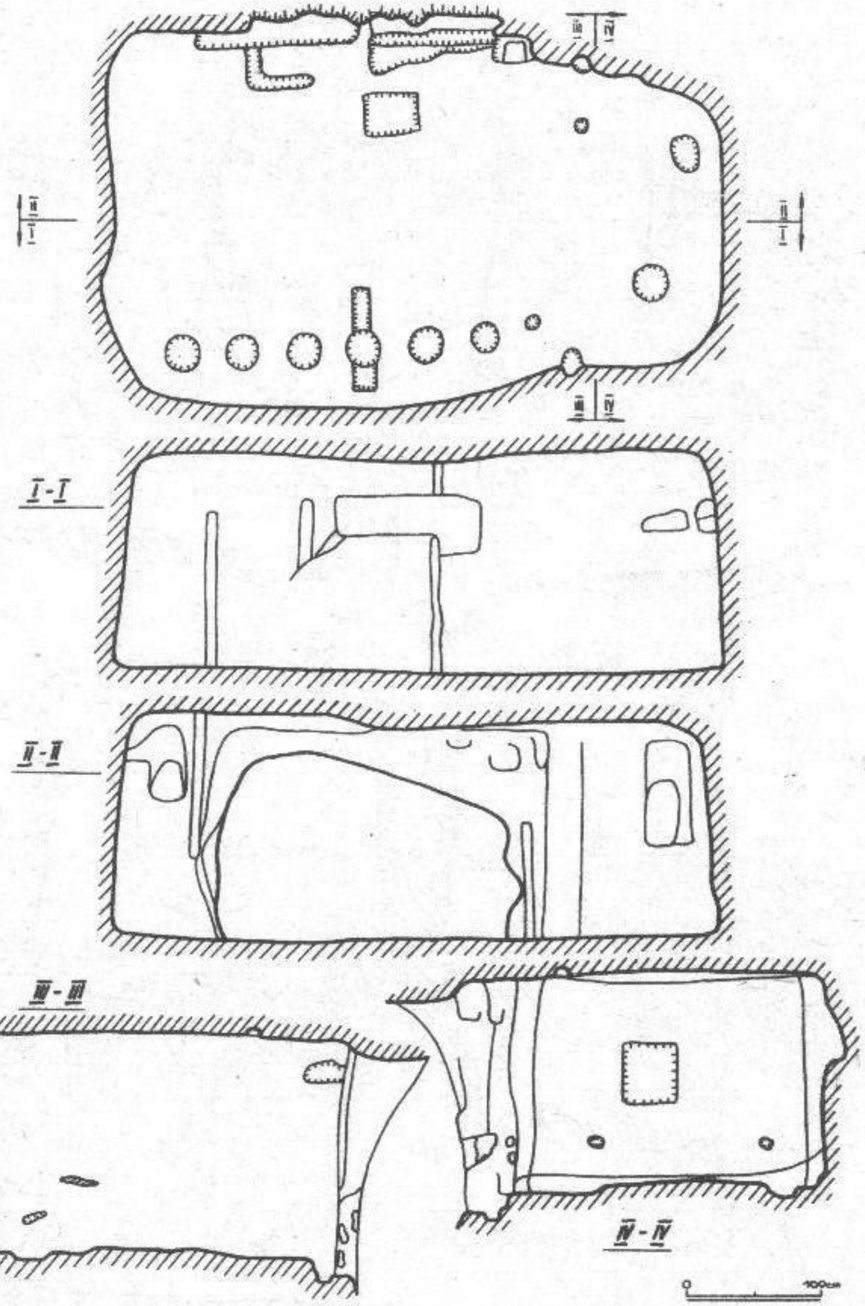


Рис. 5. Помещение № 2. План, разрезы

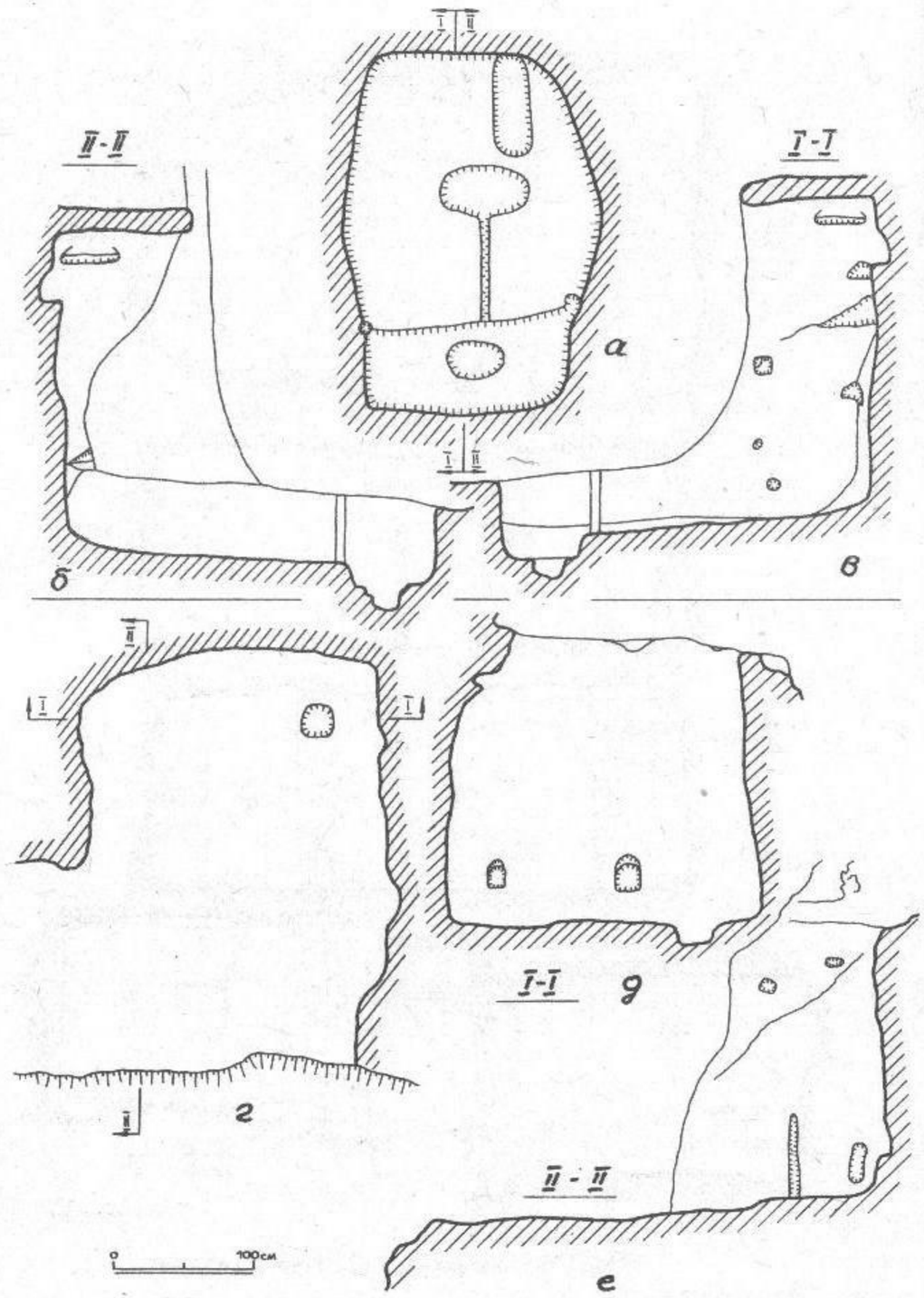


Рис. 6 а,б,в. Помещение № 3; г,д,е - помещение № 6. План, разрезы

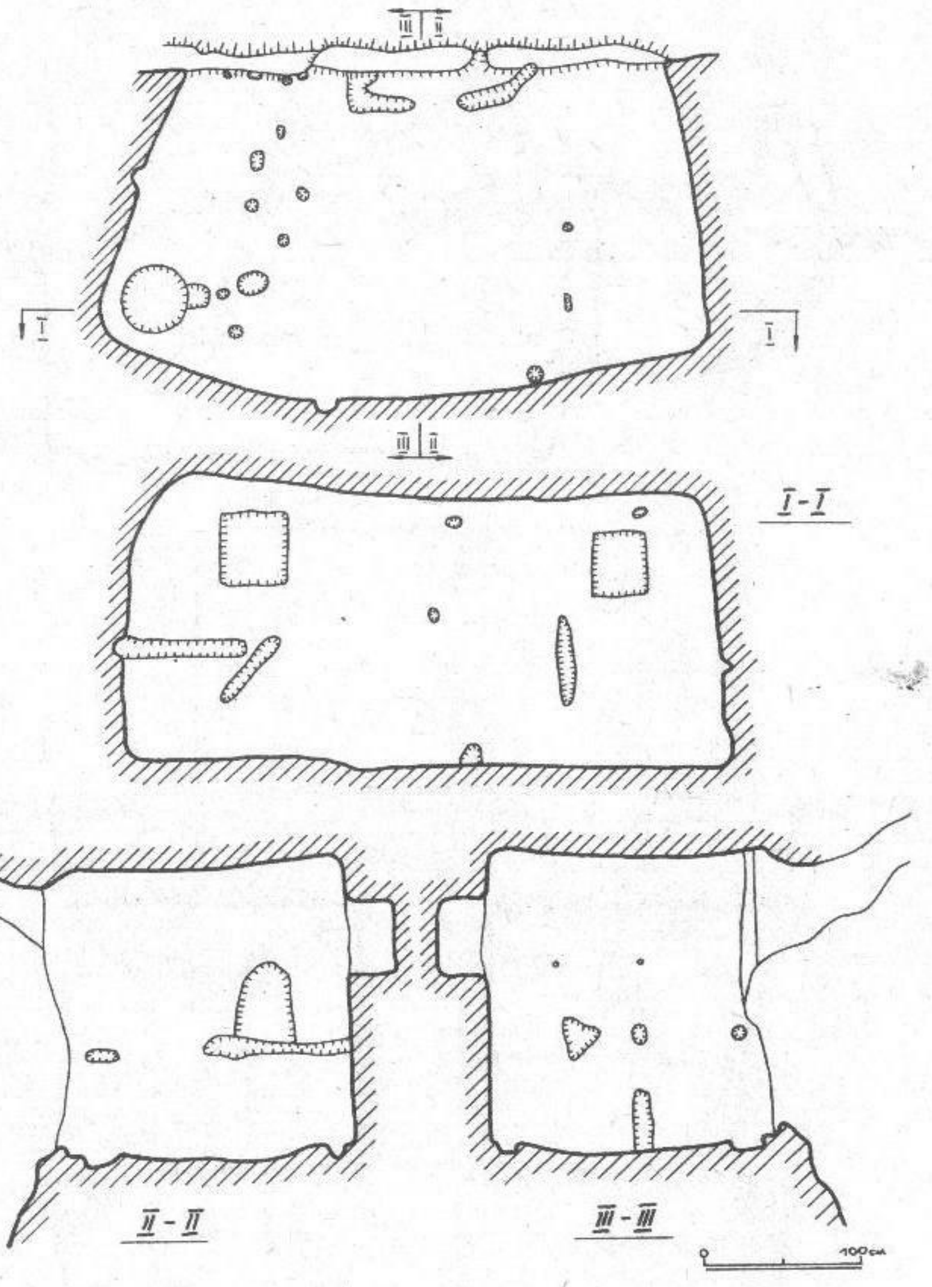


Рис. 7. Помещение № 4. План, разрезы

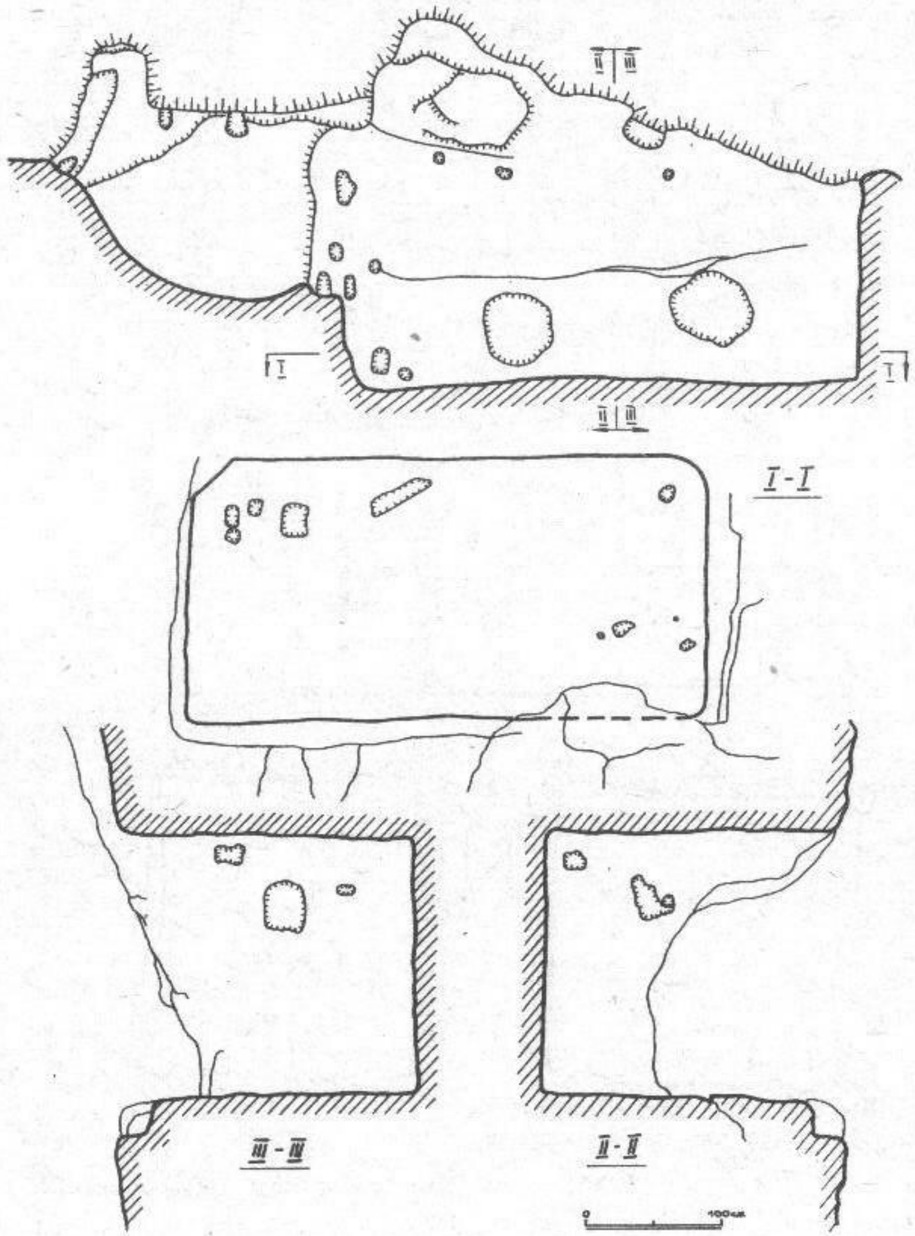


Рис. 8. Помещение № 5. План, разрезы

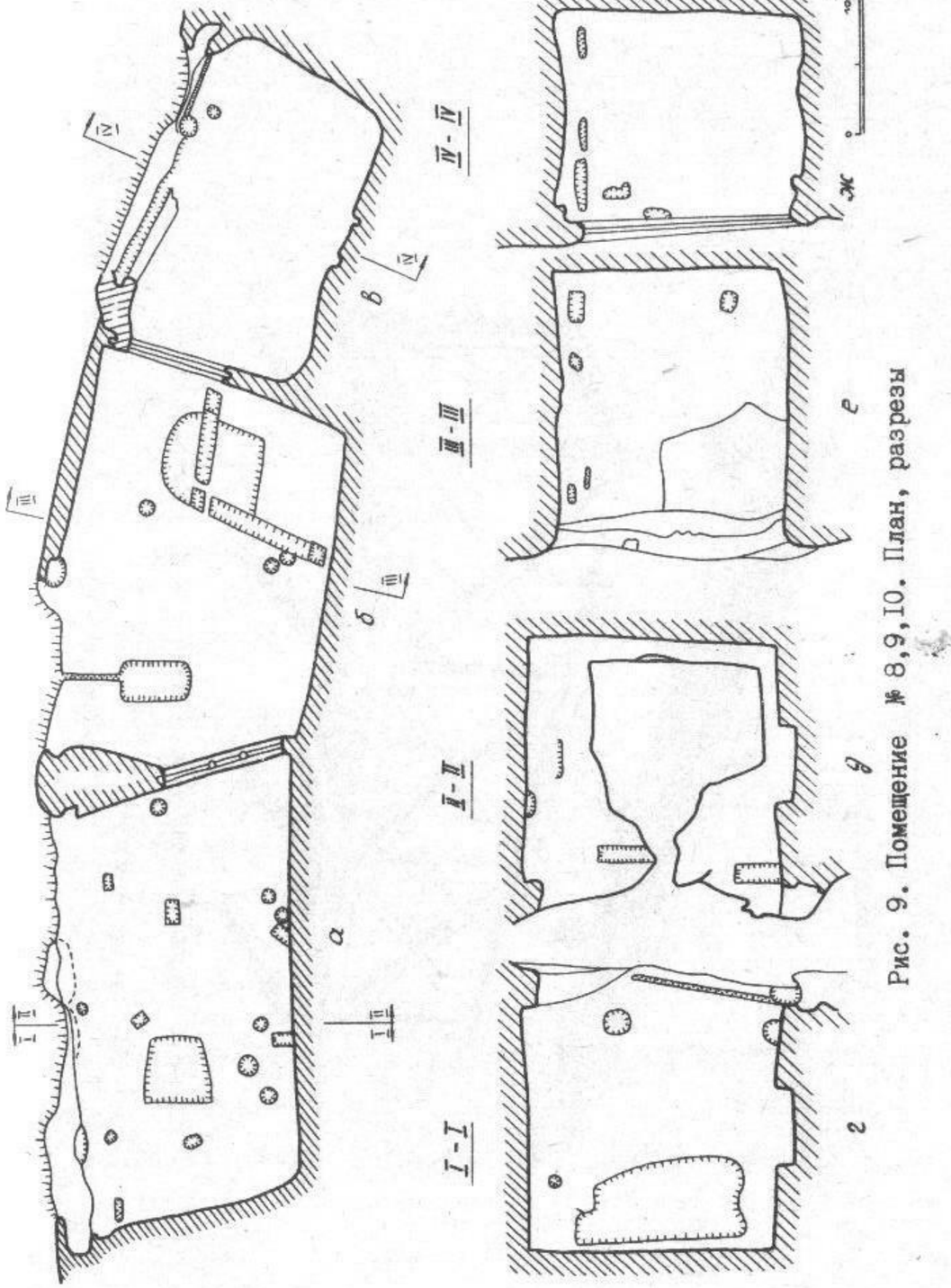


Рис. 9. Помещение № 8,9,10. План, разрезы

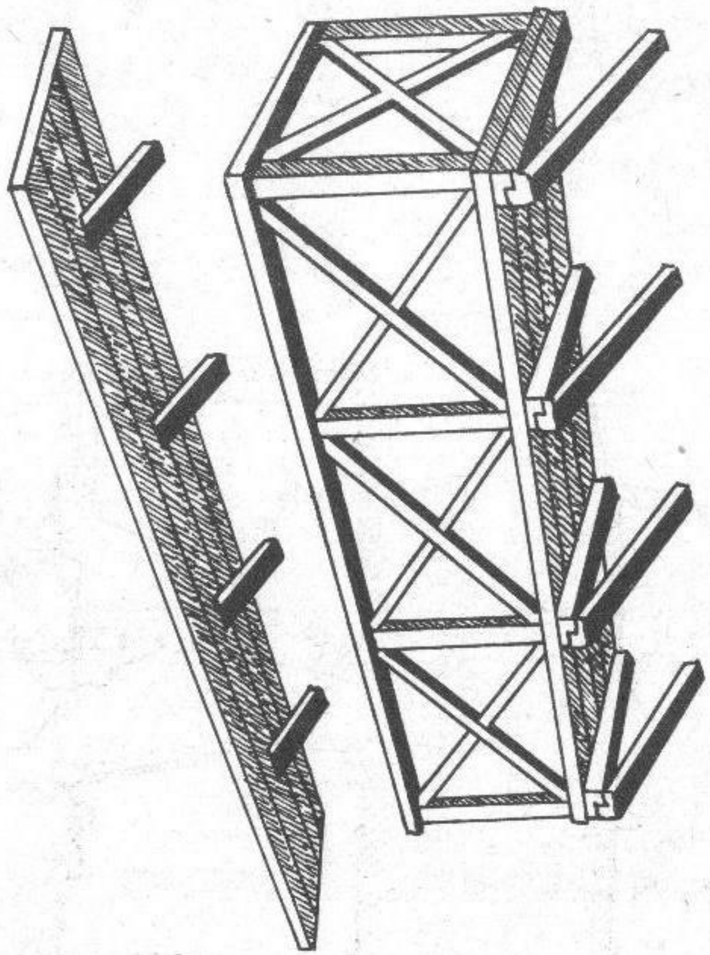


Рис. IO. Терраса между помещениями 7 и 8. Реконструкция

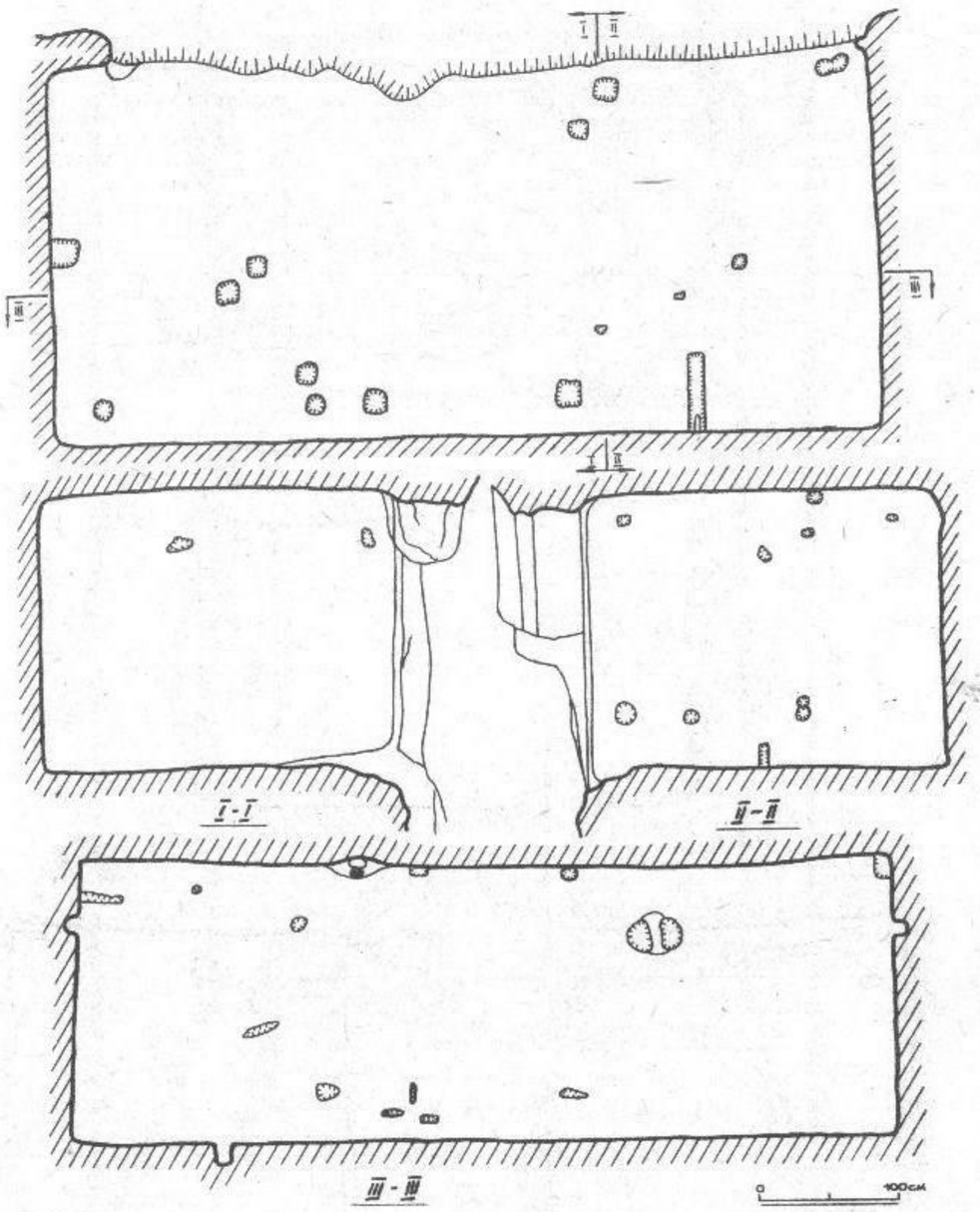


Рис. II. Помещение № 7. План, разрезы

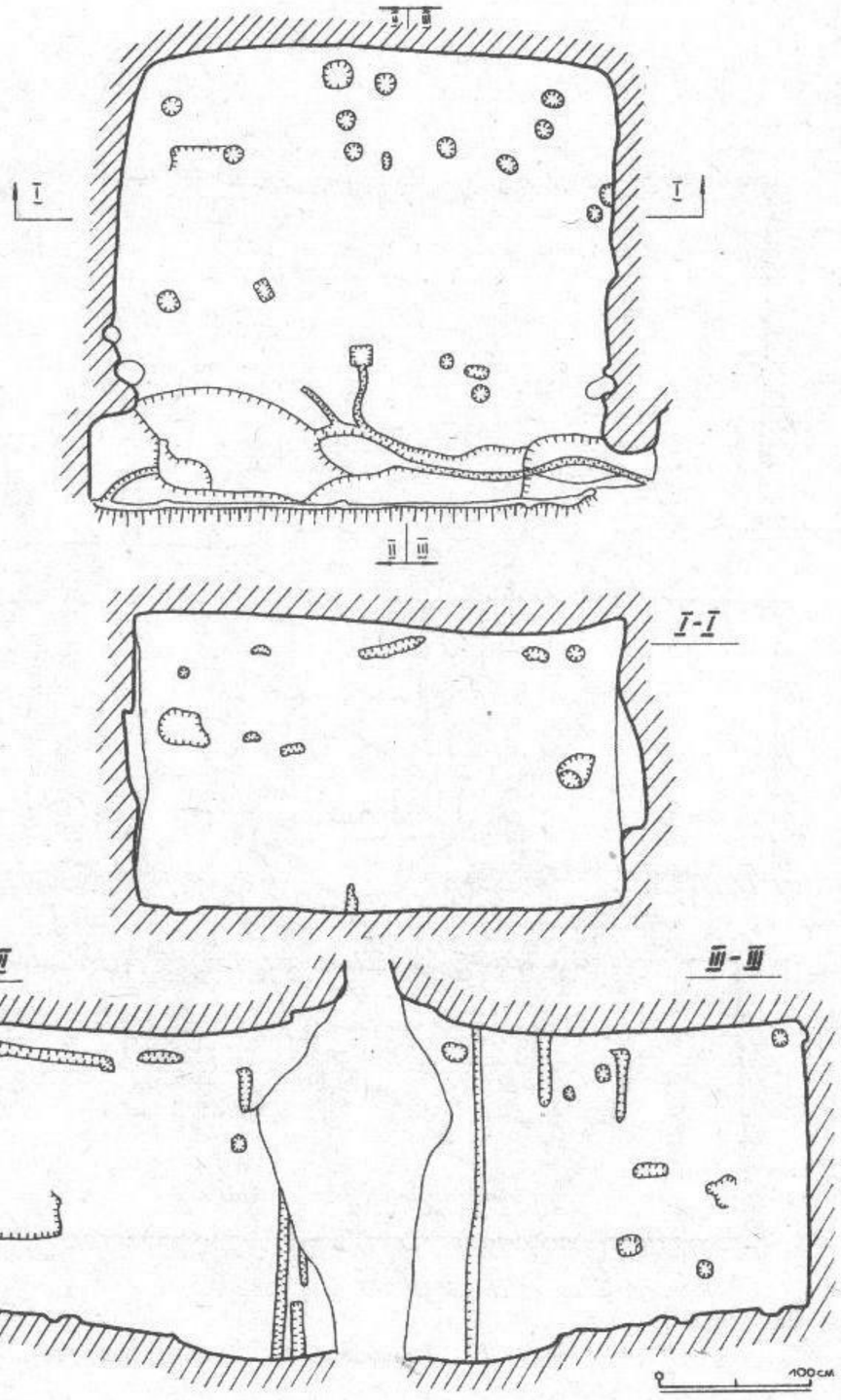


Рис. I2. Помещение № II. План, разрезы

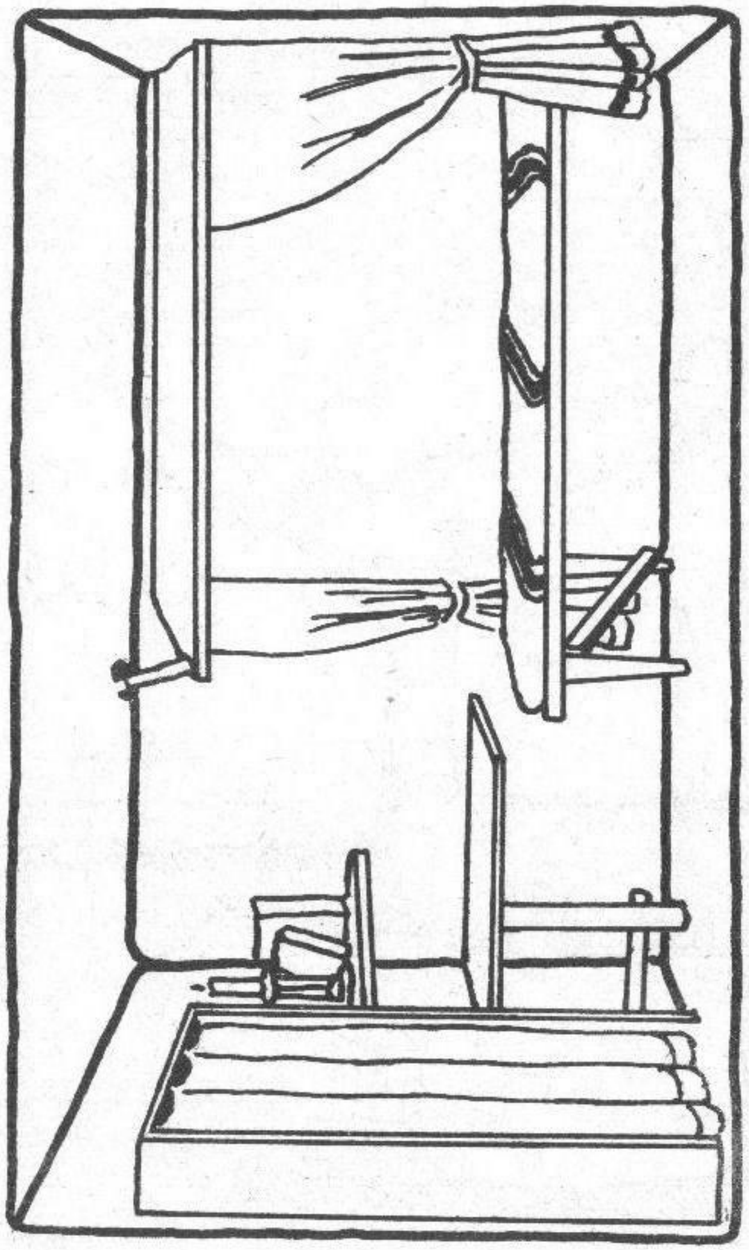


Рис. 13. Реконструкция интерьера помещения № 11

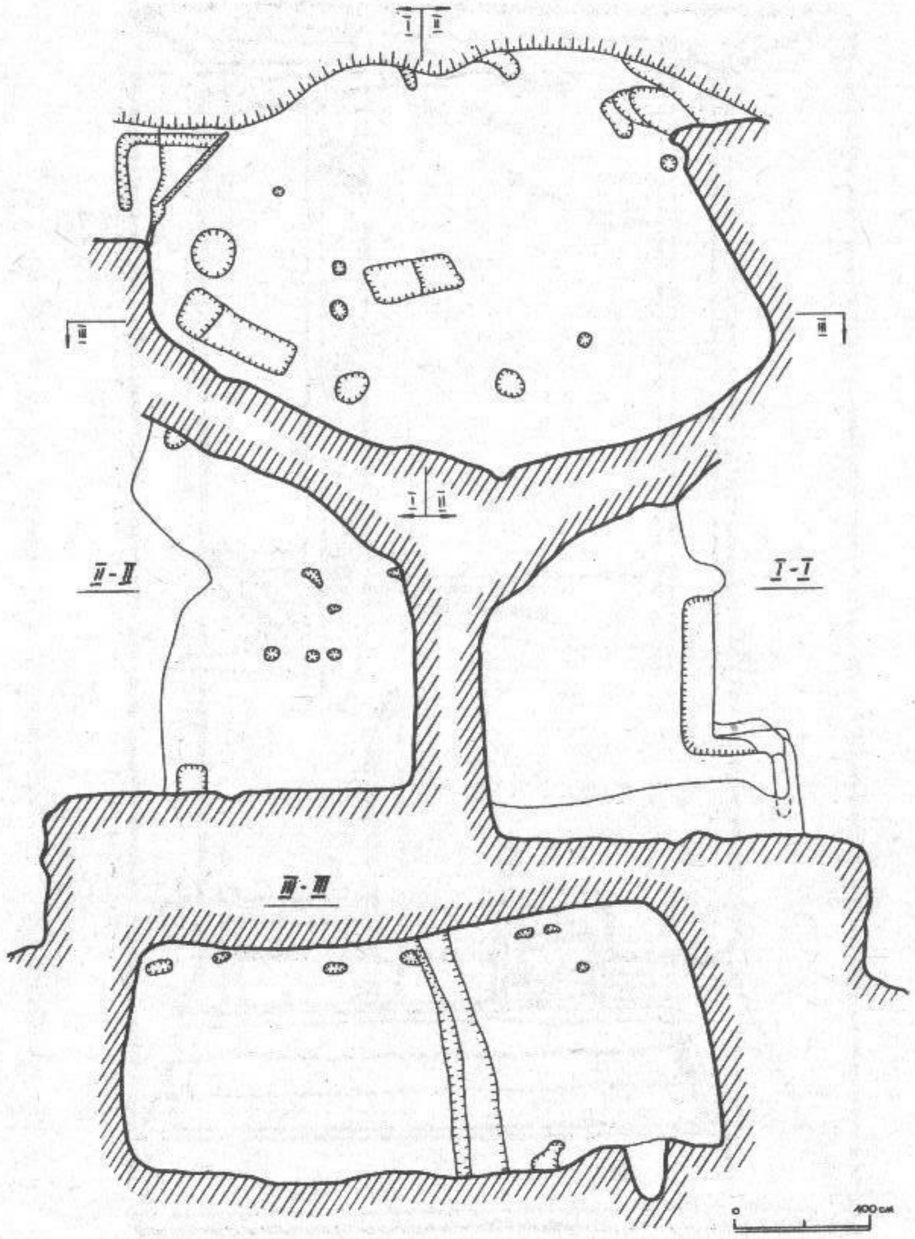


Рис. I4. Помещение № I2. План, разрезы

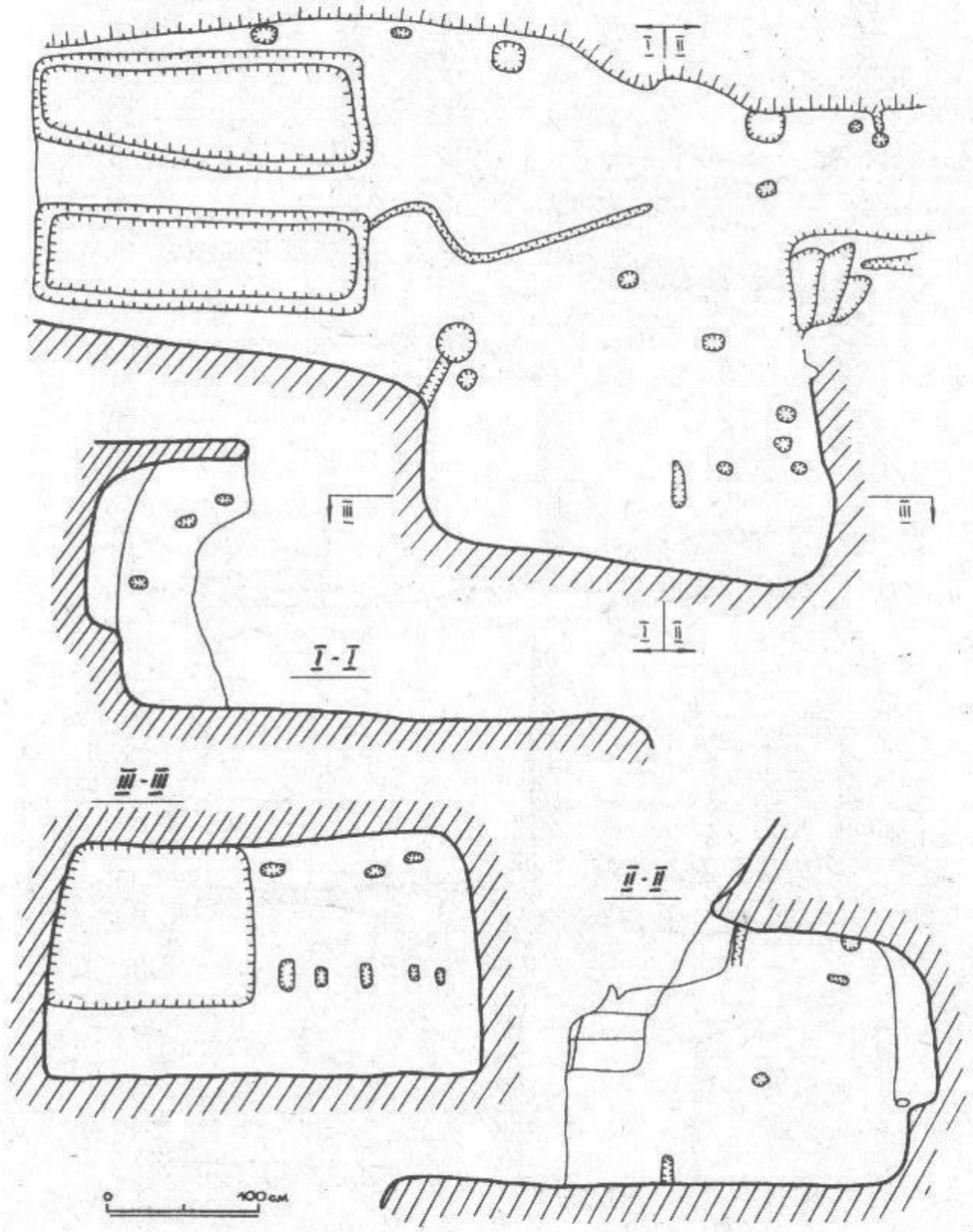


Рис. I5. Помещение № I3. План, разрезы

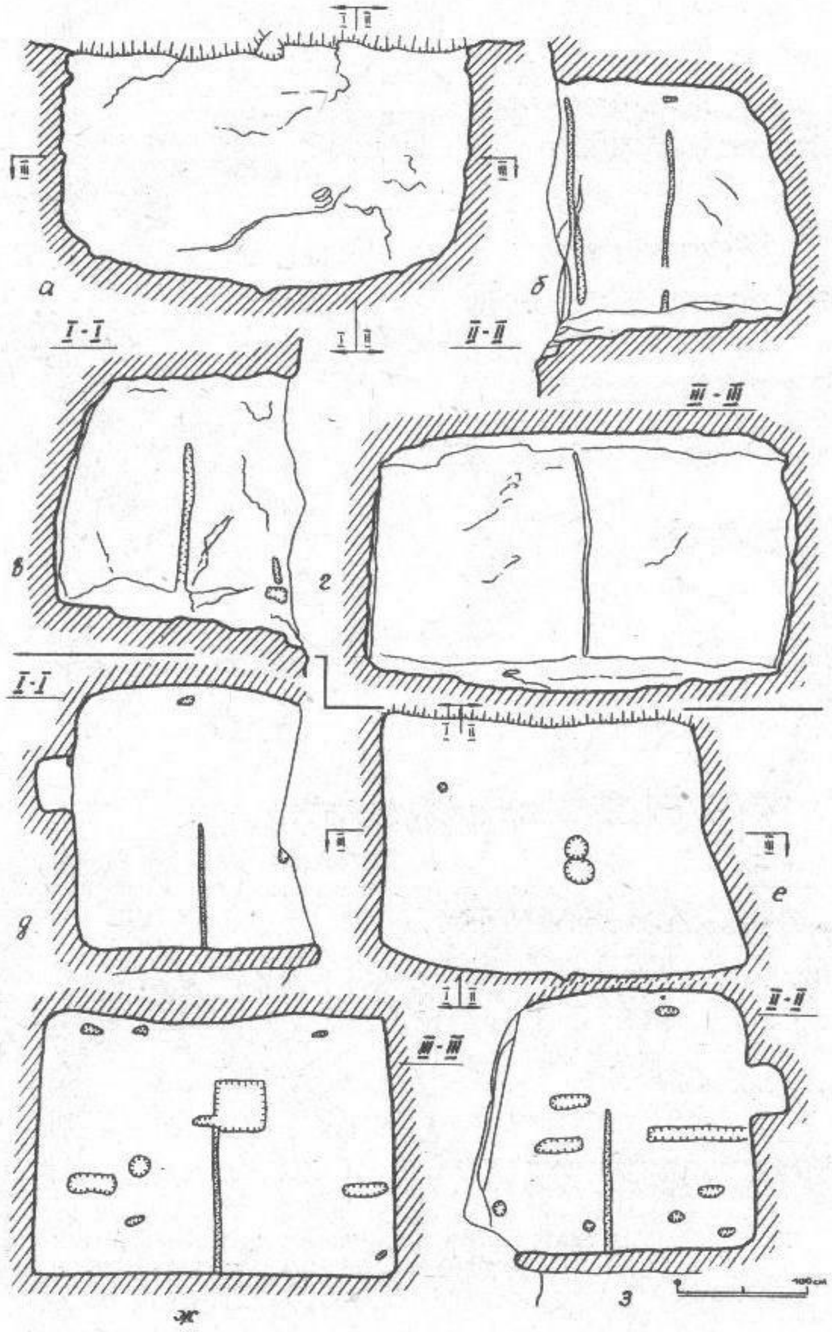


Рис. I6 а-г - помещение № I5. План, разрезы;
д-з - помещение № I4. План, разрезы

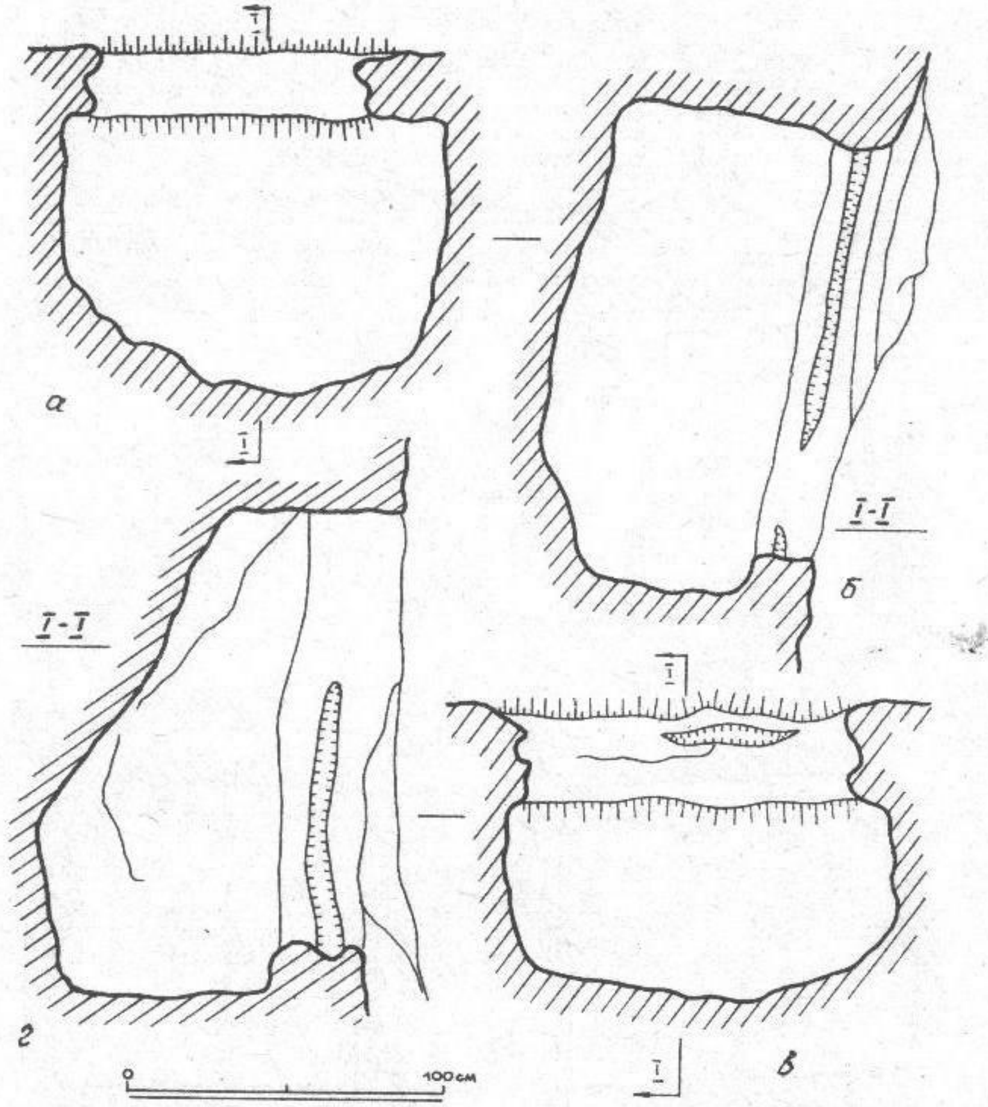


Рис. I7 а,б - помещение № I6. План, разрез I-I;
в,г - помещение № I7. План, разрез I-I

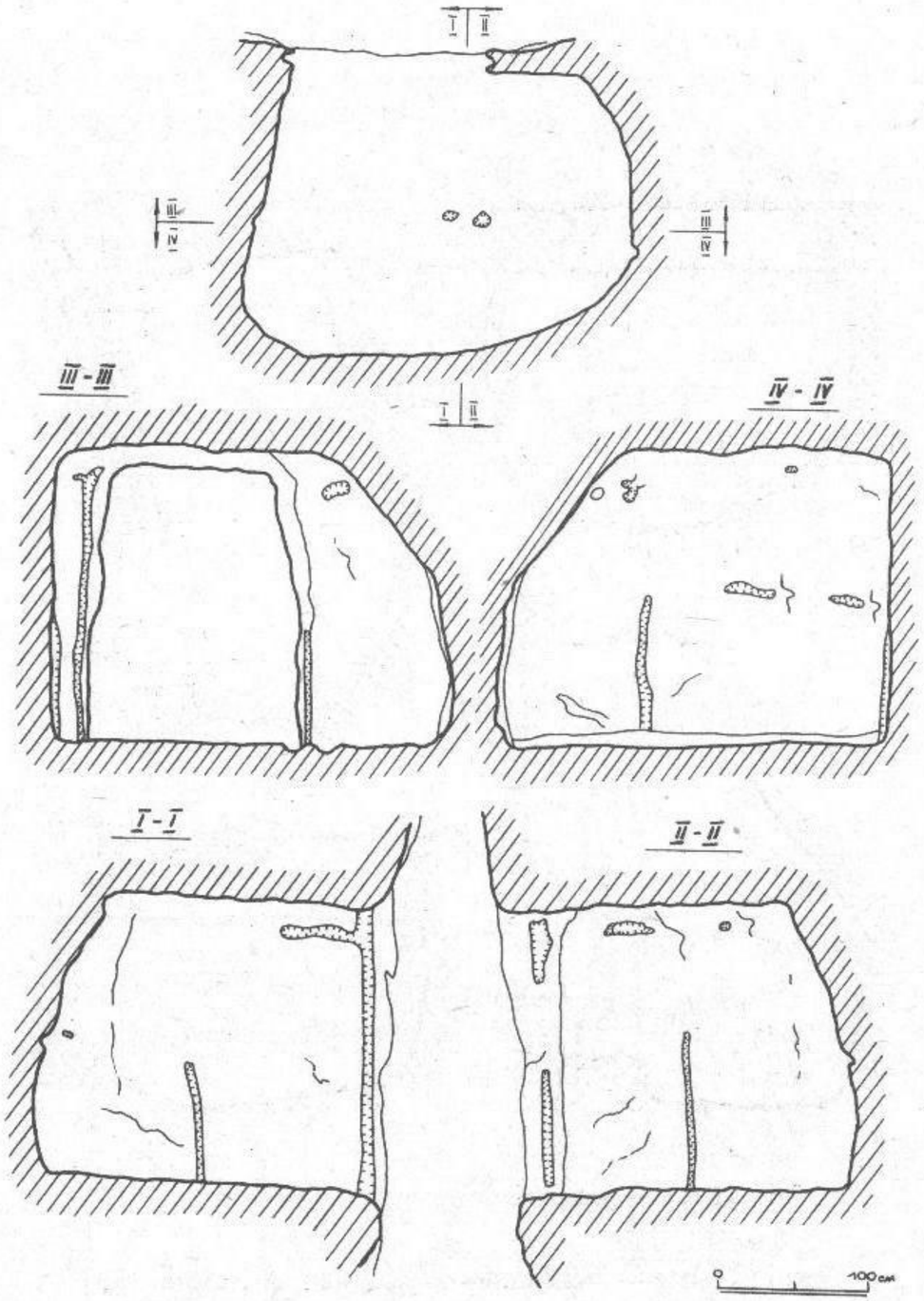


Рис. I8. Помещение № I8. План, разрезы

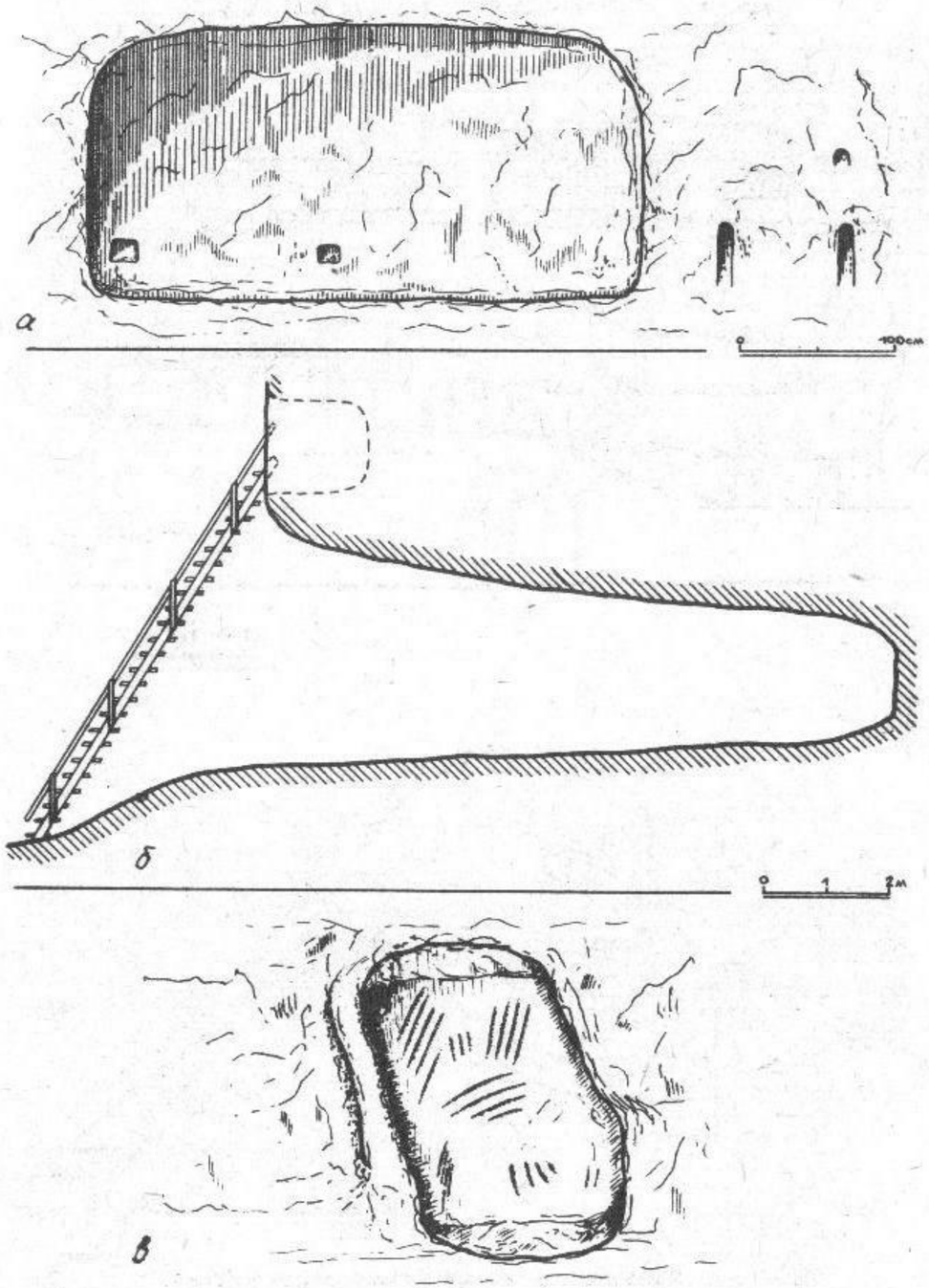
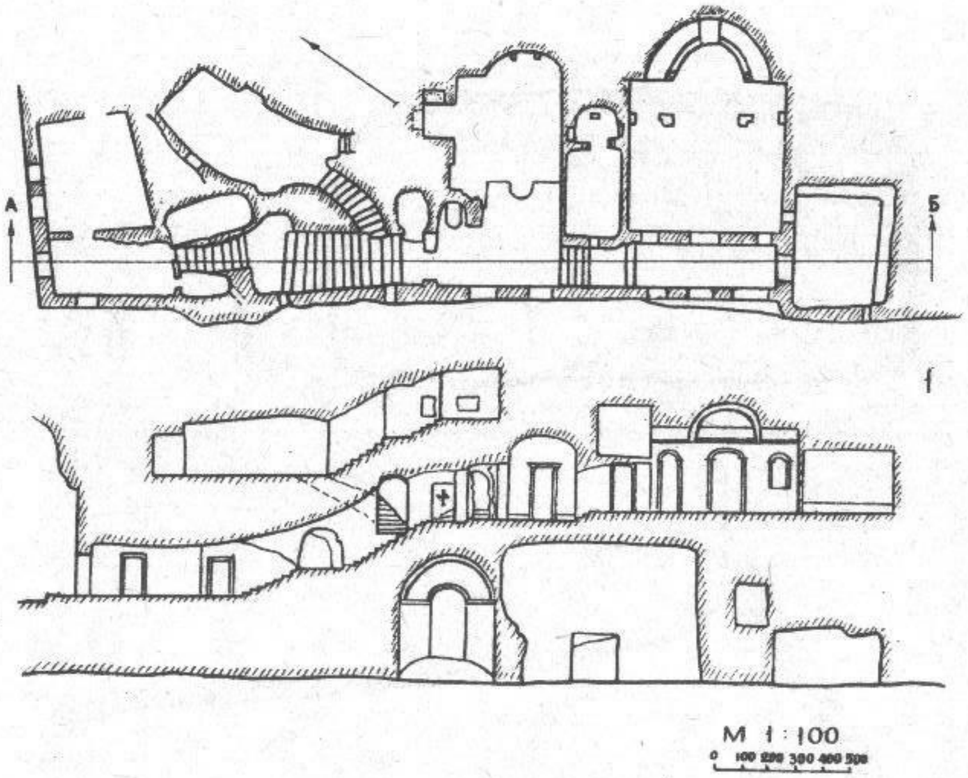


Рис. I9 а,б - помещение № 2I. Общий вид, реконструкция; в - помещение № 22. Рисунок



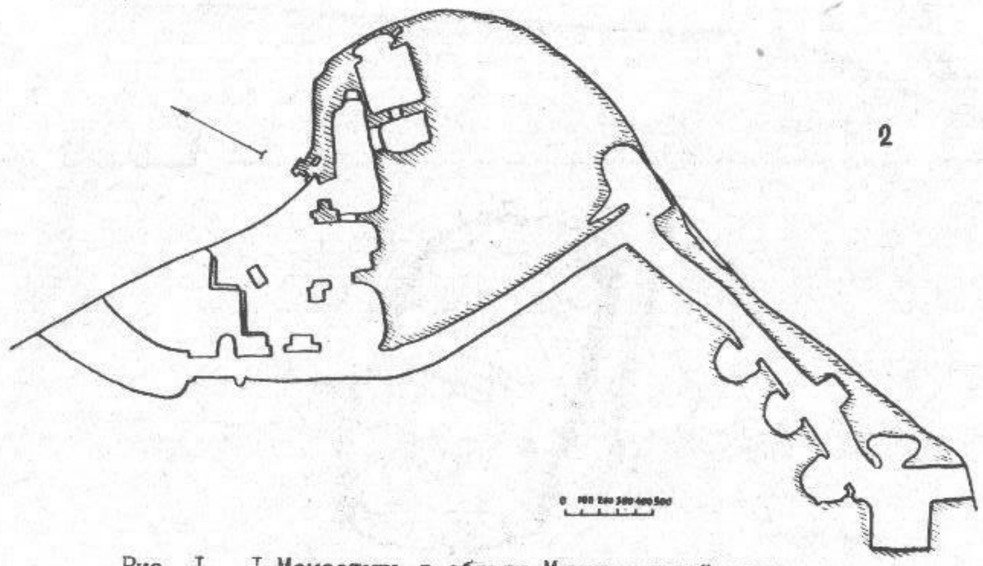
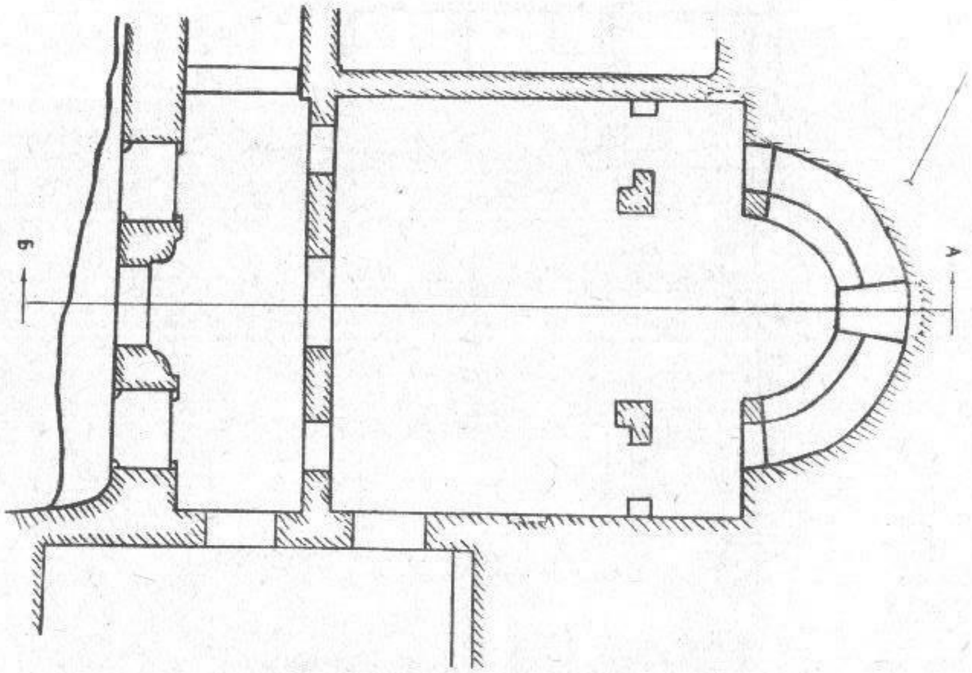


Рис. I. I.Монастырь в обрыве Монастырской скалы (план, разрезы). 2.Монастырь на левом берегу реки Черной



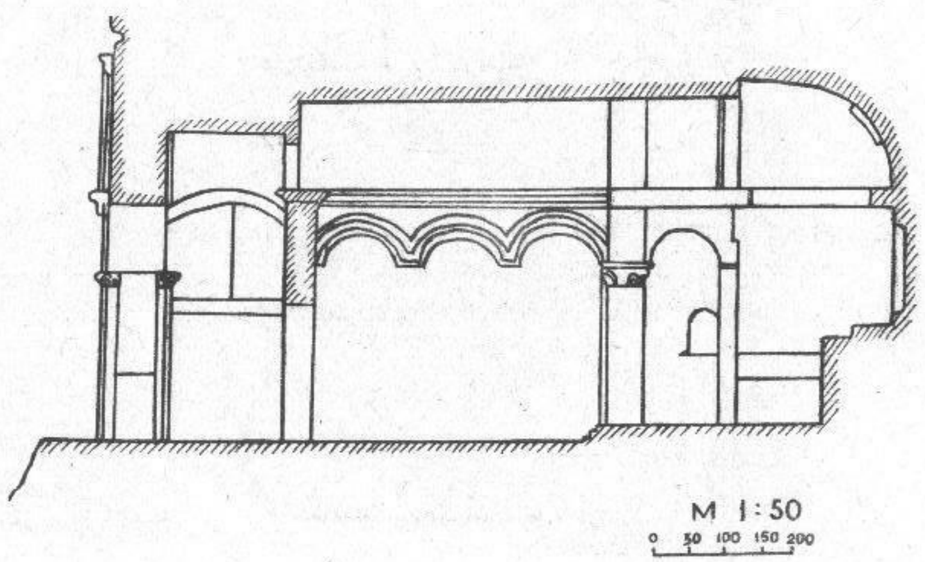


Рис. 2. Монастырь в обрыве Монастырской скалы. Базилика св.Климента (Георгия) (план, разрез)

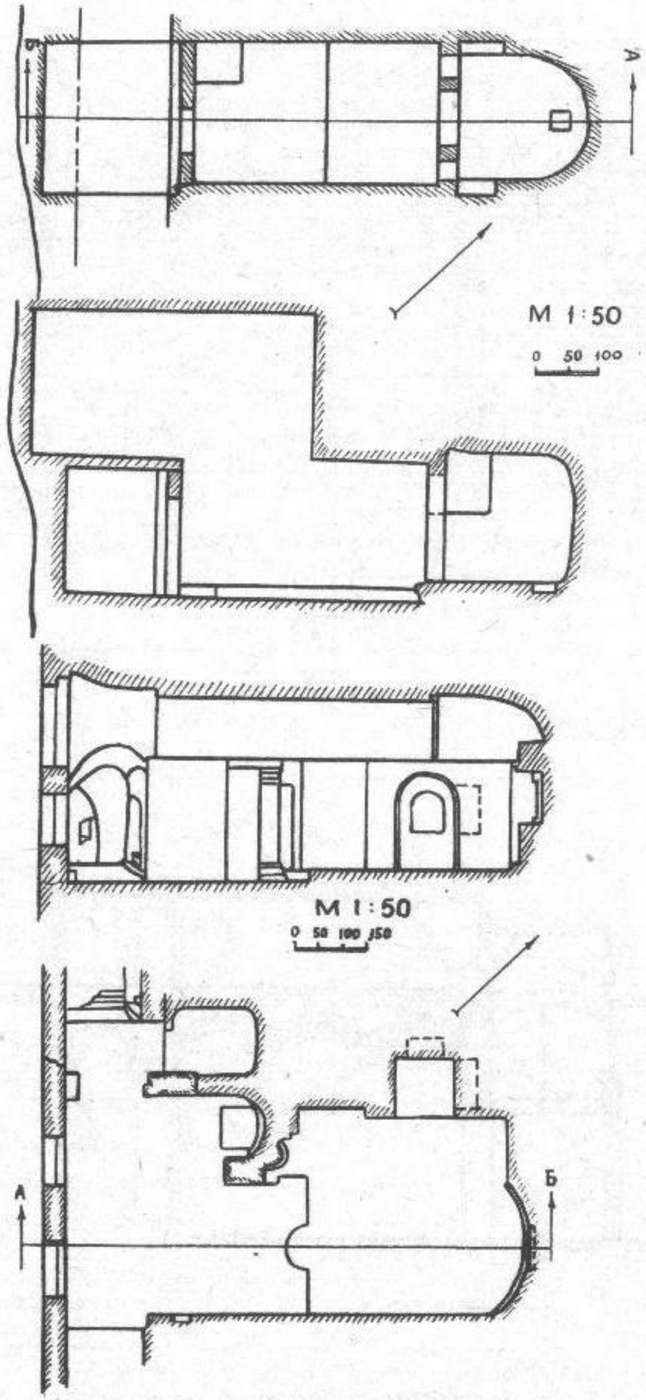


Рис. 3. Монастырь в обрыве Монастырской скалы. I. Часовня (план, разрез). 2. Храм св. Мартина (план, разрез)

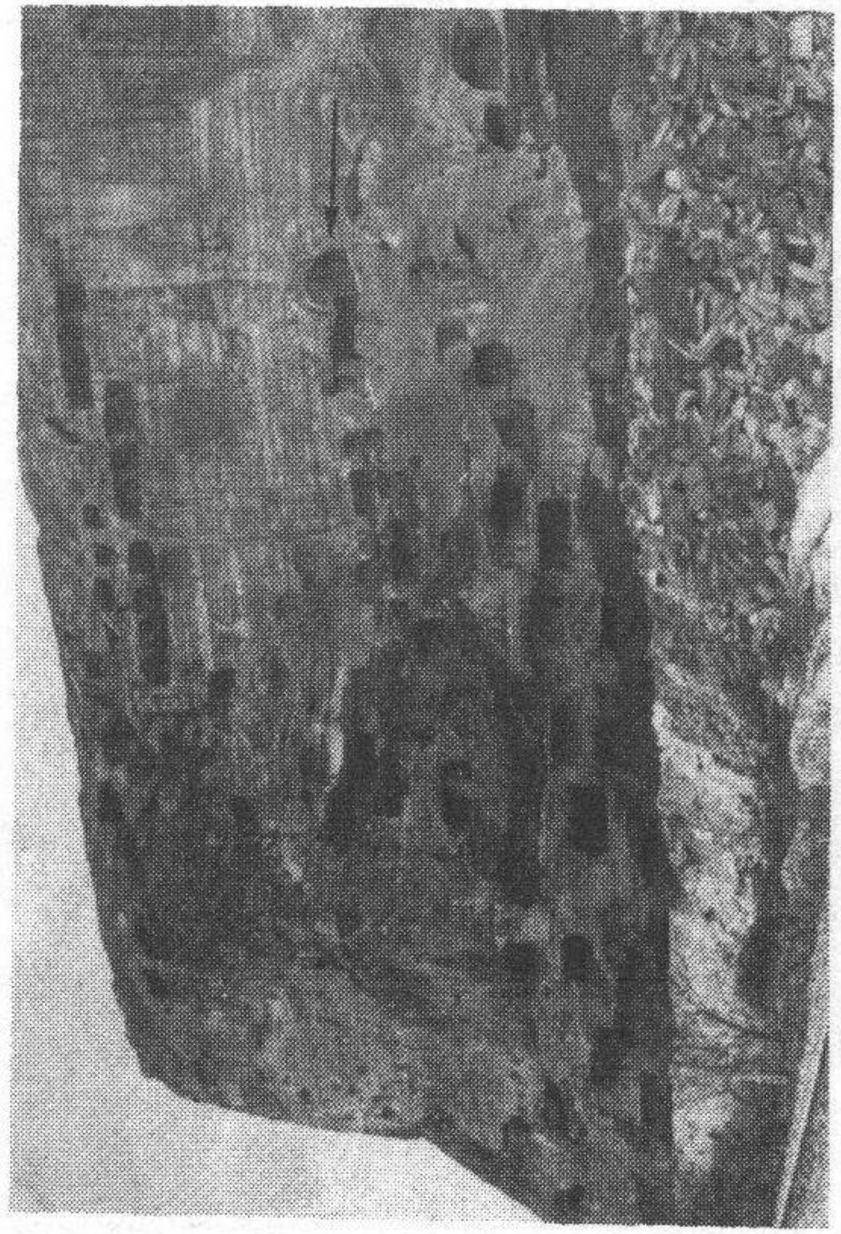


Рис. 4. Южный обрыв Монастырской скалы. Стрелкой показан храм "Афка"

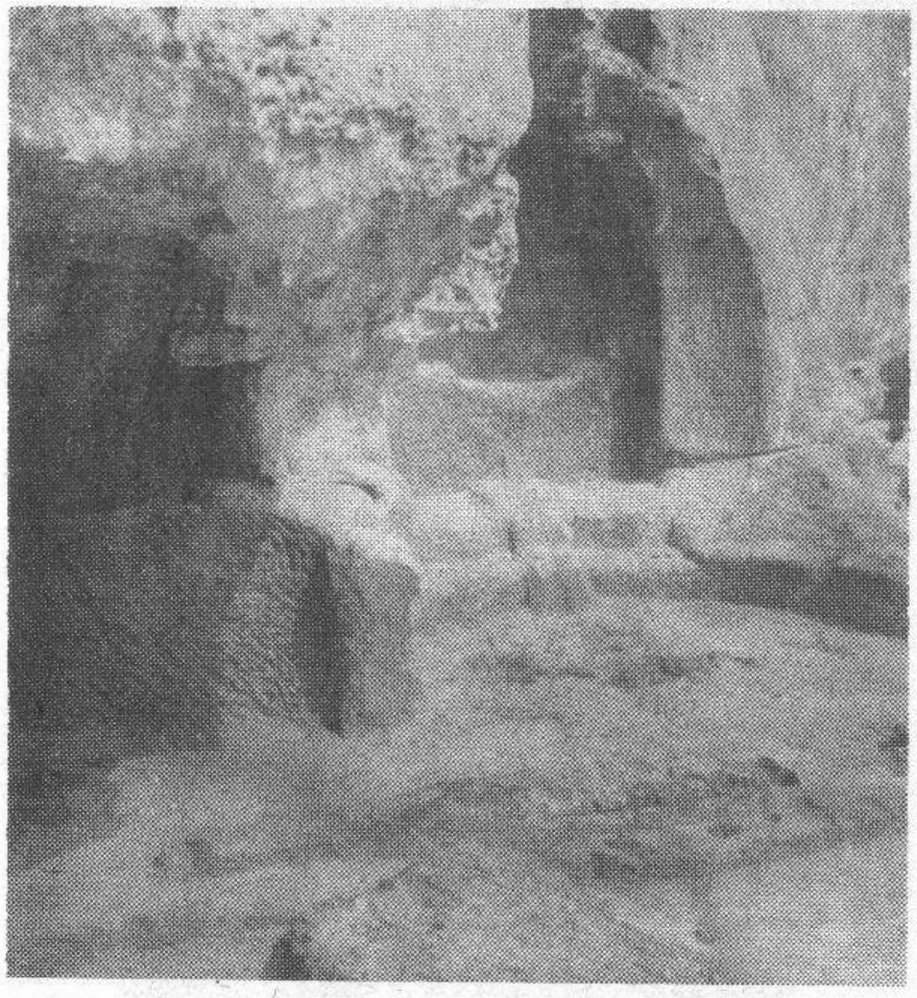


Рис. 5. Алтарная часть храма "Афка"

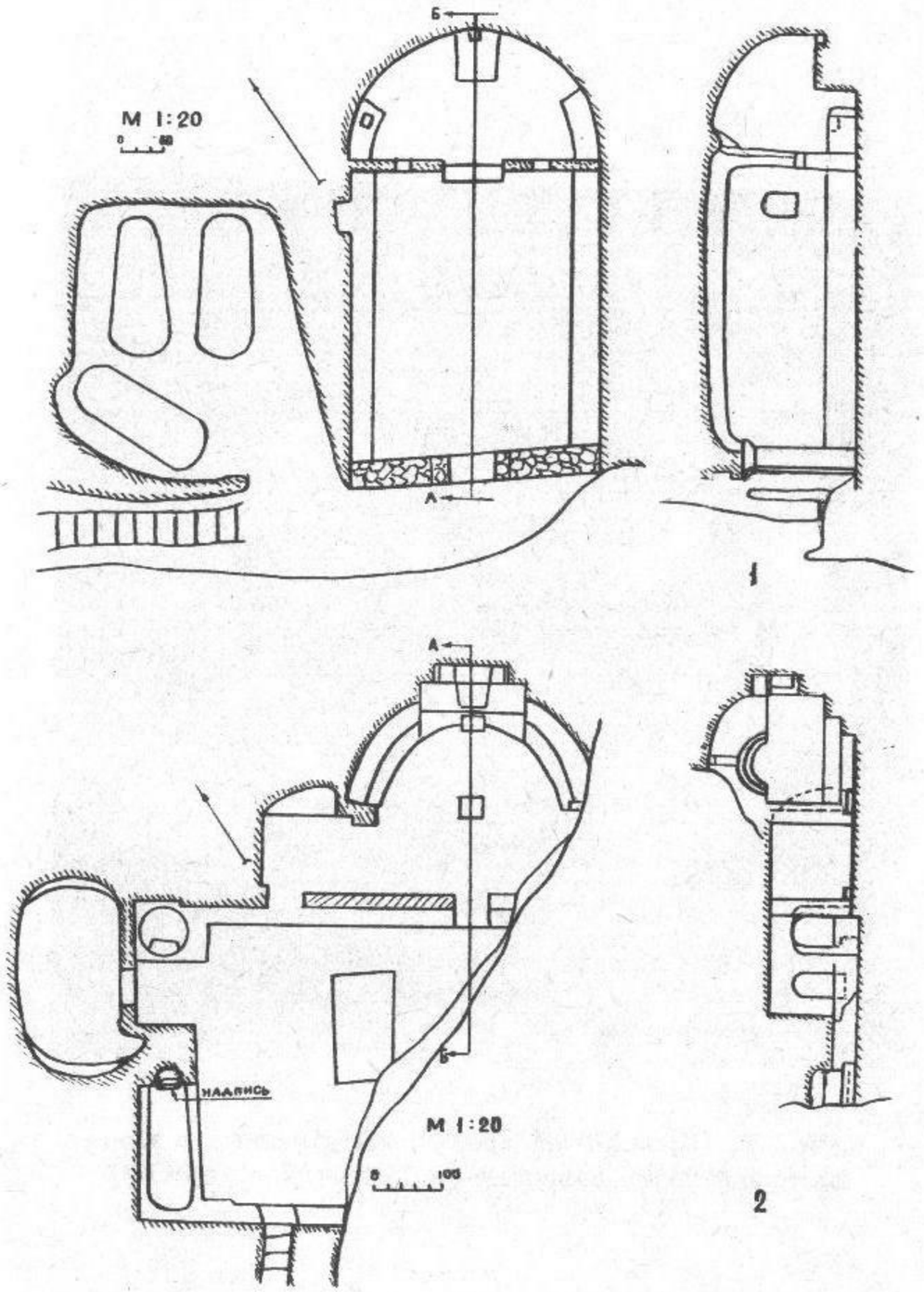


Рис. 6. I. Храм св. Евграфия. План, разрез.
2. Храм "Афка". План, разрез

Рис. 7. "Процветший крест", вырубленный в конхе алтарной части базилики св. Климента (Георгия)

7. "Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма"

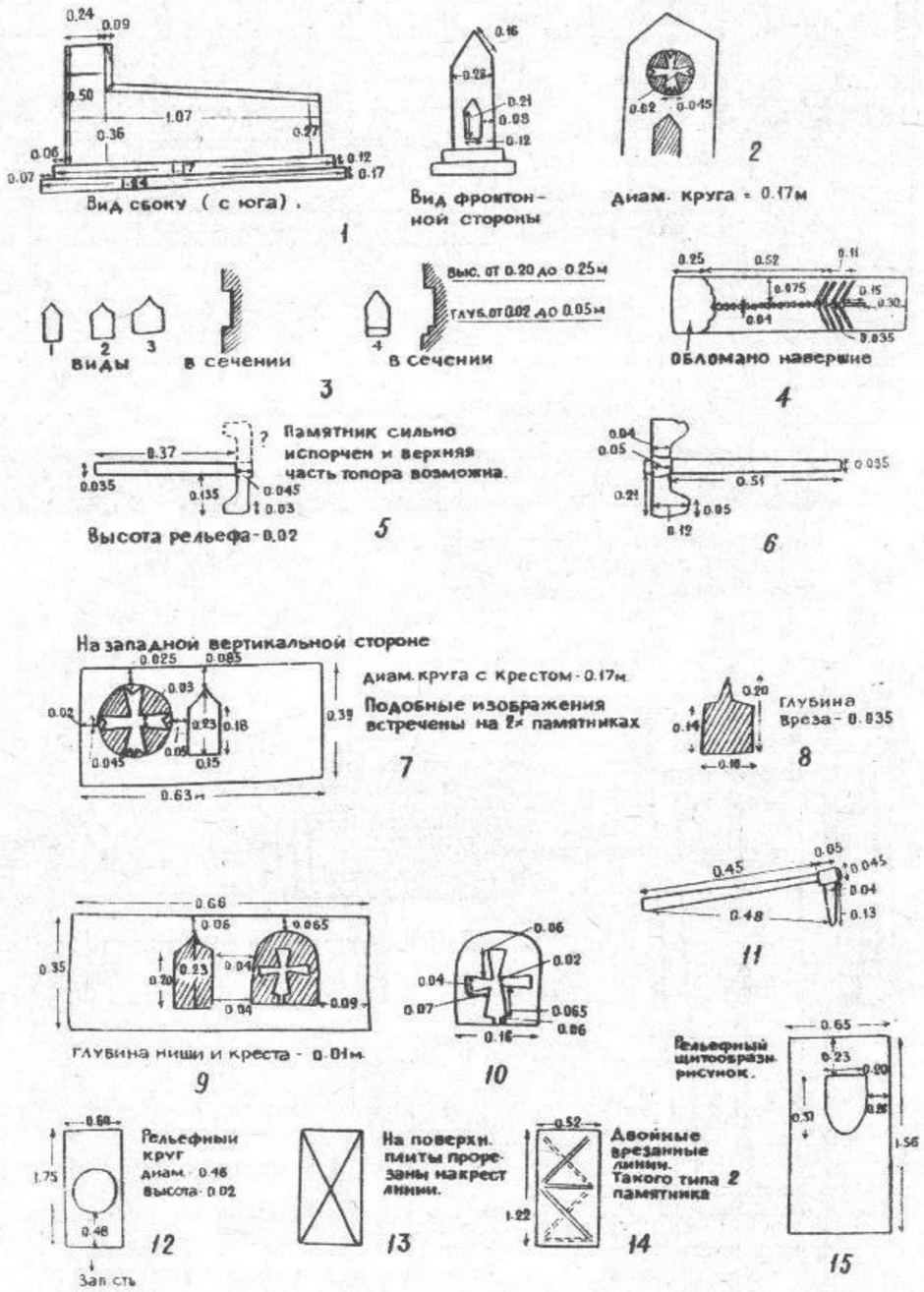
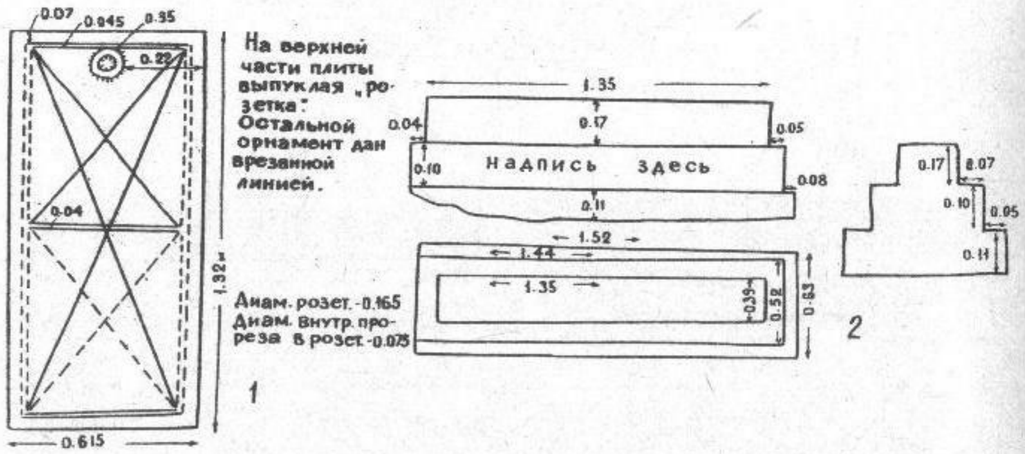
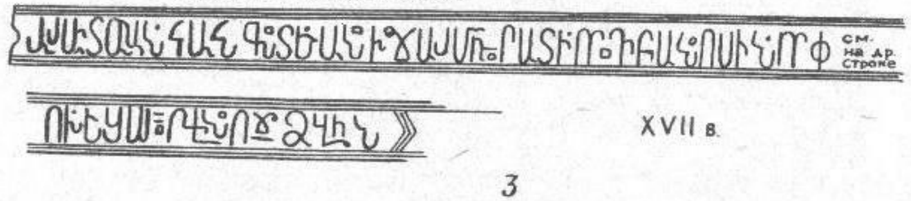


Рис. I. Кладбище у с.Богатырь. Типы и детали надгробий (по материалам архива Е.В.Веймарна)



Надпись имеет следующее выражение (надпись однострочная)



XVII в.

3

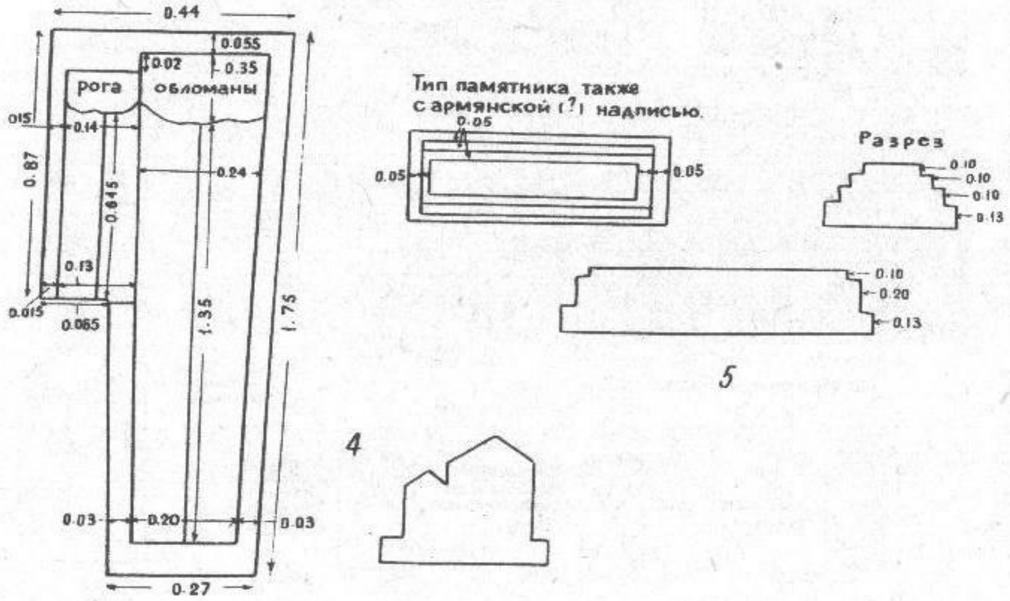


Рис. 2. Кладбище у с.Богатырь. Типы и детали надгробий (по материалам архива Е.В.Веймарна)

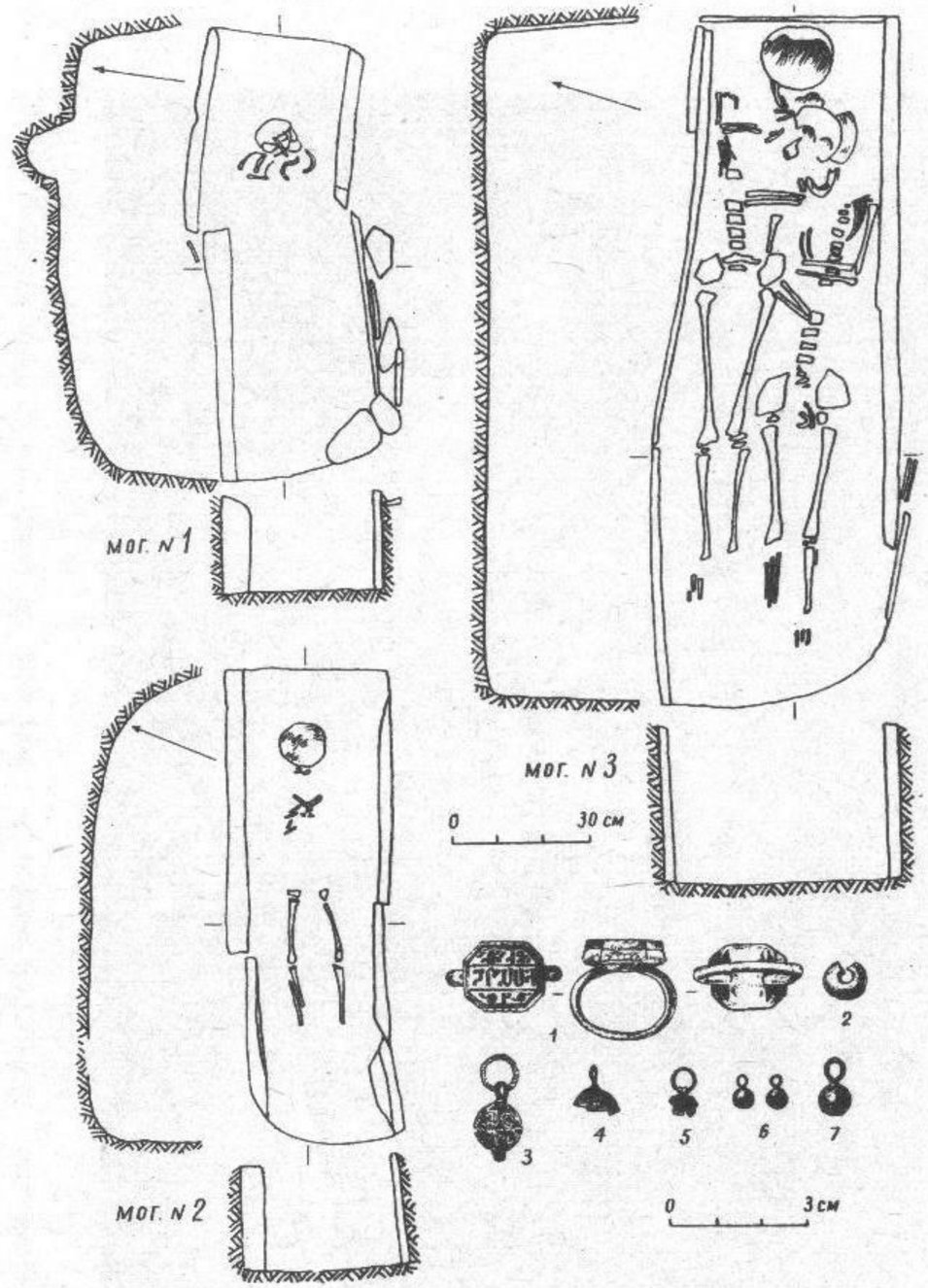


Рис. 3. Кладбище у с.Богатырь. Планы и разрезы могил, инвентарь погребений. I- серебряный перстень с сердоликовой вставкой, 2 - стеклянная бусина, 3-5 - серебряные подвески, 6,7 - бронзовые и серебряная пуговицы (2 - могила № I; 4,5 - могила № 2; 7 - могила № 3; I,3,6 - из разрушенных захоронений)

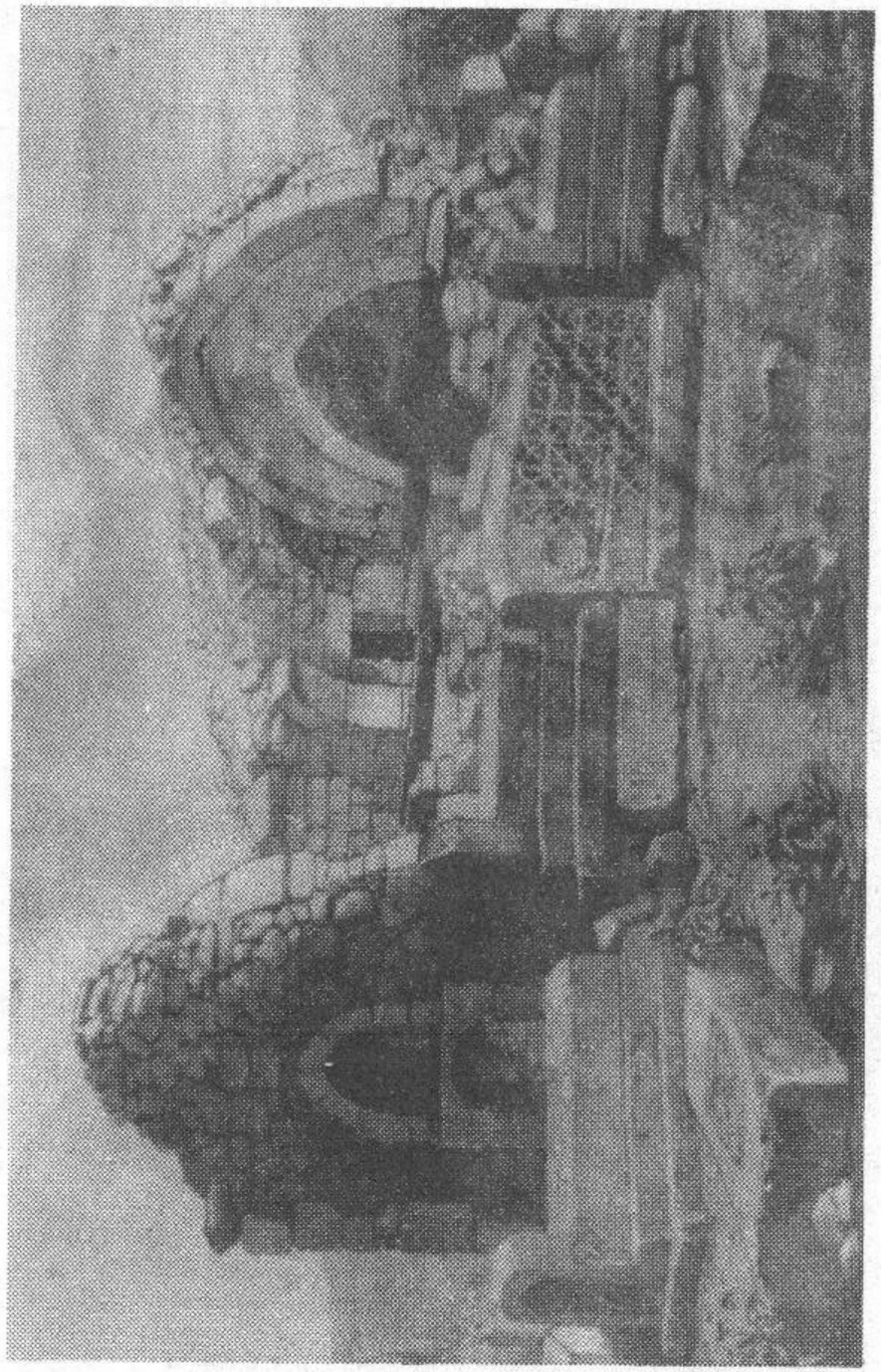


Рис. 4. "Развалины греческой церкви и греческие гробницы" в с. Мангуш (1848 г.)
Литография по рисунку М. Вебеля (фоторепродукция Л.П.Юрчишко)

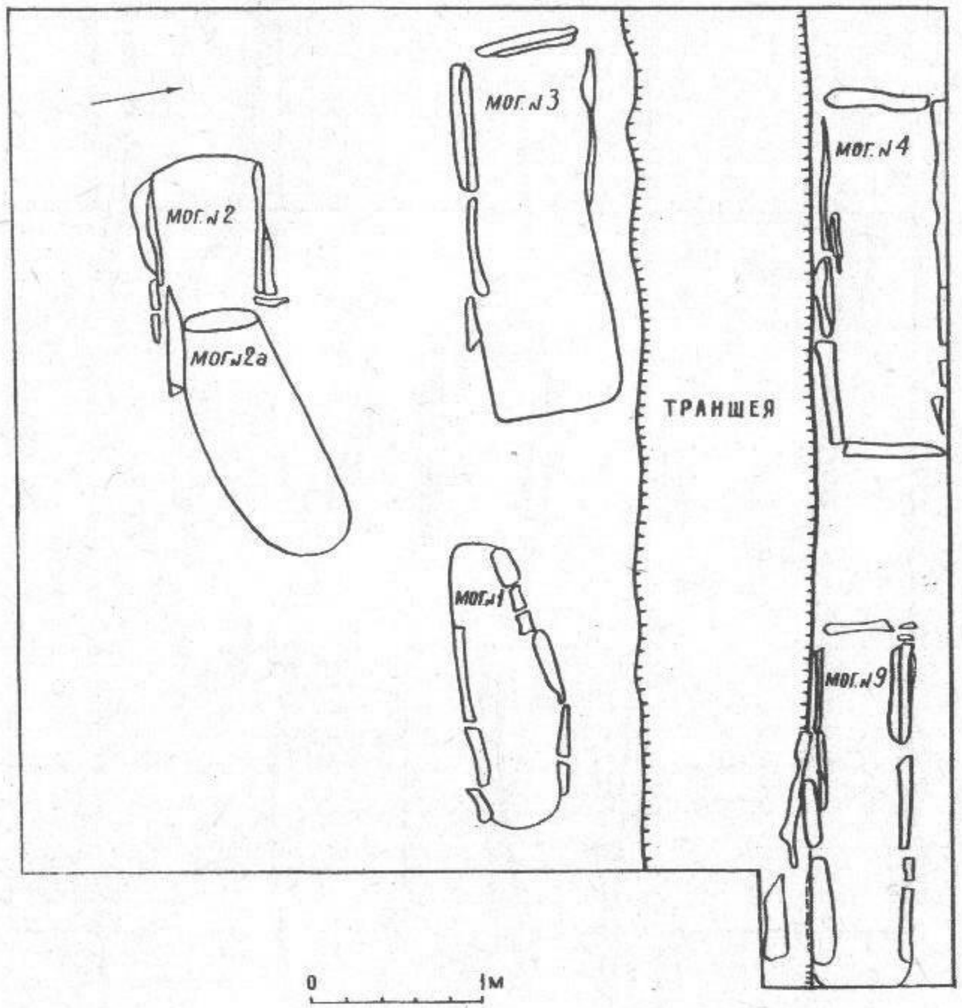


Рис. 5. Могильник Прохладное. Раскоп 1.
Разрушенные могилы № 5 и 6 на плане не показаны

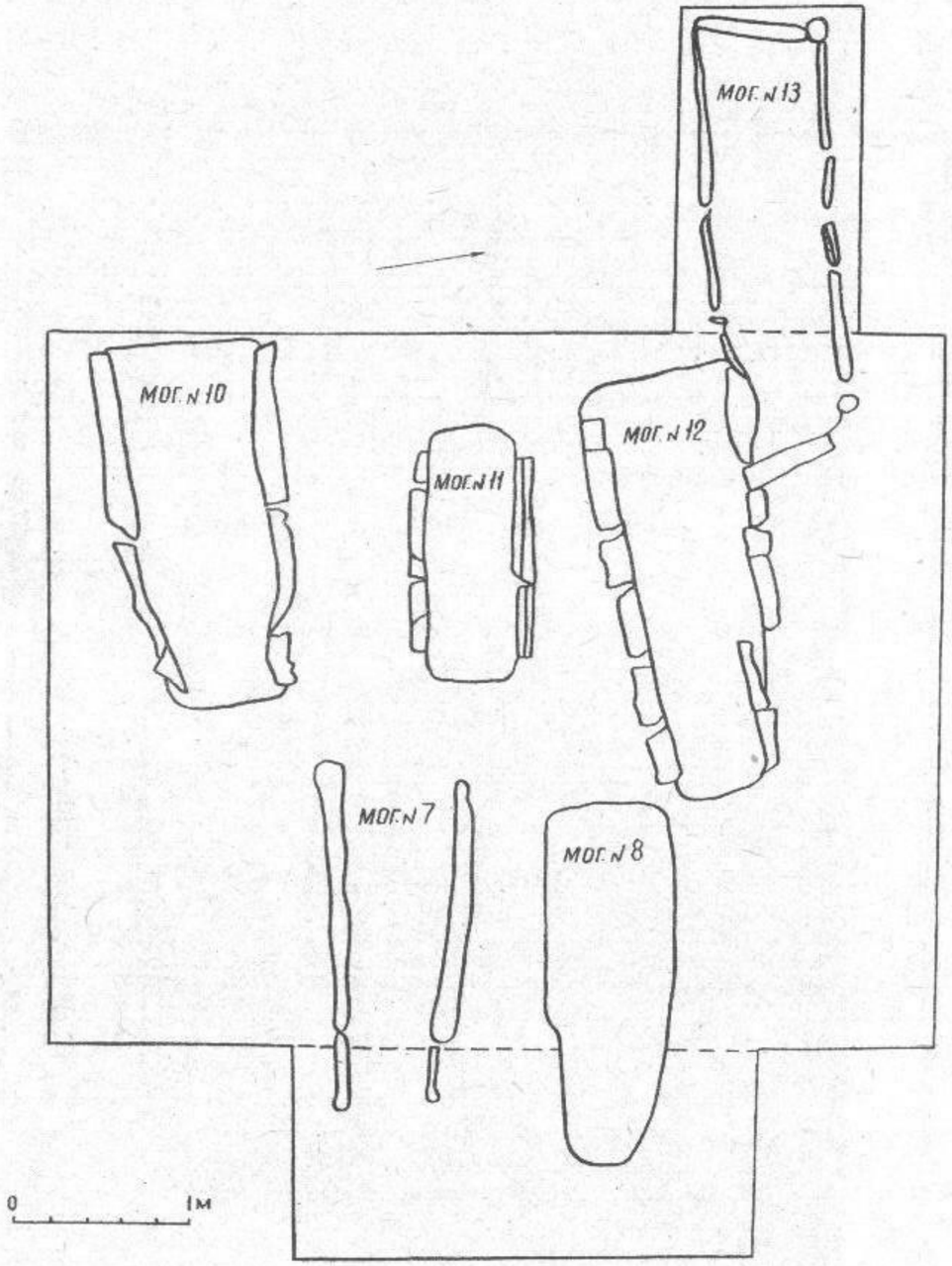


Рис. 6. Могильник Прохладное. Раскоп 2

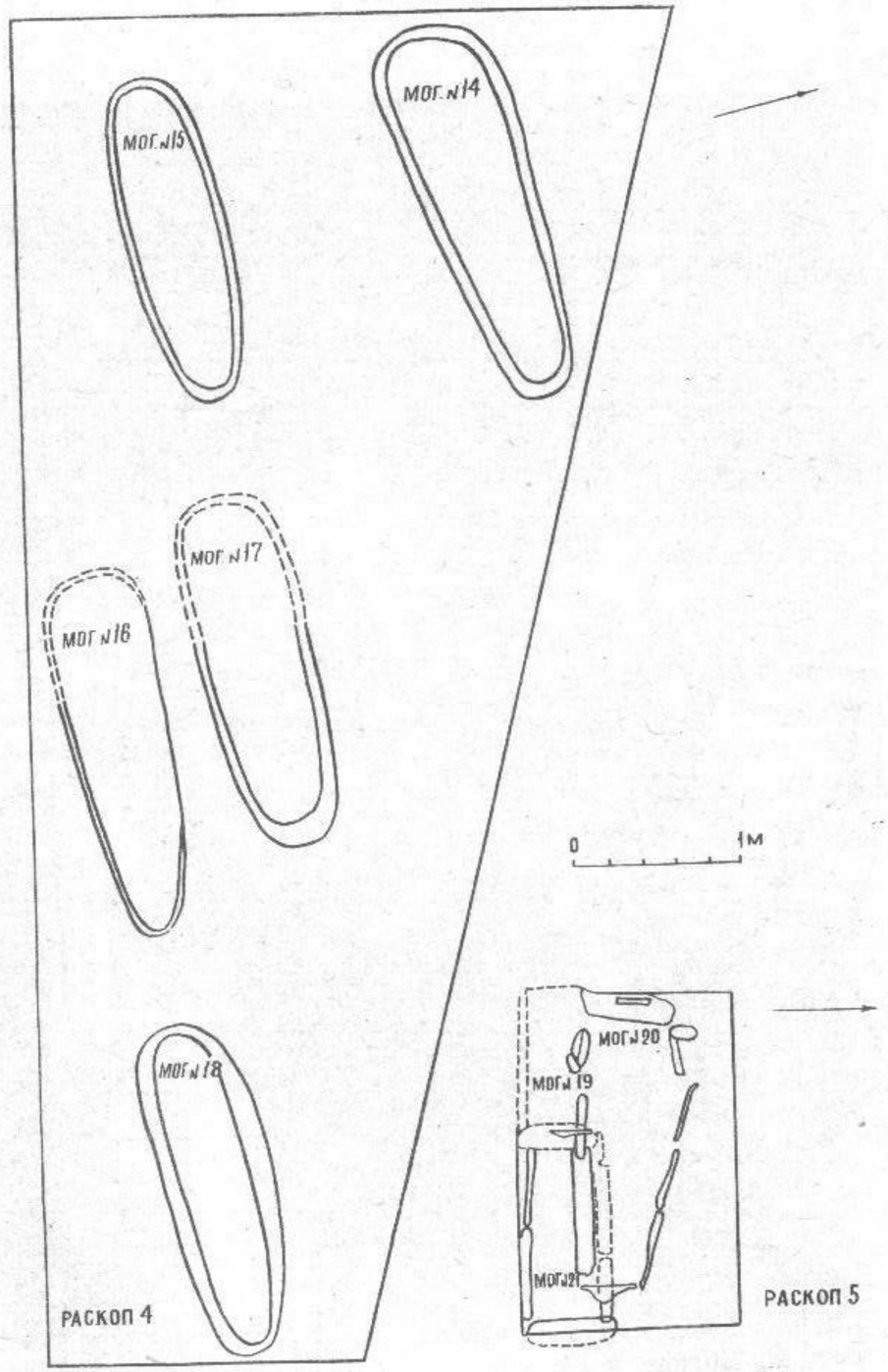


Рис. 7. Могильник Прохладное. Раскопы 4,5

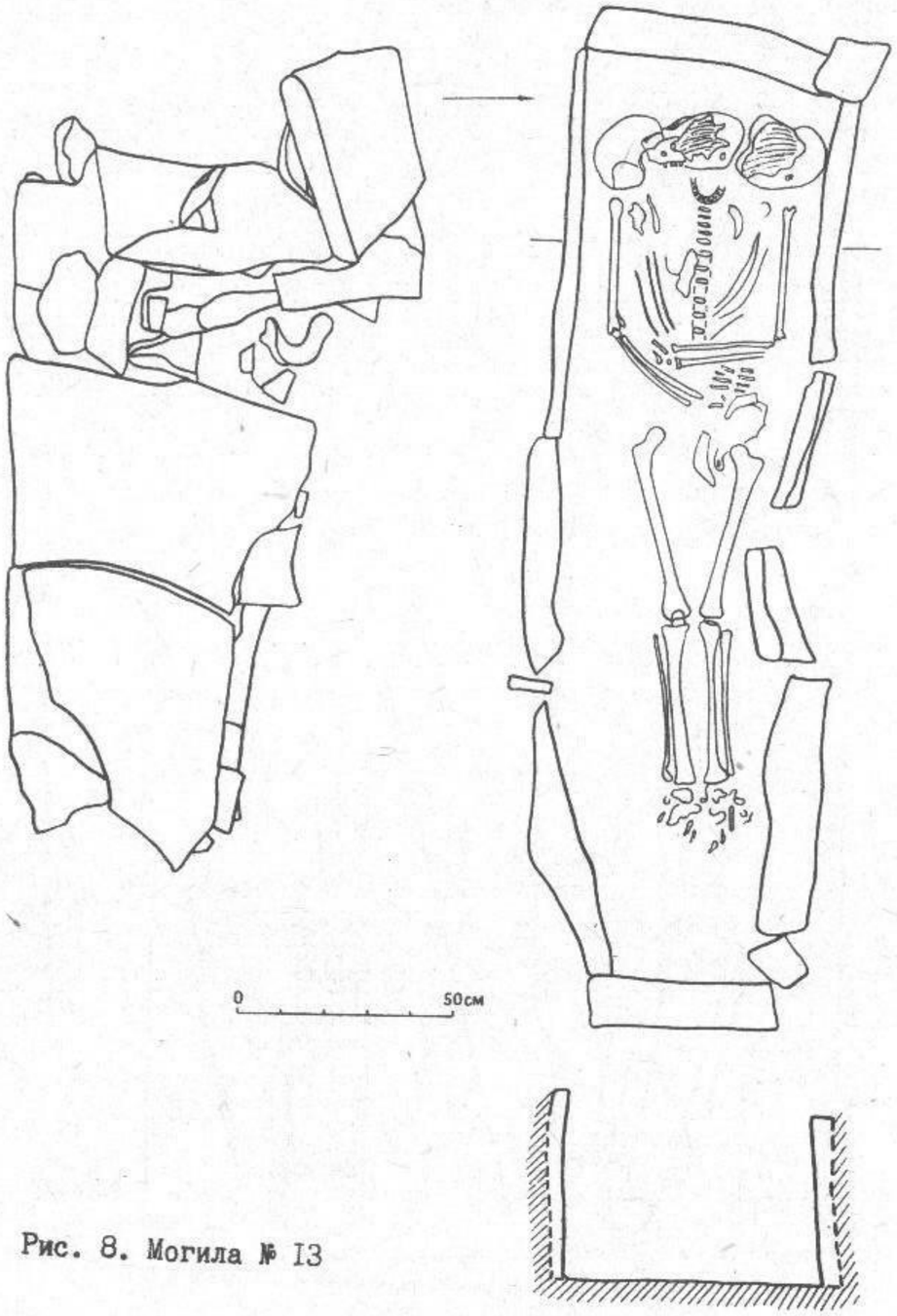


Рис. 8. Могила № I3

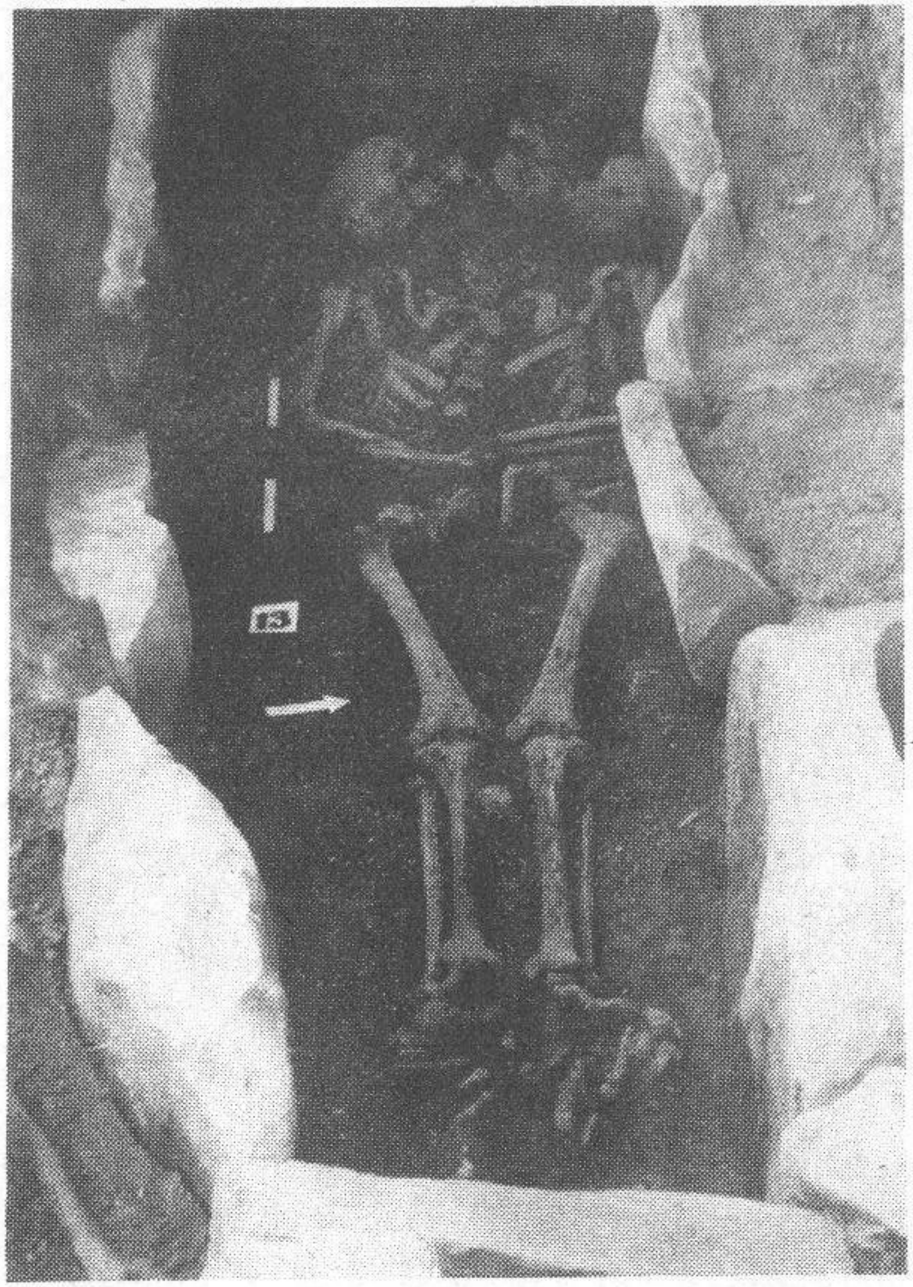


Рис. 9. Могила № 13. Вид с востока

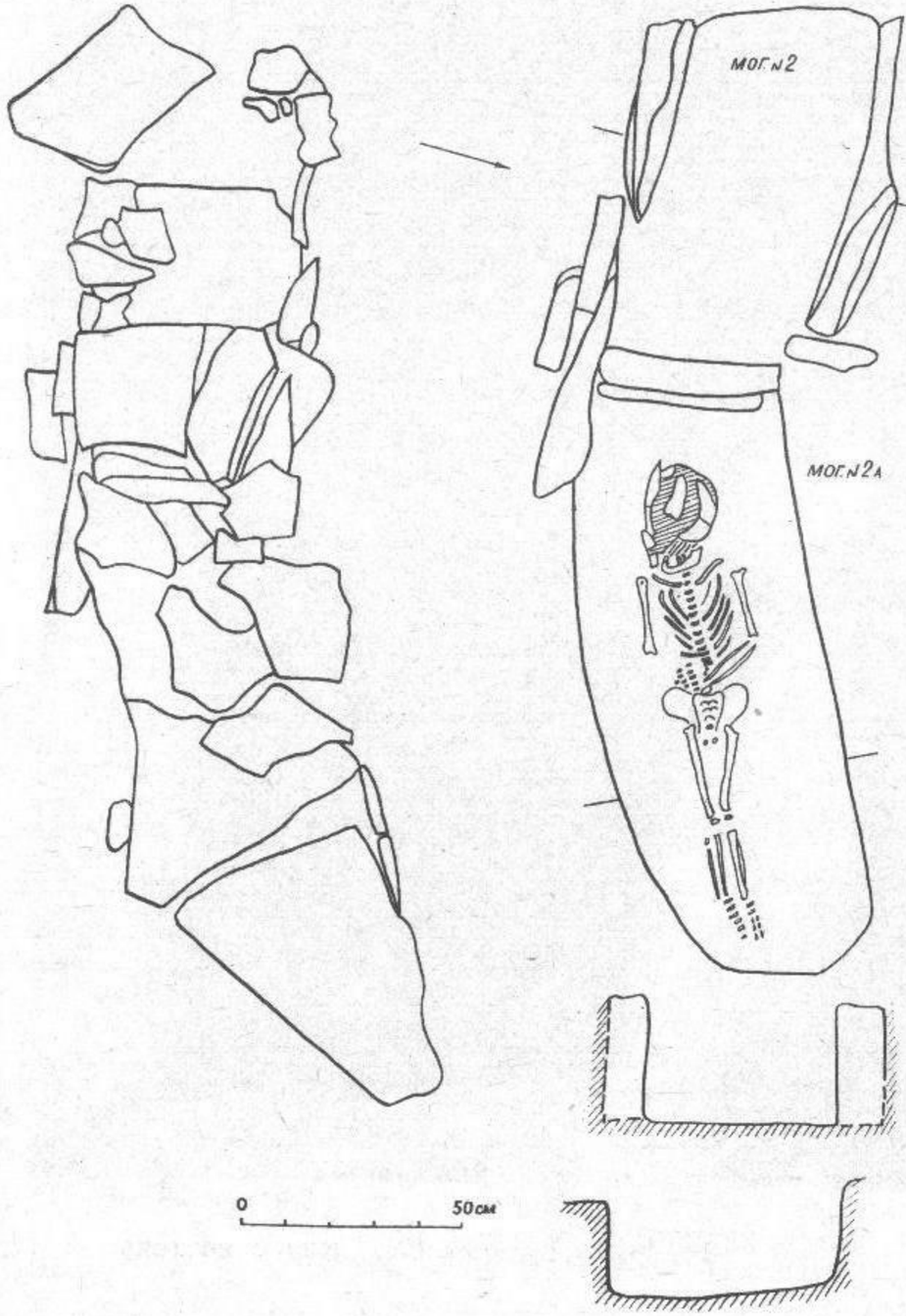


Рис. IO. Могилы № 2 и 2а

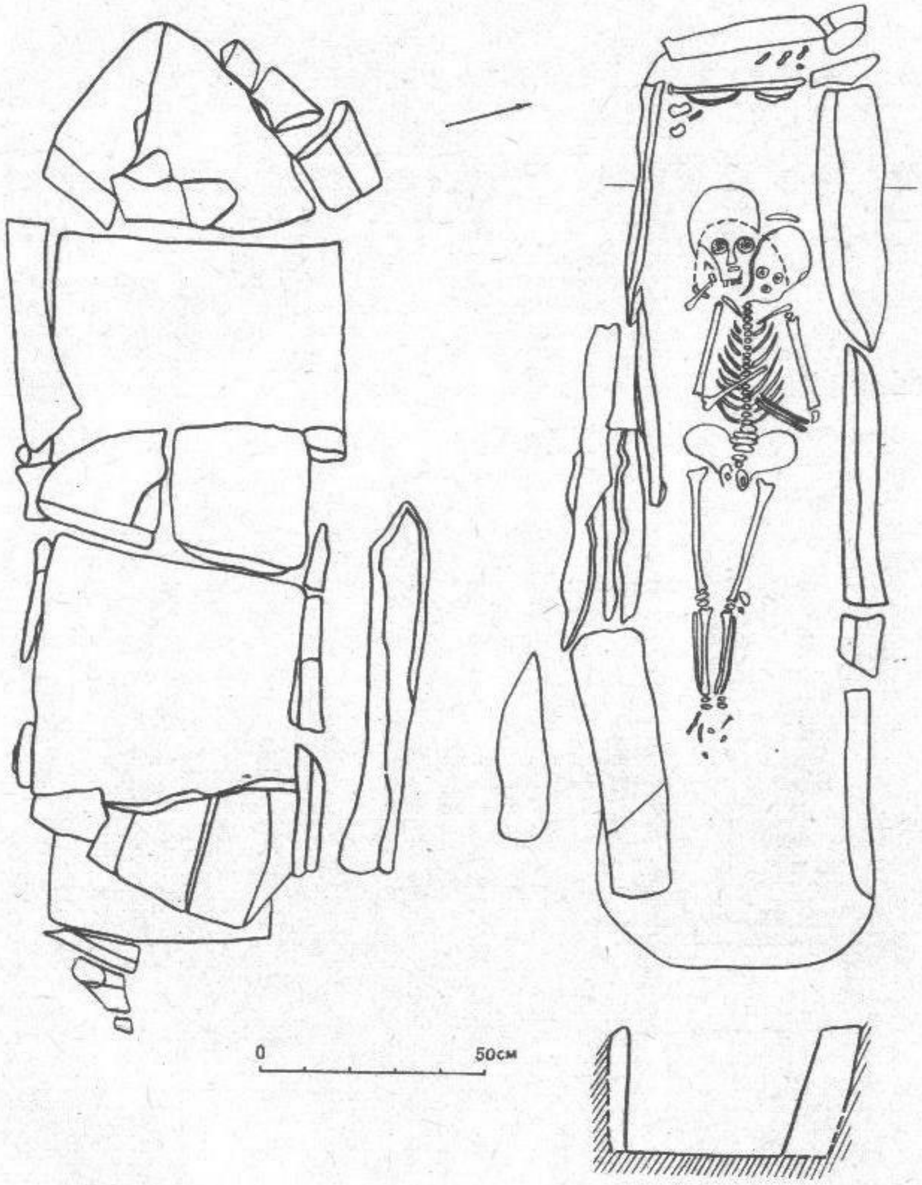


Рис. II. Могила № 9

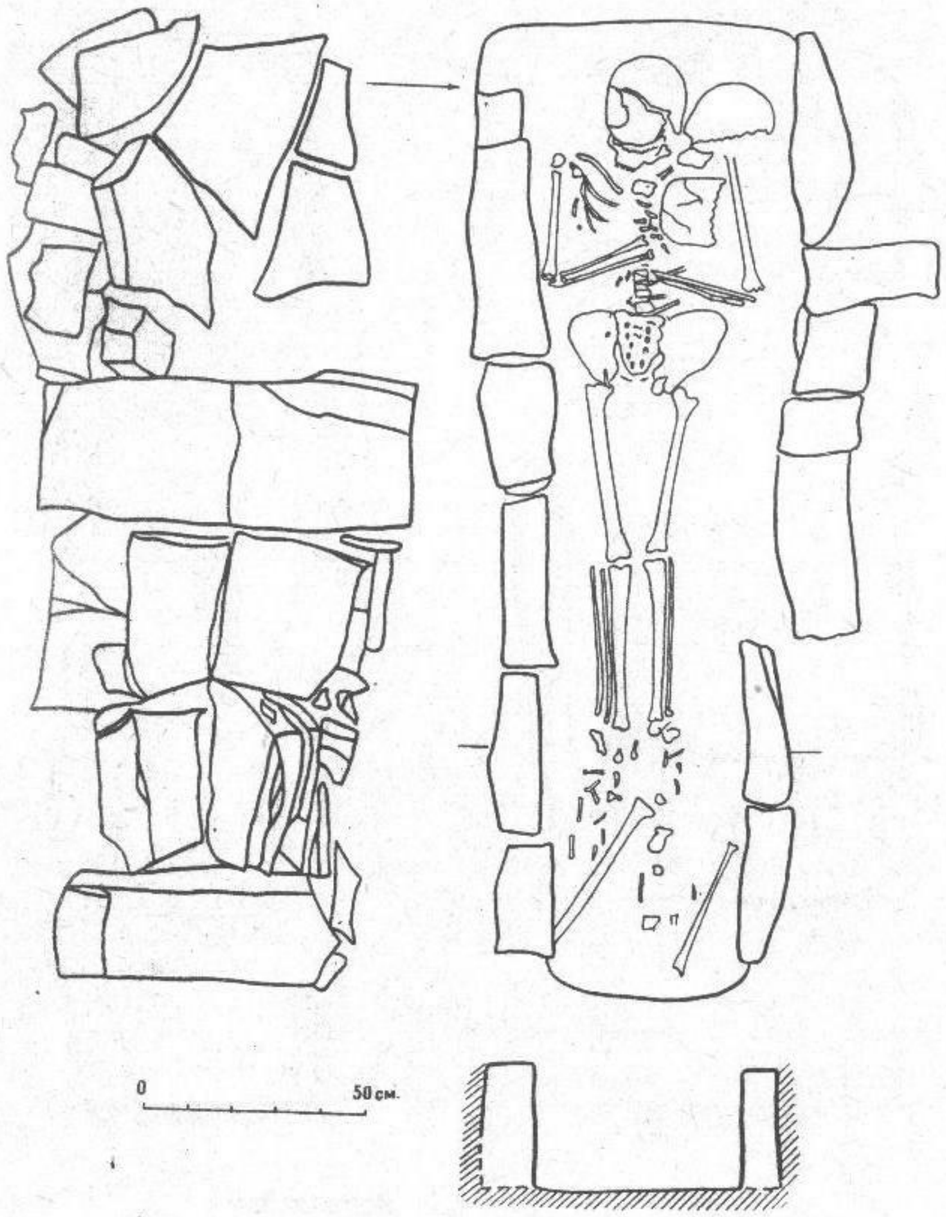


Рис. I2. Могила № I2

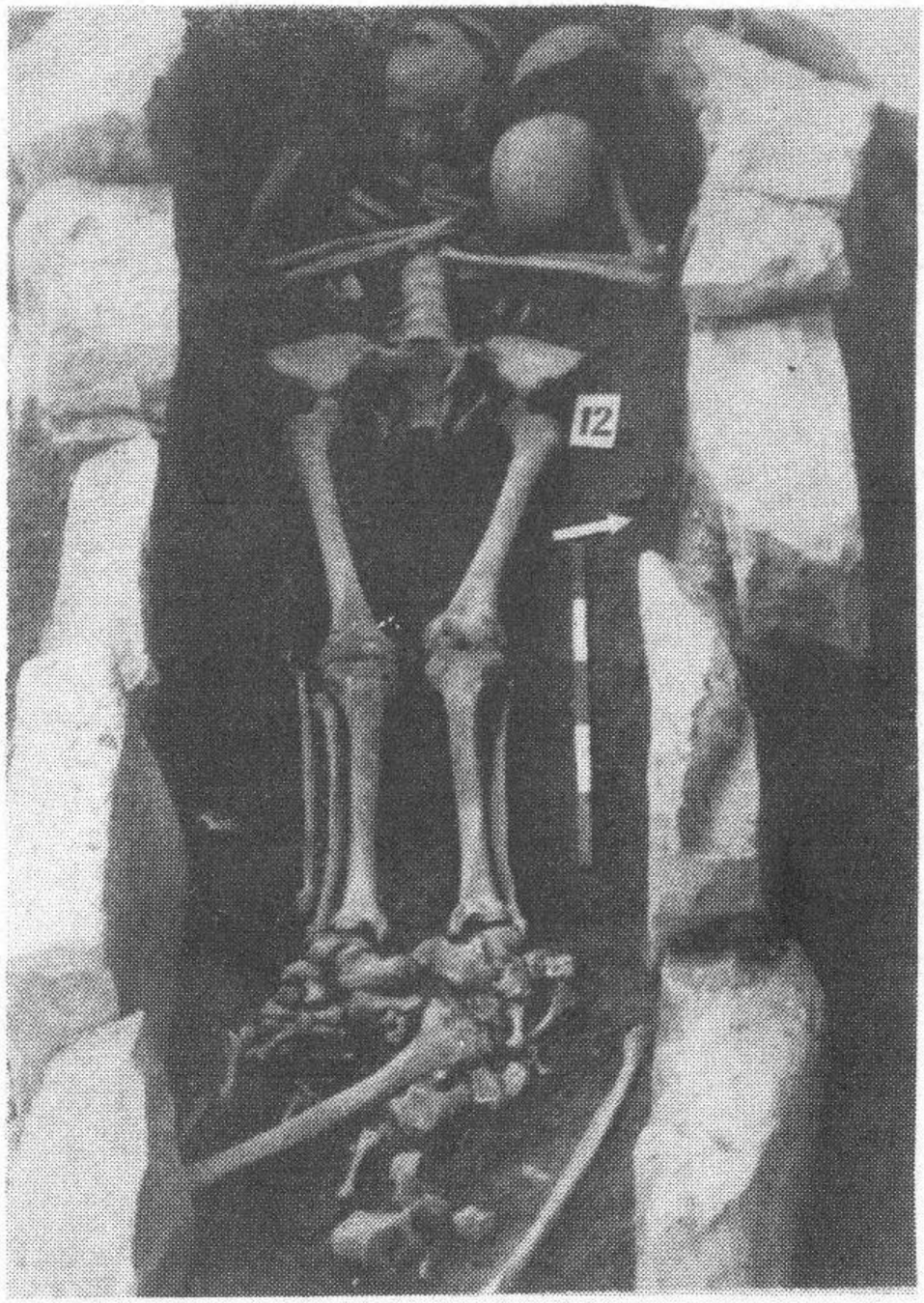


Рис. 13. Могила № 12. Вид с востока

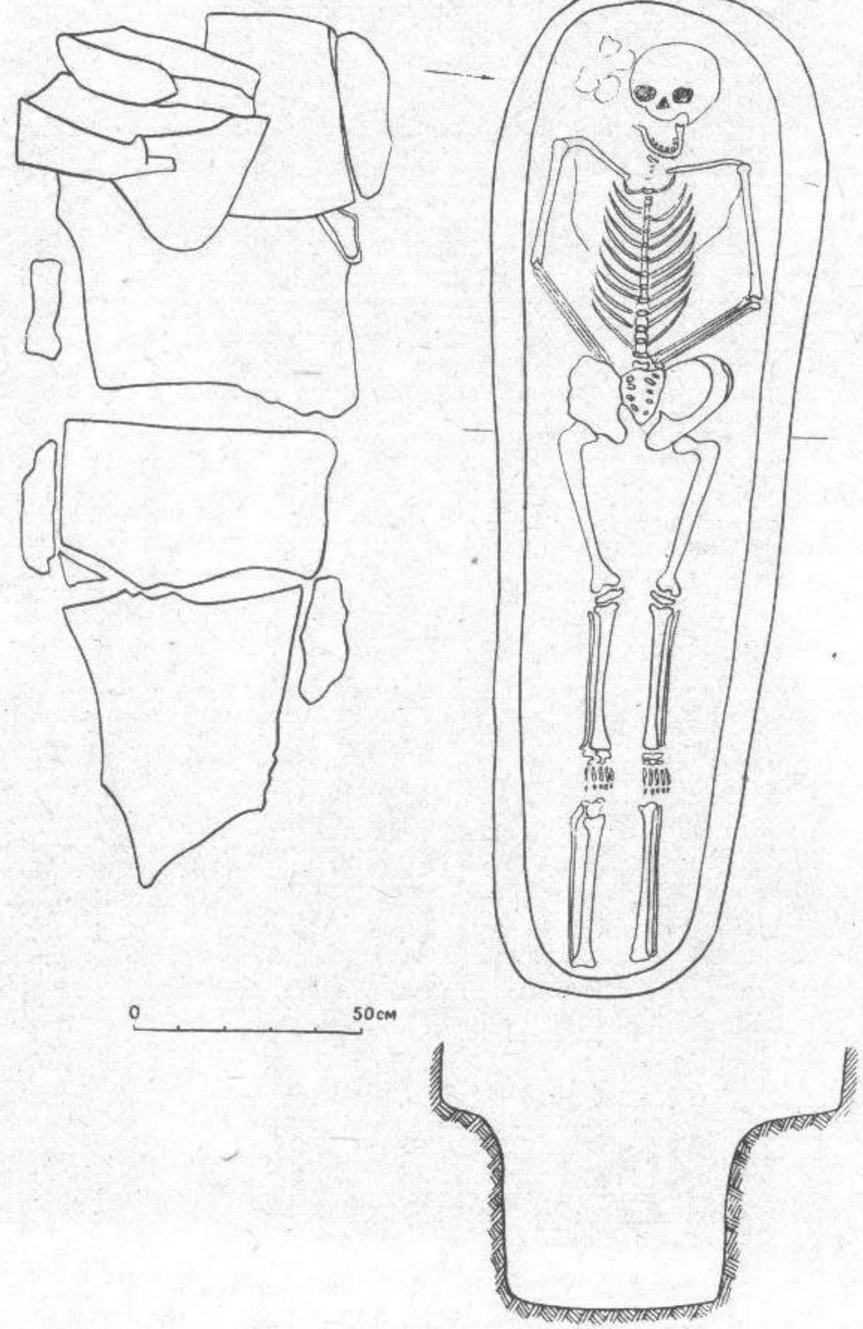


Рис. I4. Могила № I4

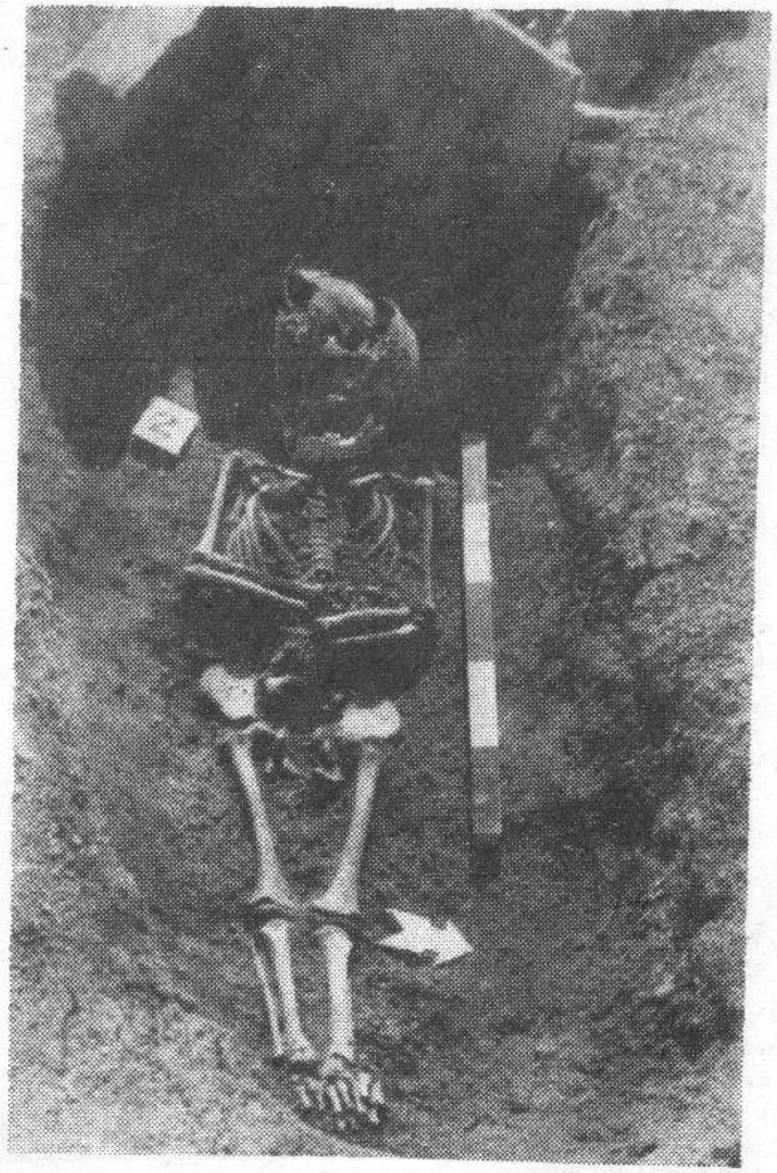


Рис. 15. Могила № 2а. Вид с востока

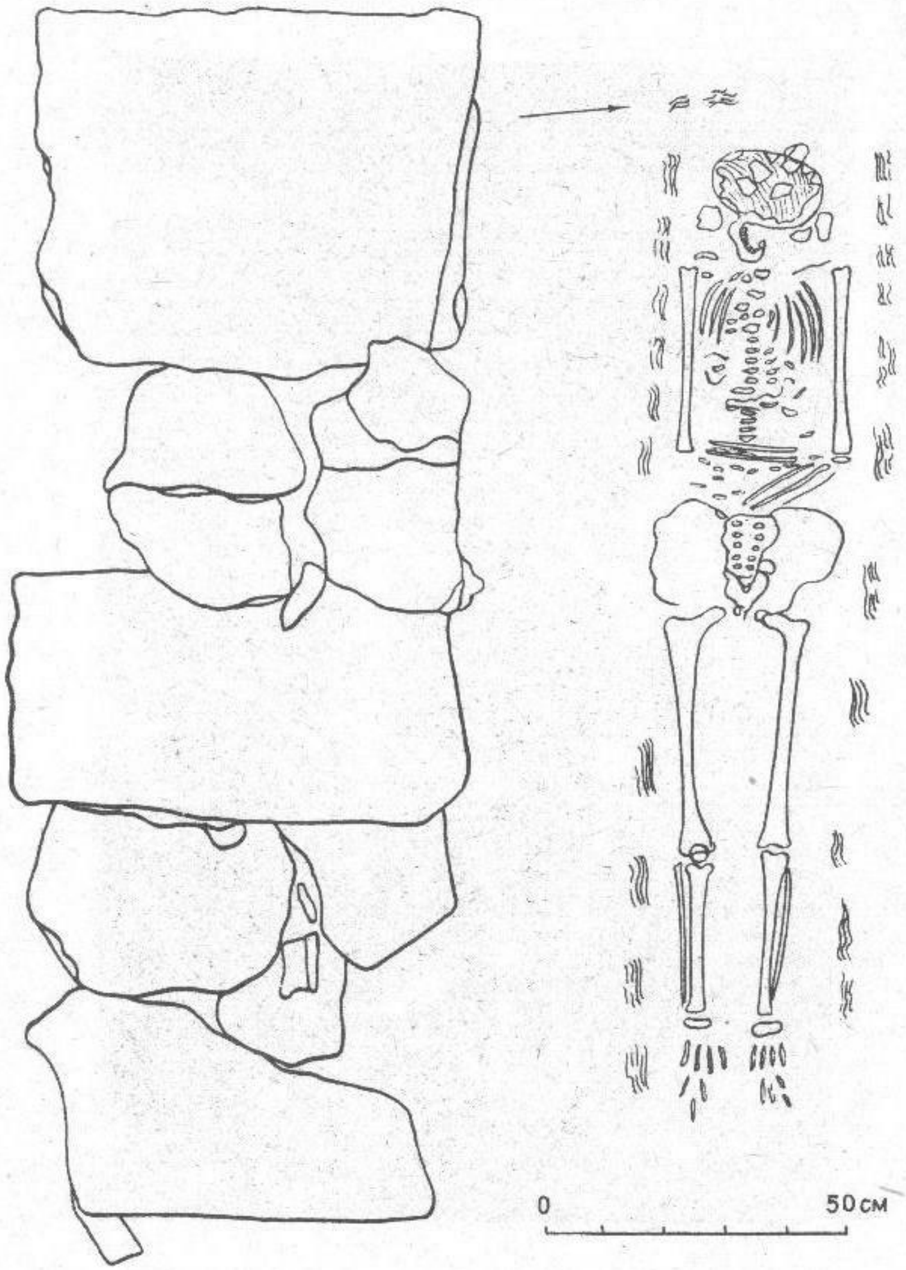


Рис. 16. Могила № 8

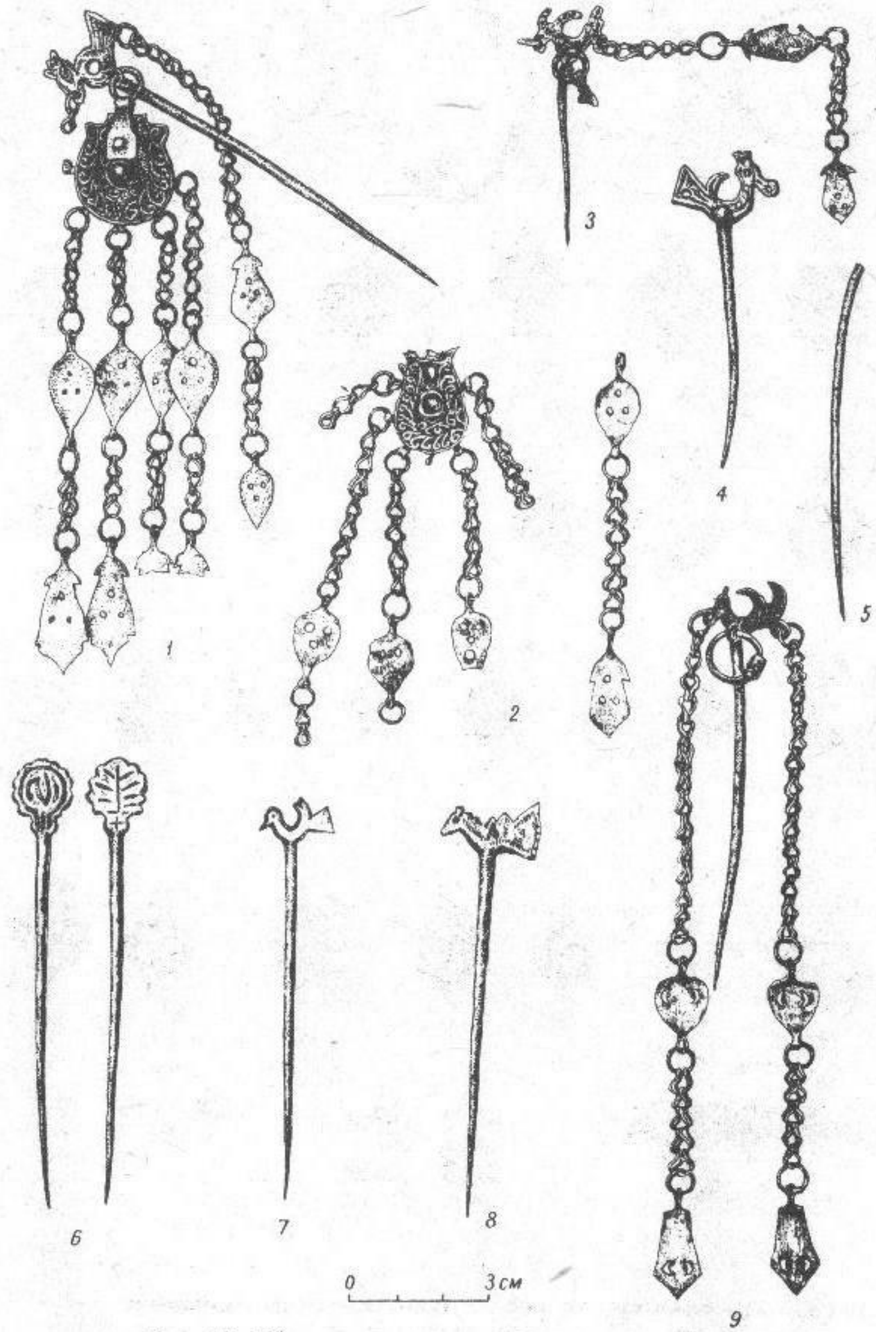


Рис. 17. Инвентарь погребений Прохладненского могильника. Серебряные (1-4,6,8,9) и бронзовые (5,7) булавки (1,3 - могила № 7; 7,5 - могила № 10; 4,6 - могила № 15; 8 - могила № 16; 9 - могила № 18; 2 - из разрушенного захоронения)

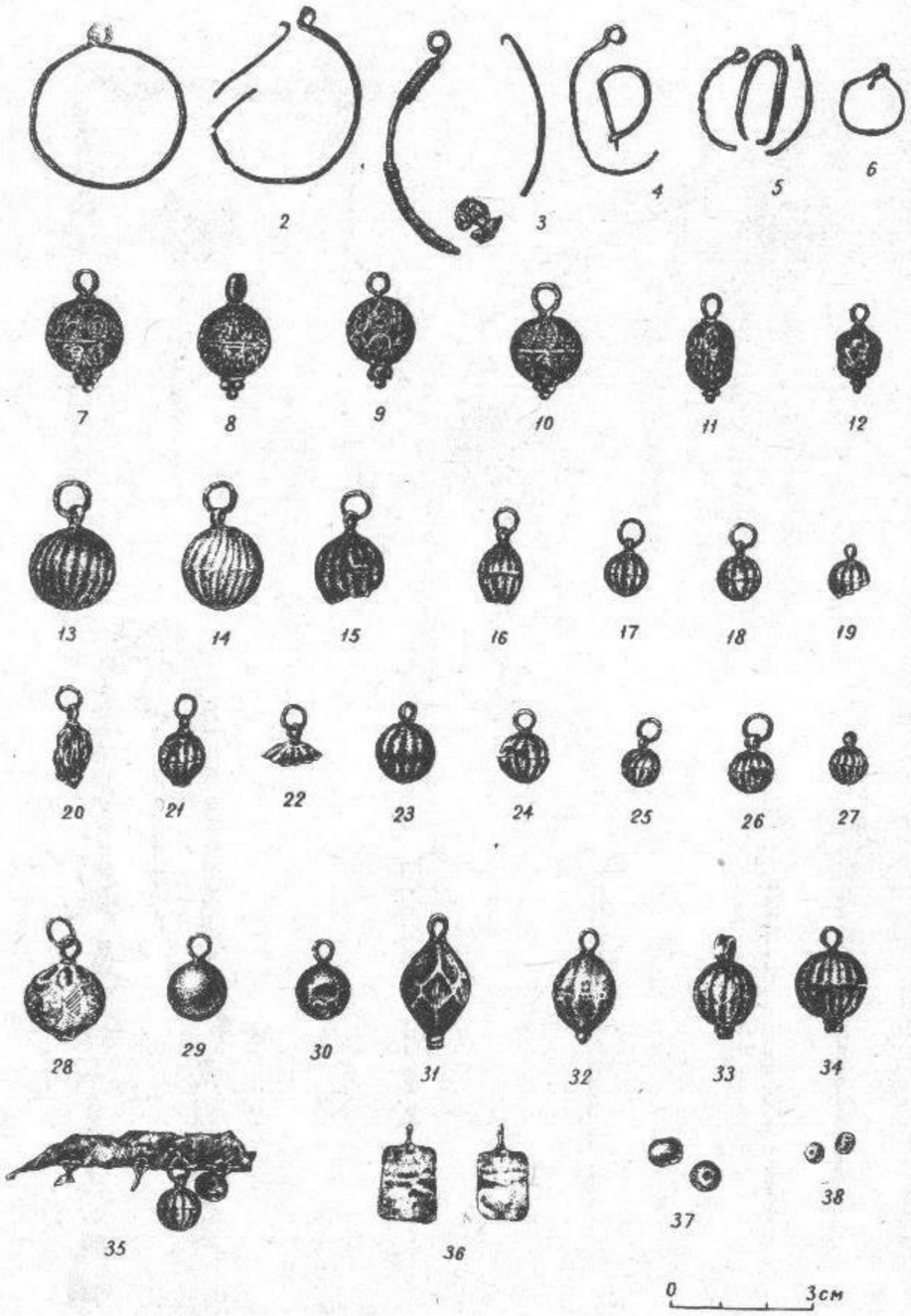


Рис. I8. Инвентарь погребений Прохладненского могильника: I-6 - серьги, 7-36 - подвески, 37,38 - бусы, I,2,4-6 - бронза, 7-34, 36 - серебро, 35 - серебро, бронза, 37,38 - стекло (38 - могила № I; 34 - могила № 2а; 37 - могила № 5; I,2,8,I3,I7-I9,24-28,33 - могила № 7; 6,7 - могила № I4; 9,II,I2,I6,20-23,29,30,32 - могила № I5; 3,I0,I4,I5,3I,35 - могила № I8; 36 - могила № I9; 4,5 - могила № 2I)

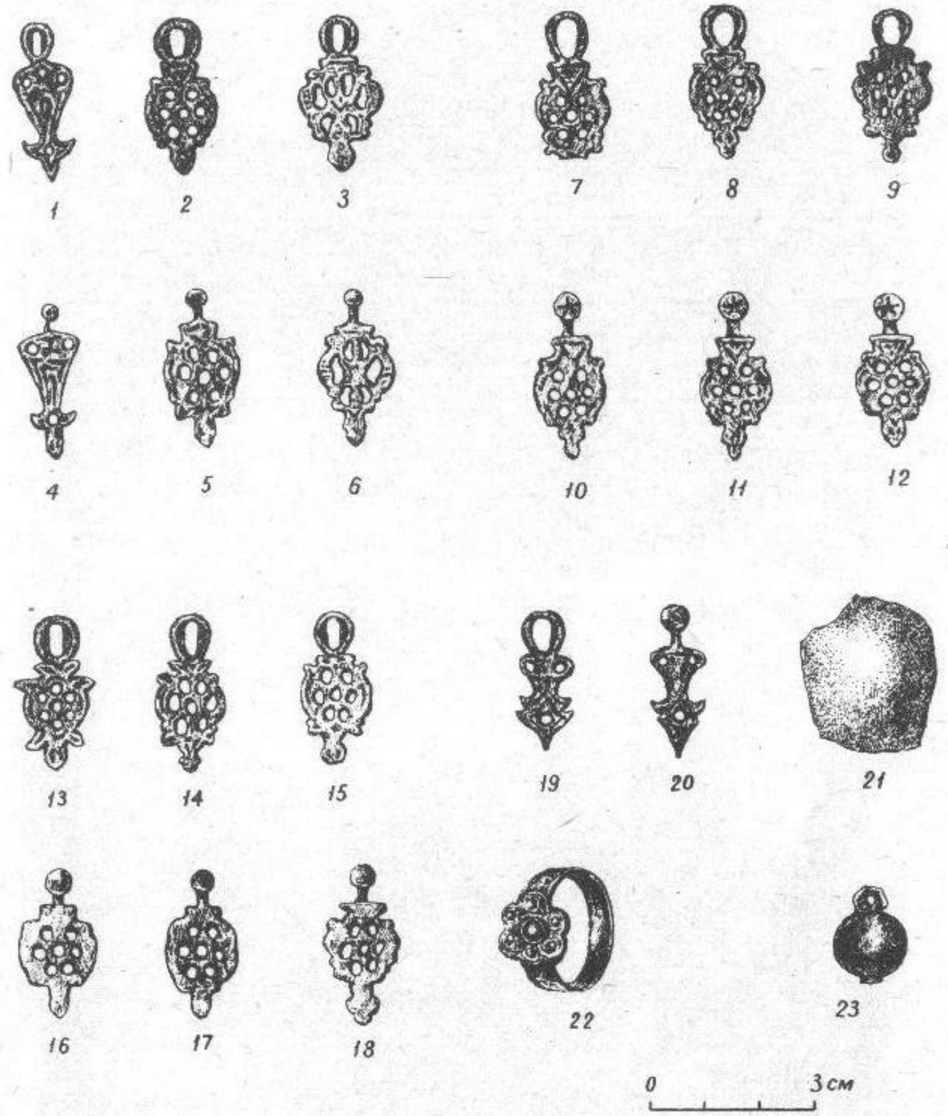


Рис. I9. Инвентарь погребений Прохладненского могильника. I-20 - застежки, 2I - бляшка, 22 - перстень, 23 - пуговица; I-8, I0-I5, I9,20 - серебро, 9,I6,I7,I8,2I - бронза, 22 - серебро, стекло, 23 - кость (I3-I8 - могила № I; 22 - могила № 7; I-6 - могила № I0; I9, 20 - могила № I3; 7-I2 - могила № I6;2I,23 - из разрушенных захоронений)

2см
0

Рис. 20. Серебряная монета Пруссии 1685 г.

8. Семантическое поле Бахчисарайского фонтана ("слез") в контексте исламской традиции

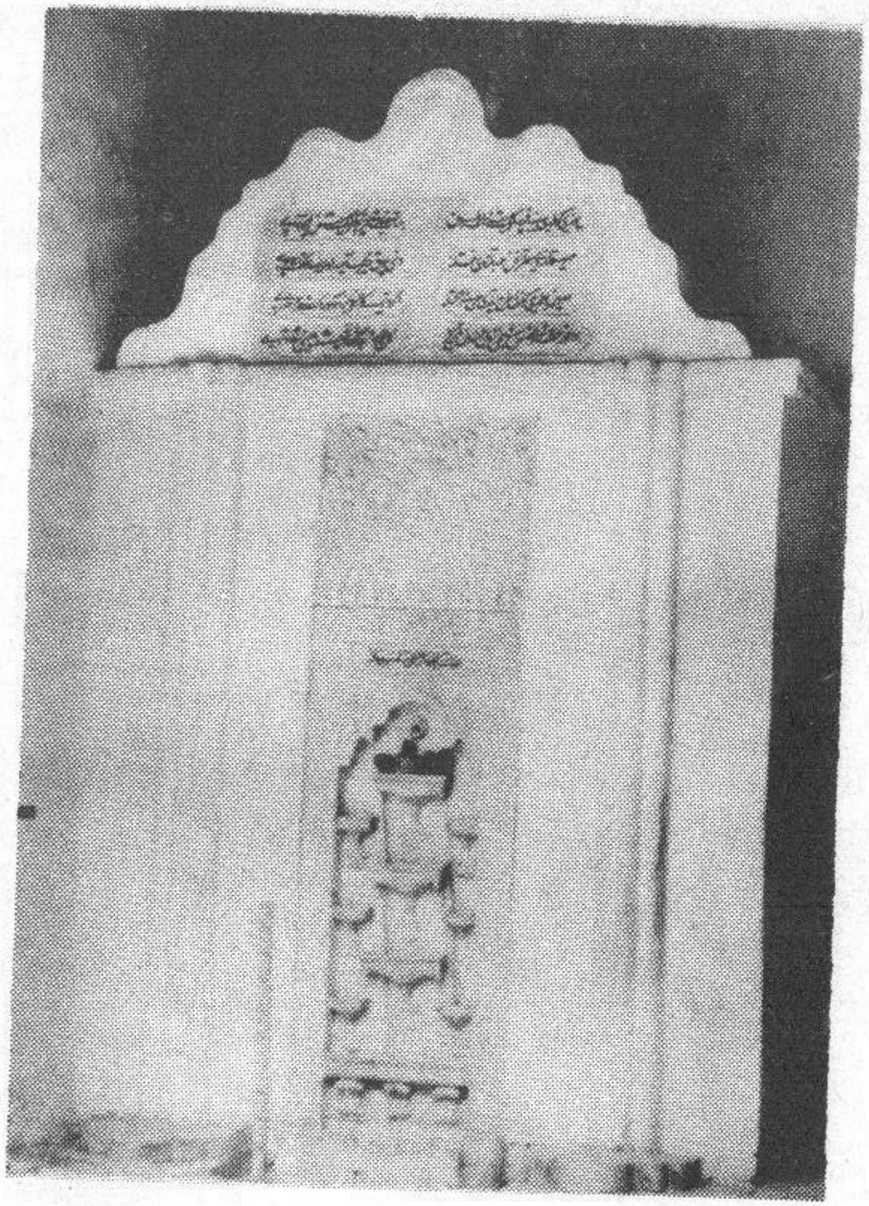


Рис. 1. Фонтан "Слез". Общий вид

Рис. 2. Фонтан "Слез". Цветок лотоса

Рис. 3. Основание фонтана. Рельеф из двух змей (спираль)

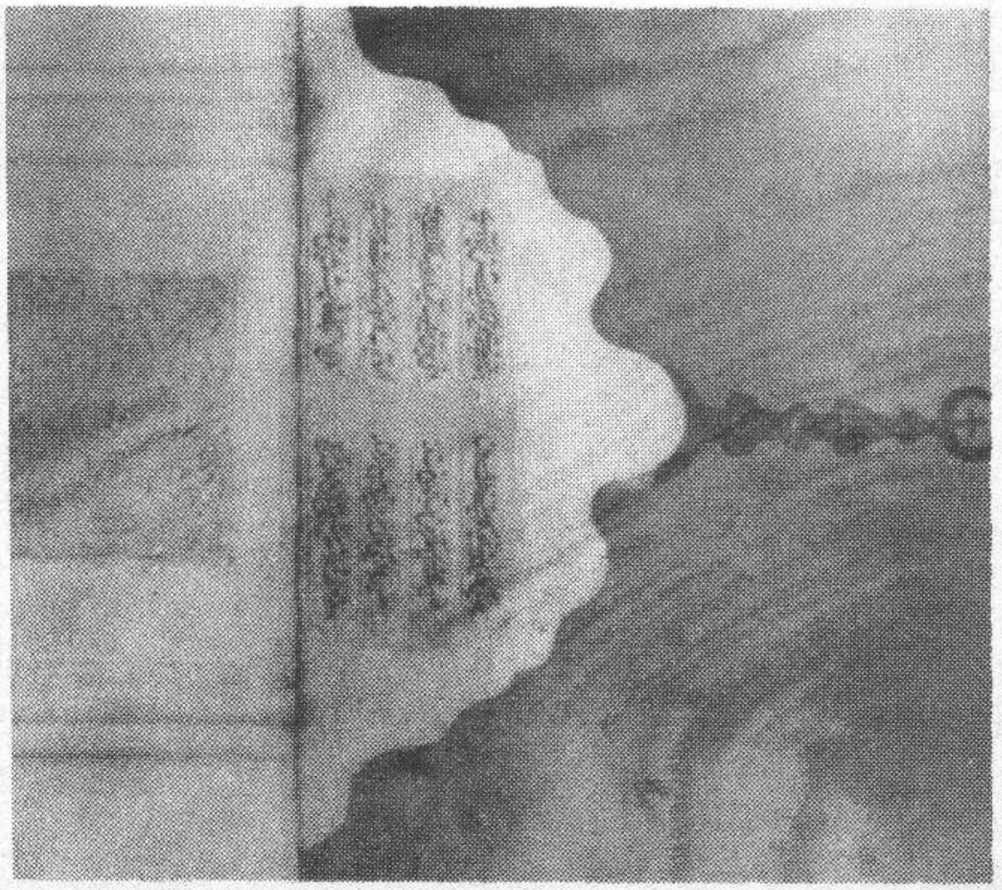
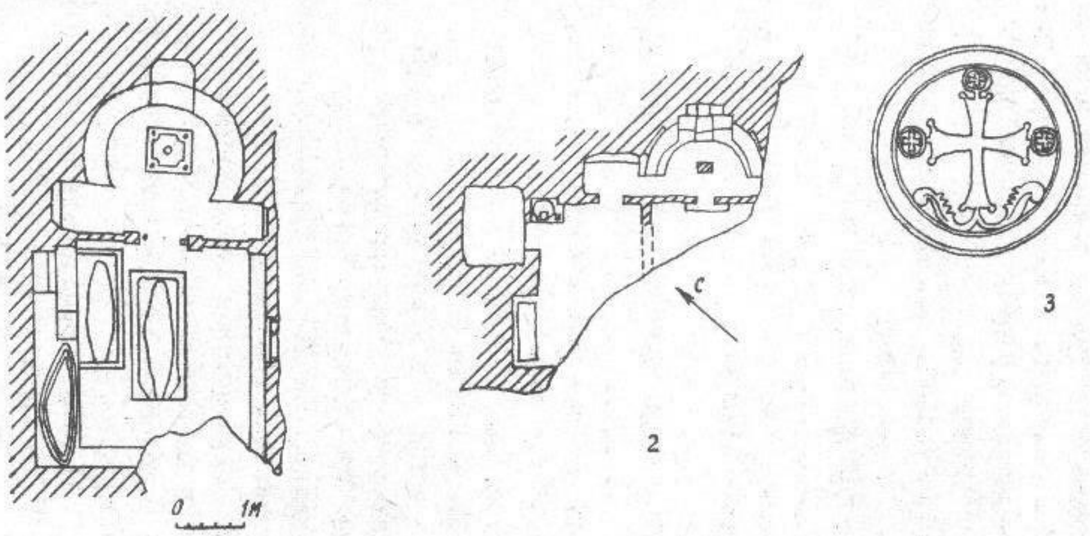


Рис. 4. Фонтан "Слеза". Навершие



1 2 3

Рис. I. I. Пещерный храм под южным обрывом Мангупского плато (Домбровский 1966, рис.49).
2. Пещерный храм с крещальней (Бертье-Делагард 1886, рис.10).
3. Базилика св. Георгия (Климента). Процветший крест в конхе абсиды (Бертье-Делагард 1886, рис.32)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

И.Н.Храпунов. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры 3
А.Н.Щеглов. Основные структурные элементы межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) 10
А.В.Сазанов. К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища 38
А.В.Белый. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка № 2 49
А.Г.Герцен. Византийско-хазарское пограничье в Таврике 58
Г.Атанасов. Пещерные военно-стратегические сооружения ранневизантийской эпохи в северо-восточной Болгарии 66
В.Н.Даниленко. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект 78
В.Ф.Филиппенко. К истории Инкерманского пещерного монастыря (первый этап существования) 108
А.Р.Никифоров. Проблемы истории Солхата-Крыма в отечественной историографии 125
М.А.Араджиони. К вопросу о некоторых концепциях этногенеза тюркоязычного позднесредневекового христианского населения Юго-Западного Крыма 143
А.В.Белый, О.Б.Белый, И.И.Лобода. Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма 160
Л.Н.Малиновская. Семантическое поле Бахчисарайского фонтана ("слез") в контексте исламской традиции 174
В.П. Казарин, Е.В.Андрейко, В.Г.Шавшин. Пушкин и Георгиевский монастырь 187
А.Г.Зарубин, В.Г.Зарубин. Крымскотатарское национальное движение в 1917 - начале 1918 гг. 202

Дискуссии

Ю.М.Могаричев. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма 213

А.В.Белый. Феномен трансурбанизации в Таврике (по археологическим данным) 225
А.Г.Герцен, Ю.М.Могаричев. Трансурбанизация или трансплантация? 232

Приложение

Ю.М.Могаричев. Научный архив Е.В.Веймарна в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике 234
О.Б.Белый. Научный архив Л.И.Кая в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике 239
Е.И.Лазаренко. Лапидарная коллекция Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Каталог 246
Список сокращений 296

Иллюстрации

1. Основные структурные элементы межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) 298
2. Хронология первой оборонительной линии Баклинского городища 318
3. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка № 2 319
4. Пещерные военно-стратегические сооружения в северо-восточной Болгарии 334
5. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект 349
6. К истории Инкерманского пещерного монастыря (первый этап существования) 368
7. Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма 375
8. Семантическое поле Бахчисарайского фонтана ("слез") в контексте исламской традиции 395
9. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма 399

Научное издание

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Сборник

Редактор Г.Н.Гржибовская
Художники О.Н.Федорюк, Г.П.Солодкая
Художественный редактор М.М.Лукьяница
Технический редактор Н.Д.Крупская
Корректор Н.Г.Николаева

Сдано в набор I4.I2.92. Подписано в печать I5.02.93.
Формат 60x84 I/I6. Бумага типографская. Печать офсетная.
Услов. печ. л. 23,24. Услов. краско-отт. 65,7.
Учет.-изд. л. 25,56. Тираж 700 экз. Заказ № 2259.

Издательство "Таврия", 333000, Симферополь, ул. Горького,5.

Типография Севастопольского военно-морского института.